

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛIОТЕКА Г.В.ЮДИНА
U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ.

ПЕРЕВОДЪ

Н. Берга.

МОСКВА.

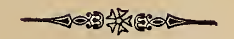
1854.

ПѢСНИ

РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ.

ПЕРЕВОДЪ

Н. Берга.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Августа 10-го дня, 1854 года.

Ценсоръ Д. Ржевскій.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ

ПОГОДИНУ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

—

Пѣсня есть первое, непосредственное проявленіе поэтическаго народнаго генія въ словѣ. Смотря по народу и условіямъ его быта, пѣсня получаетъ свой особенный характеръ и названіе. Вовсе безъ пѣсни обойтись народу нельзя. Всякій народъ поетъ что-нибудь, или принятое отъ предковъ, или создаваемое имъ самимъ. Можно сказать, что пѣсня почти всегда въ ладу со способностями народа, и всегда больше или меньше отражаетъ его характеръ. Не было примѣра, чтобы народъ, спустившійся на самую низкую степень образованія, народъ обмельчавшій, спѣлъ хорошую пѣсню. Ни отъ кочеваго Калмыка, ни отъ мелкаго торговца Татарина не услышите вы хорошей пѣсни. Но опять не надо увлекаться, и по пѣснѣ рѣшительно заключать о способностяхъ народа; есть такіе народы, у которыхъ пѣсня не слишкомъ ладитъ со всѣмъ остальнымъ, у которыхъ только и замѣчательнаго, что пѣсня. — Вообще крайне трудно опредѣлить, *при какихъ именно условіяхъ* является хорошая пѣсня у народа. Если скажутъ: у народа, *способнаго къ литературѣ*, — можно указать случаи, гдѣ хорошая пѣсня является вовсе не у литературнаго народа. Если скажутъ: *у благоденствующаго* — и тутъ можно найти опроверженія, и выставить случаи, гдѣ неблагоденствіе какъ-будто помогаетъ явленію лучшей пѣсни. Новая Греція тогда запѣла свои

прекрасныя клефтическія пѣсни, когда нагрянули Турки и внесли въ Морею смерть и опустошеніе. Можетъ быть нѣтъ ничего столь прихотливаго, какъ пѣсня....

Первое, почему народная пѣсня заслуживаетъ вниманія образованнаго человѣка, есть — достоинство ея языка, свѣжаго, яркаго, не искаженнаго никакимъ чуждымъ вліяніемъ. Это главный источникъ, откуда образованный языкъ народа можетъ почерпать силу и крѣпость.

Кромѣ того пѣсня можетъ служить помощію Исторіи.

Время, когда слагались пѣсни, тѣ пѣсни, которыя мы теперь тщательно собираемъ и которыхъ сами не умѣемъ сложить, — это время ушло отъ насъ далеко, такъ далеко, что мы даже не умѣемъ представить себѣ, *какъ это такъ* слагались эти пѣсни; *какъ это такъ* выходило изъ народа это удивительное слово, гдѣ *не лжетъ ни одинъ звукъ. Таковы* по преимуществу пѣсни Бедуиновъ (Хамàса), можетъ быть потому, что записаны очень рано, въ IX вѣкѣ. Теперь остался кажется только одинъ народъ, который умѣетъ пѣть пѣсни по прежнему; и какой народъ? Почти незнающій грамотѣ; но и у него эта грамота уже начинаетъ вытѣснять пѣсню.

Всегда движеніе цивилизаціи уничтожало пѣсню. Являясь у народа младенчествующаго, но чуткаго къ своему слову, пѣсня впослѣдствіи замѣнялась произведеніями отдѣльныхъ лицъ. Простой человѣкъ терялъ къ ней привязанность и забывалъ ее для новыхъ романсовъ. Такъ пѣснѣ грозила опасность исчезнуть и пропасть безъ слѣда, но спасъ ее тотъ-же образованный человѣкъ, который былъ причиною ея паденія. Поэзія образованнаго міра протянула ей руку помощи и указала на ея достоинства; побраталась съ ней и во имя искусства пошла съ ней рука въ руку.

Вотъ уже лѣтъ пятьдесятъ записываемъ мы и издаемъ пѣсни. Но все еще новъ и не знакомъ для насъ этотъ міръ; все еще

робко и не охотно приближаемся мы къ пѣснѣ, какъ-будто чего-то боимся и подозрѣваемъ обманъ и наважденіе. Мы записали то, чтò было сподручно, чтò относилось къ народамъ, которые къ намъ поближе и пользуются нашимъ сочувствіемъ, но чтò *тамъ*, въ отдаленныхъ или не такъ интересныхъ уголкахъ Европы (о другихъ частяхъ свѣта и не говорю), это неизвѣстно никому. Спросите, знаетъ-ли кто, о чемъ поетъ Литвинъ, Чухонецъ, Мадяринъ? Какая пѣсня сложилась на далекомъ, таинственномъ островѣ Исландіи? Кто принесъ оттуда хотя одинъ звукъ? Кто указалъ, гдѣ преобладаетъ эпическій элементъ и гдѣ лирическій? Чьи пѣсни болѣе народны, такъ сказать, болѣе *пѣсни*, чѣмъ стихотворенія? Какіе размѣры любитъ Сѣверъ и какіе Югъ? Гдѣ унывны и гдѣ веселы мотивы? Отъ чего не указать и на это: ибо ничто не случайно у народовъ, и всякая мелочь, съ перваго взгляда кажущаяся бездѣлицею, можетъ бросить свѣтъ на бытъ и характеръ народа. Неужели случайны единственные мотивы Русской пѣсни?

Занимаясь давно народной поэзіей, я много разъ приходилъ къ этимъ вопросамъ, и меня всегда интересовали эти забытые, отдаленные уголки. Какъ иной ботаникъ за рѣдкимъ растеніемъ, хотѣлъ я проникнуть въ эти тундры за рѣдкою пѣсней. Наконецъ, лѣтъ пять тому назадъ, рѣшился собирать *пѣсни разныхъ народовъ*, и переводить ихъ по-Русски стихами. Сначала мнѣ хотѣлось собрать пѣсни народовъ Европейскихъ, но я не могъ достать очень многихъ Сборниковъ, и потому принужденъ былъ измѣнить планъ, и на первый разъ издать то, чтò случилось собрать. Тутъ-же помѣщаю я и одинокія, рѣдкія пѣсни, можетъ быть нисколько не характеризующія поэзіи народа, которому принадлежатъ, по крайней мѣрѣ показывающія, какой родъ пѣсни у того народа возможенъ. Зачѣмъ пренебрегать и этимъ клочкомъ. Тамъ, гдѣ не знаешь ничего, любопытно все, всякая черта.

Чтобы сдѣлать выборъ, я долженъ былъ прочитывать сборники бòльшею частію отъ доски до доски, или руководствоваться

указаніемъ другаго, знающаго. Сначала, во время перечитыванія, мнѣ казалось, что все это одно и то-же; пѣсня такъ пѣсня и есть; слышались одни и тѣ-же пріемы. Но потомъ эти *голоса народовъ* стали собираться для меня въ отдѣльныя группы и задвигались и зажили каждая особо, какъ народы, создавшие ихъ. И тутъ я почувствовалъ въ однихъ бо̀льшую наклонность къ лиризму, какую-то лирическую волну, *царство звука*, а въ другихъ наклонность къ разсказу, степенность и тишину. Первыя были болѣе *пѣсни*, а вторыя уже переходили къ стихотвореніямъ, отзывались созданіемъ отдѣльнаго лица. Если случалось, что народъ расположенный къ эпической поэзіи, запѣвалъ лирическую пѣсню, въ ней проглядывало что-то эпическое; все укладывалось рапсодически, правильно; и обратно, когда лирическій народъ запѣвалъ эпическую пѣсню, — чувствовался лирическій размахъ, такъ все и просилось разлиться звуками. Но и здѣсь, когда окину взглядомъ все, вижу исключенія, хотя и немногія. Прежде всего мнѣ приходятъ въ голову Испанцы, лирическій народъ, имѣющій превосходные, чистоэпическіе романсы; и опять я сознаюсь, что нѣтъ ничего прихотливѣе пѣсни и нерѣшительнѣе ея законовъ

Такимъ образомъ, естественно, пѣсни, собранныя мною, раздѣлились на двѣ части: къ первой отошли *лирическія*, которыя я ставлю на первомъ мѣстѣ потому, что это-то и есть *собственно пѣсни*; ко второй — *эпическія*.

Вглядываясь внимательнѣе въ эти двѣ семьи пѣсенъ, я замѣтилъ въ однихъ болѣе *пѣсенныхъ пріемовъ*, болѣе *народности*, *красоты языка;* замѣтилъ и особенныя свойства каждой. И такъ я дошелъ до пѣсенъ, которыя могъ поставить во главѣ этихъ двухъ отдѣленій.

Во главѣ лирическихъ я ставлю пѣсню *Русскую*, пѣсню всѣхъ пѣсенъ. Я не разумѣю подъ этимъ, чтобы Русская пѣсня была лучше всѣхъ другихъ, но хочу сказать, что нѣтъ пѣсни *пѣсен-*

ніе ея, оригинальнѣе и народнѣе. Въ этомъ отношеніи она стоитъ рѣшительно отдѣльно ото всѣхъ и никакая другая далеко къ ней не подходитъ. Имѣя въ себѣ почти всѣ главныя свойства другихъ лирическихъ пѣсенъ, она имѣетъ много такого, чего нѣтъ и не можетъ быть ни въ какой-другой пѣснѣ. Ни одна не представляетъ такой свободы размѣровъ — въ одной и той-же пѣснѣ, при общей гармоніи. Нельзя не удивляться, разсматривая это свойство Русской пѣсни, какъ иногда ямбы, хореи, дактили, и даже не хореи и не дактили, а что-то свое, подчиненное своей мѣрѣ, — длинные и короткіе стихи, сливаются во что-то такое, что̀ поется уже въ самомъ чтеніи. Съ другой стороны, ни одна не имѣетъ такого яркаго, играющаго языка. Ни въ одной нѣтъ такого размаха, такого собранія звуковъ, какъ-бы вытекающихъ одинъ изъ другаго и неудержимо несущихся одинъ за другимъ. Вслѣдствіе такихъ свойствъ Русской пѣсни выходитъ, что сколько ни выслушайте пѣсенъ, вамъ все-таки будетъ казаться, что вы слышали собственно *одну* только пѣсню, — Русскую; а всѣ другія, какъ-бы онѣ хороши ни были, отойдутъ къ стихотвореніямъ, всѣ будутъ звучать *инструментами*, лишь только одна она будетъ отдаваться въ душѣ человѣческимъ голосомъ, со всею его свободою и безконечно-разнообразными переливами. Обо всякой можно спросить, кто сочинилъ, но никакъ не придетъ въ голову спросить это объ Русской: такъ она народна, такъ каждое слово ея принадлежитъ *всѣмъ*, а не *одному*. И потому никакія объясненія не объяснятъ ее: надо полюбить ее — и тогда она сама объяснится. Никакіе эпитеты нейдутъ къ ней, и всѣ эти *бойко*, *мѣтко*, *ловко*, *задушевно*, становятся пошлыми и смѣшными, когда возьмемъ ихъ для передачи свойствъ Русской пѣсни.

Откуда-же, отъ чего явилось такое преимущество Русской пѣсни? Откуда въ ней такая пѣсенность? — Прежде всего отъ ея языка, какого нѣтъ нигдѣ. Ни одинъ не устоитъ въ борьбѣ

съ этимъ богатыремъ, съ этимъ Ильей-Муромцемъ, у котораго еще не убавлено силы перехожими каликами

Кабы на семую часть.

А потомъ — и самый народъ пришелся по языку, или лучше сказать, не могъ-же такой языкъ явиться у *какого-нибудь* народа. Умѣетъ Русскій человѣкъ справляться со своимъ языкомъ. Да и земля раскинулась такая, гдѣ невозможно было спѣться *другой* пѣснѣ. Вотъ откуда эти преимущества.

Больше я ничего не могу сказать о моей родной и милой пѣснѣ. Недосказанное доскажется само-собою всякому, кто найдетъ къ ней *путь-дорогу прямоѣзжую*. Остается привести нѣсколько примѣровъ.

Вотъ отрывокъ, гдѣ по преимуществу заключается первое указанное мною свойство Русской пѣсни, принадлежащее только ей одной: это свобода размѣровъ и стиховъ, при общей ихъ гармоніи.

Какъ во городѣ было во Казани,
Середи было торгу на базарѣ,
Хмѣлюшко по̀ торгу гуляетъ,
Да и самъ себя хмѣль выхваляетъ,
Что и нѣтъ-то меня хмѣлюшки лучше,
Хмѣлевой моей головки веселѣе....

Можетъ-ли быть что-нибудь пѣсеннѣе этой пѣсни? Гдѣ тутъ хотя какое-нибудь стѣсненіе, условныя формы? *Придетъ-ли мысль о сочинителѣ?* Не раздольно-ли и не свободно-ли, *какъ-бы сама собою*, льется эта пѣсня? И что-жъ это: *бойко* что-ли? Или *мѣтко*, или *граціозно?* Какая таинственная зависимость между стихами! Можно-ли лучше, музыкальнѣе перейти отъ стиха —

Хмѣлюшко по̀ торгу гуляетъ,

къ слѣдующему, который устроился подлиннѣе —

Да и самъ себя хмѣль выхваляетъ,

И за тѣмъ такой-же —

Что и нѣтъ-то меня хмѣлюшки лучше,

И все повершаетъ удивительный послѣдній стихъ, также гармонически сочетающійся съ предыдущимъ, какъ и со всѣми вмѣстѣ —

Хмѣлевой моей головки веселѣе....

И все это вышло какъ-то такъ, точно нечаянно.

Вотъ еще пѣсня, въ которой уже нѣтъ такого разнообразія размѣровъ, не принадлежащаго непремѣнно всякой Русской пѣснѣ, напротивъ очень рѣдкаго, и кажется служащаго признакомъ древности. Но здѣсь есть свое: какая-то особенная прелесть въ цѣломъ, таящаяся неизвѣстно въ чемъ, помимо красоты выраженія.

Мимо моего садику,
Мимо моего зеленаго,
Пролегала дороженька,
Широки̂мъ не широкая,
Только очень пробоиста.
Какъ по той по дороженькѣ
Дочь отъ матери ѣхала,
Горючо̂-слезно плакала,
Соловейку наказывала:
Ты лети, соловеюшко,
На родиму сторонушку,
Ты и сядь въ зелено̂мъ саду,
На любимую яблоньку,
Утѣшай мою матушку,
Чтобъ она, государыня,
Не тужила, не плакала,
На чужихъ дѣтей глядючи,
Ко своимъ примѣняючи.

Я рѣшительно не знаю, какъ довольно похвалить эту пѣсню. Есть-ли что-нибудь и гдѣ-нибудь столь-же совершенное въ

своемъ родѣ, какъ она совершенна между пѣснями? Но уже подобная пѣсня *по правильности* своей возможна и у другихъ народовъ, — прежде всего у Сербовъ.

Вотъ пѣсня, служащая переходомъ къ эпической:

Во Москвѣ было славномъ городѣ,
За Мясницкими за воротами,
У кружала у Государева,
Что лежитъ-убитъ добрый мо̀лодецъ,
Онъ бѣлы̀мъ лицемъ ко сырой землѣ.
Увивалася родная матушка,
Во слезахъ она слово молвила:
Ужъ и я тебѣ, сынъ, гово̀рила:
Не ходить тебѣ по чужимъ домамъ,
По чужимъ домамъ, ко чужимъ жена̀мъ....

Слѣдующій отрывокъ есть примѣръ эпической Русской пѣсни, но вслушайтесь — и вы тотчасъ почувствуете, что это спѣлъ лирическій народъ. И здѣсь царство звука, болѣе свободы фантазіи, болѣе игры выраженія, нежели заботы о томъ, чтобы въ строгомъ порядкѣ слѣдовали событія, чтобы не сказалось чего лишняго. Скорѣе для одной мысли разсыплется сотня словъ.

Изъ-за моря, моря синева,
Изъ славна̀ Волынца красна Галичья,
Изъ тоя Карелы богатыя,
Какъ ясѐнъ соко̀лъ вонъ вылетывалъ,
Какъ-бы бѣлый кречетъ вонъ выпархивалъ,
Выѣзжалъ удача добрый мо̀лодецъ....
И колчанъ пошелъ съ нимъ калёныхъ стрѣлъ,
А во колчанѣ было за триста стрѣлъ,
Всякая стрѣла по десяти рублевъ,
А и еще въ колчанѣ три стрѣлы,
А и тѣмъ стрѣламъ цѣны-то нѣтъ,
Цѣны не было и не свѣдомо,
Потому тремъ стрѣламъ цѣны не было:

Колоты они были изъ трость-древа,
Строганы тѣ стрѣлки въ Новѣгородѣ,
Клеены они были клеемъ осетра-рыбы,
Пѐрены они были перьицемъ сиза̀ орла,
А сиза̀ орла, орла орловича,
А того орла, птицы Камскія,
Не тоя-то Камы, коя въ Волгу впала,
А тоя-то Камы за синимъ моремъ....

Еще-ли это не любовь къ звуку? — *Сиза̀ орла, орла орловича....* И все нѣтъ конца, не можетъ остановиться, выдумалъ какую-то Каму за синимъ моремъ.... И замѣтьте, какая оригинальность въ пріемахъ, какое раздолье въ описаніяхъ. Съ перваго стиха слышишь присутствіе чего-то необыкновеннаго, чуешь богатыря, подымаешься отъ земли.... Я не знаю ничего подобнаго между эпическими пѣснями другихъ народовъ. Сербскій эпосъ и размѣръ его повторяются еще кое-гдѣ, но Русская эпическая пѣсня стои́тъ совершенно особо.

Есть еще Русскія эпическія пѣсни духовнаго содержанія. Ихъ обыкновенно называютъ *стихами.* Въ этихъ пѣсняхъ болѣе рапсодическаго, болѣе тишины, но и тамъ постоянно видишь желаніе выразиться какъ можно красивѣе, пѣвучѣе.

Я заключу примѣромъ лирической пѣсни, въ которой преимущественно замѣчается послѣднее указанное мною свойство Русской пѣсни — *размахъ и стремленіе звуковъ.* Послушайте, какъ за словомъ спѣшитъ другое слово, такъ-что все это дѣлается какъ-бы однимъ словомъ, — цѣпью звуковъ, и не знаешь, гдѣ будетъ перерывъ, гдѣ конецъ. Безъ пѣнія выходитъ что-то поющееся само-собою:

Ахъ вы сѣни, мои сѣни, сѣни новыя мои,
Сѣни новыя, кленовыя, рѣшетчатыя,
Ужъ какъ мнѣ-ль по тѣмъ по сѣнюшкамъ не хаживати,
Мнѣ мила̀ дружка за рученьку не важивати.

Выходила молода за новыя ворота,
Выпускала сокола изъ правова рукава:
Ты лети, лети, соколъ, высоко и далеко,
И высоко, и далёко, на родиму сторону,
На родимой на сторонкѣ....

Здѣсь я остановлюсь. Пускай читатель почувствуетъ этотъ замѣтный толчекъ при остановкѣ, что опять показываетъ, какою таинственною цѣпью все это связано.

Обыкновенно говорятъ о Русской пѣснѣ, что она *не выдерживаетъ*, т. е. допускаетъ какой-то безпорядокъ, скачки, неожиданные переходы отъ одного предмета къ другому, между блестящими стихами позволяетъ плохіе, кончаетъ какъ случится, а иногда какъ-будто и вовсе нѣтъ конца.... Это дѣйствительно такъ, но это не есть недостатокъ настоящей лирической пѣсни, а ея непремѣнное свойство. Это кажется недостаткомъ только съ перваго взгляда. Я замѣтилъ, что чѣмъ *пѣсеннѣе* пѣсня, тѣмъ больше этого безпорядка, невыдерживанія. А какъ стала выдерживать лирическая пѣсня, это уже показываетъ наклонность народа къ эпосу, о чемъ я упомянулъ въ началѣ. — Что-же до неловкихъ стиховъ между превосходными, — это происходитъ отъ необыкновенной быстроты, съ какою создается подобная лирическая пѣсня. Нельзя безъ нихъ обойтиться и поэту, создающему спокойно, съ перомъ въ рукѣ.... Притомъ нетерпѣливъ лирическій народъ, у котораго родится пѣсенная пѣсня. Какъ ни любитъ онъ звукъ, и какъ ни понимаетъ красоту слова, но не погонится, не остановится онъ, коли вышло слово не слишкомъ удачно: такъ и быть! Остановится за этимъ народъ эпическій; за то у перваго, у лирическаго, вырвется иногда такой стихъ, такой красоты и блеска, какого не приснится и во снѣ народу-эпику, все разсчитывающему и размѣривающему. Ничего не можетъ быть цѣльнѣе и выдержаннѣе иной лирической пѣсни Серба или Грека; это не пѣсня, а картинка, скажете вы; но за то

всѣ стихи ровны, всѣ дѣйствуютъ одинаково, и ужъ ни одинъ не зацѣпитъ васъ такъ, какъ зацѣпитъ иной стихъ пѣсни Русской, Малороссійской, Лужицкой....

Гдѣ-же поютъ теперь хорошія Русскія пѣсни? Куда итти? — Трудно отвѣчать на это. Теперь народъ потерялъ чутье къ пѣснѣ и мѣшаетъ ее съ романсами новаго мастерства. Нынче пѣть настоящія Русскія пѣсни, значитъ *пѣть по-старинному.* А гдѣ поютъ такъ, по-старинному, — Богъ вѣсть. Мнѣ самому не случалось никогда напасть на хорошую пѣсню въ народѣ. За то между образованными знатоками пѣсни (которыхъ весьма и весьма не много) — я имѣлъ счастіе встрѣтить одного такого, который имѣлъ все, чтобы понимать и передавать пѣсни и который познакомилъ меня съ удивительными сокровищами Русской народной поэзіи, въ отношеніи къ самымъ словамъ пѣсенъ и въ особенности въ отношеніи къ мотивамъ. Ему я обязанъ многимъ въ моемъ трудѣ. Минуты нашихъ бесѣдъ останутся навсегда неизгладимо впечатлѣнными въ моей памяти. По замѣчанію его, лучшіе пѣвцы въ настоящее время на Руси — *каменьщики*, т. е. занимающіеся стройкою каменныхъ зданій. Кромѣ того онъ замѣтилъ, что Сѣверъ обильнѣе лучшими пѣснями и мотивами, чѣмъ Югъ, и что если искать, то искать *здѣсь.*

Еще замѣчаніе: ка̀къ быть съ неправильными, или будто-бы неправильными удареніями нашихъ пѣсенъ? Принимать-ли ихъ такъ, какъ есть, какъ слышишь въ пѣніи, или исправлять? Я стою̀ за первое: принимать какъ въ пѣніи. Поддаемся-же мы иногда прихоти поэта и произносимъ слово, какъ ему хочется, отчего-жъ не поддаться народу? А поправлять языкъ народа трудно. Кто возьметъ на себя эту смѣлость?

Вслѣдъ за Русскою пѣснею идетъ у меня семья лирическихъ

пѣсенъ, которыя я расположилъ частію по достоинству ихъ языка, частію по ихъ пѣсенности и народности.

Пѣсеннѣе другихъ и ближе къ Русской мнѣ показалась пѣсня Малороссійская, самая близкая ей родня и по языку. Въ устахъ нашихъ образованныхъ пѣвцовъ обѣ эти пѣсни живутъ неразлучно. Кто изъ насъ не знаетъ хотя одной Малороссійской пѣсни?

Прелестна, нѣжна и граціозна Малороссійская пѣсня. Скажу болѣе: въ ней есть что-то хватающее за сердце, что-то глубоко-задушевное. Какъ кстати подслужились тутъ эти безконечныя уменьшительныя, не переводимыя ни на какой другой языкъ, даже и на Русскій. Но не на однихъ уменьшительныхъ строится прелесть Малороссійской пѣсни. Эта прелесть разлита во всемъ, и въ словахъ, и въ сравненіяхъ, а иногда и просто не знаешь въ чемъ: мило и только! Сравненія, очень любимыя Малороссійскою пѣснею, имѣютъ въ ней ту особенность, что они совсѣмъ не сравненія, а такъ что-то такое. Но таково очарованіе и грація выраженія, что и не замѣчаешь этого, и дѣла нѣтъ, какой смыслъ выходитъ изъ того, что

Рыбалочка по бережку
  Да рыбоньку удить,
А милàя по милòму
  Да серденькомъ нудить.
Рыбалочка по бережку
  Рыбоньку хапае,
А милая по милому
  Тяженько вздыхае....

Замѣчу еще особенность Малороссійской пѣсни — это ея своеобразная краткость, къ которой надо нѣсколько привыкнуть. Иногда вдругъ ни-за-что не поймешь, кто говоритъ, и все кажется путаницей. Такъ быстро летитъ фантазія Малороссійскаго пѣвца. Вопросы, отвѣты строются живо, лице смѣняется лицемъ. Надо вникнуть въ содержаніе и вообразить, что *самъ поешь*, *самъ сочиняешь пѣсню*, тогда все станетъ яснѣе и проще.

Эта краткость и эти переходы стоятъ за пѣсенность пѣсни и относятся къ той невыдержанности, о которой я сейчасъ сказалъ, разбирая Русскую пѣсню. Но между такими лирическими пѣснями встрѣчаются у Малороссіянъ стройныя, уложенныя въ куплеты, какъ на примѣръ *Стоить яворъ надъ водою*, котораго размѣръ одинъ изъ самыхъ любимыхъ. Эти пѣсни ближе всего къ Чешскимъ и Польскимъ, и можетъ быть явились въ Малороссіи по вліянію на нее Польши. Не оттуда-ли же и любовь къ риѳмѣ?

Эпическія Малороссійскія пѣсни, столько уважаемыя Малороссіянами, хороши, но мнѣ кажется ниже лирическихъ по языку. Не знаю, чему приписать встрѣчу иногда десяти и болѣе одинакихъ риѳмъ сряду, что̀ довольно не ловко, и чего не бываетъ ни въ какой другой эпической пѣснѣ; напримѣръ:

Вдова старая изъ церкви выступала,
Помежду війскомъ поглядала,
Ивася выглядала,
Сына своего прелюбезного въ лице не познала,
До господы прибувала,
По зброи козацькои познала,
Що Ивася у господи не застала,
Лаяла, проклинала,
До небесъ руки сдіймала.

(Малороссійскія и Червонорусскія народныя думы и пѣсни. С.-П.-бургъ. 1836. Стран. 39).

Червонорусскія эпическія пѣсни правильнѣе и стройнѣе Украинскихъ. Мотивы тѣхъ и другихъ заунывны.

За Малороссійскою пѣснею я ставлю Литовскую. Отрадной чистотой и свѣжестью вѣетъ отъ этой пѣсни. Счастье-ли такое было собирателю ихъ Резѣ, или это надо приписать его вкусу и умѣнью, только всѣ пѣсни, которыя вошли въ его сборникъ, почти одинаково прелестны.

* *

Пѣсенны и народны пѣсни Лужичанъ, но онѣ менѣе другихъ скромны по содержанію. Здѣсь потеряно цѣломудріе Славянской пѣсни, и уже замѣтно вліяніе Нѣмецкихъ буршей и Нѣмецкаго пива.

Мила и нѣжна пѣсня Чешская, но какъ-то правильна, замѣтенъ строй романса. О пѣснѣ Словацкой и Моравской можно сказать то-же самое. Эти три пѣсни совершенные близнецы, какъ и народы, которымъ они принадлежатъ. У Словаковъ есть нѣсколько эпическихъ пѣсенъ, съ историческимъ содержаніемъ, довольно оригинальныхъ, но можно сказать скучно-стройныхъ. Ни однѣ эпическія не стройны такъ, какъ Словацкія.

Пѣсни Поляковъ довольно бѣдны, и также какъ Чешскія, стройны, съ непремѣнной риѳмой, или хоть созвучіемъ. Ни Полякъ, ни Малороссіянинъ не умѣетъ вообразить стиховъ совсѣмъ безъ риѳмы. Вообще говорятъ, что у Поляковъ нѣтъ пѣсенъ. У нихъ одолѣлъ пѣсню *Краковякъ*, — двустишіе, или четверостишіе, подъ которое танцуютъ краковякъ. Потому онъ бываетъ почти всегда одного и того-же размѣра, чтобы подойти подъ извѣстный мотивъ краковяка-танца. Краковяки — экспромты. Они родятся и умираютъ тысячами. Нѣкто Брониковскій назвалъ ихъ *безконечною пѣснею Польскаго народа* — das unendliche Volkslied (Wacław z Oleska. Rozprawa wstępna. Стран. XXXVII.) Есть впрочемъ краковяки длинные, очень странной мѣры. Въ изданіи, которымъ я пользовался, находится два такихъ образца. Когда читаешь, то слышится музыка краковяка и видится несущійся танецъ. Думаю, что ихъ нельзя перевести, не имѣя въ распоряженіи языка, подобнаго Польскому, гдѣ ударенія расположены однообразно. Вотъ три стиха изъ краковяковъ такого рода:

A kiedy mię, moje dziéwczę, moje serce, moja duszko, moja lubko,
niechcesz szczérze kochać,

To ja pójdę do Rzeszowa, do Tarnowa, do Krakowa, i do Wiédnia,
a ty będziesz szlochać.

(Изъ другаго Краковяка:)

Karazyja wyszywana, haftowana, petliczkami, sznureczkami, kułeczkami, hafteczkami, złocistemi klapeczkami, do kolusieneczka, moja kochaneczka.

У Галицiйскихъ Малороссiянъ есть въ этомъ родѣ *Коломыйки* (отъ города *Коломыя*, какъ краковякъ отъ Кракова), но онѣ не одолѣли Малороссiйской пѣсни, точно той-же и въ Галицiи, какъ и на Украйнѣ. Бо̀льшая часть Галицiйскихъ пѣсенъ суть только варiянты Украинскихъ. Замѣчу, что двустишiя, подобныя краковякамъ и коломыйкамъ, находятся еще у Татаръ.

Мадярскiя пѣсни всего ближе къ Польскимъ; также стройны, и съ риѳмами бо̀льшею частiю богатыми. Есть весьма оригинальныя пѣсни: съ одною риѳмою во всѣхъ четырехъ стихахъ куплета. Я перевелъ одну такую для образца.

Въ концѣ Лирическаго отдѣла я поставилъ прекрасную пѣсню новыхъ Грековъ. Пускай многiе находятъ, что эта пѣсня проникнута духомъ Славянъ, будто-бы первоначальныхъ обитателей Мореи, и указываютъ на Славянскiе прiемы: отрицательныя сравненiя, частыя упоминанiя птицъ, — все-таки въ ней останется много и своего, по чему узна̀ешь ее съ-разу въ тысячѣ другихъ. Здѣсь въ каждомъ словѣ виденъ пластическiй Грекъ. Каждый звукъ будто высѣченъ изъ мрамора, или отлитъ изъ мѣди. Все кратко, сжато, ничего лишняго. По формѣ эта пѣсня полулирическая. По содержанiю — военная, *клефтическая*. Ее вызвали изъ сердца Грека бѣдствiя его родины во время вторженiя Турокъ въ Морею, въ концѣ прошлаго столѣтiя. Только и слышишь звонъ сабель, выстрѣлы винтовокъ; храбрый, страшный клефтъ весь тутъ какъ живой, и вездѣ кипящая, полная свѣжими силами жизнь. Клефтическая пѣсня почти никогда не выходитъ изъ своей рамки и размѣра: вѣчно 15 — 20 стиховъ; самая длинная, какую я только знаю, имѣетъ 37 стиховъ; а размѣръ — сложный четырехъ-стопный амфибрахiй. Форiель говоритъ, что эти пѣсни сочинялись первоначально

особыми пѣвцами, въ числѣ которыхъ упоминаетъ одного замѣчательнаго *Гавоянниса* (Слѣпаго-Ивана), жившаго въ концѣ прошлаго столѣтія въ Ѳессаліи, близь горы Оссы. Ему, будто-бы, и другимъ подобнымъ, *капитаны* клефтовъ заказывали пѣсни. Но не думаю, чтобы тутъ обошлось безъ участія народа, и чтобы не было пѣсенъ, сложенныхъ самими клефтами. Кромѣ клефтическихъ есть у Грековъ и другія пѣсни: *любовныя, колыбельныя*, и такъ называемые *мирологи*, или причитанія (*μυριολόγια*; нашъ Гнѣдичъ пишетъ *μοιρολόγια*, и это кажется правильнѣе, потому что *μοιρολόγι* состоитъ изъ двухъ словъ — *μοῖρα* — судьба, смерть, и *λέγω* — говорю; но я рѣшился ничего не измѣнять въ правописаніи Форіеля). Ходзько называетъ ихъ старымъ Польскимъ словомъ *hryje*. Всѣ эти пѣсни хороши не менѣе клефтическихъ, и въ нихъ слышится чаще всего тотъ-же сложный амфибрахій. Замѣчу, что все, что̀ мнѣ случалось видѣть изъ Греческаго пѣсеннаго міра напечатаннымъ, все хорошо. Въ сборникѣ Форіеля хороши всѣ пѣсни. *Выдерживаетъ* пѣсня Грека. Это, повторяю, всегда — цѣльная, искусно нарисованная картинка.

Объ остальныхъ лирическихъ пѣсняхъ, вошедшихъ въ мой сборникъ, я не могу сказать ничего, потому что имѣлъ ихъ очень мало подъ руками. Что̀ имѣлъ, то напечаталъ.

Перехожу къ пѣснямъ, въ которыхъ господствуетъ эпическій элементъ. Между ними первое мѣсто безспорно занимаетъ *Сербская юнацкая пѣсня*, считаемая многими лучшею пѣснею въ Европѣ. *Юнакъ, јунак*, — значитъ *мо̀лодецъ*, витязь, герой. — Она отличается простымъ, изящнымъ разсказомъ, исполненнымъ живыхъ и увлекательныхъ подробностей, которыми красится эпическая Сербская пѣсня, какъ богатая одежда разсыпанными по ней драгоцѣнными каменьями. Трудно передать непосвященному, какое обаяніе имѣетъ въ себѣ этотъ простодушный разсказъ, близкій болѣе всего къ древнимъ рапсодіямъ Грековъ. Трудно

объяснить, что̀ въ немъ такого особеннаго; отъ чего это бываетъ, что сначала какъ-бы нѣтъ ничего, но чѣмъ дальше, тѣмъ сочувственнѣе и живѣе становится всякая черта, и невольно заслушиваешься пѣсни, объ чемъ-бы ни пѣла она: объ одномъ-ли изъ картинныхъ похожденій Марка Кралевича, или только о томъ, какъ

Мјесец кара звијезду даницу,
Ђеси била, звијездо данице,
Ђеси била, ђеси дангубила,
Дангубила три бијела дана?

— Мѣсяцъ коритъ звѣзду денницу: гдѣ была ты, звѣзда денница? Гдѣ была ты, гдѣ ты пропадала? Пропадала три бѣлые дня? —

Трудно передать; скорѣе самъ откроется глазамъ вашимъ этотъ міръ, лишь только подойдите поближе. А это такъ легко: выучиться по-Сербски Русскому человѣку можно въ двѣ недѣли. Собраніе Сербскихъ пѣсенъ Караджича, — одно изъ самыхъ добросовѣстныхъ и прекрасныхъ изданій въ этомъ родѣ, — можетъ служить лучшимъ пособіемъ. Къ тому-же, вспомните, что *Српска ришћанска господа* — Сербскій крещенный людъ — ближе къ намъ по всему, чѣмъ *Ἐϋκνήμιδες Ἀχαιοί*, съ которыми мы знакомимся еще на школьныхъ лавкахъ.

Для образца Сербскаго эпоса я выбралъ одну изъ лучшихъ юнацкихъ пѣсенъ — *Бановичь Страхинья*, гдѣ особенно ярко выступаютъ тѣ подробности, о которыхъ я сейчасъ упомянулъ. Какъ живо описана пирушка! Какъ просто письмо матери къ Бану. А его выѣздъ.... а пьяный дервишъ; даже этотъ конь у палатки, привязанный за копье.... а дремлющій Влахъ-Алія на колѣняхъ Страхиновой любы, которая откинула по̀лу шатра и разглядываетъ силы-рати Турокъ.... Наконецъ великолѣпный бой Страхиньи съ Аліей, въ которомъ они, какъ два великіе дракона

По горѣ по Голечу посились,
Цѣлый день посились до полудня,
Ажно пѣна-потъ прошибъ Турчина,
Бѣлая какъ снѣгъ бѣжала пѣна,
А у Бана бѣлая да съ кровью....

Отъ чего все это такъ живо, такъ и дышитъ! Рѣшительно можно сказать, что ни въ одномъ народномъ эпосѣ, кромѣ древняго Греческаго, нѣтъ такой жизни, какъ въ Сербскомъ.

До сихъ поръ живетъ еще эта одушевляющая пѣсня въ народѣ. Ее повторяютъ всѣ, отъ князя до бѣднаго *чобана*, пастуха. Но не однѣ пѣсни, завѣщанныя стариной, повторяются народомъ, ходитъ много и новыхъ. И нынѣ есть тамъ пѣвцы-слагатели, обыкновенно люди безграмотные. Почти каждый Сербъ можетъ спѣть вамъ пѣсню, не приготовляясь, о чемъ угодно и когда угодно. Какъ-будто для нихъ не существуетъ того, что̀ мы называемъ вдохновеніемъ. Этому конечно способствуетъ и самый Сербскій языкъ, весьма гибкій и тягучій, и нѣсколько условныя формы. Въ послѣднее время сложено много пѣсенъ о войнѣ съ Венгерцами. Я перевелъ пять такихъ пѣсенъ въ Москвитянинѣ 1850 года, Октябрь, книжка 2-я, и одну изъ нихъ перепечаталъ здѣсь.

Для пѣнія старыхъ пѣсенъ есть у Сербовъ особые пѣвцы. Они поютъ, подъигрывая себѣ на *гусле*, инструментѣ въ родѣ большой скрипки, съ одной волосяной струной, по которой водятъ смычкомъ, тоже со струной изъ волосъ. Каковъ долженъ быть звукъ! Какъ-будто и этимъ напоминается, что не звуки здѣсь главное, а слушай, что̀ въ пѣснѣ. Въ первомъ изданіи Сербскихъ пѣсенъ Караджича (У Липисци. 1824) есть картинка, гдѣ изображенъ Сербъ съ *гусле* въ рукахъ, окруженный слушателями.

Кромѣ эпическихъ пѣсенъ есть у Сербовъ и лирическія, которыя поются преимущественно женщинами, въ хороводахъ и другихъ народныхъ играхъ. Онѣ дышатъ нѣжностію и чистотою

чувства. Въ нихъ однакоже есть какое-то стремленіе перейти въ эпосъ, и бываетъ нерѣдко, что пѣсня, начавшись лирически, кончается юнацкимъ разсказомъ. Стихи этихъ пѣсенъ бо̀льшею частію такъ изящны, какъ будто-бы къ нимъ прикасалась рука самаго взыскательнаго поэта. Господствующій размѣръ тѣхъ и другихъ пѣсенъ, эпическихъ и лирическихъ, извѣстный *Славянскій десятисложный*, сохраняемый всегда вѣрно, такъ-что въ тысячахъ стиховъ не найдете ни одной ошибки. Въ лирическихъ встрѣчаются и другіе размѣры, весьма разнообразные.

Послѣ Сербской пѣсни идетъ очень близкая къ ней по характеру, Болгарская, воспѣвающая нерѣдко однѣ и тѣ-же событія. Случается, что Болгарская служитъ дополненіемъ Сербской и наоборотъ, Сербская Болгарской. Но эта пѣсня уступаетъ Сербской въ очарованіи разсказа, живости подробностей и даже въ изяществѣ языка. Сами Болгары отчасти съ этимъ согласны.

Размѣръ эпическихъ Болгарскихъ пѣсенъ отличенъ отъ Сербскихъ: это родъ четырехстопнаго хорея, съ женскимъ окончаніемъ. Встрѣчается Славянскій десятисложный, но онъ не такъ вѣренъ, какъ у Сербовъ, и нерѣдко переходитъ въ хорей. Лирическія Болгарскія пѣсни также уступаютъ Сербскимъ. Размѣры ихъ довольно разнообразны и свободны, короткіе стихи мѣшаются съ длинными, чего никогда не бываетъ въ Сербскихъ.

Непосредственно за этими двумя народными эпосами идетъ, какъ мнѣ кажется, эпосъ другаго южнаго народа: это историческія пѣсни, или такъ называемые *романсы* Испанцевъ. Между ними очень много сходства, если только отдѣлиться мыслію отъ нѣкоторыхъ мелочей, выражающихъ духъ того, или другаго народа. Не можетъ Сербскій юнакъ быть такъ рыцарски важенъ во всемъ, какъ Испанецъ. Не вступился-бы Краль-Марко за свои усы, или бороду, еслибъ кто-нибудь тронулъ ихъ у него по смерти, какъ вступился Сидъ за свою бороду, когда прикоснулся къ ней Жидъ —

El buen Cid avia empuñado
Á la su espada Tizona,
Y un palmo la avia sacado —

Добрый Сидъ зашевелился
Безпокойно, — и на пядень
Обнажилъ свой мечъ-Тизонъ.

Но основныя начала эпоса того и другаго одинаковы: та-же степенность и правильное теченіе разсказа. Часто въ Испанскихъ встрѣчаются описанія, которыя кажется вышли-бы точно также и у Сербовъ. А съ Болгарскими они сходны и размѣромъ: почти такой-же четырехстопный хорей, только между женскими стихами попадаются и мужескіе, которые иногда поставлены какъ будто-бы съ цѣлью, чтобы ударить на концѣ, въ заключеніе мысли. Лирическихъ Испанскихъ я не знаю, кромѣ тѣхъ, которыя привожу въ отдѣлѣ Испанскихъ пѣсенъ. Если судить по нимъ, — какая разница между лирической пѣсней Сербовъ, или вообще Славянъ, и этими огненными аріями! Никогда истый Славянинъ не раздражаетъ себя красотой. Онъ относится къ ней благоговѣйно. Въ одной Сербской пѣснѣ юнакъ не смѣетъ разбудить свою милую въ лѣсу, но желаетъ, чтобы подулъ вѣтеръ, и упалъ-бы одинъ листикъ съ дерева на лицо подруги.... а Испанецъ не церемонится, кричитъ своей Зандунгѣ: прыгай! чтобы взглянуть на ея икры; онъ раздражается уже одною оторочкой платья своей возлюбленной; слышитъ, какъ хруститъ ея тѣло, когда она танцуетъ....

Отъ южныхъ эпическихъ я перейду на Сѣверъ. Здѣсь живетъ другой народный эпосъ, совершенно отличный отъ южнаго, суровый и мрачный. Не живые люди, а какіе-то призраки проходятъ передъ вами, гремитъ оружіе, льется и брызжетъ кровь — и все это подернуто туманомъ. Что-то драматическое слышится въ самомъ юморѣ этой народной поэзіи. И далеко нѣтъ той простоты, какая на Югѣ. Балладически группируются событія. Въ

формѣ — изысканность: куплеты, риѳма, хотя и не богатая, и кромѣ того выдуманъ припѣвъ, слѣдующій почти неизбѣжно при всякой пѣснѣ. Что-то странное слышится въ этомъ вѣчномъ припѣвѣ.

Этотъ эпосъ, который можно назвать *Скандинавскимъ*, обнимаетъ весь Сѣверъ Европы: Швецію, Норвегію, Данію, захватывая островъ Исландію, острова Ферроерскіе и частію Великобританскіе, — Англію, Шотландію и Ирландію. На материкѣ Европы нѣчто подобное Скандинавскимъ балладамъ встрѣчается у Нѣмцевъ, Голландцевъ и Бретонцевъ.

Нельзя не сказать объ одной особенности — кажется единственной — въ формѣ Скандинавской пѣсни: она очень любитъ *и* (*och*, по-Датски *og*, въ старомъ языкѣ *aa*) въ началѣ рѣчи, по нашему какъ-бы лишнее: *och* kära min Syster, du hjelp mig uppå land! — *и* любезная моя сестра, ты помоги мнѣ на берегъ (выйти!) — *og* hör min kjære Moder! — *и* слушай моя милая матушка! — и еще *онъ*, при имени лица: och Konungen *han* talte till tjenaren sin — и Король *онъ* позвалъ слугу своего. *Han* Lage tjente i Kongens Gaar — *онъ* Лаге служилъ во дворцѣ Короля. Въ Русскихъ пѣсняхъ есть очень близкіе обороты къ тому, и другому, только Скандинавскому *och*, *aa*, у насъ могутъ отвѣчать нѣсколько разныхъ частицъ, также какъ-бы лишнихъ, имѣющихъ тонъ распѣва: *какъ*, *что*, *а*....

Какъ далече, далече во чистòмъ полѣ,
Что ковыль трава во чистòмъ полѣ шатается....

А стой ты, Васька, не попархивай,
Молодой глуздырь не полетывай!....

А и конь подъ Ильею разсержается....

Мѣстоименіе-же *онъ* при имени ставится у насъ въ пѣсняхъ точь-въ-точь какъ въ Скандинавскихъ:

Обходилъ *онъ* Чурила Князей и бояръ....

Да кричитъ *онъ* Иванъ зычнымъ голосомъ....

Вообще, если станемъ углубляться въ первобытныя формы языковъ, все больше и больше будемъ находить общихъ свойствъ между ними, и убѣждаться въ томъ, что когда-то все это было одно и то-же. Пѣсня болѣе нежели что-нибудь помогаетъ отысканію этихъ родственныхъ отношеній между языками и народами. Можетъ быть, когда пѣсни будутъ болѣе изслѣдованы — отыщется родство и соплеменность тамъ, гдѣ и не подозрѣвали....

Пѣсни Бретонцевъ очень замѣчательны, особенно древнія, сложенныя еще на островѣ.

Вотъ краткое извлеченіе изъ статьи издателя Вилльмаркѐ о происхожденіи Бретонскихъ пѣсенъ: «Самыя древнія пѣсни Бретонцевъ, напримѣръ *Друидъ и дитя* (Ar Rannou, см. примѣчанія къ Бретонскимъ пѣснямъ, NB.), *предсказанія Гвенглана,* (Diougan Gweng'hlan) — и нѣкоторыя другія, принадлежатъ Бардамъ, особенному классу древне-Бретонскаго народа. Изъ нихъ были замѣчательны: Таліэзинъ, прозванный вождемъ Бардовъ, прорицателей и Друидовъ, — такъ раздѣлились впослѣдствіи Барды, — Суліо, Гиварніонъ, Кіанъ (Гвенгланъ) и Мерзинъ. При сихъ послѣднихъ Бардахъ, около переселенія Бретонцевъ въ Арморику въ IV вѣкѣ, началась борьба Христіанства съ язычествомъ, — Христіанства съ Бардизмомъ и Друидизмомъ. Явилась новая народная поэзія между клерами (kloer) — школьниками. Барды возстали на клеровъ и вытѣснили ихъ изъ острова въ Арморику. Арморіканскіе пѣвцы отстояли свою поэзію.»

Въ настоящее время пѣсни въ Бретани поются бо̀льшею частію мельниками, фабричными работниками, ветошниками и нищими. Нищіе пользуются тамъ большимъ уваженіемъ. Ихъ зовутъ обыкновенно *любезными, милыми бѣдняками, друзьями и братьями добраго Бога.* У простыхъ людей всегда открыта дверь *любезному бѣдняку.* Въ пѣснѣ «Брачный поясъ» богатая невѣста приглашаетъ къ свадебному столу одного бѣдняка прохожаго,

называя его *несчастный добрый бѣднякъ* (paour kez truant), и послѣ идетъ съ нимъ танцовать.

По формѣ своей Бретонскія пѣсни очень складны и стройны; еще хитрѣе Скандинавскихъ балладъ. Строятся большею частію такъ, какъ пѣсня *О пажѣ Людовика XI*, и притомъ отдѣлами, съ эпилогомъ. По содержанію почти всѣ историческія, или основанныя на преданіяхъ народа.

Поразительно въ Бретонской пѣснѣ частое упоминаніе цыфры. Нельзя не остановиться въ изумленіи, увидѣвъ вдругъ длинное число, оправленное въ стихъ и риѳму. Вотъ напримѣръ, какъ начинается пѣсня *о Роспорденскомъ карнавалѣ*, Т. II. Стран. 56.

D'ar seizved de war-n-ugent demeuz a viz c'houevrer
Deuz ar bloa mil-pevar-c'hant-pevar-ugent-ha-c'houech....

Въ двадцать седьмой день мѣсяца Февраля,
Тысяча четыреста восемьдесятъ шестаго года.

Или вотъ какъ кончается пѣсня *О битвѣ при Сенъ-Кастѣ*, Т. II. стран. 172.

Er bloavez-ma mil-ha-seiz-kant
Hag eiz ouspenn hag hanter-kant,
D'ann eil lun a viz gwengolo,
Oa trec'het ar Zozon er vro.

Въ этомъ тысяча семьсотъ
Пятьдесятъ восьмомъ году,
Во второй понедѣльникъ мѣсяца бѣлой соломы (Сентября),
Англичане были разбиты въ этой странѣ.

Но всего поразительнѣе слѣдующій примѣръ. Въ пѣснѣ *Битва тридцати*, Ч. I. Стран. 326, спрашиваютъ у пажа: сколько враговъ? — Вмѣсто того, чтобы отвѣчать прямо, что ихъ *тридцать* человѣкъ, онъ начинаетъ пересчитывать по пальцамъ: одинъ, два, три и т. д. до пятнадцати, и потомъ начинаетъ снова съ одного.

Pemzek! ha lod all c'hoaz war lerc'h:
Unan, daou, tri, pevar, pemp, c'houec'h,
Seiz, eiz, nao, dek, unnek, daouzek,
Trizek, pevarzek ha pemzek.

Пятнадцать! и еще съ ними:
Одинъ, два, три, четыре, пять, шесть,
Семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двѣнадцать,
Тринадцать, четырнадцать и пятнадцать!

Неужели это ловко для Бретонцевъ? — У насъ, въ нашихъ милліонахъ пѣсенъ, кажется, всего одинъ разъ упоминается годъ въ пѣснѣ, да и то, посмотрите, какъ искусно Русскій человѣкъ обошелся съ этою непріятельницею стиха — цыфрою, такъ-что она стала точно не цыфра:

Какъ-бы во сто двадцать седьмомъ году,
Во седьмомъ году восьмой тысячи....

Такъ пѣсенно выразился Русскій человѣкъ вмѣсто того, чтобы сказать въ 1619 году. (См. Древнія Русскія стихотворенія. Пѣсня *о Михаилѣ Скопинѣ*, стран. 275).

Есть одна пѣсня у Словаковъ, которая начинается такъ:

Leta Páně tisjcého
Petistého dwadcatého šestého.....

Лѣта Господня тысяча
Пятьсотъ двадцать шестаго.

(Kollár. Стран. 404).

Укажу на другую особенность Бретонской пѣсни: это ея любовь къ уменьшительнымъ, и что̀ всего страннѣе, — эти уменьшительныя оканчиваются какъ и наши на *ік*, напримѣръ brouz (платье) — brouzik; zad (отецъ) — zadik; Abalard — Abalardik, и т. п.

Лирическія Бретонскія пѣсни имѣютъ тотъ-же балладный строй, представляя постоянно смѣсь двухъ элементовъ, лирическаго съ эпическимъ. Чисто-лирическихъ въ собраніи Вилльмаркѐ нѣтъ вовсе.

О Французскихъ пѣсняхъ, доставшихся мнѣ уже во время печатанія и потому помѣщенныхъ подъ-конецъ, я могу сказать только, что онѣ всегда веселы и остроумны, какъ самъ Французъ. Пушкинъ говоритъ объ насъ, объ Русскихъ, что мы

Начавъ за здравіе, за упокой
Сведемъ какъ-разъ....

Французы на оборотъ: начавъ за упокой, сводятъ за здравіе. И какъ-то случается, что у нихъ непремѣнно вездѣ и во всемъ участвуетъ женщина: что-бы ни пѣлъ Французъ, ужъ какъ-нибудь да приплететъ женщину. Что̀ до формы Французской пѣсни — она складна, куплетна, вѣчно съ риѳмами. Больше лиризма, нежели эпоса.

Вотъ мои выводы — *относительно тѣхъ данныхъ, которыми я пользовался.* Тѣ, кому я показывалъ мое собраніе, замѣчали мнѣ неполноту иныхъ отдѣловъ, и говорили, зачѣмъ я не прочелъ того-то, не заглянулъ туда-то. Вѣроятно то-же самое услышу отъ многихъ изъ читателей. Но легко говорить, не испытавъ на дѣлѣ, какъ нелегко получаются книги. Кажется, какъ не достать напечатанную однажды книгу, а не достанешь. Попробуйте, попросите вашего пріятеля, который наканунѣ наговорилъ вамъ кучу замѣчаній и обѣщалъ снабдить васъ всякими книгами по вашему предмету, — попросите его прислать вамъ одну изъ нихъ, которая стоитъ у него всякой день передъ глазами, или сдѣлать выписку въ три строки — и увидите, что пройдутъ годы, пока вы дождетесь этой книги, или выписки. А наобѣщать наобѣщаютъ много.

Кад пијаху вино и ракију,
Сви се фале за добре јунаке:
Волимо те, Страхинићу бане,
Но сву земљу нашу царевину!
Ал' да видиш јада на невољи:
Бану јутрос нема пријатеља!

(Бановичь Страхинья. У меня стран. 276).

Впрочемъ, чтò до меня, — я былъ еще очень счастливъ: въ числѣ лицъ, къ кому я обратился, нашлось много такихъ, которыя сію-же минуту оказали мнѣ свое образованное содѣйствіе, и я считаю долгомъ выразить имъ мою душевную искреннюю благодарность.

Другіе замѣтили у меня неправильность размѣра Сербскихъ юнацкихъ пѣсенъ, въ сравненіи съ подлинникомъ. Въ Сербскомъ этотъ десятисложный стихъ распадается на двѣ половины, изъ которыхъ въ первой *всегда* четыре, а во второй шесть слоговъ. Я думаю, что у насъ это было-бы слишкомъ однообразно, и потому допустилъ 5 и 5, 3 и 7, и другія дѣленія. Всякій языкъ, принимая новый для него размѣръ, имѣетъ право распорядиться имъ по своему, какъ и словомъ, принятымъ отъ другаго народа. Наши хореи и ямбы совсѣмъ не хореи и не ямбы, а что-то свое; гекзаметры — свои гекзаметры, а не Греческія. *Это право* языка и опять-таки примѣръ Пушкина беру себѣ въ защиту и оставляю переведенное съ Сербскаго такъ, какъ перевелось, хоть-бы и могъ поправить.

Чтò-же касается до моихъ переводовъ вообще — разумѣется, я старался сдѣлать ихъ какъ можно ближе къ подлинникамъ, но держался правилъ, которыя указалъ мнѣ опытъ. Обыкновенно думаютъ, и всего чаще это слышишь отъ новичковъ, что надо переводить *слово въ слово*, что вотъ такой-то и хорошо

переводитъ, да не слово въ слово, тогда какъ совсѣмъ не въ этомъ дѣло. Не важенъ стихъ, а важенъ *духъ*, важенъ *результатъ впечатлѣнія*. Кому нужно слѣдить за кистью портретиста и повѣрять, тутъ-ли она положила красную краску, тутъ-ли бѣлую. Нужно, чтобы сказали, когда портретъ конченъ — *это онъ!* — Если станете ловить каждый изгибъ, всякую подробность, вы свяжете себѣ руки. А тутъ, въ народномъ языкѣ, всего нужнѣе свобода слова. Нужно, что-бы все было *народно*, откликалось-бы сердцу вашего народа точно также, какъ откликается подлинникъ сердцу того, кому онъ свой, чтобы *ничто чуждое* не останавливало, не цѣпляло. Лучше пропустите слово, стихъ, цѣлую строфу, чѣмъ выражать ихъ въ чуждомъ образѣ, или неловко. Укажу на единственнаго нашего учителя Пушкина. Переводя Сербскую пѣсню *Бог ником дужан не остаје* (у него *Сестра и братья*), первые пять стиховъ —

Два су бора напоредо расла,
Међу њима танковрха јела,
То не била два бора зелена,
Ни међ њима танковрха јела,
Већ то била два брата рођена,

онъ переводитъ слѣдующими четырьмя:

Два дубочка выростали рядомъ,
Между ними тонковерхая елка,
Не два дуба рядомъ выростали,
Жили вмѣстѣ два брата родные.

И безпрестанно у него такія сокращенія или удлинненія. Неужели это происходитъ отъ небрежности, или отъ скорости? Нѣтъ, все разсчитано у такого поэта, и

W tonów milionie
Każdy ton *on* dobywa, *wie o każdym tonie.*

(Въ милліонѣ звуковъ каждый звукъ *онъ* добываетъ, *знаетъ о каждомъ звукѣ.*) И точно, вглядѣвшись, вы всегда увидите причину, почему онъ сократилъ, или что-нибудь прибавилъ.

Есть однако *мѣста*, *стихи*, *риѳмы*, которыхъ никакъ нельзя пропускать. Это звѣзды, свѣтящіяся ярко памяти народа. Замѣтить ихъ и отличить отъ обыкновенныхъ не трудно. Напримѣръ, у Сербовъ: *На алату, сав у чистом злату* — на червонномъ конѣ весь въ чистомъ золотѣ. — *То изусти и душицу пусти* — то выговорилъ и духъ испустилъ. — Въ пѣснѣ *Бог ником дужан не остаје,* о змѣяхъ

Очи пију, у траву се крију.

Пушкинъ переводитъ однимъ змѣемъ:

Пьетъ ей очи, самъ уходитъ къ ночи.

А главное, не надобно мудрствовать, хитрить. Пѣсня проста какъ природа. И создается она безъ всякой хитрости, и записывать ее надо не хитря, и переводить также.

Вотъ путь, который я предпочитаю другимъ, но слѣдовалъ-ли я ему, — пусть рѣшитъ читатель.

Бываетъ однако, что всѣ условія и правила недостаточны, и какъ ни бьетесь вы, все-таки выходитъ *не то*, и что-то *еще* остается *тамъ....* Это значитъ, что не таково строеніе вашего языка въ сравненіи съ тѣмъ, съ котораго переводите, не то свойство звуковъ, не то размѣщеніе ихъ въ словахъ, не тѣ *аккорды*, если можно такъ выразиться; чѣмъ ближе и созвучнѣе эти аккорды, тѣмъ легче переводить. Я говорю, чѣмъ *ближе аккорды*, но это не значитъ: чѣмъ ближе языкъ къ языку. При совершенномъ несходствѣ языковъ, аккорды могутъ быть однѣ и тѣ-же. Такъ, я думаю, сѣверные языки имѣютъ близкіе аккорды звуковъ. Но различны отъ сѣверныхъ аккорды южныхъ нарѣчій. Откуда намъ взять этихъ разнѣженныхъ, сладострастныхъ

звуковъ полудня? Ужъ на что кажется богатъ звуками Русскій языкъ, и все на немъ находитъ отголосокъ, но попробуйте перевести напримѣръ хоть эту простую Итальянскую пѣсенку, гдѣ все въ звукахъ, въ *особенныхъ* звукахъ, и безъ нихъ нѣтъ ничего —

Rondinella pellegrina,
Che si posi sul verone
Ricantando ogni mattina
Quella flebile canzone,
Che vuoi dirmi in tua favella,
Pellegrina rondinella?....

Вотъ пожалуй переводъ слово въ слово:

Перелетная касатка,
Что̀ садишься подъ навѣсомъ,
Распѣвая каждымъ утромъ
Эту жалобную пѣсню;
Что̀ сказать мнѣ ею хочешь,
Перелетная касатка?

И потому самыя трудныя для переводовъ — это пѣсни южныя. Ни съ одними я такъ не бился, какъ съ лирическими Испанскими. Что-же до близости языковъ — она скорѣе мѣшаетъ, чѣмъ помогаетъ переводу. И потому изъ Славянскихъ самыя трудныя для перевода на Русскій — пѣсни Малороссійскія. Какъ тутъ переводить, когда и безъ перевода понимаешь все; какія пріискивать слова, когда это *почти* тѣже самыя слова, которыя вамъ нужно, развѣ мало-мало гдѣ измѣняетъ удареніе, или одинъ слогъ — но измѣняетъ онъ, и надо пріискивать другой, свой, а пошатнули этотъ слогъ, и все поколебалось, и все надо строить иначе.

Чтобы не пропалъ трудъ самаго собиранія пѣсенъ, я рѣшился напечатать ихъ съ подлинниками. Печатая эти подлинники, я держался правописанія тѣхъ изданій, или рукописей, которыя имѣлъ, исправляя, гдѣ могъ, только опечатки или описки. Но

если подлинники слѣдовали изъ разныхъ мѣстъ и книгъ, и имѣли еще неустановившееся правописаніе, — я выбиралъ лучшее, рекомендованное кѣмъ-нибудь изъ знающихъ дѣло.

Всѣ замѣчанія къ пѣснямъ, по крайней мѣрѣ бо̀льшая часть, взяты мною изъ книгъ, откуда перепечатывались оригиналы, или со словъ моихъ знакомыхъ и друзей, которыхъ иногда именую, но иные пожелали остаться неизвѣстными. Мнѣ-же собственно принадлежитъ одинъ только переводъ, и выводы изъ прочитаннаго.

Въ заключеніе прошу покорнѣйше всякого, кому случится прочесть эти строки, во-первыхъ указать мнѣ замѣченные имъ недостатки въ моемъ изданіи — относительно перевода, взгляда на тотъ, или другой отдѣлъ; и даже, если можно — опечатки въ текстѣ. Во-вторыхъ сообщить мнѣ все, что̀ у него есть любопытнаго въ пѣсенномъ родѣ. Если на извѣстномъ Европейскомъ языкѣ, то хоть и безъ перевода; въ противномъ-же случаѣ приложить прозаическій переводъ *слово въ слово*, не пропуская *ни одного слова*, и отмѣчая, какъ слѣдуютъ стихи. Причемъ не лишнее будетъ указать, *на что*, *на какое выраженіе*, *стихъ*, *риѳму*, *сочетаніе*, требуется обратить вниманіе. Тѣхъ-же, кому доступны пѣсни *цѣлаго народа*, кто живетъ среди этого народа, — прошу сообщить *любимыя*, *задушевныя* пѣсни народа. Изъ нихъ-то я-бы хотѣлъ когда-нибудь составить Сборникъ.

Адресовать прошу въ Москву, въ контору Москвитянина, на имя Редактора.

ПѢСНИ

РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ.

O wieści gminna, ty arko przymierza
Między dawnemi i młodszemi laty:
W tobie lud składa broń swego rycerza,
Swych myśli przędzę, i swych uczuć kwiaty.

Arko! tyś żadnym niezłamana ciosem,
Póki cię własny twój lud nie znieważy;
O pieśni gminna, ty stoisz na straży
Narodowego pamiątek kościoła,
Z archanielskiemi skrzydłami i głosem —
Ty czasem dzierżysz i broń archanioła!

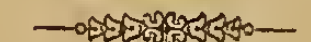
Płomień rozgryzie malowane dzieje,
Skarby mieczowi spustoszą złodzieje,
Pieśń ujdzie cało, tłum ludzi obiega;
A jeśli podłe dusze nie umieją
Karmić ją żalem i poić nadzieją,
Ucieka w góry, do gruzów przylega,
I stamtąd dawne opowiada czasy.

Tak słowik z ogniem zajętego gmachu
Wyleci, chwilę przysiądzie na dachu,
Gdy dachy runą, on ucieka w lasy,
I brzmiącą piersią nad zgliszcza i groby
Nuci podróżnym piosenkę żałoby....

О пѣсня, пѣсня, ты ковчегъ,
Куда народъ, во дни печали,
Кладетъ свой рыцарскій доспѣхъ,
И мечъ, и славныхъ дней скрижали!
Ты гласомъ вѣщимъ говоришь,
Изъ вѣка въ вѣкъ переходящимъ,
И чудодѣйственно миришь
Былое наше съ настоящимъ!
Сгараютъ, тлѣютъ письмена,
Могучихъ геніевъ творенья,
Лишь ты уходишь отъ забвенья,
Какимъ-то чудомъ спасена!
Всегда жива, одна и таже....
О пѣсня, ты стоишь на стражѣ
Съ мечомъ хранительнымъ у вратъ
Намъ дорогихъ воспоминаній;
О пѣсня, ты священный кладъ,
Ты цвѣтъ народныхъ достояній!
Когда же суетный народъ
Тебя услышавъ не пойметъ,
Бѣжишь ты, пѣсня, и хоронишь

Свою завѣтную красу
Въ ущельяхъ мрачныхъ и въ лѣсу,
Или среди развалинъ стонешь....
Такъ съ крыши, ȯбнятой огнемъ,
Слетаетъ птичка поневолѣ,
Покинувъ гнѣздышко и домъ....
Надъ нимъ взовьется — и потомъ
Она летитъ въ лѣса и въ поле, —
И тамъ пріютъ себѣ найдетъ,
И пѣсни прежнія поетъ....

ЛИРИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

САНСКРИТСКІЯ.

—

Предлагаемый гимнъ помѣщенъ здѣсь мною для того, чтобы имѣть хоть что-нибудь изъ древне-Индійскаго міра, на этомъ священномъ языкѣ, прародителѣ почти всѣхъ тѣхъ, которые слѣдуютъ за нимъ въ моемъ изданіи. Это стихотвореніе сообщено мнѣ извѣстнымъ нашимъ Санскритологомъ К. А. Коссовичемъ, при слѣдующихъ замѣчаніяхъ:

«Гимнъ утренней зарѣ сочиненъ Индійскимъ мудрецомъ и вмѣстѣ ихъ святымъ Бгарадваджею, за 400, или за 500 лѣтъ до Р. Х. какъ думаетъ Вильсонъ. Онъ находится въ собраніи гимновъ Ригъ-веды, одной изъ Ведъ. Ведами называются у Индусовъ самыя священныя книги. Слово же Веда означаетъ *вѣдѣніе, мудрость*. Вильсонъ полагаетъ, что самая древняя часть Ведъ, называемая Брагмана, написана за 800 лѣтъ до Р. Х. Всѣхъ Ведъ четыре: Ригъ-веда, Яджуръ-веда, Сама-веда и Атгарва-веда. Послѣдняя считается позднѣйшимъ добавленіемъ къ тремъ первымъ Ведамъ. Всѣ они религіознаго содержанія и состоятъ большею частію изъ гимновъ въ честь разныхъ боговъ. Кромѣ гимновъ есть при каждой Ведѣ философскія размышленія, въ легендарномъ видѣ, называемыя Упанишадгами, и сверхъ того вся энциклопедія древнеиндійской образованности: толкованія Ведъ, грамматика древнеиндійскаго языка, разсужденія объ астрономіи, музыкѣ, военномъ дѣлѣ и о многомъ другомъ. Изъ всѣхъ Ведъ напечатана только значительная часть Ригъ-веды и Сама-веды. Языкъ Ведъ отличенъ отъ обыкновеннаго классическаго языка Индусовъ, называющагося Санскритскимъ, и требуетъ особеннаго тщательнаго изученія. Это скорѣе особое древнеиндійское нарѣчіе, родственное Санскриту, чѣмъ корень его.»

॥अथोषःस्तोत्रं॥

उदु श्रिय उषसो रोचमाना अस्थुर् अपां नोर्मयो रुशंतः ।
कृणोति विश्वा सुपथा सुगान्यभूदु वस्वी दक्षिणा मघोनी॥१॥
भद्रा ददृक्ष उर्विया विभास्य् उत् ते शोचिर् भानवो द्याम् अपप्तन् ।
आविर्वक्षः कृणुषे शुंभमानोषो देवि रोचमाना महोभिः॥२॥
वहंति सीम् अरुणासो रुशंतो गावः सुभगाम् उर्विया प्रथानां ।
अपेजते शूर अस्तेव शत्रून् बाधते तमो अजिरो न वोल्हा॥३॥
सुगोत ते सुपथा पर्वतेष्व् अवाते अपस् तरसि स्वभानो ।
सा न आवह पृथुयाम् ऋष्वे रयिं दिवो दुहितर् इषयध्यै॥४॥
सा वहयोक्षभिर् अवातोषो वरं वहसि जोषम् अनु ।
त्वं दिवो दुहितर् या ह देवी पूर्वहूतौ महना दर्शता भूः॥५॥
उत् ते वयश्चिद् वसतेर् अपप्तन् नरश्च ये पितुभाजो व्युष्टौ ।
अमा सते वहसि भूरि वामम् उषो देवि दाशुषे मर्त्याय॥६॥

ГИМНЪ УТРЕННЕЙ ЗАРѢ.

—

Блаженство-блескъ, пурпуровая, свѣтлая,
Макгони лучезарная! (1)
Явилась ты — и всюду открываются
Пути благопроходные!
Богатая! широко ты раскинулась
Багрянымъ свѣтомъ по небу,
Открыла грудь румяную и пышную,
Заря великолѣпная!
Везутъ быки червонные какъ золото (2)
Тебя, далекославную,
А ты, какъ воинъ вражескія полчища,
Разсѣеваешь сумраки!
Вездѣ, непобѣдимая, ты шествуешь,
И по горамъ проходишь ты;
И въ воды, и въ пещеры углубляешься,
Царица самосвѣтлая!
Подай намъ, дочь небесная, сокровища
Для нашего питанія!
О ты, что въ часъ молитвы нашей утренней
Являешься, дарящая!
Пернатыя летятъ къ тебѣ изъ гнѣздъ своихъ
И люди подымаются, —
И всѣмъ довольство сыплешь ты, обильная,
Высококолесничная!

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Макгони — блаженная; употребляется нерѣдко какъ собственное имя зари.

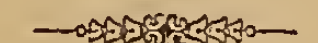
2) Нѣкоторые переводятъ вмѣсто *быки* — *лучи*, потому что слово गाव означаетъ также и *лучи*.

МАЛОРОССІЙСКІЯ.

—

Предлагаемыя Малороссійскія пѣсни частію взяты мною изъ сборника, изданнаго М. А. Максимовичемъ: *Малороссійскія народныя Пѣсни. Москва. 1827 года*; частію сообщены мнѣ имъ самимъ лично въ 1852 году; одну только *Доля моя, доля*, и еще *Коломыйки* заимствовалъ я изъ собранія пѣсенъ Галиційскаго народа — Pieśni ludu Galicyjskiego, zebrał Wacław z'Oleska, we Lwowie, 1833. Замѣчу, что въ этомъ послѣднемъ Сборникѣ я нашелъ нѣсколько Малороссійскихъ пѣсенъ, совершенно сходныхъ съ нашими Русскими, такъ какъ бы они были переведены съ нашихъ, или наши съ тѣхъ; въ числѣ такихъ особенно разительно сходна съ нашею *А мы просо сѣяли, сѣяли*, стран. 53. Русскую см. въ *Сказаніяхъ Русскаго народа Сахарова. С.П.-бургъ 1841. Хороводныя пѣсни, пѣсня 2-я.*

Правописаніе издателей помянутыхъ сборниковъ различно. Я избралъ среднее между всѣми мнѣ извѣстными. Причемъ въ Галиційскихъ пѣсняхъ измѣнилъ и самый алфавитъ. Непріятно видѣть насильственно навязываемый этому народу Польскій алфавитъ. И еще издатель ставитъ это на видъ читателю, какъ заслугу, говоря, что вѣроятно каждый его за это *похвалитъ*, и что скоро придетъ время, когда всѣ Славянскіе народы бросятъ старый (Кирилловскій) алфавитъ, который болѣе всего мѣшаетъ общенію ихъ литературы съ литературой Европейскихъ народовъ. (Rozprawa wstępna, стран. XLIX). Видно по всему, что онъ не такъ знакомъ съ этимъ дѣломъ и не подозрѣваетъ, что имѣющіе Кирилловскій алфавитъ могутъ имъ гордиться и лягутъ за него костьми.

ВИДКИЛЬ ИДЕШЬ?

—

Видкиль идешь? — Одъ Дунаю! —
А що чувавъ про Михайлу?—
Эге, чувавъ! я самъ видавъ:
Ишли Ляхи на три шляхи,
Козаченьки на чотыри,
А Татаре поле крыли.
А въ тимъ війську козацькому
Ихавъ возокъ да й покрытый
Червоною китайкою,
Заслугою козацькою;
А въ тимъ возку було тило
Порубане, почорниле.
За тимъ возкомъ кинь лыцарській;
Веде коня хлопъ козацькій,
Держить въ руци списъ довгенькій,
А у другій мечъ ясненькій —
Ой, ще зъ меча и кровъ тече!
По Михайли мати плаче....
Не барзо винъ порубаный:
Головонька на три части,
Биле тило на чотыри!
На що, мати, траву дбати!
Треба дощокъ добувати,
Хоромину будовати!
Дай три доски кленовыи,
Четвертую сосновую:
Безъ дверь хата, безъ виконець ,
Бо вже прійшовъ ёму конець!

ОТКУДА ѢДЕШЬ?

Ты откуда? — Я съ Дунаю!
А что слышалъ про Михайлу? —
Я не слышалъ, самъ я видѣлъ:
Шли Поляки, шли козаки,
На три страны, на четыре,
А Татары поле крыли....
Въ томъ полку, въ полку казацкомъ,
Ѣхалъ возъ, покрытъ китайкой,
Да заслугою казацкой;
Возъ, китайкою покрытый;
Въ томъ возу казакъ убитый,
Онъ изрубленъ былъ, изсѣченъ,
Въ лютомъ боѣ изувѣченъ;
А во слѣдъ за тѣмъ за возомъ
Шелъ, головушку понуривъ,
Разудáлый конь казацкій;
Велъ коня холопъ наемный,
Несъ въ рукѣ онъ востру пику,
А въ другой кривую саблю,
Съ сабли кровь текла, бѣжала....
Мать Михайлу провожала....
Онъ не больно былъ изрубленъ:
Головушка на три части,
Бѣло тѣло на четыре!
Ахъ, на что мнѣ, мати, слезы!
Ты сломи-ка три березы,
А четвертую осину,
Да построй хоромы сыну,
Безъ дверей построй, безъ оконъ,
Чтобъ улечься только могъ онъ!

ОЙ МАЛА ВДОВА СЫНА СОКОЛА.

Ой мала вдова сына сокола,
Выгодовала, въ військо отдала.
Ой старша сестра коня сидлала,
А середуща хустку качала,
А наймолодша выпроважала,
А мати его выпытовала:
Сыну мій, коли пріидешь до насъ? —
Тоди я, нене, пріиду до васъ,
Якъ павине пирье на спидъ потоне,
А млиновый каминь на верхъ выплыне!
Вжежь млиновый каминь на верхъ выплынувъ,
Вже й павине пирье на спидъ потонуло; —
А ще мого сына зъ гостина не видно!
Выйшла на гору: ой вси полки йдуть,
То мого сына коника ведуть!
Пытала вона всеи старшины:
Чи не бачили сына сокола? —
Чи не то твій сынъ, що симъ полкивъ вбивъ,
За восьмымъ полкомъ головку зхилывъ?
Зозуля литала надъ нимъ куючи,
А коники ржали его везучи,
Колесы скрипили пидъ нимъ котючись,
Служеньки плакали за нимъ идучи!

БЫЛЪ У МАТЕРИ СЫНЪ СОКОЛЪ. (1)

—

Сокола сына мать возростила,
Только взростила, въ полкъ отпустила,
Три его, три провожали сестрицы:
Старшая брату коня осѣдлала,
Средняя стремя ему придержала,
Младшая поводъ ему подавала;
Мать-же у сына только спросила:
Скоро ли, сынъ мой, домой ты вернешься? —
Скоро я буду, скоро прiѣду:
Павины перья въ рѣчкѣ потонутъ,
Мельничный жерновъ всплыветъ надъ водою!
Вотъ ужъ и перье въ водѣ потонуло,
Вотъ ужъ и жерновъ всплылъ надъ водою,
Жерновъ всплываетъ, сынъ не бываетъ,
Перьице тонетъ, мать его стонетъ!
На гору вышла, полки повстрѣчала,
Видитъ, ведутъ и коня воронова....
Стала распрашивать старшихъ по войску:
Ахъ, не видали-ль вы сокола сына? —
Это не твой-ли ясный былъ соколъ,
Ясный былъ соколъ, взвился высо̀ко,
Восемь побилъ онъ полковъ басурманскихъ,
Восемь побилъ и пошелъ на девятый,
Тутъ ему ворогъ головушку срѣзалъ!
Слуги въ могилу его провожали,
Возы скрипѣли, коники ржали;
Жалко кукушка надъ нимъ куковала,
Долго дружина по немъ тосковала!....

ЯВОРЪ.

—

Стоить яворъ надъ водою,
Въ воду похилився,
На козака невзгодонька,
Козакъ зажурився.

Не хилися, явороньку:
Ще ты зелененькій!
Не журися, козаченьку:
Ще ты молоденькій!

Не радъ яворъ хилитися —
Вода корни мые;
Не радъ козакъ журитися —
Да серденько ные!

Ой поихавъ въ Московщину
Козакъ молоденькій —
Орихове сиделечко
И кинь вороненькій.

Ой поихавъ въ Московщину
Да тамъ и загинувъ,
Свою милу Украину
На викп покинувъ.

Казавъ соби — насыпали
Высоку могилу;
Казавъ соби — посадили
Въ головкахъ калину.

Будуть пташки прилитати
Калиноньку исти,
Будуть мини приносити
Одъ родоньку висти!....

ЯВОРЪ.

—

Стоитъ яворъ надъ водою,
Въ воду опустился;
Удалòй казакъ слезами
Горючьми облѝлся.

Яворъ, яворъ, ты не падай,
Не ломись, не гнися!
Молодой казакъ удáлый,
Сердцемъ не крушися!

Радъ-бы яворъ не ломился:
Вода корни моетъ!
Радъ-бы, радъ казакъ не плакалъ!
Да сердечко ноетъ!

Онъ въ Московщину поѣхалъ,
Загремѣлъ подковой;
Воронъ конь, арчакъ дубовый,
Поводокъ шелкòвый.

Онъ въ Московщину поѣхалъ,
Да тамъ онъ и згинулъ.
Дорогую ли Украйну
На вѣки покинулъ!

Приказалъ — и опустили
Черный гробъ въ могилу;
Приказалъ — и посадили
Въ головахъ калину.

Пусть клюютъ калину пташки
Надъ моей могилой;
Пусть поютъ мнѣ и щебечутъ
Объ Украйнѣ милой!

БИДА.

—

Ой, пійду я, пійду, съ сёго хутора пійду,
Ой покину я у симъ хутори биду!
Ой оглянусь я за крутою горою:
Ажъ иде бида все слидочкомъ за мною!
Ой чого ты, бида, за мною ввязалася? —
Я съ тобою, безталанная, съ тобою винчалася!
Ой чого ты, бида, за мною вчепилася? —
Я съ тобою, безталанная, съ тобою родилася!

ОЙ САМА Я ПШЕНИЧЕНЬКУ ЖАЛА.

—

Ой сама я, сама пшениченьку жала;
Ой прийду я до домоньку — нема мого пана!
Челядонька у дому — ой що-жъ мини по тому?
Дала-жъ бы я билы ручки — да немае кому!
Пійду я до комнаты постилоньки слати:
Постиль била, стина нима, ни съ кимъ розмовляти.
Ой постиль биленька, а стина нименька.....
Сжалься, сжалься, милый Боже, ще я молоденька!
Ой выйду я, выйду на крутую гору,
Ой стану я, ой гляну я на быстреньку воду:
Щука рыба въ води до воли гуляе;
А я стою да думаю, що пары не маю.
Мини тильки пары, що оченьки кары!
Тильки-жъ мини всеії любови, що чорныи брови!
Очи-жъ мои кары, бида мини зъ вами:
Не хочете привыкати безъ милого сами!
Хоть хочете, не хочете — треба привыкати,
Уже-жъ бо вамъ миленького по викъ не видати!

БѢДА.

—

Я пойду, пойду, изъ хутора пойду;
Не покину-ли я въ хуторѣ бѣду?
Оглянулась я дорогой, а бѣда
Горемыку догоняетъ по слѣдамъ!
Что, бѣда, ты увязалась такъ за мной? —
Я вѣнчалась, безталанная, съ тобой!
Что, бѣда, ты уцѣпилась такъ за мной? —
Я родилась, безталанная, съ тобой!

Я ОДНА ЖАЛА ПШЕНИЦУ. (2)

—

Ахъ одна я, одна пшениченьку жала,
Воротилася домой, мужа не сыскала;
Слуги всѣ до одного, да что мнѣ до того!
Дала-бы я бѣлы руки, да нѣту его!
Лягу я въ постелюшку безъ дружка милòва,
Постель бѣлà, стѣна нѣмà, не съ кѣмъ молвить слова!
Охъ постеля все постелью, а стѣна стѣною.....
Сжалься, Боже, надо мною, горькой сиротою!
Ахъ выйду я, выйду на крутую гору,
Ахъ стану я, ахъ гляну я на быструю воду:
Щука рыба въ рѣчкѣ ходитъ, подружку находитъ,
Я-жъ гуляю по Дунаю, а друга не знаю!
Только мнѣ и пары — ясны очи кари,
Только всей мнѣ и любови, что черныя брови!
Ахъ вы очи кари, то мнѣ съ вами худо,
Что побыть вы не хотите безъ дружка покуда;
Вы хотите-ль, не хотите, неволя принудитъ,
Какъ глядѣть вамъ, очи кари, не на кого будетъ!

ПРОКЛЯТІЕ.

—

Жона мужа выряжала,
Выряжаючи проклинала:
«Бодай ихавъ, не до ихавъ!
Щобъ кинь ёму горою ставъ,
А шабелька — дорогою,
А шапочка — купиною,
Сини сукни — чистымъ полемъ,
А самъ молодъ — яворонькомъ!»
Пишла мила въ поле жати,
Стала хмарка набигати,
Да й ставъ дощикъ накрапати.
Пишла мила пидъ явора:
«Яворонькy зелененькій
Прикрый дити сиротеньки!»
Охъ и я-жъ не яворонько,
Я-жъ тимъ дитямъ да батенько....
Знаешь, мила, що казала,
Якъ ты мене выряжала,
Выряжавши проклинала!

ОЙ У ПОЛИ СНИЖОКЪ.

—

Ой у поли снижокъ прошить ,
Ажъ тамъ козакъ забитъ лежить,
На купинѣ головою,
Накрывъ очи муравою,
Муравою зеленою,
Червоною китайкою.

ПРОКЛЯТІЕ.

Жена мужа снаряжала,
Снаряжаючи проклинала:
«Чтобъ те ѣхать, не доѣхать!
Чтобы конь твой спотыкнулся
И горою обернулся,
Что горою ли крутою!
Шапка — рощею густою!
Синь кафтанчикъ — полемъ чистымъ,
А самъ — яворомъ вѣтвистымъ!»
Какъ она пшеницу жала,
Чорна туча набѣжала,
Стала милая подъ яворъ:
«Яворъ, яворъ ты широкой,
Ты прикрой дѣтей сиротокъ!»
Ахъ, не яворъ я, не яворъ:
Я отецъ тѣмъ малымъ дѣтямъ....
Аль не помнишь, что сказала,
Какъ меня ты снаряжала,
Снаряжавши проклинала!

ВО ПОЛѢ СНѢЖОКЪ.

Во чистомъ полѣ
Порошитъ снѣжокъ,
Тамъ убитъ-лежитъ
Молодой казакъ,
Призакрылъ травой
Очи ясныя.
Въ головахъ его
Воронъ каркаетъ,
А въ ногахъ его
Плачетъ вѣрный конь:

Въ головонькахъ воронъ кряче,
А въ ниженькахъ коникъ плаче:
Або мене пане пускай,
Або мини заплату дай! —
Зорви коню шовковый поводъ,
Бижи коню дорогою,
Зеленою дубровою;
Выижъ травы дви косари,
Выпій воды два озери,
Пидбижи коню пидъ ворота,
А вдарь коню у копыта!
А выйде до тебе ненька старенька,
Козацькая матусенька,
Ой знай коню що казати,
Якъ буде у тебе пытати:
Ой коню мій вороненькій,
А де твій панъ молоденькій?
Чи ты його въ війську згубивъ,
Чи ты його пидъ себе збивъ? —
А ни я його въ війську згубивъ,
А ни я його пидъ себе пидбивъ:
Заслуживъ винъ паняночку,
Въ чистомъ поли земляночку!

Отпусти меня,
Аль награду дай! —
Изорви ты, конь,
Поводъ шелковый,
И бѣги — лети
Въ поле чистое!
По лугамъ травы
Выѣшь двѣ косьбы!
Выпей воду, конь,
Ты изъ двухъ озеръ!
Ты скачи оттоль
Ко дворамъ моимъ,
Ты ударь ногой
Во тесовъ заборъ!
Выйдетъ матушка,
Станетъ спрашивать:
Гдѣ-же, конь лихой,
Господинъ-о̄тъ твой?
Аль въ бою сложилъ
Буйну голову?
Али въ полѣ ты
Обронилъ его?
Ты умѣй на то
Ей отвѣтъ держать:
Нѣтъ, не вороги
Извели его,
И не я его
Обронилъ-убилъ,
А нашелъ себѣ
Панъ панночку:
Во чисто̀мъ полѣ
Взялъ земляночку!

ПОВІЙ ВИТРЕ.

—

Повій, витре, витроньку,
Зъ Украины въ Литвоньку;
Скажи мому милому,
Що я тужу по ёму!
Зосталася молода,
Туга-жъ мини и журба:
Нема мого милого,
Тяжко жити безъ ёго!
Ой коли-бъ я крыльця мала,
То-бы я литала,
Ой то-бы литала,
Соколонька шукала....
На що-жъ мини литати,
Соколонька шукати:
Колись винъ самъ прилетить,
Въ серци тугу звеселить!
Лети, лети, соколу!
Я жду тебе съ тоскою,
Личко съ пылу умыю
И обійму за шію!

САМА ХОЖУ ПО КАМИНЮ.

—

Сама хожу по каминю;
Коня вожу — кинь лёнъ топче;
На дорози горобець скаче.
Ой чижичку-воробейчику!
Скажи мини всю правдочку:
Кому воля, кому нема? —
Дивонькамъ своя воля:

ПОВѢЙ ВѢТЕРЪ.

—

Вѣтеръ, вѣтеръ, ты повѣй
Изъ Украйны изъ моей!
Изъ Украйны на Литву
Я дружку поклонъ пошлю,
Я поклонъ пошлю, скажу,
Что по немъ я здѣсь тужу,
Что мнѣ тяжко безъ него,
Безъ милова моего!
Кабы было у меня
Два крылышка, два крыла:
Полетѣла-бъ я къ нему,
Къ соколику моему!....
Да на что мнѣ улетать
Ясна сокола искать,
Коли самъ онъ прилетитъ
И меня развеселитъ!
Ты лети-жъ, лети соколъ!
Жду я, жду тебя съ тоской,
Выхожу я на крыльцо,
Умываючи лицо,
Бѣло личико умою
Поцалуюся съ тобою!...

САМА ХОЖУ ПО КАМУШКАМЪ.

—

Я хожу сама по камушкамъ,
А коня вожу по травушкѣ.
По дорогѣ скачетъ чижичекъ.
Гой ты, чижикъ-воробеюшка!
Ты скажи-ка мнѣ всю правдушку:
У кого, скажи, есть волюшка,
И кому запретъ на волюшку? —

Да за стричечку, да за виночокъ,
Да на уличку, да у таночокъ! —
Чижичку-воробейчику!
Скажи мини всю правдочку:
Кому воля, кому нема? —
Паробкамъ своя воля:
Да за шапочку, да за стрилочку,
Да на уличку, да за дивочку! —
Чижичку-воробейчику!
Скажи мини всю правдочку:
Кому воля, кому нема? —
Молодичкамъ нема воли:
У запичку буркунъ бурчить,
У колысци дитя кричить,
Пидъ порогомъ порося пищить,
А у печи горщокъ бижить;
Горщокъ каже: одставъ мене!
Порося каже: погодуй мене!
Дитя каже: розповый мене!
Буркунъ каже: поцилуй мене!

НЕМА МОГО ПАНА.

—

Ой сама-жъ я, сама пшениченьку жала,
Ой прійду-жъ я до домоньку — нема мого пана!
Ой сама-жъ не знаю, де мій милый дився:
Чи вовки изъили, чи винъ утопився? —
Якъ-бы вовки зъили, то-бъ луги шумили,
Якъ-бы утопився, то-бъ Дунай разлився;
Якъ-бы у шинкарки, то-бъ бряжчали чарки;
Якъ-бы на базари, то-бъ музыки грали!

Краснымъ дѣвкамъ своя волюшка:
Сарафанъ взяла да вынула,
На себя платокъ накинула,
Убралась и въ хороводъ пошла,
Въ хороводъ пошла, дружка нашла! —
Гой ты чижикъ-воробеюшка,
У кого еще есть волюшка,
И кому запретъ на волюшку? —
Добрымъ парнямъ своя волюшка:
Взялъ въ охапку шапку бархатну,
Синь кафтанъ надѣлъ, пошелъ-запѣлъ,
Пошелъ-запѣлъ, вездѣ поспѣлъ! —
Гой ты, чижикъ-воробеюшка,
У кого, скажи, есть волюшка,
И кому запретъ на волюшку? —
Положонъ запретъ на волюшку
Молодой-ли что молодушкѣ:
На печи у ней ворчунъ ворчитъ,
А въ печи у ней горшокъ бурчитъ,
Подъ палатями дитя кричитъ,
У порога порося пищитъ;
Говоритъ горшокъ: отставь меня!
Порося визжитъ: напой меня!
А дитя кричитъ: качай меня!
А ворчунъ ворчитъ: цалуй меня!

НѢТЪ МИЛАГО.

Пшеничку я сжала, домой прибѣжала,
Домой прибѣжала, дружка не сыскала!
Гдѣ мой милый дѣлся? гдѣ запропастился?
Волки-ли заѣли? въ рѣчкѣ-ль утопился?
Кабы волки съѣли — дубровы шумѣли!
Кабы утопился — Дунай-бы разлился!
Кабы у шинкарки — гремѣли-бы чарки!
Кабы на базарѣ — скрипки-бы играли!

ОЙ ПЛАВАЛА СИРА УТКА.

Ой плавала сира утка по води,
Кликала вона матинку икъ соби:
Прибудь, моя матинко, икъ мини,
Ой дай мини порадоньку, бидной сироти! —
Ой рада-бъ я, дитя мое, прибути къ тоби:
Насыпано сырой земли на груди мои,
Склепилися чорны очи на вси ночи,
Закипили уста кровью — не промовлю!
Ой корися, дитя мое, чужой сторони:
Нехай дае порадоньку бидной сироти! —
Корилася, моя матинко, не разъ и не два,
Да не дае порадоньки чужа сторона!

ДОЛЕ МОЯ, ДОЛЕ.

Доле моя, доле, дежъ ты ся подила?
Цы ты, моя доле, въ мори утонула,
Цысь, доле, въ огни згорила?

'Слись въ мори втонула, приплынь къ береженьку,
Але еслись, доле, въ огни погорила,
Жаль-бы моему серденьку!

Прiихали сваты до нашои хаты,
Та вже хотять мене, мене молоденьку,
За нелюба замужъ дати.

Мене мати дала, тай наказывала:
Шобы ты у мене, моя ридня доню,
Черезъ симъ литъ не бувала!

Я не вытерпила, за рикъ прилетила,
Перекинуламъ ся въ сиву зазуленьку,
Въ калиновымъ гаю сила.

ПЛАВАЛА УТКА ПО РѢКѢ.

—

Какъ плавала сѣра утка по рѣкѣ,
Кликала она матушку да къ себѣ:
Приди, моя матушка, да ко мнѣ!
Ахъ дай благословеньице бѣдной сиротѣ! —
Рада-бъ я, дитя мое, рада-бы пришла:
Травою могилушка моя заросла!
Закрылися черны очи на всѣ ночи!
Накипѣли уста кровью — не промолвлю!
Помолися, дитя мое, чужой сторонѣ:
Дай благословеньице бѣдной сиротѣ! —
Молилася, моя матушка, не разъ и не два:
Не даетъ благословеньица чужа сторона!

ДОЛЯ МОЯ, ДОЛЯ.

—

Доля моя, доля, ты вольная воля!
Иль ты, моя доля, утонула въ морѣ,
Или ты огнемъ сгорѣла?

Коли утонула, приплыви хоть къ краю,
Коли-жъ ты огнемъ сгорѣла,
Какъ помочь, не знаю!

Пріѣхали сваты, стали меня сватать,
И хотятъ меня, меня, молодешеньку,
За немилова выдать!

Мать меня сряжала, такъ мнѣ наказала:
Чтобы семь лѣтъ у меня ты, дочка,
Домой не бывала!

Я-жъ не утерпѣла, лѣтомъ прилетѣла,
Перекинулась сизою кукушечкой,
Въ калиновой рощѣ сѣла.

Якъ взела ковати, жалибно спивати,
Ажъ ся взели къ земли листи калинови
Видъ голосу розлигати.

Выйшла моя мати, стала на порози,
Пригадала соби свою ридню дочку,
Обилляли ею слезы:

Еслись моя дочка, прошу тя до хаты;
Але еслись сива пташка зазуленька,
Лети въ зеленъ лисъ ковати!

КОЛОМЫЙКИ.

—

1.

Кобы мени не дѣтина, ябымъ си гуляла,
А то мени дѣтинище руки завезала;
Кобы мени не чипце, не червона хустка,
Ябымъ соби погуляла якъ на ставу гуска.

2.

Якъ идете хлопци въ танець, беритъ буки въ руки:
У нашои сусидочки зубы якъ у суки!

3.

А вси куры на сидали, когутъ на порози,
Вси жовмиры на кватыри, мій милый въ дорози.

4.

Ой выйду я на село, середъ села стану,
Една мила несе перигъ, а друга смѣтану.

5.

Туда лозы хилилися, куда имъ похило,
Туда очи дивилися, куда серцю мило.

Стала куковати, жалко ворковати,
Какъ и стали частые кусточки
Къ землѣ прилегати.

Мати услыхала, дочку угадала,
Она вышла, стала на пороженькѣ,
Заплакала, зарыдала:

Коль ты моя дочка, оставайся въ хатѣ,
А коли ты сизая кукушечка,
Улетай ты въ лѣсъ куковати!

КОЛОМЫЙКИ.

1.

Кабы мнѣ да не робенокъ, я не знала-бъ скуки,
Да связалъ мнѣ мой робенокъ, связалъ мнѣ онъ руки.
Кабы мнѣ да не чепецъ, не платочикъ алый,
Я играла-бъ что въ прудѣ гусь-гусенокъ малый.

2

Какъ пойдете хлопцы въ танецъ, буки въ обѣ руки:
У сосѣдки-то у нашей зубы какъ у суки!

3

Ой всѣ куры на насѣсти, кочетъ на порогѣ;
Всѣ солдаты йдутъ въ хаты, милой мой въ дорогѣ.

4.

Выйду, выйду на село, по середкѣ стану:
Шлетъ мнѣ милая пирогъ, другая смѣтану.

5.

Не туда-ли гнутся лозы, гдѣ мѣсто положе?
Не туда-ли смотрятъ очи, куда сердце хочетъ?

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Эта пѣсня имѣетъ сходство съ слѣдующею Русскою, доставленною мнѣ однимъ знакомымъ, который слышалъ ее отъ своей няньки:

Какъ отецъ на сына прогнѣвался,
Сосылаетъ онъ сына съ двора долой.
Старшая сестра коня вывела,
Вторая сестра сѣдло вынесла,
А и третья сестрица плетку подала,
И подавши она плетку, горько плакала:
Ой братецъ ты, братецъ, голубчикъ нашъ!
Когда-же ты, братецъ, къ намъ домой будешь? —
Ты сестрица-ль меньшая, сестра милая!
Какъ у нашего батюшки есть зеленый садъ,
А и въ томъ саду сухая яблонька:
Ужъ когда эта яблонька распустится,
Когда дастъ отъ себя цвѣты алые,
Ужъ тогда я, сестрица, къ вамъ домой буду! —
Ты долина ль, долина широкая!
Что и всѣмъ ли ты, долина, разукрашена,
Что однимъ лишь ты, долина, обезчещена:
Какъ лежитъ убитъ добрый молодецъ
На тебѣ, долина широкая.....
Не дала знать цвѣтовъ сухая яблонька,
Не вернулся онъ въ домъ родительскій!....

2) Эта пѣсня и еще двѣ — *Плавала утка по рѣкѣ* и *Доля моя, доля*— переведены для опыта размѣромъ подлинника со всѣми его измѣненіями.

ЛИТОВСКІЯ.

—

Вотъ что говоритъ о Литовскихъ пѣсняхъ Реза, сборникомъ котораго (Dainos, Litthauische Volkslieder. Berlin. 1843.) я пользовался: «Литовскія пѣсни преимущественно эротическаго содержанія. Онѣ воспѣваютъ любовь, или живописуютъ счастіе семейной жизни.... мы видимъ, какъ Литовская дѣвушка проводитъ свой ребяческій возрастъ подъ крыломъ своей милой матушки; какъ занимается она домашними работами: прядетъ, ткетъ, вышиваетъ..... мы видимъ ее потомъ невѣстой, въ брачномъ вѣнкѣ, изъ простой руты, завѣщанномъ ей прародителями и многочтимомъ и уважаемомъ..... видимъ, какъ покидаетъ она, горько плача, домъ родительскій, мать, сестеръ и подругъ.»—Этотъ отдѣлъ пѣсенъ Реза называетъ *Дайносъ* (Daínos), относя къ нему также *пѣсни-загадки*, или *Мыслесъ* (Mysles), а также рыбацкія и военныя. «Кромѣ того есть, говоритъ онъ, еще два рода Литовскихъ пѣсенъ: 1) *Гисмесъ* (Gíésmes), предметомъ которыхъ бываетъ или описаніе временъ года, или религіозныя ощущенія (но изъ такихъ пѣсенъ нѣтъ ни одной въ указанномъ мною собраніи Резы: онъ издалъ ихъ отдѣльно, въ Кенигсбергѣ, въ 1818 г.) и 2) *Рауда* (Raudà), или плачъ по мертвымъ.» Въ числѣ особенностей Литовской пѣсни Реза указываетъ на множество уменьшительныхъ, которыя придаютъ ей необычайную прелесть, нѣжность и привлекательность. Даже самые глаголы въ Литовскомъ языкѣ имѣютъ особенное уменьшительное окончаніе. (Сколько мнѣ кажется, это уменьшительное окончаніе близко къ нашему извѣстному смягченію нѣкоторыхъ глаголовъ, напримѣръ: *похаживаетъ*, *пострѣливаетъ*, *погуливалъ*, что мы привыкли называть многократнымъ видомъ.)

«Размѣры Литовскихъ пѣсенъ — говоритъ далѣе Реза — весьма разнообразны. Попадается ямбъ, трохей и дактиль. Рѳмы встрѣчаются рѣдко и то небогатыя. — Мелодія въ Литовской пѣснѣ самое трудное дѣло для передачи, это что-то неуловимое: какъ ни бейся и ни укладывай эти звуки въ ноты, самое лучшее, букетъ пѣсни исчезнетъ непремѣнно.»

Въ концѣ своего предисловія Реза указываетъ на слѣды будто-бы существовавшихъ прежде эпическихъ Литовскихъ пѣсенъ, нынѣ утраченныхъ народомъ совершенно, по крайней мѣрѣ собиратель *Дайносъ* не могъ напасть ни на одну такую пѣсню въ продолженіе многихъ лѣтъ исканія.

MENESIO SWODBA.

Ménû Saulůžę wéde
Pírmą Pawasarèli.
Saulůže ankstí kèlés';
Ménůžís atsískyre.
Ménû wíen's waíksztínėjo,
Auszrínę pamílėjo.
Perkúns dídey supykęs
Ji Kárdu pérdalíjo.
Ko Saulůžês atsiskyreí ?
Auszrínę pamílejeí ?
Wíens Naktíj' waíksztínėjej ?

KRAITIS.

Asz Motůžês mylímôsês
Wíentůrte Dukryte.
Jei Darbelíůs dírbt ne wéngíau,
Sunkůs Dárbus taíp nutwėríau,
Kaí kíttos Mergytes.

Man pàlėpe Mamulyte,
Angsty Rytą kéltís.
Asz paklausíaù, atsíkėlíau,
Jr Ugnélę jeí prakúríau,
Pusrytukůs wírtí.

Man pàlėpe Mamulyte,
Plónas Gíjès wèrptí.
Asz paklausíaù, greítay werpjaù,
Plonû Gíjû susukínaù
Daug túkstant Posmélíů.

ЖЕНИТЬБА МѢСЯЦА.

Какъ женился на солнышкѣ мѣсяцъ,
Съ первесны ранешенько женился.
Солнце встало, утромъ заблистало;
Мѣсяцъ скрылся, за горы спустился;
Ночью выплылъ, по небу гуляетъ;
Полюбилъ онъ звѣздочку-зарницу.
Разсердчалъ Перкунъ, ударилъ въ мѣсяцъ, (1)
И насквозь пробилъ его стрѣлòю:
Не бросать тебѣ было солнца!
Не любить тебѣ было зарницу!
Не гулять одному въ ночь-полýночь!

ПРИДАНОЕ.

Я у матушки родúмой
Одинешенька на свѣтѣ,
И что̀ пò дому заботы,
И что̀ пò дому работы, —
Всѣмъ я, всѣмъ распоряжаю!

Мнѣ родная приказала,
Чтобы рано я вставала:
Ранымъ-рано я поднялась,
Бѣлымъ-бѣло умывалась,
Рано печку затопила.

Мнѣ родная приказала,
Чтобы пряжи я напряла:
Я присѣла у порога
И напряла пряжи много,
Много талекъ намотала.

Man pàlėpe Mamulyte,
Plónas Dróbes áustí.
Asz ír áudzíau, íszdusgínaù,
Plónas Dróbes susírėczíau
J márgą Skrynélę.

Wéża jau máno Kraítùżí,
J swétímą Szálí,
Dwejeís, trejeís Ratéleís,
Penkeís, szeszeís Źírgéleís,
Wíssaís Parwedínikaís.

Kur Ratéleí ísígręże,
Cze Wírwéles trúko,
Trúkte trúko Wírwéles;
Tużbôs pílnà Szírdùżís
Jaunôsês Mergytês.

Kad asz ėjaù per Klėtùżę,
Klėtíês Gríndís línko;
Línktė línko Gríndátes,
Kriste krito Aszarátes
Nůg máno Weídélío.

PARWEDIMO DAINA.

—

Jsz Wakarélío
Wejélíams pùczíant,
Lelíjùżéms be língójant,

Jszweż', íszweże
Míelą Dukrélę
Pèr żálíąję Gírélę.

Мнѣ родная приказала,
Чтобъ полотенъ я наткала:
Я для матушки охотно
Изготовила полотна
И въ сусѣкъ ихъ уложила.

Только завтра, съ самой зорькой,
Уѣзжать мнѣ будетъ горькой!
Двѣ и три стоятъ телеги,
Двѣ и три кобылы пѣги,
И приданое готово!

Встала рано я съ постели, —
И колесы заскрипѣли,
Скрипомъ скрипнули колесы,
Расплелися русы косы,
Защемило ретивое!

Какъ пошла я изъ свѣтлицы,
Затряслися половицы,
Затряслися половицы
Подъ ногой души-дѣвицы,
А изъ глазъ какъ брызнутъ слезы!....

ПРОВОДЫ.

—

Какъ подула съ вечера
Вьюга непогодушка,
Вьюга непогодушка въ полѣ поднялась,

Подхватила дѣвицу,
Дѣвицу-красавицу,
Унесла красавицу далекò отъ насъ!

Aí, kélkít, kélkít,
Mano Sunélei,
Wykít pàwestą Sesélę!

Jaù ír pàwíjo
Sáwo Sesélę
Pàs żálíąję Gírélę;

Pèr Szílą jójo,
Szílas bíldéjo,
Jr Kámanos skambėjo.

Aí, gryszkís, gryszkís,
Máno Sesyte!
Grażín' tawę Moczíùtę.

Bėt asz ne gryszu,
Máno Brolélei!
Grażisu Waíníkéli.

O kùr, Sesyte,
Pajůdakyte,
O kùr tù nakwynósí?

Stów' ant Kalnélío,
Żalíà Lėpéle:
Tén máno Nakwynėle.

Szítôs Lėpélês
Żalí Lapélei
Bùs máno Príegalwelís.

Uż manę línko
Líepôs Szakéles,
Ne Moczíùtês Rankéles.

Uż manę krito
Lėpôs Żíedélei,
Ne Moczíùtês Żodélei

Братья, братья милые!
Что-же провожатыми,
Что-же, что не ѣдите слѣдомъ вы за ней?

Собирались мо̀лодцы,
Со двора поѣхали,
По полю широкому слышенъ топъ коней.

Ахъ сестрица милая,
Воротися къ матушкѣ,
Воротися къ матушкѣ ко своей домой! —

Не хочу я къ матушкѣ!
Отвезите матушкѣ
Мой вѣнокъ дѣвическій, вы зеленый мой! —

Гдѣ-жъ, сестрица милая,
Гдѣ-жъ ты, черноокая,
Гдѣ-жъ ты эту ноченьку будешь ночевать? —

На холмѣ подъ липами,
На цвѣтахъ, на травушкѣ, —
Вотъ моя постелюшка, вотъ моя кровать! —

Я легла подъ липами,
Липы низко свѣсились
И вѣтвя̀ми длинными обняли̇сь со мной,

Только вѣтви длинныя,
Не были то рученьки,
Ласковыя рученьки матушки родной!

Зашептали цвѣтики
Мнѣ тихонько на ухо,
Стала разговаривать трава-мурава,

Только рѣчи травушки,
Не были то матушки,
Не были то матушки сладкія слова!

MYSLES.

—

Aí sùnte, sùnte manę Anytėle
Źíemùżês Szėko, Wasarùżês Sníego,
O asz eídamà, graudzey werkdamà
Sutikaù Bernùżi, jáuną Kerdùżi.
O kur tu eísí, Mergyte máno?
O ko tu werkí, Jaunójí máno?
Aí sùnte, sùnte manę Anytėle
Źíemùżês Szėko, Wasarùżês Sníego.
Eíkís Mergyte, eíkis Jaunójí
Wís Pagírėleís, wís Pamarėleís,
Tén tu rąsí żálą Puszytę,
Jmk Puszíês Száką ír Márês Putôs Sáują;
Tay tu parnèszí sawo Anytéleí
Źíemùżês Szėką, Wasarùżês Sníegą.

PUIKORATIS.

—

Asz turėjau máżą Bróli;
Bet dídeli Puíkoráti.

Jís turėjo bėrą Źírgą.
Aukso Patkawátėms.

Kad jís jójo per Píewàtę,
Píewùże línkėjo.

Jís użmyne Dûbíláti,
Dûbílatís suteszkėjo.

Kaí jís jójo per Laukàti,
Laukùżís bíldėjo.

ЗАГАДКА.

—

Послала, послала свекровь меня злая
По лѣто зимою, по снѣгъ по весенній.
Пошла я, пошла я, рыдаючи горько,
И вижу стоитъ молодецъ на дорогѣ:
Куда ты, красавица, утромъ такъ рано?
Объ чемъ ты, объ чемъ разливаешься-плачешь? —
Послала, послала свекровь меня злая
По лѣто зимою, по снѣгъ по весенній! —
Ступай ты, красавица, красна дѣви́ца,
Въ зеленую рощу, ко синему морю:
Въ зеленой ли рощѣ зеленая елка,
Отломишь отъ елки зеленую вѣтку,
Зачерпнешь изъ моря морской бѣлой пѣны, —
И будетъ, и будетъ те лѣто зимою,
И лѣто зимою, и снѣгъ те весною.

ЛИХАЧЪ.

—

У меня лихой братишка,
Разбитной, уда̀лый парень.

У него конекъ буланый,
Золоченыя копыты.

Коли по полю проѣдетъ,
Дрожкой дрогнетъ чисто поле,

Мурава-трава поблекнетъ,
Алы цвѣтики завянутъ!

А какъ по лугу поѣдетъ,
Стономъ стонетъ лугъ широкой!

Kaí jís jójo per Szíláti,
Szílùźís skambėjo.

Jís uźmyne Szílè Szíeksztą,
Kad Źewulėleí lėke.

Jís sutiko Merguźátę,
Báltą Lelíjátę.

Jís jeí dáwe lábą Rytą,
Jí jam ney Źodáti.

Jís jeí kėle Kepurátę,
Jí jam Waínikáti.

LAIWAS.

J Szílą ėjaù,
Szílùźíj' kírtaù,
Pagírij' Láíwą kúríaù.

O kaí pakúríau
Jůdą Laíwáti
Su asztůneís Kampáczeís;

Ant kôźno Kàmpo
Po Lėpôs Médi,
Su dewyniôms Szakátėms;

Ant koźnôs Szakôs
Po graźíù Paukszczíù
Su meílíngaís Balsėleís....

Ey Brólí, Brólí,
Brolytí máno,
Kùr kreípsíwa Laíwáli?

А поѣдетъ по дубровѣ, —
Вся гудетъ-шумитъ дуброва,

Елки-елочки трясутся,
Вѣтки-вѣточки валя́тся!

Повстрѣчалъ красу-дѣви́цу,
Точно бѣлую лилею;

Онъ сказалъ дѣви́цѣ: здравствуй!
А она ему ни слова.

Съ головы онъ далъ ей шляпу,
А она ему вѣночикъ.

ЛОДОЧКА.

Ходилъ-гулялъ я по лѣсу,
Я по лѣсу еловому,
Ходилъ-рубилъ все елочки.

Срубилъ я тонку елочку
И сшилъ я легку лодочку
Себѣ восьмиуголочку.

На каждомъ на уголушкѣ
По дереву, по липушкѣ,
По липѣ въ девять вѣточекъ.

На всякой вѣткѣ липовой
Садилось по двѣ пташечки,
Что̀ по двѣ развеселыхъ.

Эй братъ, куда погонимъ мы,
Куда погонимъ ло̀дочку
Свою восьмиуголочку?

Ar ant Dwaráczío?
Ar ant Míestáczío?
Ar ant máżo Kėmáczío?

Mażàm' Kėmátíj'
Máżos Mergátės,
Ale díde Meíláte. —

O jey ne gáusu,
Kokíôs norėjau,
Láuksu Príáuganczíosês.

O jey ne gaúsu
Príáuganczíosês,
Wèsu Źwejû Mergátę!

Zwejû Mergáte,
Pajûdakáte,
Ne mók' tríjû Darbáczíû:

Ney tánkey áustí,
Ney plonay wèrptí,
Ney Stakluźės taísytí;

Tíkt ankstí kéltís',
Láíwe sėdėtí,
Báltas Rankàs mazgótí.

WARNAS.

—

Atlėke jûdas Wàrnas,
Atnesze báltą Rànką
Jr áuksíną Źíedélí.
Kláusíu tawę, Paukształí,
Tù jûdàsís Warnélí:
Kùr gawaí báltą Rànką

Погонимъ-ли къ дворамъ своимъ?
Погонимъ то-ли къ городу?
Въ деревню-ли веселую?

Въ деревнѣ, слышишь, дѣвица,
Что дѣвица-красавица,
Моя печаль-зазнобушка!

Хочу я къ ней присвататься;
Коли теперь не выдадутъ,
Присватаюсь, какъ выростетъ.

Коль и тогда не выдадутъ,
Присватаюсь къ красавицѣ,
Я къ рыбаковой дочери:

Рыбачка черноокая
Мнѣ пò сердцу, по разуму,
Да ни чему не ỳчена;

Изъ рукъ у ней все вàлится:
Ни ткать, ни прясть, ни донца взять,
И ни мотать початочки;

А знай сидитъ все въ лодочкѣ
И рученьками бѣлыми
Въ водѣ, въ рѣкѣ плескается....

ВОРОНЪ.

—

Кружѝтся чорный воронъ,
На землю опустился,
Въ когтяхъ своихъ онъ держитъ,
Онъ держитъ бѣлу руку
И золото колечко.
Скажи мнѣ, чорный воронъ,

Jr Auksélio Żėdėli?
Asz buwaù dídzíàm' Karė.
Tén dídi Mûszi mùsze,
Tén Kardû Twôrą twère,
Puczkélėm's Dûbę káse,
Tén Kraùjo Upė bėgo;
Tén gùl ne wíens Sunélís,
Tén wèrkía ne wíens Tėwélís.
Uí, uí, taí máno Źíedélís;
Ne grysz máno Bernélís,
Krínt máno Aszarėles.

PRAPŮLUSI.

O ír íszdygo Lėpatėle
Tėwo żalíàm' Sodùzíj',

O po ta Lėpa, Lėpatėlė
Stowėjo Tėwo Dukryte.

Su Dwaronėleís jí kalbėjo,
Su Dwarônaís, Puíkoráczeís.

Ay, Sėsyt', Sėsyt', Sesytėle,
Asz pasakysu Tėtùżíuí.

Ay, Brôlyt', Brôlyt', Brolytėlí,
Dėl ko sakysí Tėtùżíuí?

Ar dėl szíû dwėjû Źodużėlíû?
Ar dėl szío Aukso Źėdùżío?

Ne dėl tû dwėjû Źodużėlíû,
Tíkt dėl szío Aukso Źėdėlío.

Гдѣ взялъ ты бѣлу руку
И золото колечко? —
Я былъ на полѣ битвы,
Тамъ люди страшно бились,
Отъ сабель отъ булатныхъ
Тамъ иверни летѣли,
Тамъ кровь лилась рѣкою
И не одинъ тамъ плакалъ
Отецъ по миломъ сынѣ! —
Ахъ, воронъ, чорный воронъ!
Отдай мое колечко!
Знать милый-ненаглядный
Домой ужъ не вернется!

УТОПЛЕННИЦА.

Какъ у батюшки сгороженъ огородъ,
Въ огородѣ липка-липочка ростетъ;

Дочка батюшки по темнымъ по ночамъ
Съ дворяниномъ разговариваетъ тамъ,

Съ дворяниномъ, съ добрымъ парнемъ, съ молодцомъ,
Съ нимъ тихонько обручается кольцомъ.

Не ходи, сестра, ты ночью къ молодцу,
А не то скажу я батюшкѣ-отцу! —

Братецъ, братецъ, братецъ милый, дорогой,
Что̀ ты скажешь объ сестрѣ своей родной?

Что два слова-то сказала съ молодцомъ?
Или то, что обручалась съ нимъ кольцомъ? —

Не про тѣ твои два слова съ молодцомъ,
А про то, что обручалась съ нимъ кольцомъ! —

Seríadôs Rytą, ankstí Rytą,
Prapůle Tėwo Dukryte.

Nedėlês Rytą, ankstí Rytą,
Jszjójo Bróleí jészkótí:

Wárío Trímítaís trímítáwo,
Bûbnaís itemptaís bubnáwo.

O ír surądo Sesytėlę
Ant Júríû, Máríû Dugnélío.

Szėmóms Smíltélėmís apdùmtą,
Żaleís Mauréleís àpnesztą.

TILTAS.

Per Tíltą jójau,
Źírg's íssíbaíde,
Nu Źírgùźío nupůlíau.

Ay, taí man mínksztas,
Mans Patalėlís,
Czystàsís Wandenėlís!

Asz atsíkėlęs,
Apsíżurėjęs:
Jaù níer' máno Draugélío.

Asz patsaí lûdnas,
Źírgytís smûtnas.
Uí, ką dabàr darysu?

O ír àtlėke
Trys Gulbużėles
Jsz Karálíaus Darźélío.

Въ понедѣльникъ вышла дѣвица гулять,
Не видать ее во вторникъ, не видать!

Выѣзжали братья въ среду поутру,
Стали спрашивать про милую сестру,

Въ барабаны барабанили три дни
И трубили въ трубы мѣдныя они;

Наконецъ къ рѣкѣ широкой подошли
И утопленницу бѣдную нашли:

Тѣло бѣлое лежало на пескѣ
И купались косы черныя въ рѣкѣ.....

МОСТЪ.

—

Ѣду по мосту,
Подо мною конь
Спотыкается;

Я упалъ съ него
Въ рѣку быструю,
Въ воду чистую.

Какъ поднялся я,
Глядь: позадь меня
Нѣтъ товарища!

И съ конемъ моимъ
Тутъ мы всплакались,
Какъ помочь бѣдѣ?

Вдругъ летятъ-шумятъ
Изъ княжихъ садовъ
Три лебедушки.

O ír nùtupe
Tos Gulbużėles
Ant Brolyczío Kapélío.

Gulbė príe Kójû,
Gulbė príe Galwôs,
Gulbė príe Czalátês.

Martí príe Kójû,
Sesû príe Galwôs,
Mamùże príe Czalátês.

Martí gedėjo
Trís Nedėlátes,
Sesû trejùs Metelíùs.

O szí Mamùże,
Máno Garbużėle,
Kol jôs gywà Galwéle.

SIRATELES RAUDA.

Asz Wargdíenėle,
Asz Síratėle!
Paprątus' wàrgtí,
Wargû-Díenélę;
Kad asz turéczíau
Nórs Motínėlę,
Użtarėjėlę!

Опустились тѣ
Три лебедушки
На могилушку.

Въ головахъ одна
И въ ногахъ одна,
Третья ў боку:

Въ головахъ сестра,
А въ ногахъ жена,
Матерь ў боку.

Въ головахъ сестра,
Въ головахъ сестра
Плачетъ три утрà.

А въ ногахъ жена
Плачетъ пò мужѣ
Три недѣлюшки.

Плачетъ мать одна,
Плачетъ вѣкъ она,
Разливается.....

ЖАЛОБА СИРОТЫ.

Бѣдная, горькая
Я сиротинушка,
Всѣми забытая,
Горюшко мыкаю!
Кабы мнѣ матушку,
Матушку милую,
Съ рѣчью совѣтною!

Jaù seney gùlí
Auksztàm' Kalnélíj'.
Ant jôs Kapélío
Rútû Raséle
Taíp grażey szwíeczía
Kaí Sídabrélís.

SESŮ.

Kùr grażí músû Sesyte stowéjo,
Rutùżes żydéjo ír Lelíjùżes;
Czę músù Sesyte smutnay ludéjo.

O ko nulustí, jaunójí Sesyte?
Ar ne pírmos táwo Díenużátes?
Ar ne jáunas táwo Bernużátís?

Nor's ír pírmos máno Díenużátes,
Nor's ír jáunas máno' Bernużátís:
Gaíla Szírdzeí máno Díenużáczíû.

J swétímą Wíetą toly íszeínant,
Sáwo brángę Moczíùtę palíekant.
Ne gíedókít jús raíbí Gaídùżeí!

Paílgikít man szítą Naktátę,
Kad asz gáuczíau ílgesney stowétí,
Su Moczíutè Źodytí kalbétí.

Tay ne gíedójo raíbí Gaídùżeí,
Kad asz gawaù ílgesney stowétí,
Su Moczíutè Źodytí kalbétí.

Спитъ моя матушка
Въ темной могилушкѣ,
Блещетъ тамъ росонька,
Въ темной муравушкѣ
Чистымъ сѐребромъ
Переливаючись.....

СЕСТРА.

Тамъ гдѣ ступитъ-поступитъ сестрица,
Разцвѣтетъ и рута, и лилея,
Да грустна дорогая сестрица.

Что̀ грустна ты, сестрица, печальна?
Не твои-ли года молодые?
Не хорошъ-ли, пригожъ твой любезный? —

Что года мнѣ мои молодые ,
Пусть хорошъ и пригожъ мой любезный:
Все болитъ и щемитъ ретивое,

Что въ чужу мнѣ семью будетъ ѣхать,
Милу матушку будетъ покинуть.
Пѣтухи, вы не пойте такъ рано!

Чтобы ночь протянулась длиннѣе,
Чтобъ побыть мнѣ съ родимой подольше,
Побесѣдовать съ нею побольше!

Пѣтухи кабы рано не пѣли,
Побыла-бы съ родной я подольше,
Повела-бы рѣчей съ ней побольше!....

MARTI SERGANTI.

—

Pèr Beržínėli,
Pèr Puszynėli
Manę nùnesze,
Màns bėràsís Žízgátis,
Jk Oszwío Dwaráczío.

Lab' Díen', làb's Wákar's,
Míelà Anytùże!
Ką weík máno Mergáte?
Ką weík máno Jaunóji?

Mergyte sèrga,
Skaudíngay sèrga,
Naujôj' Klėtėlėj'
Tén żalíàm' Patalėlij'.

O àsz pèr Kėmą
Greíts ír bewèrkdams,
Jr príe Durėlíû
Nuszlósczíau Aszarėlės.

Twėríau Rankėlę,
Mówjau Žíedėli.
Ar táw geryn Mergyte?
Ar nė pasweíks Szírdyte?

Asz nė pasweíksu,
Tawóji nė búsu.
Tù manę n'apgedėsi,
Ant Kítû wís żurėsí.

Pèr szítùs Wartelíùs
Manę ísznèszít.
Pèr anùs Sweczei ijója.
Ar táw patínk Mergyte?
Ar táw patínk Jaunóji?

БОЛЬНАЯ НЕВѢСТА.

—

Ведите коня воронова,
Ведите коня молодцу:
Поѣду я къ старому тестю,
Я къ старому тестю, къ отцу!

Здорово! день добрый и вечеръ!
Какъ можешь-живешь старина?
Что̀ дѣлаетъ наша невѣста,
И все ли здорова она? —

Больнешенька наша невѣста,
Больнешенька въ новой клѣти,
Лежитъ горемыка въ постели,
Поди ты ее навѣсти!

Пошелъ черезъ дворъ я широкій,
А слезы-то, слезы ручьемъ!
Откинулъ я дверку у клѣти,
И слезы обтеръ рукавомъ;

Взялъ за руки бѣлы невѣсту,
Прижалъ ихъ цалуя къ себѣ:
Скажи, мое красное солнце,
Не легче-ли стало тебѣ? —

Не легче, не будетъ мнѣ легче,
Не быть мнѣ невѣстой твоей:
Другую ты любишь-голубишь,
Ступай и присватайся къ ней!

А я собираюся въ гости,
Мнѣ пиръ пировать на погостѣ.....
Прощай!... а скажи, хороша
Твоя чародѣйка-душа?

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Перкунъ — богъ грома. И теперь *громъ* у Литовцевъ называется Perkunas. Въ Пруссіи и Литвѣ есть много мѣстъ съ именемъ Перкуна: Perkun-lauken — Перкуново поле, Perkujken — Перкунова деревня и другія. Anmerkungen. Стран. 241—242.

ЛУЖИЦКІЯ.

—

Пѣсни Лужичанъ заимствованы мною изъ Сборника Л. Гаупта и Я. Смолеря: Pjesnički hornych a délnych Łužiskich Serbow. Grymi. 1841, и Próznicki Serskego ludu we górejcnych a dołojcnych Łužyach. Grymé. 1843. — Первыя семь пѣсенъ принадлежатъ Верхнимъ Лужичанамъ, а послѣднія четыре Нижнимъ.

HAŁŽČIČKI WUČBA.

—

Šła je ta holička trawičku žnec
Do teho hajka mi zeleneho.

Wele tych horskow je wužnjała,
Wulke to brjemjo sej nakładła.

Dyž pak je wona z nim stawała,
Da je ju šlipnyła hałžčička.

Čakaj ty moja mi hałžčička,
Zo sy ty tàk'lej me šlipnyła.

Ja mam tam doma dwej' bratsikow,
Tymaj 'cu dać tebe podrjezaći.

Tymaj 'cu dać tebe podrjezaći,
Pši samej zemi preč wotrubaći. —

Dašli me nazymu podrubaći,
Naljetko biju zas' młodžinki won.

Wele mi reńše a zeleniše,
Wele mi reńše a młódniše.

Z'ubiš pak holečo twoju ty česć,
Teje ty nidy 'jac nedóstaneš. —

SWJERNA DŽÓWKA.

—

Ja stejach horkach na hori,
A 'ladach do doła,
Ja widžach łódž tam jjezdžić,
Na łodži holcow tsjoch. —

УРОКЪ ОТЪ ВѢТКИ.

—

Красная дѣвица жала траву,
Травку-муравку зелениньк︠ую;

Много нажала зеленой травы,
Цѣлу вязанку нарѣзала.

Красная дѣвица лѣсомъ пошла,
Хлысть ее вѣтка по бѣлой щекѣ. —

Что̀ ты, зеленая вѣтка моя,
Что̀ ты дерешься, похлестываешь?

Есть у меня братья вѣрные,
Имъ я велю вѣтку срѣзати,

Имъ я велю вѣтку срѣзати,
Срѣзать, подъ самый срубить корешокъ!

На̀ зиму вѣтку вы срѣжете,
На̀ весну снова я выбѣгу,

Свѣжими выйду побѣгами,
Новымъ кудрявымъ дѐревцомъ.

Еслижъ погубишь ты, дѣвица, честь, —
Честь къ тебѣ ввѣкъ не воротится!

ПОКОРНАЯ ДОЧЬ. (1)

—

Я на гору кверху поднялась
И въ даль я съ горы поглядѣла,
И вижу я: лодочка ѣдетъ,
А въ лодкѣ три мо̀лодца добрыхъ.

Tón najreńši, tón najmłódsi,
Kiž sredža sedžeše,
Tón mi tu žeńtwu slubi,
Tak młody hać wón bje.

Wón zawda mi swoj peršćeń,
Swoj peršćeń sljeborny,
Da wzmi, da wzmi tón peršćeń,
Tón peršćeń sljeborny.

Dyž bdže će mać̈eŕ prašeći:
Dže sy jón krydnyła,
Da praj ty twojej maćeri:
Zo sy jón nankała. —

Moju mać ja wobłhać nemózu,
To so mi nelubi,
Wele radsjo 'cu ja prajići:
Tón młodžeńc 'ce me mjeć.

WÓLNOSĆ.

'Ceš ty wedžeć, stó ja sym?
Ja sym khudoh' bura syn,
Mam so myslje ženić.

Mi so lubi ryzy kóń,
Rjane holčo, swjetła bróń,
Hišće por pistolijow.

Na wójnu ja poćahnu,
Burej howzy wostaju,
Lubcy ćeńku košlu.

Что̀ былъ всѣхъ пригоже, моложе,
Что̀ въ лодкѣ сидѣлъ посередкѣ, —
На мнѣ обѣщалъ онъ жениться,
Хоша молоденекъ годами.

Онъ далъ мнѣ, дѣвицѣ, колечко,
Колечко, серебряный перстень:
Возьми ты, дѣвица, колечко,
Возьми ты серебряный перстень!

Коль матушка спрашивать будетъ,
Откуда серебряный перстень?
Скажи, отвѣчай ты родимой,
Что перстень нашла на дорогѣ! —

Предъ матушкой лгать я не стану,
Не стану кривить я душою,
А прямо скажу безъ утайки,
Что хочешь на мнѣ ты жениться!

УДАЛЫЙ МОЛОДЕЦЪ.

Хочешь знать, кто я таковъ:
Изъ простыхъ я мужиковъ
И хочу жениться!

Припасите для меня
Дѣвку, саблю да коня:
На войнѣ годится!

На войну, въ кровавый бой,
Захвачу я ихъ съ собой,
А крестьянски порты,
И рубашку — къ чорту!

SWJERA HAĆ DO SMERĆJE.

—

Mi je so džens nocy zejdžało,
Zo je mi lubčička wumreła.

Seduj mi, bratsiko, konika,
Seduj mi pšeco wobej' dweju.

'Cemoj mój jjeći k Šołćicom,
'Cemoj jjeć do Žulic k Šołćicom.

'Cemoj tam tola mój wo'ladać,
Hać je mi wjerno aby nej'. —

Šołćina po dwori khodžeše,
Čornej tej sukni hać do zemje.

Pomhaj bóh, pomhaj bóh, Šołćina!
Džeda maš ty twoju džówčičku? —

Wone je džensa mi rune ljeto,
Zo smy ju na keŕchow dowezli.

Z tymaj mi čornymaj konjomaj,
Z tymaj mi bjełymaj šumylomaj. —

Hólčik tón zawróći konika,
Pšeco wón ćjereše do Khrósćic.

Pšeco wón ćjereše do Khrósćic,
Pšeco wón ćjereše na keŕchow.

Tsi molje keŕchow wón wobrajtowa,
Na jeje rówčku wón pozasta.

Stawaj mi horje, holečo,
Daj mi te moje zawdanki zas'! —

ВѢРНОСТЬ ДО ГРОБА.

—

Мнѣ приснилось въ эту ноченьку,
Что подруженька въ гробу лежитъ.

Ты сѣдлай коня, мой милый братъ,
Ты сѣдлай коней обоимъ намъ!

Мы съ тобой поѣдемъ въ Жулицы,
Повидаемся съ Шултицами,

Мы узнаемъ, мы развѣдаемъ,
Какъ живется имъ, какъ можется. —

Мать Шултиха ходитъ по двору,
На Шултихѣ платье чорное.

Здравствуй, здравствуй, моя матушка,
Гдѣ-же дочь твоя красавица! —

Ныньче годъ ровнымъ-ровнешенько,
Какъ свезли мы на погостъ ее,

Что на парѣ-ль вороныхъ коней,
И еще на парѣ бѣлыихъ! —

Повернулъ коня онъ бо̀рзаго
И поѣхалъ прямо въ Кростицы,

Онъ поѣхалъ прямо въ Кростицы,
На кладбище, на церковный дворъ.

Онъ вокругъ объѣхалъ три́ раза,
Сталъ надъ гробомъ красной дѣвицы:

Пробудись, проснись, подруженька!
Вороти мои подарочки! —

Horje ći stawać ja nemóžu,
Zawdanki ći ja dać nebudu.

Ćežki mam kameń na wutrobi,
Dróbnu mam peršć na wočomaj.

Rajtuj ty mojeji maćeri dom,
Nech ći šak wona te zawdanki da.

Z bantom te črije su na kšini,
Rubiško židžane we kšini.

Peršćeń mam sljeborny na porsći.
Teho ty nidy zas neskrydneš.

Džensa pak za rune ljeto,
Da budžeš, luby, tejž pola me. —

Hólčik tón zawróći konika,
Pšeco wón ćjereše k maćeri dom.

Och, luba stara mi maćeŕka,
Daj mi ty njetko te zawdanki zas.

Z bantom te črije su na kšini,
Rubiško židžane we kšini.

Peršćeń ma sljeborny na porsći,
Teho ja nidy zas neskrydnu. —

Stara mać zawdanki dawaše,
Hólčik pak žałosnje płakaše.

Pšeco da płačeš, ty synko mój?
Šako maš tajkich'lej holcow dosć,

Wele mi reńšich a bohatsich,
Wele mi reńšich a pjeknišich.

Ахъ не встать и не проснуться мнѣ,
Не вернуть твоихъ подарочковъ:

На груди плита тяжелая,
Очи перстію засыпаны:

Поѣзжай къ моей ты къ матушкѣ,
Пусть отдастъ твои подарочки,

Черевички съ бантомъ, съ лентами,
И платокъ богатый шелковый;

Перстенекъ твой на рукѣ моей,
Ужъ его мнѣ не отдать тебѣ!

Подожди еще годокъ-другой:
Ляжешь, милый, ты рядкомъ со мной! —

Повернулъ коня онъ бо̀рзаго
И поѣхалъ прямо къ матери:

Слышишь, старая ты матушка,
Вороти мои подарочки:

Черевички съ бантомъ, съ лентами,
И платокъ богатый, шелковый!

Перстенекъ мой на рукѣ у ней,
Перстенекъ мой не воротится! —

Отдавала мать подарочки,
Горько плакалъ добрый мо̀лодецъ. —

Что ты плачешь добрый мо̀лодецъ?
Много въ свѣтѣ красныхъ дѣвушекъ,

Что̀ богаче, и пригожѣе,
Что богаче и красивѣе. —

Dyž twoju džówku ja neskrydnu,
Da ja wo druheje nerodžu.

Hólčik tón zawróći konika,
Pšeco wón ćjereše k tyšerej.

Pšeco wón ćjereše k tyšerej,
Dał je sej džjełaći nowy kašć.

Ja 'cu tejž tam być, džež wona je,
Džež moja lubka najlubša je.

BUDŽER.

Wón je jej zawdał žołty króš,
Wona tu bjełu ručku jom'.

Tak staj so 'załój za ručki
A staj so wedłój pšez łučki.

Do pół staj łučkow nepšišłój,
A za'rodku staj nadejšłój.

Tam staj so delje synyłój
A na jabłóčko z'ladwałój.

Na jabłočko staj z'ladwałój
Hać staj tam z ćicha wusnyłój.

Štó 'dže naj' ranko horjewołać,
Dyž budže bjeły džeń bówać? —

Šak je tym hajku drobny ptačk,
Kiž nócku mi tak małko spi.

Коль въ твоей не посчастливилось,
Мнѣ другихъ подругъ не надобно! —

Повернулъ коня онъ бо̀рзаго,
Ѣдетъ къ мастеру гробо̀вому,

Ѣдетъ къ мастеру гробо̀вому,
Новый гробъ ему заказывать.

Видно лечь мнѣ, гдѣ она лежитъ:
Перестану я грустить-тужить!

КТО РАЗБУДИТЪ.

—

Далъ онъ милой жолтый грошъ,
Сталъ онъ милъ ей и хорошъ;

Другу руку подала,
Съ другомъ по лугу пошла;

Полъ-пути они прошли
И зеленый садъ нашли,

Растворили двери въ садъ,
И на яблочко глядятъ,

Что на яблочко глядятъ,
Спать подъ яблоней хотятъ.

Ктожъ подыметъ насъ, придетъ,
Какъ на небѣ разсвѣнетъ? —

Соловей мой въ этотъ часъ
На зарѣ подыметъ насъ:

Tón 'dže naj' ranko horjewołać,
Dyž budže bjeły džeń bówać. —

Ha switaj, switaj bjeły džeń,
Čerwene zera horje du.

Štóž je po lubki, holčki był,
Ma dawno čas njetk domoj hić.

Luby so domoj hotuje,
A lubka ćežko zdychuje.

Ha zdychuj aby nezdychuj,
Ha rózno tola dyrbimój.

WÓJMIDŁA.

—

Wšitcy panja z wojny ća'nu,
Ho hej!
Z' wójny ća'nu.

Naš pan sebi konja wedže,
Ho hej!
Konja wedže.

Na tym konju sedło lejži,
Ho hej!
Sedło lejži.

Na tym sedli pani sedži,
Ho hej!
Pani sedži.

Ma ta pani złoty peršćeń,
Ho hej!
Złoty peršćeń.

Онъ засвищетъ, запоетъ,
Какъ на небѣ разсвѣнетъ!

Зорька, зорька, прогляни,
Ночку темну прогони!

Кто съ подругой спалъ красой,
Ужъ пора тому домой!

Онъ домой, за свой порогъ,
А она все охъ, да охъ!

Ты вздыхай, иль не вздыхай,
А уѣду я, — прощай!

ЦѢПЬ.

Всѣ паны съ войны вернулись,
Гой, гей!
Всѣ вернулись.

Нашъ коня велъ удалòва,
Гой, гей!
Удалòва.

Чтò сѣдельце боевое,
Гой, гей!
Боевое.

На сѣдельцѣ наша панна,
Гой, гей!
Наша панна.

Чтò у панны золотъ перстень,
Гой, гей!
Золотъ перстень.

Ma tón peršćeń módre woko,
Ho hej!
Módre woko.

Pšez to woko woda bjejži,
Ho hej!
Woda bjejži.

Na tej wodži trawa rosće,
Ho hej!
Trawa rosće.

Po tej trawi pawy khodža,
Ho hej!
Pawy khodža.

Rjana pani pawy pase,
Ho hej!
Pawy pase.

Hišće pši nich židu pšedže,
Ho hej!
Židu pšedže.

Z teje židy wjency wije,
Ho hej!
Wjency wije.

Zaduł je tam z ćicha wjetsik,
Ho hej!
Z ćicha wjetsik.

Wzał je wjenašk do korčmički,
Ho hej!
Do korčmički.

Džež tam hólcy kósku 'raja,
Ho hej!
Kósku 'raja.

Золотъ перстень съ синимъ глазомъ,
Гой, гей!
Съ синимъ глазомъ.

А изъ глаза льется рѣчка,
Гой, гей!
Льется рѣчка.

Берегъ рѣчки зеленѣетъ,
Гой, гей!
Зеленѣетъ.

Тамъ по травкѣ ходятъ павы,
Гой, гей!
Ходятъ павы.

Ихъ пшеницей панна кормитъ,
Гой, гей!
Панна кормитъ.

Выпрядаетъ шелковинку,
Гой, гей!
Шелковинку.

И вѣнокъ свой увиваетъ,
Гой, гей!
Увиваетъ.

Изъ дубровы дунулъ вѣтеръ,
Гой, гей!
Дунулъ вѣтеръ.

И унесъ вѣнокъ въ харчевню,
Гой, гей!
Онъ въ харчевню.

Тамъ играли парни въ кости,
Гой, гей!
Парни въ кости.

Wo wjenc koskuja tsjo bratsja,
Ho hej!
Haj tsjo bratsja.

Młódsi wjenc na 'łojčku staji,
Ho hej!
'Łojčku staji.

NIČO K WESEŁOSĆI, 'ŠITKO K ZRUDNOSĆI.

Wosredža wulkeho Wóseka
Stej mi tej čródžje hólcow dwje.

Bez nimaj sedžeła holička,
Rjana bjeła čerẃena.

Swoje sej 'łóski rozčeswaše,
Do lutej' židy sej plećeše.

Stajejće holičcy knejske stoły,
Sćelće jej šćežčički ze židu! —

Nestajće, nestajće knejske stoły,
Nesćelće šćežčički ze židu.

Šak nejsym krala, fjeršty džowka,
Ale sym hubena syrota.

Štyrjo jej hercy piskachu,
Hólcy pak z karanami zej'rawachu.

Wy štyrjo hercy nepiskajće,
Hólcy pak z karanami nezej'rawajće.

Mi neje ničo jac' k wesełosći,
Mi pak je 'šitko k zrudnosći.

Стали спорить трое братьевъ,
Гой, гей!
Трое братьевъ.

Кто изъ нихъ вѣнокъ надѣнетъ,
Гой, гей!
Кто надѣнетъ?

НѢТЪ ВЕСЕЛЬЯ, ВСЕ БЫ Я ПЛАКАЛА.

—

Посрединѣ великаго О̀сека
Собирались удàлые мòлодцы;

Между ними красавица-дѣвица,
Что румяная дѣвка пригожая.

Косы русыя дѣвка расчесывала,
Заплетала въ нихъ ленты шелкòвыя.

Вы поставьте-ка дѣ́вицѣ барскій стулъ,
Постелите ей подъ ноги бархату! —

Не становьте мнѣ стула вы барскаго,
Не́ стелите мнѣ подъ ноги бархату:

Я не царская дочь и не княжеская,
Сиротинушка я горемычная! —

Заиграла для дѣ́вицы музыка,
И забрякали мòлодцы чарками. —

Не играй ты, веселая музыка,
И не брякайте, мòлодцы, чарками!

Веселиться мнѣ съ вами не хочется,
Все рыдала-бы я да все плакала!

ŹOWČA WÓLA.

—

Šłej stej dwje rjednej tam pśi wjazoŕe,
Pśi tom mje wjazoŕe pśi dłymoḱem.

Nikogo ńejstej tam nadejšłoj,
Ak tog' jadnego pśewjadnika.

Pśewjadnik, luby pśewjadnik myj,
Coga ty wot luźi k mytu ḃerjoš? —

Wot starych beru ja slobro, złoto,
Młode te źywča ja dermo wožu. —

Posreź teje dłyḿe tam pśijježeštej,
Chopi pśewjadnik źywča pšašaś.

Co mje zwylijoš ty rjedne źywčo:
Do wydy skocyś abo mje se woześ? —

Do wydy skocyś a gorej spljeś,
Tak pśijdu k myjej tej myterce.

Tam mygu choźiś we wjenašku,
We tom mje wjenašku rušanem.

SPUŠĆONA.

—

Spiwaj ty źówčo wjasole,
Twój głós jo słyšaś daloko;

Twój głós jo słyšaś šyroko;
Po tych mje polach Jaseńskich,

ВЫБОРЪ.

—

Шли двѣ дѣвицы, двѣ красныя шли,
Шли они берегомъ озера;

Шли они шли, никого не нашли,
Только нашли перевощика.

Гой еси ты, перевощикъ лихой!
Много-ль берешь ты за свой перевозъ? —

Плату со старыхъ я только беру,
Красныихъ дѣвушекъ даромъ вожу! —

Будутъ они середь озера,
Сталъ онъ у дѣвушки спрашивати:

Хочешь-ли замужъ итти за меня?
Если не хочешь, такъ въ воду скачи! —

Замужъ итти за тебя не хочу,
Лучше ужъ въ озеро я соскочу, (2)

Стану сбирать тамъ я травку-руту,
Зѣленъ вѣночикъ себѣ заплету!

ИЗМѢНА МИЛАГО.

—

Пой, красна дѣвица, пѣсни!
Голосъ твой слышно далёко,

Голосъ твой слышно широко,
Вплоть до полей до Ясенскихъ,

Po wšyknych cuzych granicach. —
Kag' debu spiwaś a wjasoła byś,

Gaž debu pśecer sama byś.
'Šykne te źówča do kjarcmy 'du,

Ja debu pśecer doma byś.
Staj seb́e, rjedna, ten bjeły šleẃeŕ,

Źi ty tam teke hogljedaś.
Pójdu tam ja aby ńepójdu,

Za žurjami ja tam stojaś budu.
Luby ten choźi że jśpy a dó jśpy,

Z bockom wón na mnjo spogljedajo;
Žednego słowka mje ńezgronijo,

Žedneje rucki mje ńespodajo,
Razka mje piśa ńešenkujo.

Och ty rozmilony luby mój,
Woc'ga ty taki gjardny sy?

Woc'ga ty ze mnu se ńešenkujoš,
Ako tym młodym gólcam pśistoj?

Kag' debu z tebu se šenkowaś,
Gaž ty sy bursḱe źówcyšćo,

Ja pak teg' bogateg' pśekupca syn. —
Ńejsy ga ty to ṕerej weźeł,

Až ja som bursḱe źówcyšćo,
A ty teg' bogateg' pśekupca syn.

Вплоть до чужой до границы
Слышно тотъ голосъ дѣвицы! —

Пѣсни мнѣ пѣть, веселиться
Нынче совсѣмъ не годится!

Пусть всѣ въ харчевнѣ гуляютъ,
Горя-печали не знаютъ!

Мнѣ-жъ тамъ веселости мало:
Я опущу покрывало,

Прямо ни разу не гляну,
За двери прятаться стану! —

Милый по комнатамъ ходитъ,
Видитъ ее, не подходитъ,

Видитъ ее, не подходитъ,
Съ нею рѣчей не заводитъ;

Подлѣ не станетъ, не глянетъ,
Бѣлой руки не протянетъ.

Ахъ ты мой милый, сердечный!
Что̀ погордѣлъ, поважнѣлъ ты?

Что̀ ни словечка не скажешь,
Ласки своей не покажешь? —

Какъ-же мнѣ знаться съ тобою,
Съ дѣвкой, съ мужичкой простою! —

Словно не зналъ ты, не вѣдалъ
Нашего племени-роду,

Ńechożił za mnu po pół nocach;
Po takich śmjatych wjacorach.

Wuspał seb́e swoju głowu,
Ńehubił seb́e swojich nogow.

Ńepórał nanoju starosći,
Mójej tej móterce żałosći;

Šotšam a bratšam sromoty,
Mójim tym kumpankam tužycyj.

Błožko jo pak tym młodym źówčam,
Kótraž swój wjenk tak z cesću nosy;

Z cesću a z teju wjernosću,
A ńeda żem se tym gólcam zawjasć.

Gólcy te maja lasnu rjec,
Hutšob́e maja wotšy mjac.

Woni to źówčo hobgrońe,
Pó swójej mysli hobrośe.

Chylku ju za błaznu spomjeju,
Nasledku pak ju wostawiju.

ROZTYLAHYŚE.

Bjeła jo rožyca ceŕena,
Pó śŕez tog' ljesa jo rozkwitła.

Прежде, чѣмъ знался со мною,
Съ дѣвкой, съ мужичкой простою!

Лучше-бъ со мной ты не знался,
Къ намъ по ночамъ не шатался,

Спалъ-бы одинъ себѣ дома,
Дома, въ богатыхъ хоромахъ!

Ногъ на ходьбѣ не томилъ-бы,
Въ избу къ намъ бѣдъ не носилъ-бы,

Батюшки съ матушкой горя,
Слезъ ли горючіихъ море;

Братьямъ и сёстрамъ обиды,
Милымъ подружкамъ печали!

Счàстливъ, кто сердце хоронитъ,
Слезъ на постелю не ронитъ,

Парнямъ въ обманъ не дается,
Парню въ глаза насмѣется!

Съ виду всѣ ласковы парни,
Въ сердцѣ-жъ — хитры̀ и коварны,

Красную дѣвку заводятъ,
Дружбу не долго съ ней водятъ,

Часъ и другой поиграютъ,
И поигравши бросаютъ!......

КОНЕЦЪ ЛЮБВИ.

—

Бѣла, румяная роза ростетъ,
Роза румяная въ темномъ лѣсу.

To mje ńej' žedna rožyca,
To jo to rjedne źówcyšćo.

Skazało swójemu lubemu,
Skazało jemu jo na jgru pśiś.

Pśiź źen, ty rjedny, na jgru k nam,
Gaž naše 'šykne hujdu spat.

Wóno tak z wjacorka buwašo,
Rjedny ten źješo k Rjedniškojcom.

Spiš tuder, lažyš, lubka mója?
Stań źen ty górej a spušć mje nutś. —

Nócy ja nikogo ńeznajom,
Teke ja nikog' nutś ńespušćijom. —

Ńeznajoš ty mje pó nócy,
Rozmejoš ty mje pó rjecy.

Pó mójom z lažka stupanju,
Pó mójom z lažka kłapanju.

Zaswjeś ty, rjedna, tu swjecycku,
Hogljedaj, lubcycka, chtó ja tož som.

Swjecycka jo se mje zgórjeła
Ze wšyknymi drugimi grońecy. —

Dobru nóc, dobru nóc, lubka mója,
Tek naju wjerne lubosći.

Tek naju wjerne lubosći,
Njet woni 'šykne roztyla 'du.

Woni se wiju pó swjeśe,
Ako to ṕerje pó wóźe.

То не румяная роза ростетъ,
Красная дѣвка, пригожая.

Дѣвка сказала милòму дружку:
Другъ мой, пожалуй ко мнѣ ввечеру!

Другъ мой, пожалуй ко мнѣ ввечеру!
Стукни — я хату тебѣ отопру! —

Вотъ ужъ оно и смеркается; (3)
Къ дѣвицѣ красной другъ милый идетъ:

Спишь-ли, не спишь ты? лежишь или нѣтъ,
Встань-ка и въ хату пусти меня, свѣтъ! —

Ночью въ потьмахъ я дверей не сыщу,
Ночью я въ хату тебя не пущу! —

Или ты, свѣтъ, не узнала меня?
Иль тебѣ рѣчь не знакома моя?

Или не такъ я по сѣнямъ прошелъ?
Или я въ двери не такъ постучалъ?

Дай-ка сюда поскорѣе огня,
Можетъ при свѣтѣ узнаешь меня! —

Тонкую свѣчку давно я сожгла,
Сидючи, знаючись съ милымъ инымъ. —

Добрая ночь тебѣ, добрая ночь!
Видно такая-то ваша любовь,

Видно такая-то ваша любовь:
Здравствуй сегодни, а завтра прощай!

Пò свѣту ходитъ, кружѝтся, снуетъ,
Вѐртится, словно перо на водѣ!

Ṕerje se pó wóže rozpłynjo,
Z wjetśikom se wóno rozdujo.

Tak teke jo z tymi luboséami:
Lažce se gromadu zejduju.

Lažce se gromadu zejduju,
Śježko se roztyla šejduju.

WYMÓŽEŃE.

Teptana jo šćažcycką.
Chtóga jo ju huteptał?

Huteptał ju huteptał
Rjedny gólcyk na jgru k nam.

Wjacor pozdze na jgru k nam,
Zajtša rano ze jgry dom.

Husćili se husćili
'Šykne gólcy Njabožkojsḱe.

Kśjechu jogo łapaśi,
Kśjechu jogo zrubaśi.

Źo jog' lubka słyšała
Swójej nowej kómoŕe,

Swójej nowej kómoŕe.
Swójej bjełej póstoli.

Och ty luba lubcycka,
Kak mógał ja domoj pśiś? —

'Cu śi dobru radu daś,
'Cošli ty mje posłušaś? —

Легкое перье по рѣчкѣ плыветъ,
Вѣтромъ разгонитъ его, разнесетъ.

Такъ-то и ваша дѣвичья любовь!
Вамъ заманить молодца ни почемъ,

Вамъ заманить молодца ни почемъ,
Вамъ заманить и потомъ позабыть.....

ВЫРУЧКА.

—

Вытоптана травушка,
Стежка въ ней проложена.

Кто-же травку вытопталъ?
Вытопталъ-повытопталъ

Травку добрый мòлодецъ,
По ночамъ къ намъ ходючи.

Подсмотрѣли мòлодца
Парни Небожковскіе,

Подсмотрѣли мòлодца,
Извести задумали.

Ихъ ли злую думушку
Дѣвица подслушала,

Въ новой бѣлой горницѣ,
Въ пуховòй постелюшкѣ.

Какъ-то будетъ мòлодцу
Мнѣ теперь домой итти? —

Хочешь-ли ты, мòлодецъ,
Дѣвицы послушаться? —

'Cu śi deŕe pošłušaś,
Jano mógał domoj pśiś. —

Hoblakła jog' hoblakła
Swoju suknju zelonu.

Pśewjezała jom' pśewjezała
Swóju šorcu bjełonu.

Spasała jom' spasała
Swój ten pasyk žyźany.

Stawiła jom' stawiła
Swój ten šleweŕ bjełony.

Hobuła jom' hobuła
Swóje creje somotowe.

Scyniła jom' scyniła
Swój ten šańśik žyźany.

Powdała, jom' powdała
Dwa tej kružka bjełonej.

Pósłała jog' pósłała
Po tu wódu po stužonu.

'Ŕótnik luby 'rotnik mój,
Pušć mje wen to źówcyšćo;

Až mje wódy pśinjaso
Teje wódy stuźoneje. —

Kake jo to źówcyšćo
We tej sukni zelonej?

Na janom boce wótšy mjac,
Na druǵem pak noža dwa. —

Послушаюсь дѣвицы,
Только-бъ мнѣ домой уйти! —

Одѣвала дѣвица
Mòлодца по-дѣвичьи:

Въ паневу зеленую,
Съ бѣлыимъ передникомъ;

Сверху подпоясала
Поясочикъ шелковый,

Накрывала мòлодца
Покрываломъ бѣлыимъ;

Обувала мòлодца
Въ черевички бархатны;

Повязала мòлодцу
Свой платочикъ шелковый,

Подавала мòлодцу
Два кувшина бѣлые;

Посылала мòлодца
По воду студеную.

Молодой привратничекъ!
Пропусти-ка дѣвицу!

Я послала дѣвицу
По воду студеную. —

Что это за дѣвица,
Что это за красная:

На боку булатный мечъ,
На другомъ два ножика! —

Rjedny źješo z mósta dołoj,
Wjasole sė zahuska.

Mjej źjek mója lubcycka,
Až sy mje tak zwarnowała.

Až sy mje tak zwarnowała,
Móje młode žyweńe.

Ty dejš njento mója byś,
Žedna druga ńedej byś.

'Cu śi lejdyš zhoblakaś
Z tym że drogim somotom.

Daj z tym drogim somotom,
Z tym że twardym dejmantom.

Прыгнулъ съ моста мо̀лодецъ,
Крикнулъ громкимъ голосомъ:

Спасибо те, дѣ́вица,
Что была догадлива,

Что была догадлива,
Что меня спровадила!

Опричь тебя, дѣ̀вица,
Мнѣ̀ другой не надобно!

Наряжу я дѣ̀вицу
Въ аксамиты, въ бархаты,

Въ аксамиты, въ бархаты,
Въ браліанты, въ яхонты!

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Эта пѣсня, имѣюшая у Лужичанъ нѣсколько варіантовъ, есть также и у Датчанъ; я помѣстилъ ее въ этомъ сборникѣ; но тамъ есть прибавленіе, что отецъ этой дѣвушки проигралъ ея деньги въ карты и въ кости. Это есть и у Лужичанъ, только въ другой пѣснѣ. См. Сборникъ Смолеря, стран. 80 — 81. У Нѣмецкихъ Швейцарцевъ есть также эта пѣсня. — См. Braga, Sammlung Deutscher, Oesterreichischer u. s. w. Volkslieder, herausgegeben von O. L. B. Wolff. 3-tes Heft. 30. Но у нихъ сходство только въ началѣ:

Ich stand auf hohem Berge,
Sah nieder ins tiefe Thal;
Ein Schifflein sah ich fahren,
Darin drei Grafen war'n.

Der jungste von den Grafen,
Der in dem Schifflein saß,
Gab mir einmal zu trinken
Guten Wein aus einem Glas.

Was zog er ab vom Finger?
Ein goldnes Ringelein.
Sieh das, du Hübsche, Feine!
Das soll dein eigen seyn!...

2) Въ подлинникѣ: въ озеро *къ матушкѣ.*

3) Я нарочно сохранилъ въ переводѣ эту форму подлинника —

Wóno tak z wjacorka *buvašo.*

ЧЕШСКІЯ.

—

Предлагаемыя Чешскія пѣсни заимствованы мною изъ сборника К. Я. Эрбена: Pjsně národnj w Čechách. Serbal K. J. Erben. W Praze. 1842 — 1843.

DAR NA ROZLAUČENAU.

—

Měla sem holaubka
W truhle zawřeného,
On gest mi uletěl
Do pole šjrého.

Do pole šjrého
Na zelený daubek;
Tam sobě zahaukal
Můg zlatey holaubek.

Nehaukey, nebraukey,
Můg zlatey holaubku;
Neděley swey miley
Wětšjho zármutku! —

Gá gj ho nedělám,
Dělá si ho sama;
Když gá negsem doma,
S ginšjmi sedáwá.

Gá gj kaupil pentli
Barwy proměňawé,
By si propletala
Wlásky kadeřawé.

Gá gj kaupil ginau,
A to pěknau bjlau:
By pamatowala,
Že byla mau milau.

ДАРЪ НА ПРОЩАНЬЕ.

—

Жилъ со мной голубчикъ,
Жилъ въ счастливой долѣ,
Да порхнулъ голубчикъ
Во чистòе поле.

Во чистòе поле,
На зеленый дубчикъ, —
Тамъ теперь воркуетъ
Милый мой голубчикъ.

Не воркуй, голубчикъ,
Съ дубу съ зеленòва,
Не мути голубкѣ
Сердца ретивова! —

Позно ты, голубка,
Позно спохватилась!
Что-жъ, какъ не былъ дома,
Ты съ другимъ слюбилась!

Подарилъ я милой,
Милой алу ленту,
Чтобы заплетала
Въ косы ленту энту;

Подарилъ другую,
Ленту голубую,
Чтобы не забыла
Ту пору былую! (1)

NEŠŤASTNÝ MILÝ.

—

Ach, zdál gest se mně w noci sen,
Že můg milý dnes přigel sem.

Gá procitnu — tu nic nenj,
Genom mne srdce mé bolj.

Bych měla posla tagného,
Poslala bych pro milého.

Běž, můg posljčku, gako pták,
Pozdraw milého nastokrát.

Posljček se k hradu bljžj,
Můg milý z hradu wyhljžj.

Wrať se, posljčku, zas domů,
Že tam dnes gjti nemohu.

Že přigdu ráno, ranjčko,
Dřjwe než wygde slunjčko. —

Slunjčko s hory wycházj,
Můg milý se nenacházj.

Oi, milý gede po mostě,
Pod njm konjček za dwě stě.

Konjček si poskakuge,
Mé srdečko se raduge.

Konjček zlámal nožičku,
Můg milý srazil hlawičku.

Kde mám pomoci hledati?
Kam pro lékaře poslati? —

НЕСЧАСТНЫЙ МИЛЫЙ.

Мнѣ сегодни сонъ приснился,
Что мой милый воротился;

А какъ утромъ я проснулась,
Нѣтъ милòва — мнѣ взгрустнулось.

Кабы я посла достала,
Я-бы къ милому послала.

Ты лети, лети, посолъ,
Мой посолъ, ясѐнъ сокòлъ!

Къ зàмку сòколъ подлетѣлъ,
Другъ изъ зàмка поглядѣлъ:

Воротись ты, сòколъ мой,
Воротися ты домой!

И скажи, что буду скоро
Къ ней до зорьки, до восхода! —

Солнце красное восходитъ,
Милый другъ мой не приходитъ.

Соѣзжаетъ милый съ моста,
Конь подъ нимъ червонныхъ во сто.

Конь подъ нимъ играетъ, пляшетъ;
Милый другъ мнѣ ручкой машетъ.

Повихнулъ конь бòрзый ногу,
Палъ мой милый на дорогу;

Палъ мой милый, встать не можетъ:
Кто подыметъ? кто поможетъ? —

Lékaře ty mně negedney,
Raděg mi hranu zwonit dey.

Zwoňte hrany na wše strany,
Umřelo mně potěšenj.

Zahynul z bjlé růže kwět,
Genž mi byl dražšj nežli swět.

Koho sem w srdci nosila,
Toho sem smutná ztratila.

CHUDOBA A LÁSKA.

Pod našima okny
Teče wodička —
Napog mně, má milá,
Mého konjčka! —
Nechci, nenapogjm,
Gá se koně bogjm,
Že gsem maličká.

Pod našima okny
Roste oljwa —
Powěz mně, má milá,
Kdo k wám chodjwá? —
K nám žádney nechodj,
On o mne nestogj,
Že gsem chudobná.

Pod našima okny
Roste z růže kwět —
Powěz mně, má milá,
Proč tě mrzj swět? —
Mne swět nic nemrzj,
Ale srdce bolj,
Plakala bych hned!

Что мнѣ, ми́ла, что мнѣ по̀мочь,
Что мнѣ по̀мочь, коли поздо!

Лучше въ колоколъ звоните
И меня похороните!

Ахъ, увялъ мой красный цвѣтъ,
Что милѣй мнѣ былъ, чѣмъ свѣтъ!

И того, по комъ вздыхала,
Я навѣки потеряла!

БѢДНОСТЬ И ЛЮБОВЬ.

—

Подъ окошкомъ нашимъ
Протекаетъ рѣчка.
Кабы ты мнѣ, ми́ла,
Коня папоила! —
Я съ конемъ не слажу:
Я коней ниразу,
Милый, не поила!

Подъ окошкомъ нашимъ
Выросла олива.
Кто скажи мнѣ, ми́ла,
Кто тутъ ходитъ мимо? —
Къ намъ никто не ходитъ,
Рѣчи не заводитъ
Обо мнѣ съ родимой.

Подъ окошкомъ нашимъ
Разцвѣтаютъ розы.
Отъ чего ты, ми́ла,
Проливаешь слезы? —
Бѣдность одолѣла:
Съ ней я то-и-дѣло
Проливаю слезы.

ČIPERNÁ ODPOWĚĎ. (2)

Wčera mně zkázala
Geho panjmáma,
Bych si nemyslila
Na gegjho syna.

A gá gj zkázala
Za tu gegj lásku,
By si uwázala
Syna na prowázku.

Syna na prowázku,
Na hedbáwné šňůrce,
Aby nechodjwal
K chudobné paneňce.

ЛОВКІЙ ОТВѢТЪ.

—

Говоритъ мнѣ снова
Ныньче мать милòва,
Чтобы я забыла
Про ея про сына.

На такія рѣчи
Я ей отвѣчала,
Чтобъ она покрѣпче
Сына привязала;

Привязала-бъ сына:
Не ходи, молъ, мимо!
Къ дѣвкину порогу
Не топчи дорогу!

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Въ подлинникѣ: *подарилъ и другую, прекрасную бѣлую, чтобъ помнила, что была моею милою.*

2) Близкая этой пѣсня есть также у Морававъ — см. Morawské nár. Pjsné. Od F. S. 1840. Стран. 153 — 154.

СЛОВАЦКІЯ.

—

Словацкія пѣсни, переведенныя мною, взяты изъ собранія Я. Коллара: Národnié zpiewanky čili pjsně swětské Slowáků w Uhrách. W Budjně. 1834 — 1835.

NITRA.

—

Nitra, milá Nitra, ty wysoká Nitra:
Kdeže sú té časy, w ktorých si ty kwitla?
Nitra, milá Nitra, ty slowenská mati!
Čo pozrem na teba musjm zaplakati.
Ty si bola někdy wšeckých kragin hlawa,
W ktorých tečie Dunag, Wisla i Morawa;
Ty si bola bydlo krála Swatopluka,
Ked' tu panowala geho mocná ruka.
Ty si bola swaté město Methodowo,
Ked' tu našjm otcom kázau božié slowo.
Wčilek twoga sláwa w tuoni skryta ležj:
Tak sa časy meniá, tak tento swět bežj!

WYHNANCI.

—

Krásná ge ta řeka,
Řeka Wltawa,
Kde gsau naše domy
I wlast laskawá.

Hezké ge to město,
To město Praha,
W kterém bydlj naše,
Rodina drahá.

Co že nám do řeky,
Co nám do města,
Ach, nám wykázána
K wyhnanstwj cesta.

НИТРА. (1)

—

Нитра, мила Нитра, ты веселье наше!
Гдѣ-же, гдѣ то время, какъ была ты краше?
Нитра, мила Нитра, матушка родная,
На тебя мы смотримъ плача и стеная:
Ты была когда-то всѣхъ околицъ слава,
Гдѣ Дунай струится, Висла и Морава,
Гдѣ святой Меѳодій паству пасъ Хрістову
И училъ народы Божіему слову;
Ты была наслѣдьемъ Князя Святополка....
Нынѣ-жъ твоя слава стихла и замолкла;
Нынѣ здѣсь владѣетъ чуждое намъ племя:
Такъ-то свѣтъ измѣнчивъ, такъ проходитъ время!

ИЗГНАНІЕ.

—

Свѣтлая ты рѣчка,
Рѣчка ты Влетава!
Наше ты веселье
Красота и слава!

Красное ты мѣсто,
Прага дорогая,
Нашъ престольный городъ,
Родина святая!

Да чтò намъ Влетава,
Чтò намъ наша Прага,
Коли въ насъ угасла
Сила и отвага!

Newzali sme s sebou
   Nic, po wšem weta!
Gen Biblj Kralickau,
   Labyrint swěta.

Tatry, wy přigměte
   Nás w té úzkosti,
U wás chceme žjtj,
   I složit kosti.

SOBIESKI A TUREK.

Počkagme šuhagci,
Kým prigde Sobieský,
   Kým prigde Sobieský,
   Tam ces ten wrch Slieský;

Tam ces ten wrch Slieský,
Z poza Bieleg Hory,
   Z poza Bieleg Hory,
   Na čerwenom koni;

Na čerwenom koni,
So zlatým kantárom,
   So zlatým kantárom,
   Na pomoc husárom;

Na pomoc husárom,
Wiedni, cjsarowi:
   Ten bude boguwať
   Naproti Turkowi.

Изъ дому насъ гонятъ,
Все у насъ побрали,
Только лишь съ собою
Библію мы взяли. (2)

Татры, горы-скалы! (3)
Къ вамъ идемъ мы въ гости:
Здѣсь намъ жить въ ущельяхъ,
Здѣсь мы сложимъ кости!

СОБЕССКІЙ И ТУРКИ.

Погодите, братцы:
Перейдетъ Собесскій,
Перейдетъ Собесскій
Черезъ холмъ Силезскій;

Черезъ холмъ Силезскій
Черезъ Бѣлу Гору,
Черезъ Бѣлу Гору,
На червонномъ конѣ;

На червонномъ конѣ,
Съ золотымъ кантаромъ, (4)
Съ золотымъ кантаромъ
На помощь гусарамъ;

На помощь гусарамъ,
На защиту Вѣны;
Тогда только суньтесь,
Турки-бусурмены!

BELEHRAD.

—

Pod Belehradom stogj wranný kuoň,
A na tom koni,
Wšecek raněný,
Sedj milý muog.

Chceš milá wediet gaká wogna zlá?
Gak zo mňa teče,
Tak z koňa teče
Woda krwawá.

Chceš milá wediet gaký obed muog?
Pečeňa konská,
Woda Dunagská,
To ge obed muog.

Chceš milá wediet gaký pohreb muog?
W tom šjrom poli,
W temnom údolj
Kopagú mi dom.

Chceš milá wediet gaký zwonári?
Kula a strela,
Šable a děla,
Bubny s trubámi.

MILÝ W POLI.

—

Gá som sa nazdala že sa pole mračj:
A to sa milému začerněli oči.

Gá som sa nazdala že pole horelo:
A to sa milému ljčko čerwenělo.

БѢЛГРАДЪ. (5)

—

Конь подъ Бѣлградомъ стоитъ вороной,
На немъ сидитъ,
Кровью покрытъ,
Миленькій мой.

Знаешь-ли, ми́ла, какъ битва живетъ?
Видишь: съ меня,
Видишь съ коня
Кровь такъ и льетъ!

Знаешь-ли, ми́ла, какой нашъ обѣдъ?
Наша ѣда —
Хлѣбъ да вода,
Вотъ нашъ обѣдъ!

Знаешь-ли, ми́ла, гдѣ буду я спать?
Тамъ, гдѣ убьютъ,
Тамъ погребутъ,
Тамъ мнѣ лежать!

Знаешь-ли, кто у меня звонаремъ? —
Раненыхъ стонъ,
Сабельный звонъ,
Пушечный громъ!

МИЛЫЙ ВЪ ПОЛѢ.

—

Люди мнѣ сказали, будто въ полѣ тучи,
А то зачернѣли миленькаго очи.

Люди мнѣ сказали, поле загорѣлось,
А то у мило̀ва личико зардѣлось.

Gá som sa nazdala že sa pole blýská:
A to si muog milý na pjšťalce pjská.

Gá som sa nazdala že húska letěla:
A to sa milému košelka belela.

Gá som sa nazdala že sa pole trasie:
A to muog milenký siwé wolky pasie.

STARÝ ZBOGNJK.

Na wysokých horách
Gasný ohnjk horj;
Kdože pri ňom sedj?
Dwanácti zbognjci,
A trináctý starý,
Wšecek dorúbaný:
Towaryši mogi,
Tu mogu šabličku
Na dwoge rozlomte,
A s tjm tenšjm koncom
Hláwku mi otnite,
A s tjm hrubšjm koncom
Gamku mi wykopte.

Люди мнѣ сказали, что гогочутъ гуси,
А то заиграли миленькаго гусли.

Люди мнѣ сказали, пролетѣла пташка,
А то забѣлѣла милова рубашка.

Люди мнѣ сказали, поле гулко стало,
Поле гулко стало — милый гонитъ стадо.

СТАРЫЙ РАЗБОЙНИКЪ.

На горахъ высокiихъ
Огнище разложено;
Ктожъ тамъ подлѣ огнища?
Двѣнадцать разбойниковъ, (6)
Атаманъ тринадцатый,
Старый, весь израненный:
Братцы вы товарищи,
Разломите надвое
Мою востру сабельку,
Что однимъ-то кончикомъ
Мнѣ снимите голову,
А другимъ копайте мнѣ
Во полѣ могилушку;

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) *Нитра* — бывшій главный городъ Нитранскаго Княжества, на рѣкѣ того-же имени, въ Землѣ Словацкой. Нынѣ главный городъ Нитранской Области. — Я перевелъ эту пѣсню потому, что она въ большомъ ходу между образованными Чехами, Словаками и Моравaнами. Рѣдкій Русскій, выѣзжая изъ Праги, не увозитъ оттуда Nitra, milá Nitra.... я слыхалъ эту пѣсню даже отъ нѣкоторыхъ нашихъ дамъ.— Но народнаго въ этой пѣснѣ не много. Она очень складна и одинъ знакомый называлъ мнѣ даже сочинителя.

2) Въ подлинникѣ *Кралицкую библію.* — Такъ называется библія, переведенная съ подлиннаго Еврейскаго текста учеными Чехами на Чешскій языкъ, въ XVI вѣкѣ, въ городѣ *Kralice,* на рѣкѣ Моравѣ.

3) *Татры* — Карпаты, но преимущественно Татрами называются у этихъ народовъ Карпаты, отдѣляющія Землю Словацкую отъ Малой Польши.

4) Кантаръ — родъ узды, Греческое слово. Также мѣра тяжести.

5) *Бѣлградъ* — главный городъ Сербскаго Княжества, при впаденіи Савы въ Дунай.

6) Замѣчательно это число 12 въ народной поэзіи Славянъ, когда говорится о разбойникахъ. Почему-то ихъ всегда 12. — У народныхъ поэтовъ откликнулось также это число: Мицкевичъ въ стихотвореніи *Powrót Taty* говоритъ —

.... zbójcy obskoczą dokoła,
A zbójców było *dwunastu.*

Пушкинъ въ балладѣ *Женихъ* —

Вотъ слышу много голосовъ....
Вошли *двѣнадцать* молодцовъ....

МОРАВСКІЯ.

—

Помѣщенныя здѣсь двѣ Моравскія пѣсни взяты мною изъ книги: Morawské národnj Pjsně. Od F. S. w Brně. 1840.

SESTRA TRAWIČKA.

—

Uliánka čistá panna,
U Dunaga šaty prala.

Dogeli tam tře husaři:
Pod' Ulisko poged' s námi. —

Gá bych s wámi ráda gela,
Dybych tu bratra neměla. —

Bratra možeš otráwiti,
Možeš s námi preca geti.

Gak bych gá ho otráwila,
Temu gsem sa neučila. —

Běž do lesa dubowého,
Nagdeš hada gedowého.

Uwař mu ho k snjdaničku,
Gak rybičku s černú máčkú. —

Už Janjček s hory gede,
Malowané dřewo weze.

Hned mu wrata otwjrala,
Wrané koně wypřáhala.

Uliánko co nowého,
Že wypřáháš koňa mého? —

Pod' Janjčku k snjdaničku,
Máš přichystanú rybičku. —

A co gsú to za rybičky,
Dyť nemá žádná hlawičky? —

СЕСТРА ОТРАВИТЕЛЬНИЦА. (1)

—

Побѣжала ранымъ-рано
На Дунай-рѣку Ульяна.

Проѣзжали тамъ гусары:
Эй, поѣдемъ, дѣвка, съ нами! —

Я-бы рада, я-бы рада,
Да боюсь роднаго брата! —

Отрави ты брата ядомъ
И поѣдемъ съ нами рядомъ! —

Я-бы рада, я-бы рада,
Да откуда взять мнѣ яду? —

Въ темномъ лѣсѣ подъ ракитой
Змѣй гнѣздится ядовитый:

Принеси его ты въ хату
И изжарь на завтракъ брату! —

Ѣдетъ, ѣдетъ братъ изъ бору,
Тащитъ дерево-колоду.

Встрѣчу брату выбѣгала
И вороты отворяла;

Отвела коней на мѣсто;
Это что, сестра, за вѣсти? —

На-ка рыбки, братъ Ванюша,
Пополудновай, покушай! —

Гдѣ взяла ты рыбу эту:
Ни головъ, ни перьевъ нѣту?

Hlawičky gsem urúbala,
Pod okénka zakopala.

Gak ten prwnj kúsek zédl,
Hned na lewé ljčko zblédl.

Gak ten druhý kúsek zédl,
Hned na obě ljčka zblédl.

Gak ten třetj kúsek zédl,
Hned na celé tělo zblédl.

Běž Uličko pro piwečko,
Ať si owlažjm srdečko. —

Donésla mu lužowice:
Pig Janjčku, pig welice. —

Běž Uličko pro peřinku,
Nech položjm swú hlawěnku. —

Donesla mu twrdý kameň:
Ostáway tu s Pánem Bohem. —

Bojanowské zwony zwoňá,
Uliánku drábi hoňá.

Mutěnické zezwáňagú,
Uliánku doháňagú.

A Hodonské dozwonily,
Uliánku dohonili.

Janjčka na krchow nesú,
Uliánku kati wezú.

Я головки отрубила,
Подъ окошкомъ ихъ зарыла! —

Какъ отвѣдалъ онъ жаркое,
Поблѣднѣлъ одной щекою;

Какъ еще кусокъ откушалъ,
Поблѣднѣлъ и весь Ванюша;

А какъ третій съѣлъ кусочикъ,
Побѣлѣлъ, что бѣлъ платочикъ.

Принеси, сестра, напиться,
Хочетъ сердце прохладиться! —

Принесла воды изъ лужи,
Стало Ванѣ еще хуже.

Постели, сестра, постелю:
Клонитъ сонъ меня что съ хмѣлю! —

Ляжъ на камень головою
И усни ужъ, Богъ съ тобою! —

Въ Бояновѣ звоны звонятъ,
Палачи Ульяну гонятъ;

Въ Мутеницахъ зазвонили,
Съ ней они въ дорогѣ были;

А звонить въ Годонѣ стали,
Палачи ее пригнали.

Какъ тесали гробъ Ивану,
На возу везли Ульяну.

Zazdite mia do kamenj,
Nech o mně pěsničky nenj. —

Zednjci gu zazdjwali,
Panny pěsničky skládaly.

Uliánku už zazdili,
Panny pěsničku složily.

ŽEL.

Už mi tak nebude, gak mi býwáwalo,
Dyž mně to slunečko gasně swjtjwalo.

Už mi tak nebude, gak mi bylo kdysi,
Dyž mě sem nosjwal můg konjček lysý.

Swjtilo mně slunce w malaunké chalaupce,
Už mně swjtit nechce, nech swjtj komu chce.

Swjtjwáwal mi tam přegasný měsjček,
Wčilé mi zarůstá k mé milé chodnjček.

Zarůstá, zarůstá drobnau gatelinau,
Že gsem se podjwal na děwečku ginau.

Вы живьемъ меня заройте,
Только пѣсенки не пойте!

Какъ Ульяну зарывали,
Дѣвки пѣсенку слагали;

Какъ совсѣмъ ее зарыли,
Дѣвки пѣсенку сложили.

ПЕЧАЛЬ.

Ужъ не быть тому во вѣки, что прошло, что было,
Не свѣтить знать красну солнцу, какъ оно свѣтило!

Не знавать мнѣ прежней доли съ прежней мочью-силой,
На конѣ своемъ удаломъ знать не ѣздить къ милой!

Мнѣ свѣтило красно солнце въ малое оконце,
А теперь свѣтить не хочетъ, частый дождикъ мочитъ;

Частый дождикъ, непогода, бьетъ, стучитъ въ окошко...
Заросла къ моей любезной торная дорожка;

Заросла она кустами, заросла травою,
Съ той поры, какъ я спознался съ милою другою!

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Эта пѣсня есть и у другихъ Славянъ: у Чеховъ — Erben, Часть I. стр. 9. У Поляковъ — Żegota Pauli, стран. 81 — 82. У Словаковъ — Kollár, Часть II. стран. 32, и у Сербовъ — Караџић, I-е изданіе 1824 г. Т. I. стр. 68.

ПОЛЬСКІЯ.

—

Польскія пѣсни взяты мною изъ книги: Pieśni ludu Galicyjskiego. Zebrał Wacław z Oleska. We Lwowie, 1833.

1.

—

W zielonym gaiku ptaszęta śpiewają,
A mego Jasieńka na wojnę wołają;
Wołają, wołają, konik osiodłany:
Komuż mię zostawisz, mój Jasiu kochany?

Zostawię cię Temu, który jest na niebie,
A za roczek, za dwa powrócę do ciebie.
Już nie roczek, nie dwa, jak się wojna toczy,
Moja kochaneczka wypłakała oczy.

Wyjszła na góreczkę, wyrzeka i płacze,
Ach Jasiu mój, Jasiu, już cię nie obaczę!
Wyjszła na drożynę, tam ułani jadą,
Z pod mego Jasieńka konika prowadzą;

Prowadzą, prowadzą, żałobą pokryty,
Podobno mój Jasio na wojnie zabity;
Oj zabili jego w prawyj bok do duszy,
A ja biédna młoda żałować go muszę;

Oj zabili jego w lewy bok do serca,
A ja biédna młoda pójdę w poniewierkę.
Oj nie płacz dziewczyno, nie żałuj ty jego,
Jedzie nas tu tysiąc, wybierz sy jednego.

Choćby was tu było jak na morzu piany,
Nie było, nie będzie, jak mój Jaś kochany;
Choćbym wybiérała i nadwybiérała,
Nie było, nie będzie, jakiegom ja miała.

I.

—

Распѣваютъ пташки, громко распѣваютъ,
Моего Ванюшу кличутъ, выкликаютъ;
Кличутъ, выкликаютъ, стонутъ за дубровой,
Конь гремитъ подковой, на войну готовый.

Не горюй, подруга: все въ Господней волѣ!
Можетъ, годъ, не болѣ, буду въ ратномъ полѣ!
Молвилъ и помчался. Годъ и два проходитъ,
А съ войны Ванюша къ милой не приходитъ.

Ждетъ его подруга, ждетъ и дни, и ночи,
Плачетъ и крушится, выплакала очи.
Вышла на дорогу, ѣдутъ тамъ уланы,
Ѣдутъ тамъ уланы, кони ихъ буланы.

Подъ попоной чорной конь одинъ позади.
Гдѣ-же мой Ванюша? Гдѣ коню хозяинъ?
Охъ, убитъ твой Ваня, въ правый бокъ подъ душу,
Въ правый бокъ подъ душу ранили Ванюшу!

Ранили Ванюшу въ лѣвый бокъ подъ сердце,
Плакаться я стану по чужимъ по сѣнцамъ.
Ой, не плачь, красотка, не жалѣй Ивана,
Изъ полку любова выбери улана! —

Выбрать мнѣ недолго изъ полку любова,
Да не будетъ Вани у меня другова!
Хоть-бы я глядѣла, всѣхъ переглядѣла,
А такова друга все-бы я не встрѣла!

2.

—

Pod jaworem łóżeńko,
Leży na nim Jasieńko,
Leży, leży, choruje,
Kasia jego kuruje.
Pójdźże Kasiu do gaju,
Przynieś ziela rozmaju!
Jeszcze Kasia nie dojszła,
Oj już za nią trzech poszło:
Wróć się Kasiu do domu,
Prowadź Jasia do grobu!
Ach ty Jasiu klejnocie,
Chodziłam za cię w złocie,
A teraz już po tobie,
Chodzić będę w żałobie;
Zagrajcież mi w organy,
Bo to mój Jaś kochany.

3.

—

Kiedy ja szedł od swojéj dziewczyny, miesiąc świécił wysoko,
Ona za mną oknem wyglądała, czym już zaszedł daleko;
Jużem uszedł ze cztery stajania, ona za mną wołała,
A wróćżę się, moje pocieszenie, czémżem cię rozgniewała.
Nie wrócę się, moje pocieszenie, bo już nie mam dla czego,
Kiedym ja stał pod twojém okienkiem, toś ty miała inszego.
Serce płacze i serce żałuje, rozstać się z nią nie mogę,
Zabiorę ja manatki na plecy i powendruję w drogę.

2.

—

Какъ подъ яворомъ ложе —
Встать Ванюша не можетъ, —
Пуховàя перина....
Слезы льетъ Катерина.
Полно слезы лить въ хатѣ!
Говоритъ Ваня Катѣ;
Шлетъ онъ, шлетъ Катерину
Въ лѣсъ нарвать розмарину.
Не прошла она пяди,
Закричали ей сзади:
Воротися, Катюша!
Померъ бѣдный Ванюша! —
Ваня, Ваня мой милой,
Я во златѣ ходила,
А теперь полно Катѣ
Щеголять мнѣ во златѣ!
Заиграйте органы....
Ахъ, нѣтъ Вани, нѣтъ Вани!

3.

—

Какъ пошелъ я отъ своей любезной, мѣсяцъ былъ высòко,
А она въ окно за мной глядѣла, сколь уйду далёко.
Отошелъ всего я десятину, а она молила:
Воротись, вернись, мой ненаглядный, чѣмъ тебя я прогнѣвила? —
Не вернусь къ тебѣ я дорогая, не вернусь я снова:
Какъ стоялъ я подъ твоимъ окошкомъ, ты звала инова.
Сердце плачетъ, плачетъ и тоскуетъ, разставаться тяжко,
Подниму я на плечи котомку и уйду бѣдняжка!

4.

—

Ej no piękna Ruzio!
Nie droz się tak z buzią,
Nie prosim my długo,
Znajdziem sobie drugą.

Za wioską na łące
Jest kwiatków tysiące,
Suka miodu pscoła
I lata dokoła.

Nikt kochać nie broni,
Pókiśmy dziś młodzi,
Woda wodę goni,
Dzień po dniu pzechodzi.

Kwiat jesce odrośnie,
Choć go zima zwazy,
Nam juz nic po wiośnie,
Gdy raz będziem stazy.

5.

—

Już miesiąc zeszedł,
Gwiazda się zaćmiła;
Jużem swe oczy
Za nim wypatrzyła.

Patrzę się za nim
Zrana do wieczora;
Ach niéma Jasia,
Obiecał się wczora!

4.

—

Рузя, что-жъ прошу я
Долго поцалуя!
Мы еще попросимъ
Да какъ-разъ и бросимъ!

Не гляди такъ строго:
Красныхъ дѣвокъ много
За быстрòй рѣкою,
Лишь махни рукою!

Въ молодыя лѣта
Нѣтъ любви запрета:
Йдутъ дни за днями,
Волны за волнами....

Хоть морозъ и грянетъ,
Цвѣтъ весною встанетъ;
Старость кровь остудитъ —
Ничего не будетъ!

5.

—

Мѣсяца не видно
Середь темной ночи,
Жду я, жду милòва́,
Проглядѣла очи.

Жду я, не дождуся,
Не приходитъ Яся,
Хоть и обѣщалъ онъ,
Обѣщалъ вчерася.

W polu ogródeczek,
Jakby malowany;
Któż go odmalował ?
Mój Jasio kochany.

Wezmę ja kwiateczek,
Położę go w dzbanek....
Cóż mi po kwiateczku,
Nie wraca kochanek.

Ach już i ptaszęta
Piosnek nie śpiéwają,
Jeszcze wszystkie z smutku
Za nim wyzdychają.

6.

Dészczyk rosi, dészczyk rosi po białéj brzezinie:
Kochajże mię mój Jasieńku szczérze, nie zdradliwie.

Nie zdradzę ja, nie zdradzę ja, nie zdradzę ja ciebie,
Bodajże ja głowę złamał jadący od ciebie.

Jeszcze Jasio nie dojechał do krzyżowéj drogi,
A już Jasio głowę złamał, a koniczek nogi.

Otóż tobie, moja córko, na pamiątkę daję:
Nie wierz żadnemu mężczyznie, choć aniołem staje.

7.

Bywaj Zosiu zdrowa,
Daj buzi na drogę,
Jadę do Krakowa,
Kupić wstązkę mogę.

Во̀ полѣ садочикъ
Во̀ полѣ прохладный;
Кто-жъ его украсилъ? —
Яся ненаглядный.

Посажу цвѣточикъ
Рано до разсвѣту....
Ахъ, да не до цвѣту,
Коли друга нѣту!

Пріунылъ безъ друга
Зеленъ лѣсъ-лѣсочикъ,
Соловей не свищетъ,
Опустя носочикъ....

6.

Дождикъ, дождикъ моросить, взмокла вся поляна.
Ахъ, люби меня, Ванюша, вѣрно безъ обмана! —

Я люблю тебя, люблю, много, какъ умѣю;
Коли стану измѣнять, чтобъ сломать мнѣ шею! —

Только сталъ онъ выѣзжать на большу дорогу,
Онъ головушку сломилъ, а конь бо̀рзый ногу.

Знать тебѣ невѣренъ былъ милый твой Ванюша:
Ужъ вдругорядь никого, дочка, ты не слушай!

7.

Будь здорова, Соня!
Молвилъ Сонѣ Яковъ:
Воронова ко̀ня
Погоню я въ Краковъ!

Oj miasto to ślicne,
  A tyś w niém nie była,
Tak domostwa licne,
  Tzy dnibyś błądziła.

Gdy biją zegary,
  Trąbią tam nad wiezą,
A gdzie zamek stary,
  Polskie króle leżą.

I dziewcząt nie mało,
  A wsystkie rumiane,
Bądź mi Zosiu stałą,
  Ja stałym zostanę.

8.

Kiedy wiek nasz krótki,
Napijmy się wódki;
Czy krótki, czy długi,
Napijmy's raz drugi;
Ni żona, ni dzieci,
Pijmy więc raz trzeci;
Porzućmy te żarty,
Pijmy i raz czwarty;
Nie bądźmy oszusty,
Pijmy więc raz szósty;
Jak siódmy raz wypijemy,
To podobno spać pójdziemy,
A za ósmym razem,
Będziem leżéć jak pod głazem.

Всѣмъ-то, всѣмъ украшенъ
  Краковъ, городъ важный,
Что̀ домовъ и башенъ
  На улицѣ кажной!

Ѣздятъ тамъ гусары,
  Съ пиками уланы,
А гдѣ за̀мокъ старый,
  Тамъ король и паны.

Дѣвки-бѣсеняты
  Такъ и льнутъ повсюду....
Не забудь меня ты,
  И я не забуду!

8.

—

Наши дни коротки —
Выпьемъ что-ли водки!
Что тутъ долго спорить —
Выпьемъ и вдругорядь!
Пусть жена и дѣти —
Выпьемъ-ка по третей!
Всѣ печали къ чорту —
Наливай четверту!
Пьемъ мы зачастую
Пяту и шестую,
А седьму подносятъ —
Почивать насъ просятъ!
А восьмую выпьемъ —
Ляжемъ и не пикнемъ!

KRAKOWIAKI.

—

1.

Bieży konik, bieży, bardzo się zadyszał,
Nie powiém nikomu, co ja wczoraj słyszał.
Bieży konik, bieży, grzywa mu się jeży;
Niechaj żaden chłopiec panienkom nie wierzy.

2.

Śpiéwa słowik, śpiéwa, w téj leszczynie młodéj,
Teraźniejsze chłopcy tylko do obłudy;
Chłopcy do obłudy, panny do grymasów,
Taka to jest moda teraźniejszych czasów.

3.

Opuszczę te kraje,
Pojadę w te strony,
Gdzie starzy mężowie,
Mają młode żony.

4.

Na koniczka siadam,
Już nóżka w strzemieniu,
Pamiętaj dziewczyno
O mojém imieniu.

5.

Żebyście poznali prawego Polaka,
Będę wam tańcując śpiéwał krakowiaka.

6.

Siwy konik, siwy, konopiate grzywy,
Chociażem nie ładny, ale chłopiec żywy.

КРАКОВЯКИ.

—

1.

Скачетъ, скачетъ конь мой бо̀рзый, по полю онъ скачетъ;
Не скажу я никому, что это все значитъ.
Скачетъ, машетъ конь ретивой своей чорной гривой;
Ахъ, не вѣрьте вы, не вѣрьте дѣвицѣ спѣсивой!

2.

Свищутъ, свищутъ соловьи, пѣсенки заводятъ;
Ныньче мо̀лодцамъ не вѣрь: всѣхъ они проводятъ;
Ныньче мо̀лодцамъ не вѣрь, да и дѣвкамъ тоже,
Знать такая вышла мода, ни на что не гожа!

3.

Брошу эти страны
И махну туды я,
Гдѣ у старыхъ пановъ
Жоны молодыя.

4.

Сяду, сяду на коня,
Стремечко изъ стали:
Помни, помни, какъ меня
Звали, прозывали!

5.

Чтобы вы узнали истаго Поля̀ка,
Пропою танцуя вамъ я краковяка.

6.

Сивая кобыла, да рыжая грива,
Хоть не статенъ, не хорошъ, да порхаю живо!

7.

Powiadają ludzie, i cóż im to szkodzi,
Że młody chłopczyna do dziewczyny chodzi.

8.

A walić się, wali chałupecka nasa, (1)
Cóz się niéma walić, kiedy koło lasa.

9.

Po głębokiéj wodzie płynie kaczor siwy,
Jaki taki wesół, a ja nieszczęśliwy.

10.

Pojadę ja przez wieś, zdéjmę magiereczkę,
Ukłonię się mamie, dostanę córeczkę.

7.

Сказываютъ люди, и что имъ за дѣло,
Что дѣвица съ молодцомъ вечеромъ сидѣла.

8.

Наша хата, наша хата повалится скоро;
Ахъ какъ-же ей не валиться, коли подлѣ бора.

9.

Сизый селезень плыветъ черезъ сине море;
Мой сосѣдъ сегодни веселъ, мнѣ печаль и горе.

10.

Я поѣду чрезъ деревню, сниму съ себя шапку,
Старой матушкѣ поклонъ, дочь ея въ охапку!

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Народный оборотъ рѣчи, напоминающій подобный Русскій — *walić się wali* — *падать падаетъ;* у насъ говорятъ: *знать не знаю*, *ходить не ходитъ*, и т. п. Можно замѣтить также и особенность нарѣчія, на которомъ сложенъ этотъ краковякъ: вмѣсто обыкновеннаго *chałupeczka nasza* — *chałupecka nasa* — *cz* на *c*, и *sz* на *s*, какъ бываетъ и у насъ, во Владимірской губерніи и нѣкоторыхъ другихъ: вм. *чашечку чайку* говорятъ *цасецку цайку* и т. п., отъ чего Владимірскихъ плотниковъ, ходящихъ работать въ другія губерніи, называютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *цуканами*, *цуприками*, что употребляется иногда какъ собственное имя: *нанять цуприковъ*, *позвать цуприковъ*. Но больше говорится въ насмѣшку.

МАДЯРСКІЯ.

Мадярскія пѣсни получены мною въ числѣ 29 отъ Л. И. Штура, который собралъ ихъ на мѣстѣ.

1.

—

Végig mentem egy asszonynak az udvarán,
Betekintém véletlenül az ablakán.
Szeretömet láttam,
Más karján találtam,
Verje meg az isten, jaj be megutáltam.

Azt gondoltam, hogy ö nekem hív szeretöm,
Hát pedig csak alattomos hitegetöm.
Maradjon magának,
Nem hiszek szavának,
Hamis teste, lelke szökének, barnának.

2.

—

A kit az én szivem szeret,
Nem ir az nekem levelet.
De a szive tudom, szeret,
Mert az régen az enyim lett.

Ha én levelet irhatnék,
Arany pecsét alatt irnék,
A szivemet belé tenném,
Hozzád rózsám, elküldeném.

3.

—

Nézz ki rózsám ablakodbul,
Most búcsúzom városodbul,
Nézz utánam keservesen,
Vagy látsz többet, vagy soha sem.

1.

—

Я во дворъ къ моей подруженькѣ вошелъ,
Ненарокомъ къ ней въ окошко заглянулъ,
Вижу: съ милой, съ дорогой
Обнимается другой; —
Богъ съ тобой! сказалъ я милой: Богъ съ тобой!

Думалъ я, что будешь вѣкъ ты мнѣ вѣрна,
Вѣкъ вѣрна и не измѣнишь никогда,
Но слюбилась ты съ другимъ; —
Оставайся-же ты съ нимъ,
Съ новымъ милымъ, съ ненагляднымъ со своимъ!

2.

—

Кого люблю душою,
Ахъ тотъ меня не слышитъ,
Въ разлукѣ онъ со мною,
Хоть любитъ да не пишетъ!

Я золотомъ къ дружечку
Письмо-бы написала,
И вѣрное сердечко
Я въ немъ-бы отослала.

3.

—

Погляди, душа, въ окошко:
Далека̀ мнѣ путь-дорожка;
Ѣду маяться по свѣту,
Толь вернуся, толи нѣту.

Jtt hagynál-e, nem szánnál-e?
Vajjon szived nem fájna-e ?
Kö volna is, meghasadna,
Üveg volna, elpattanna.

A lelkem sír, leborulva ,
Még egyszer hozzád fordulva;
Mert te vagy az a drága kincs,
Melynél én elöttem szebb nincs.

Töled rózsám, elválasztnak ,
De szivemhez szorítalak;
Még jobban foglak szeretni,
Mennél többet kell szenvedni.

4.

—

Én vagyok a magyar gyerek!
Dicsekedni avval merek.
Fogadom is, a mig élek,
Száz némettel sem cserélek.

Télreteszem a kalpagom,
Pengö csizmám öszvecsapom,
Tánczra lábom billegetem,
A németet kinevetem.

Galambomat tánczra rántom,
Kemény fogással nem bántom.
Megölelem, megcsókolom
Szép piros magyar angyalom.

Neki eresztem kedvemet,
Összeverem tenyeremet,
Ez az élet! — Víg kedvemben
Kiáltom nagy örömömben.

Ахъ, неужли сердце, милыйі,
У тебя не защемило? —
Хошь-бы каменное было,
И тогда-бъ оно заныло!

А въ стекло-бы обратилось —
Разлетѣлось-бы, разбилось....
Не стекло оно, не камень,
А горитъ, что жаркій пламень!

Не пугайся ты разлуки:
Чѣмъ мнѣ больше будетъ муки,
Тѣмъ любить я больше буду, —
Никогда не позабуду!

4.

—

Удалый я Мадяринъ,
Лихой и ловкій парень!
Ногою я притопну,
Сто Нѣмцевъ я прихлопну!

Пущусь-ли въ танецъ скорой, —
Я брякну лихо шпорой,
И шапку заломаю,
И Нѣмца загоняю!

Любовь моя со мною,
Блистая красотою,
Мадярскій ангелъ ясный,
Кого люблю я страстно;

Я съ нею обнимуся
И крѣпко къ ней прижмуся
Съ горячимъ поцалуемъ, —
И вмѣстѣ затанцуемъ!

Csak csuszog a német lába,
Mert nincs sarkantyús csizmája,
Hímét ö csak egyröl varrja,
De a magyar, mint akarja.

Jsten hozzád gyáva német,
Ugy nézlek mint tarka gémet.
Én vagyok a magyar gyerek,
Kérkední magamnak merek.

5.

—

Néhai való jó Mátyás király,
Sok országokat te birál.
Nagy dicséretü te valál,
Ellenségednek ellene állál.

Hatalmasságodat jellentéd,
Bécsnek hogy városát te megvennéd,
Ékes sereged ott feletéd,
Királyszéked benne helyheztetéd.

Németországot, a mikor kivánád,
Szent koronához választhatád,
És nagy sok részre hasogatád,
Magyari uraknak tisztül mind elosztád.

Akkoron te löl olly igen drága,
Téged kivána cseh Prága.
Meghervadozott szép zöld ága,
Nem kellemetes neki virága.

Törököktül nyerél ajándokokat,
Ne pusztitanád országokat,
Ne kerengetnéd basájokat,
Ne fenyegetnéd ö császárokat.

А Нѣмецъ безъ подковокъ,
Безъ шпоръ куда не ловокъ!
Одно и то-жъ наладилъ
И танецъ весь изгадилъ!

У, Нѣмецъ ты проклятый,
Что ястребъ полосатый,
Не даромъ-же, не даромъ
Противенъ ты Мадярамъ!

5.

Нашъ Матвѣй король межъ королями! (1)
Долго ты господствовалъ надъ нами,
Управлялъ ты многими землями
И умѣлъ ты ладить со врагами.

Властвуя могучею десницей,
Ты поставилъ Вагъ своей границей;
А какъ сдѣлалъ Вѣну ты столицей,
Ты усилилъ власть свою сторицей.

Захотѣлъ-бы, съ Нѣмцемъ миръ отринулъ,
Изъ ноженъ свой мечъ булатный вынулъ,
И враговъ-бы разомъ опрокинулъ
И еще-бъ границы разодвинулъ!

Твоего воинственнаго стяга
Ждали Чехи.... но теперь ихъ Прага,
Что сухое былiе, бѣдняга,
И угасла вся ея отвага!

Даже Турки спѣсь свою забыли
И челомъ тебѣ усердно били,
Чтобъ твои къ нимъ рати не ходили,
Ихъ пашамъ разгрому не носили.

Jgyekezte vala sok országokra,
És nagy hatalmas városokra.
Az vizen álló Velenczére,
És benne való bölcs olaszokra.

Magyarországnak fényes tüköre,
És rettenetes bajnoka.
Nyomorultaknak kies hajloka,
Nagy ékességnek is te valál oka.

Nagy ékessége tisztességének,
Nagy bátorsága félelmeknek,
Oltalmazója magyar népeknek,
Rettenetes lön az lengyeleknek.

Királyok között lől' te hatalmas,
És nagy ügyeknek diadalmas,
Néped között nagy bizodalmas,
Légy úr istennél már nyugodalmas.

6.

—

Ez a pohár bujdosik,
Éljen a barátság!
Kézröl kézre adatik,
Éljen a barátság!
Éljen, éljen, éljen a
Éljen' a barátsag!

Töltsd meg pajtás, poharam.
Éljen a barátság!
Tele töltsed poharam,
Éljen a barátság!
Éljen, éljen, éljen a
Éljen a barátság!

Но живя въ согласіи съ султаномъ,
Ты грозилъ на сѣверѣ Полянамъ,
И ходилъ на югъ къ Венеціянамъ,
Что владѣютъ моремъ-окіяномъ.

Правды и могущества обитель,
Хунніи зерцало, просвѣтитель, (2)
Немощныхъ защитникъ, покровитель,
Витязь нашъ и доблестный правитель!

Лучшаго престола украшенье,
Боязливыхъ вѣрное спасенье,
Подданныхъ опора, защищенье,
Сопостатовъ страхъ и укрощенье!

Въ цѣломъ мірѣ миръ тобой устроенъ,
И за то ты рая удостоенъ;
Буди днесь, высокій неба воинъ,
Въ вѣчномъ Богѣ вѣчно упокоенъ!

6.

—

Полнѣй, полнѣе кубокъ!
Да здравствуетъ согласье!
Пускай кругомъ онъ ходитъ!
Да здравствуетъ согласье,
Да здравствуетъ, да здравствуетъ,
Да здравствуетъ согласье!

Налей еще полнѣе!
Да здравствуетъ согласье!
Налей съ краями вровень!
Да здравствуетъ согласье,
Да здравствуетъ, да здравствуетъ,
Да здравствуетъ согласье!

Mind megittam a borom.
Éljen a barátság!
Mind egy cseppig megittam.
Éljen a barátság!
Éljen, éljen, éljen a
Éljen a barátság!

7.

—

Volt nekem szeretöm
Falu végén kettö,
Nem volt buzakenyér,
Megholt mind a kettö.

Egyiket temetem
Virágos kertembe,
Másikat temetem
Szivem közepébe.

Egyiket öntözöm
Tiszta dunavizzel,
Másikat öntözöm
Sürü könnyeimmel.

8.

—

Kinek van, kinek van
Karika gyürüje,
Annak van, annak van
Barna szeretöje.

Я выпилъ полный кубокъ.
Да здравствуетъ согласье!
И все вино до капли.
Да здравствуетъ согласье,
Да здравствуетъ, да здравствуетъ,
Да здравствуетъ согласье!

7.

—

Два милыхъ было у меня,
Дороже всей родни,
Да бѣдность одолѣла ихъ, —
И померли они.

Что одного-то милаго
Въ саду я положу,
Другова я сердечнаго
Подъ сердцемъ схороню.

Полью въ саду я милаго
Съ Дунай-рѣки водой,
Полью дружка сердечнаго
Горючихъ слезъ рѣкой.

8.

—

У кого, у кого
Перстенекъ золотой,
У того, у того
Дѣва съ черной косой.

Kinek van, kinek van
  Tarka kezkenöje,
Annak van, annak van
  Barna szeretöje.

Van nekem kezkenöm,
  Fehér is, tarka is,
Van nekem szeretöm
  Szöke is, barna is.

Nekem is van kettö,
  Cseréljünk fel véle;
A mivel többet ér
  Fizetek melléje.

Angyalom czuczája,
  Gyürüm az ujjába,
Valamerre fordul,
  Ragyog a sugára.

У кого, у кого
Рушничокъ съ бахрамой,
У того, у того
Дѣва съ черной косой.

У меня цѣлыхъ два,
Цѣлыхъ два рушника, —
Пригожи-хороши
Двѣ дѣвицы души.

Только тѣ рушнички
Промѣнять я хочу,
А придутся лишки,
Я за нихъ приплачу.

Мой дружокъ, ангелокъ
За вороты бѣжитъ,
На рукѣ перстенекъ
И блеститъ, и горитъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Матвѣй Корвинъ, сынъ Янка Гуняда, извѣстнаго Полководца Императора Сигизмунда. —

2) Хунніи — Венгріи.

ФИНСКІЯ.

—

Помѣщенныя въ моемъ сборникѣ Финскія пѣсни сообщены мнѣ Я. К. Гротомъ; онѣ взяты имъ изъ разныхъ изданій, а частію записаны со словъ.

MINUN SULHONI SOASSA.

—

Muien on sulhonsa kotona,
Minun on sulhoni soassa,
Kutratukka kulkemassa,
Walkiipää waeltamassa,
Tuolla Turkinmaan perillä,
Turkin raukoilla rajoilla.
Ei siellä emo elätä,
Ei siwele Suomen sisko,
Suomen tyttö ei suuta anna;
Siweli siliä miekka,
Satatti sotasapeli,
Tykki suuri suuta anto.
Woi toki tytär typerä,
Kun on sulhoni soassa,
Aino sulhoni soassa,
Jota itkin, jota wuotin,
Jota toiwotin ikäni!
Käkesi kotona naia,
Häät piteä pääsiäisnä;
Eipä nainunna kotona,
Saanut häitä Suomen maalla,
Sattu häät sotakeolla,
Wihki wierahan tuwilla,
Suuren herran suojuksessa,
Pienen herran pirttisessä —
Pappina pakanan saua,
Walta wieras wihkijänä,
Suora miekka sormuksina,
Morsiamena kiwäri.

МОЙ ЖЕНИХЪ НА ВОЙНѢ.

—

Женихи моихъ подружекъ дома,
Только нѣту моего со мною,
На войнѣ женихъ мой ненаглядный,
Мой кудрявый странствуетъ далёко,
Въ Турціи гуляетъ бѣлокурый;
Мать родная тамъ его не холитъ,
Финская сестрица не лелѣетъ,
Финская невѣста не цалуетъ!
Острый мечъ его лелѣетъ-холитъ,
А ласкаетъ сабля боевая,
А цалуетъ и милуетъ пушка!
Безъ него пропасть мнѣ одинокой,
Безъ него, по комъ я такъ вздыхала,
И по комъ я слезы проливала!
Онъ хотѣлъ-было жениться дома,
И о пасхѣ быть-бы нашей сватьбѣ,
Да не здѣсь пришлось ему жениться,
Не въ Финляндіи игралъ онъ сватьбу,
А игралъ онъ сватьбу на чужбинѣ,
Подъ шатромъ великаго Владыки,
Въ хижинѣ у малаго Владыки,
Обвѣнчался не кольцомъ, а саблей,
Не съ невѣстой, а съ Турецкой пулей.

KONSA MEILLÄ KOSIAT KÄYPI? (1)

Konsa meillä kosiat käypi,
Millon mieli wierahaiset,
Konsa armahat atiwot? —
Pääkähyri päätnitsänä,
Hiwus suora suowattana;
Minun miilo kultaseni,
Se tulee pyhänä päänä.

Missä heitä wastatahan? —
Pirtissä kähyripäätä,
Sintsissä siliäpäätä;
Minun miilo kullaistani,
Sitä wastataan pihalla.

Mitä heille syötetähän? —
Leipeä kähyripäälle,
Kukkoja siliäpäälle;
Minun miilo kullalleni,
Sille wehnä kolatsuja.

Mitä heille juotetahan? —
Rieppua kähyripäälle,
Waassoa siliäpäälle;
Minun miilo kullalleni,
Sille juotetaan olutta.

Minne heitä nukkumahan? —
Pirttihin kähyripäätä,
Sintsihin siliäpäätä;
Minun miilo kultaseni,
Se aittahan wuiskatahan.

КОГДА-ЖЕ ПРИДУТЪ ЖЕНИХИ?

—

Когда-же придутъ женихи,
Пожалуютъ милые гости? —
Кудрявый, ты въ пятницу будь,
А гладковолосый въ субботу,
А ты, мой дружокъ, подожди,
И въ праздникъ ко мнѣ приходи!

А гдѣ-жъ мнѣ принять жениховъ? —
Кудрявый пожалуетъ въ и́збу,
А гладковолосый придетъ,
Я гладковолосаго въ сѣни,
А милаго друга приму
Я въ свѣтломъ моемъ терему.

Чего-же мнѣ дать имъ поѣсть? —
Кудрявому дамъ кулебяки,
А гладковолосый придетъ,
Я гладковолосому хлѣба,
А милому другу-дружку
Я сладкій пирогъ испеку.

Чего-жъ имъ поставлю я пить? —
Кудрявому рѣпнаго соку,
А гладковолосый придетъ,
Я гладковолосому квасу,
А милому другу давно
Поставлено въ чаркѣ вино.

Куда-жъ мнѣ ихъ спать положить? —
Кудряваго въ черную и́збу,
А гладковолосый придетъ,
Я гладковолосаго въ сѣни,
А другу любезному спать
Въ свѣтлицѣ готова кровать.

Mitä heille wuoteheksi? —
Waatetta kähyripäälle,
Posteet siliäpäälle;
Minun miilo kullalleni,
Sille sulkkuset perinät —

Minä itse ruskia,
Minä itse walkia,
Minä kaunis ja ihana,
Miilo kullan wiereen.

TUO ON MIES ME'ESTÄ TEHTY.

Tuo on mies me'estä tehty,
Sokerista sorwaeltu,
Suu somasti laulamahan,
Jalat taiten tanssimahan.
Pese silmät, pää silitä,
Harja'a hatun alukset,
Niin tule minun kotihin,
Ja kysy tätä tytärtä
Emoltani ensistäänki:
Eukko työnnä tyttöäsi
Minulle miehelle hywälle,
Sorialle sulhaselle,
Mie oon mies me'estä tehty,
Sokerista sorwaeltu.

OMAT ON WIRRET OPPIMANI.

Ei ole seppä sen parempi,
Eikä tarkempi takoja,
Jos synty sysiskeolla,
Kaswo hiilikankahalla.
En ole opissa ollut,

Кудрявому войлокъ я дамъ,
А гладковолосому платье,
А милому другу — плечо
И грудь мою нѣжну, пухову,
И подлѣ милòва дружка
Я, русая, лягу сама.

ОНЪ ИЗЪ МЕДУ.

Изъ меду, изъ сахару онъ,
Медовый онъ, сахарный онъ:
Глаза, чтобы сладко смотрѣть,
Уста, чтобы пѣсенки пѣть,
А ноги, чтобъ ловко плясать,
А руки, чтобъ кудри чесать.
Зайди-же ты къ намъ, не лѣнись,
Старушкѣ моей поклонись:
Исполни ты просьбу мою,
Отдай ты мнѣ дочку свою,
Отдай ты ее молодцу,
Чтобъ съ нею итти мнѣ къ вѣнцу,
Отдай ты ее за меня, —
Изъ меду, изъ сахару я!

САМЪ Я ВЫУЧИЛСЯ ПѢТЬ ПѢСНИ.

Не лучше тотъ молотъ,
Кузнецъ не ловчѣе,
Чтò въ кузнѣ родúлся,
Въ печи закалился!
Я не былъ въ ученьѣ,

Käynyt mailla mahtawien,
Samonnut Lapin saloja,
Souellut Wiron wesiä;
Omat on wirret oppimani,
Omat saamani sanaset,
Tiepuolista tempomani,
Risukoista riipomani,
Pajukoista poimimani,
Wesoista wetelemäni,
Kanarwoista katkomani,
Päästä heinän hieromani.
Kun olin pieunä paimenessa,
Lassa kazjan kaitsijana,
Metisillä mättähillä,
Kultasilla kunnahilla,
Kirjawaisilla kiwillä,
Paistawilla paateroilla;
Tuuli toi sata sanoa,
Tuhat ilma tuuwitteli,
Wirret aaltona ajeli,
Laulut läikky lainehina.
Ne minä kerälle käärin,
Sykkyrälle syylättelin,
Panin aitan parwen päähän,
Kukkarohon kultasehen,
Rasiahan rautasehen,
Waskisehen wakkasehen.

Къ Лапландцамъ не ѣздилъ,
И по морю къ Эстамъ
Ниразу не плавалъ,
А самъ научился
Я складывать пѣсни,
Я слово по слову
Сбиралъ по дорогѣ,
И въ хворостѣ рылся,
И шарилъ подъ ивой,
И въ верескѣ частомъ
И въ травкѣ-муравкѣ;
Какъ малымъ ребенкомъ
Я бѣгалъ за стадомъ
По скàламъ высокимъ,
По мшистымъ каменьямъ,
По холмикамъ злачнымъ,
По кочкамъ медвянымъ, —
Въ ту пору со мною
Бесѣдовалъ вѣтеръ,
И тысячи звуковъ,
И тысячи пѣсенъ
Летали, носились,
Качались, звенѣли,
И въ морѣ плескались
Въ волнахъ пѣнношумныхъ.
Я скатывалъ пѣсни,
Я свертывалъ пѣсни,
Завязывалъ въ узелъ
И клалъ на стропилы
Хозяйскаго дома,
Въ мошну золотую,
Въ серебряный ящикъ,
За мѣднымъ замочкомъ....

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Въ этой пѣснѣ есть нѣсколько Русскихъ словъ: *päätnitsä* — *пятница*, *suowatta* — *суббота*, *miilo* — *милый*, *sintsi* — *сѣнцы*, *kolatsu* — *калачъ*, *rieppu* — *рѣпа*, *waasso* — *квасъ* и *perinä* — *перина*.

ГРЕЧЕСКІЯ.

Всѣ Греческія пѣсни взяты мною изъ извѣстнаго собранія Форіеля Chants populaires de la Grèce moderne, 1824; исключая двухъ-трехъ, заимствованныхъ у Фирмениха — *Τραγούδια Ρωμαϊκά* — Berlin. 1844.— Объ именахъ *клефта*, *паликара* и *арматола*, которыя часто встрѣчаются въ этихъ пѣсняхъ, можно замѣтить слѣдующее: *клефтъ* (*κλέφτης*) значитъ первоначально *воръ*, *разбойникъ*, но Грекъ облагородилъ это слово во время войнъ за независимость, въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Названіе *арматолъ* (*ἁρματωλὸς*), означающее *вооруженнаго человѣка*, образовалось позже, когда Турки, въ покоренныхъ ими областяхъ Мореи, завели гарнизоны изъ туземцевъ. Это какъ-бы завербованный въ службу, нѣсколько регулярный *клефтъ*. Начальникъ *арматоловъ*, а равно и *клефтовъ* называется *капитанъ* (*καπετάνος*). Изъ арматоловъ выходили *паликары* (*παλληκάρι*) — отборные молодцы, изъ *паликаровъ* — *протопаликары* (*πρωτοπαλληκάρι*). *Паликаръ* въ пѣснѣ мѣшается съ именемъ *клефта*. Форіель говоритъ обо всемъ этомъ довольно подробно въ Discours préliminaire, на страницахъ: xliij, xliv, xlv, xlvj.

Τοῦ Ὀλύμπου.

Ὁ Ὄλυμπος κ' ὁ Κίσσαβος, τὰ δυὸ βουνὰ μαλόνουν·
Γυρίζει τότ' ὁ Ὄλυμπος, καὶ λέγει τοῦ Κισσάβου·
Μή με μαλόνῃς, Κίσσαβε, κονιαροπατημένε!
Ἐγώ εἶμ' ὁ γέρος Ὄλυμπος, 'σ τὸν κόσμον ξακουσμένος.
Ἔχω σαράντα δυὸ κορφαῖς, ἑξῆντα δυὸ βρυσούλαις·
Πᾶσα βρσὴ καὶ φλάμπουρον, παντοῦ κλαδὶ καὶ κλέφτης·
Καὶ 'σ τὴν ψηλήν μου κορυφὴν ἀετὸς εἶν' καθισμένος,
Καὶ εἰς τὰ νύχια του κρατεῖ κεφάλ' ἀνδρειωμένου·
Κεφάλι μου, τί ἔκαμες, κ' εἶσαι κριματισμένον; —
Φάγε, πουλὶ, τὰ νεάτα μου, φάγε καὶ τὴν ἀνδρειάν μου,
Νὰ κάμῃς πήχην τὸ φτερὸν, καὶ πιθαμὴν τὸ νύχι.
'Σ τὸν Λοῦρον, 'σ τὸ Ξερόμερον ἁρματωλὸς ἐστάθην,
'Σ τὰ Χάσια καὶ 'σ τὸν Ὄλυμπον δώδεκα χρόνους κλέφτης.
Ἑξῆντ' ἀγάδαις σκότωσα, κ' ἔκαψα τὰ χωριά τους·
Κ' ὅσους 'σ τὸν τόπον ἄφησα καὶ Τούρκους κ' Ἀρβανίταις,
Εἶναι πολλοὶ, πουλάκι μου, καὶ μετρημὸν δὲν ἔχουν.
Πλὴν ἦρθε κ' ἡ ἀράδα μου 'σ τὸν πόλεμον νὰ πέσω.

Ἡ βοὴ τοῦ μνήματος.

Σάββατον ὅλον πίναμε, τὴν κυριακ' ὅλ' ἡμέρα,
Καὶ τὴν δευτέραν τὸ πουρνὸν ἐσώθη τὸ κρασί μας.
Ὁ καπετάνος μ' ἔστειλε νὰ πάω, κρασί νὰ φέρω·

ОЛИМПЪ И КИССАВЪ. (1)

Тягаются горы Олимпъ и Киссавъ,
Тягаются, спорятъ они межъ собой,
И началъ Олимпъ и Киссаву шумитъ:
Не спорь ты со мной, не тягайся, Киссавъ:
Тебя попираетъ невѣрный коньяръ!
А я знаменитый и старый Олимпъ,
Вѣдь сорокъ и двѣ головы у меня,
Бѣжитъ у меня шестьдесятъ два ключа,
Что̀ ключъ, то винтовка, что̀ дерево — клефтъ!
На самой-же крайней вершинѣ моей
Сидитъ превеликая птица орелъ,
И держитъ башку паликара въ когтяхъ:
Скажи, голова удалая моя,
За что извели, погубили тебя? —
Ѣшь, птица, ты силу и храбрость мою!
Чтобъ на̀ локоть крылья твои отросли;
А вострыя когти на цѣлую пядь!
Луро̀съ и Ксеро̀меросъ знаютъ меня,
И Хазія знаетъ меня и Олимпъ:
Арма̀толомъ, клефтомъ я много служилъ,
Убилъ шестьдесятъ я могучихъ пашей,
Спалилъ я у нихъ шестьдесятъ деревень;
А сколько Албанцевъ и Турокъ побилъ, —
Ихъ много, орелъ мой, и счету имъ нѣтъ!
Но видно и мой ужъ черёдъ подошелъ, —
И вражій подрѣзалъ меня ятаганъ!

ГОЛОСЪ ИЗЪ МОГИЛЫ. (2)

Въ субботу пили мы весь день и въ воскресенье пили,
Но въ понедѣльникъ поутру́ у насъ вино все вышло,
И капитанъ послалъ меня достать вина для клефтовъ,

Ξένος ἐγὼ καὶ ἄμαθος δὲν ἤξευρα τὸν δρόμον,
Κ' ἐπῆρα στράταις 'ξώστραταις καὶ ξένα μονοπάτια.
Τὸ μονοπάτι μ' ἔβγαλε σὲ μιὰν ψηλὴν ῥαχοῦλαν·
Ἦταν γεμάτη μνήματα, ὅλ' ἀπὸ παλληκάρια.
Ἓν μνῆμα ἦταν μοναχὸν, ξέχωρον ἀπὸ τὰ ἄλλα·
Δὲν εἶδα, καὶ τὸ πάτησα ἀπάνω 'σ τὸ κεφάλι.
Βοὴν ἀκούω καὶ βροντὴν ἀπὸ τὸν κάτω κόσμον.
Τί ἔχεις, μνῆμα, καὶ βογγᾷς, καὶ βαραναστενάζεις;
Μήνα τὸ χῶμά σου βαρεῖ; μήνα ἡ μαύρη πλάκα; —
Οὐδὲ τὸ χῶμά μου βαρεῖ, οὐδὲ ἡ μαύρη πλάκα,
Μόν' τό 'χω μάραν κ' ἐντροπὴν, κ' ἕναν καϋμὸν μεγάλον,
Τὸ πῶς μὲ καταφρόνεσες, μ' ἐπάτησες 'σ τὸ κεφάλι.
Τάχα δὲν ἤμουν κ' ἐγὼ νεός; δὲν ἤμουν παλληκάρι;
Δὲν ἐπερπάτησα κ' ἐγὼ τὴν νύχτα μὲ φεγγάρι;

Τελευταῖος ἀποχαιρετισμὸς τοῦ κλέφτη.

—

Ῥοβόλα κάτω 'σ τὸν γιαλὸν, κάτω 'σ τὸ περιγιάλι.
Βάλε τὰ χέρια σου κουπιὰ, τὰ στήθη σου τεμόνι,
Καὶ τὸ λιγνόν σου τὸ κορμὶ, βάλε το σὰν καράβι·
Κ' ἂν κάμ' ὁ Θεὸς κ' ἡ Παναγιὰ, νὰ πλέξῃς, νὰ περάσῃς,
Νὰ πᾷς πρὸς τὰ λιμέρια μας, ὁπῶ 'χομεν καβοῦλι,
Ποῦ ψήσαμεν τὰ δυὸ τραγιὰ, τὸν Φλώραν καὶ τὸν Τόμπραν,
Ἂν σ' ἐρωτήσ' ἡ συντροφιὰ τίποτε γιὰ ἐμένα,
Νὰ μὴν εἰπῇς, πῶς χάθηκα, πῶς πέθαν' ὁ καϋμένος,
Μόνον εἰπὲ, πανδρεύθηκα 'σ τὰ ἔρημα τὰ ξένα,
Πῆρα τὴν πλάκα πεθερὰν, τὴν μαύρην γῆν γυναῖκα,
Κι' αὐτὰ τὰ λιανολίθαρα ὅλα γυναικαδέλφια.

Да былъ чужой мнѣ этотъ край, чужой и незнакомый,
Я заблудился на пути, съ прямой дороги сбился,
Я заблудился, — и взошелъ я на гору большую:
Чернѣлось много тамъ могилъ, все нашихъ, паликарскихъ,
Одна могила въ сторонѣ и ото всѣхъ далёко,
Я не видалъ и наступилъ на мертвеца ногою,
Вдругъ слышу стоны подъ землей, и гулъ глухой, и голосъ.
Что̀ воешь ты, что̀ стонешь ты, холодная могила?
Или тяжелъ высокій холмъ? иль давитъ чорный камень? —
Нѣтъ, не тяжелъ высокій холмъ, не давитъ чорный камень,
А тяжко мнѣ, и горько мнѣ, и больно, и досадно,
Что презираешь ты меня, ногами попираешь:
И я вѣдь былъ такимъ какъ ты, и молодцомъ и клефтомъ,
И я ходилъ, и я гулялъ въ ночь темную полу́ночь! —

ПОСЛѢДНЕЕ ПРОЩАНІЕ КЛЕФТА. (3)

Скорѣе бросайся ты съ берега вплавь,
Руками своими что̀ веслами правь,
А грудь молодецкую выгни рулемъ, —
И легкимъ и быстрымъ плыви кораблемъ!
Богъ дастъ и поможетъ Пречистая намъ, —
Ты будешь, товарищъ, сегодня-же тамъ,
Гдѣ, помнишь, мы жарили вмѣстѣ козлятъ....
Про то, что погибъ я, не сказывай, братъ!
А если распрашивать станетъ родня:
Скажи, что въ чужбинѣ женили меня,
Что былъ мнѣ булатъ посажонымъ отцемъ,
Что насъ угощали на сватьбѣ свинцомъ,
Что мнѣ за женою моей отвели
Въ приданое сажень косую земли!

Τοῦ Ἀνδρικοῦ.

Τ' Ἀνδρίκ' ἡ μάννα θλίβεται, τ' Ἀνδρίκ' ἡ μάννα κλαίει·
Πρὸς τὰ βουνὰ συχνογερνᾷ, καὶ ὅλα τὰ μαλόνει· —
Ἀγράφων ἄγρια βουνά, Ἀγράφων κορφοβούνια,
Τί κάμεταν τὸν υἱόκαν μου, τὸν καπετὰν Ἀνδρίκον;
Ποῦ εἶναι καὶ δὲν φαίνεται τοῦτο τὸ καλοκαῖρι;
'Σ τὸν Ἄσπρον δὲν ἀκούσθηκεν, οὐδὲ 'σ τὸ Καρπενῆσι.
Ἀνάθεμά σας, Γέροντες, κ' ἐσένα, Καραγεώργη!
Ἐσεῖς τὸν υἱόν μου διώξεταν, τὸν πρῶτον τὸν λεβέντην.
Ποτάμια, λιγοστέψετε, γυρίσετε ὀπίσω,
Δρόμον τ' Ἀνδρίκ' ἀνοίξετε νά 'ρθῃ 'σ τὸ Καρπενῆσι.

Ὁ τάφος τοῦ Δήμου.

Ὁ ἥλιος ἐβασίλευε, κι' ὁ Δῆμος διατάζει·
Σύρτε, παιδιά μου, 'σ τὸ νερὸν, ψωμὶ νὰ φάτ' ἀπόψε.
Καὶ σὺ Λαμπράκη μ' ἀνεψιὲ, κάθου ἐδῶ κοντά μου·
Νά! τ' ἄρματά μου φόρεσε, νὰ ἦσαι καπετάνος·
Καὶ σεῖς, παιδιά μου, πάρετε τὸ ἔρημον σπαθί μου,
Πράσινα κόψετε κλαδιὰ, στρῶστέ μου νὰ καθήσω,
Καὶ φέρτε τὸν πνευματικὸν νὰ μ' ἐξομολογήσῃ·
Νὰ τὸν εἰπῶ τὰ κρίματα ὅσα 'χω καμωμένα·
Τριάντα χρόνι' ἀρματωλὸς, κ' εἴκοσι ἔχω κλέφτης·
Καὶ τώρα μ' ἦρθε θάνατος, καὶ θέλω ν' ἀπαιθάνω.
Κάμετε τὸ κιβοῦρί μου πλατὺ, ψηλὸν νὰ γένῃ,

АНДРИКО. (4)

—

Горюетъ мать Андрикова и слезно, горько плачетъ,
Идетъ въ ущелья горныя, бранитъ ихъ и поноситъ:
Куда Андрика дѣли вы, Андрика капитана?
Гдѣ бродитъ онъ, гдѣ ходитъ онъ, что нѣтъ его все лѣто?
На Аспрѣ не слыхать объ немъ, не слышно въ Карпенизѣ!
Геронты вы проклятые и ты, Георгій Чорный,
И вы, его товарищи, лихіе паликары!
Куда его дѣвали вы, храбрѣйшаго изъ храбрыхъ?
Ахъ, рѣки, рѣчки быстрыя, назадъ вы потеките,
Чтобъ было гдѣ пройти ему, Андрикѣ капитану.
Коли домой вернется онъ, въ свои родныя горы.

ГРОБЪ ДИМА. (5)

—

Садилося солнце и день уходилъ,
А Димъ паликарамъ своимъ говорилъ:
Не можется, дѣти, пора на покой!....
Сходите на ужинъ себѣ за водой,
А ты, мой Лабраkисъ, одинъ мнѣ родня, —
Ты будь капитаномъ замѣсто меня;
Покуда-же, дѣти, вы саблей моей
Зеленыхъ въ лѣсу нарубите вѣтвей,
Я лягу на тѣхъ на зеленыхъ вѣтвяхъ
И каяться стану попу во грѣхахъ:
Арматоломъ долго въ горахъ я служилъ,
Албанцевъ и Турокъ безъ счету побилъ,
Но видно черёдъ наступаетъ и мой....
Вы гробъ сколотите мнѣ, дѣти, большой,
Чтобъ былъ онъ просторенъ, широкъ и высокъ,
Чтобъ саблей въ гробу я размахивать могъ,
Чтобъ могъ и винтовку я тамъ заряжать,
И въ Турокъ невѣрныхъ оттуда стрѣлять;

Νὰ στέκ' ὀρθὸς νὰ πολεμῶ, καὶ δίπλα νὰ γεμίζω.
Κι' ἀπὸ τὸ μέρος τὸ δεξὶ ἀφῆστε παραθύρι,
Τὰ χελιδόνια νά 'ρχωνται, τὴν ἄνοιξιν νὰ φέρουν,
Καὶ τ' ἀηδόνια τὸν καλὸν Μάην νὰ μὲ μαθαίνουν.

Τοῦ Νικοτσάρα.

Ὁ Νικοτσάρας πολεμᾷ μὲ τρία βιλαέτια,
Τὴν Ζίχναν καὶ τὸν Χάντακαν, τὸ ἔρημον τὸ Πράβι.
Τρεῖς 'μέραις κάμνει πόλεμον, τρεῖς 'μέραις καὶ τρεῖς νύχταις·
Χιόν' ἔτρωγαν, χιόν' ἔπιναν, καὶ τὴν φωτιὰν βαστοῦσαν.
Τὰ παλληκάρια φώναξε 'σ ταῖς τέσσεραις ὁ Νίκος.
Ἀκοῦστε, παλληκάρια μου, ὀλίγα κ' ἀνδρειωμένα,
Σίδηρον βάλτε 'σ τὴν καρδιὰν, καὶ χάλκωμα 'σ τὰ στήθη·
Αὔριον πόλεμον κακὸν ἔχομεν μὲ τοὺς Τούρκους.
Αὔριον νὰ πατήσωμεν, νὰ πάρωμεν τό Πράβι! —
Τὸν δρόμον πῆραν σύνταχα, κ' ἔφθασαν 'σ το γεφύρι·
Ὁ Νίκος μὲ τὸ δαμασκὶ τὸν ἅλυσσόν του κόφτει·
Φεύγουν οἱ Τοῦρκοι σὰν τραγιὰ, πίσω τὸ Πράβ' ἀφίνουν.

Πόλεμοι τοῦ Σούλιου.

Ἕνα πουλάκι κάθονταν ἀπάνω 'σ τὸ γεφύρι·
Μυριολογοῦσε κ' ἔλεγε, τ' Ἀλῆ πασᾶ τοῦ λέγει·
Δὲν εἶν' ἐδῶ τὰ Ἰάννινα νὰ φτιάσῃς σαρδιβάνια,
Δὲν εἶν' ἐδῶ ἡ Πρέβεζα νὰ φτιάσῃς παλαιομέρι·

Чтобъ было съ обѣихъ сторонъ по окну:
Въ одно пусть мнѣ носятъ касатки весну,
Къ другому летаютъ пускай соловьи,
Пускай распѣваютъ мнѣ пѣсни свои!

НИКОЦАРАСЪ. (6)

Какъ воюетъ храбрый Никоцарасъ,
Онъ съ тремя воюетъ городами:
Съ Сихною, съ Хантакой, съ чорной Прави;
Онъ воюетъ три дни и три ночи,
Снѣгъ онъ ѣстъ и снѣгомъ запиваетъ,
И стрѣльбу выдерживаетъ Турокъ.
На четвертыя онъ сутки молвитъ,
Говоритъ своимъ онъ паликарамъ:
Молодцы мои вы паликары,
Хоть не много васъ, да всѣ вы храбры!
Вы закуйте грудь свою въ желѣзо,
Оберните сердце крѣпкой мѣдью:
Завтра съ Турками намъ крѣпко биться,
Завтра взять и покорить намъ Прави! —
И ударили они на Турокъ:
Ни́косъ къ мосту — и Дамасской саблей
Пересѣкъ его большія цѣпи;
Побѣжали Турки, что̀ козлята,
Оставляя паликарамъ Прави.

СУЛІЙСКІЯ ВОЙНЫ.

Какъ сидитъ на мосту птичка малая,
Какъ восплачетъ она, какъ возговоритъ,
Говоритъ она Волку Янинскому: (7)
Здѣсь тебѣ не Янина, не Прѐвеза,

Μόν' εἶν' τὸ Σοῦλι 'ξακουστὸν, τὸ Σοῦλι 'ξακουσμένον,
Ποῦ πολεμοῦν μικρὰ παιδιὰ, γυναῖκες καὶ κορίτσια·
Ποῦ πολεμᾷ Τσαβέλαινα μὲ τὸ σπαθὶ 'σ τὸ χέρι,
Μὲ τὸ παιδὶ 'σ τὴν ἀγκαλιὰν, μὲ το τουφέκι 'σ τ' ἄλλο,
Μὲ τὰ φυσέκια 'σ τὴν ποδιὰν. . . . .

Ὁ θάνατος τοῦ Ἴοτη.

Σηκόνομαι πολὺ ταχυὰ, δύ' ὥραις ὅσον νὰ φέξῃ,
Πέρνω νερὸν καὶ νίβομαι, νερὸν νὰ 'ξαγρυπνήσω.
Τὰ πεύκι' ἀκούω καὶ βροντοῦν, καὶ ταῖς ὀξειαῖς καὶ τρίζουν.
Καὶ τὰ γιατάκια τῶν κλεφτῶν κλαίγουν τὸν καπετάνον.
Γιά! σήκ' ἀπάνω, 'Ιώτη μου, καὶ μὴ βαρεὰ κοιμᾶσαι·
Μᾶς πλάκωσεν ἡ παγανιὰ, θέλουν νὰ μᾶς βαρέσουν. —
Τί νὰ σᾶς 'πῶ, μωρὲ παιδιὰ, καϋμένα παλληκάρια;
Φαρμακερὸν τὸ λάβωμα, πικρὸν καὶ τὸ μολύβι.
Τραβᾶτέ με νὰ σηκωθῶ, βάλτε με νὰ καθήσω,
Καὶ φέρτε μου γλυκὸν κρασὶ νὰ πιῶ, καὶ νὰ μεθύσω,
Νὰ 'πῶ τραγούδια θλιβερὰ καὶ παραπονεμένα·
Νὰ ἤμουν ςὰ ψηλὰ βουνὰ, καὶ ςοὺς χονδροὺς τοὺς ἴσκιους,
Ποῦ 'ναι τὰ στεῖρα πρόβατα, καὶ τὰ παχεὰ κριάρια!

Τοῦ Πλιάσκα.

Κοίτετ' ὁ Πλιάσκας, κοίτεται 'σ τὴν ἔρημην τὴν βρύσιν·
Μὲ τὰ ποδάρια 'σ τὸ νερὸν πάλε νερὸν γυρεύει·

Чтобы строить фонтаны да крѣпости,
Не Янина, — Сулй знаменитая,
Знаменитая, въ свѣтѣ прославленная,
Гдѣ воюютъ и дѣти и женщины,
Гдѣ воюетъ и наша Цавелиха,
Положивши ребенка за пазуху;
А въ рукѣ у нея сабля вострая,
Пистолетъ и кинжалъ у ней за̀ поясомъ,
А въ подолѣ патроны насыпаны!....

СМЕРТЬ ІОТИСА. (8)

—

Поднялся я рано, за часъ до разсвѣту;
Студеной воды зачерпнулъ я умыться,
И слышу: скрипятъ и качаются сосны
И крѣпкіе дубы, а хижины клефтовъ
Горюютъ о миломъ своемъ капитанѣ:
Вставай, братъ Іотисъ, заснулъ ты не въ пору:
Напали на насъ басурмане лихіе! —
Ахъ, что̀ вамъ сказать, неразумные дѣти,
Уда̀лые други мои паликары? —
Тяжка моя рана, горька ея пуля!....
Ахъ, дайте-ка встать мнѣ, вотъ тутъ посадите,
Вина мнѣ подайте, чтобъ пьяну напиться,
Чтобъ могъ я пропѣть вамъ печальную пѣсню....
Ахъ, если-бъ я, други, теперь очутился
Въ горахъ, подъ густою, широкою тѣнью,
Гдѣ наши бараны и овцы гуляютъ!....

ПЛІАСКАСЪ. (9)

—

У ручья лежитъ Пліаскасъ храбрый,
Онъ въ водѣ по самыя колѣни,

Μὲ τὰ πουλιὰ συντύχαινε καὶ μὲ τὰ χελιδόνια·
Τάχα, πουλιὰ, θὰ ἰατρευθῶ; τάχα, πουλιὰ, θὰ ἰάνω; —
Πλιάσκα μ' ἂν θέλῃς ἰάτρευμα, νὰ ἰάνουν ἡ πληγαῖς σου,
Ἔβγα ψηλὰ 'σ τὸν Ὄλυμπον, 'σ τὸν εὔμορφον τὸν τόπον·
Ἀνδρεῖοι 'κεῖ δὲν ἀῤῥωστοῦν, κ' ἄῤῥωστοι ἀνδρειόνουν·
Ἐκ' εἶν' οἱ κλέφτες οἱ πολλοὶ, τὰ τέσσερα πρωτάτα·
Ἐκεῖ μοιράζουν τὰ φλωριὰ, καὶ τὰ καπετανάτα.
Τοῦ Νίκου πέφτ' ἡ Ποταμιὰ, τοῦ Χρήστ' ἡ Ἀλασῶνα,
Ὁ Τόλιος καπετάνεψε φέτος 'σ τὴν Κατερίνην,
Καὶ τὸ μικρὸν Λαζόπουλον πῆρε τὴν Πλαταμῶναν. —
Κ' ὁ Πλιάσκας ὁ κακόμοιρος, ὁ κακομοιριασμένος
'Σ τὸν Τούρναβον κατέβαινεν, ἐκεῖ νὰ σεριανίσῃ,
Καὶ οἱ ἐχθροὶ κατόπι του τοῦ πῆραν τὸ κεφάλι.

Τοῦ Στέργιου.

Κ' ἂν τὰ δερβένια τούρκεψαν, τὰ πῆραν Ἀρβανίτες,
Ὁ Στέργιος εἶναι ζωντανὸς, πασάδες δὲν ψηφάει.
Ὅσον χιονίζουν τὰ βουνὰ, Τούρκους μὴ προσκυνοῦμεν.
Πᾶμεν νὰ λιμεριάζωμεν, ὅπου φωλεάζουν λύκοι.
Σταῖς χώραις σκλάβοι κατοικοῦν, ςοὺς κάμπους μὲ τοὺς Τούρκους,
Χώραις λαγκάδια κ' ἐρημιαῖς ἔχουν τὰ παλληκάρια.
Παρὰ μὲ Τούρκους, μὲ θηριὰ καλήτερα νὰ ζοῦμεν.

Весь въ водѣ, а все воды онъ жаждетъ;
Говоритъ онъ птицамъ перелетнымъ:
Научите, вольныя вы птицы,
Чѣмъ-бы мнѣ отъ раны исцѣлиться! —
Если хочешь, витязь, исцѣлиться, —
Паликарство — вотъ тебѣ лекарство!
Поднимись ты на Олимпъ высокій:
Молодцы тамъ клефты не слабѣютъ,
Тамъ и слабые межъ храбрыхъ храбры;
Тамъ увидишь много нашихъ клефтовъ,
Тамъ четыре главныя начальства,
Раздаютъ цехины и флорины,
Межъ собою капитанства дѣлятъ:
Ни́косу досталась Потамі̀я,
А на долю Хрѐста Аласо̀на;
Толій капитаномъ въ Катеринѣ;
Лазопулосъ правитъ Платамоной. —
Тутъ Пліаскасъ горкій приподнялся,
И пустился къ бѣлому Турнову,
А враги какъ тутъ — и ятаганомъ
Голову какъ-разъ ему срубили.

СТЕРГІОСЪ. (10)

Хоть деревни давно отуречились,
И дороги Албанцами заняты,
Но пока не погибъ еще Стѐргіосъ,
И снѣга на горахъ не растаяли,
Мы Албанскимъ пашамъ не поклонимся,
А забьемся въ ущелья и пропасти,
Гдѣ живутъ только волки съ волчихами;
Пусть рабы въ деревня́хъ уживаются
Съ господами своими Албанцами,
Намъ житье и въ ущельяхъ привольное,
Лучше жить со звѣря́ми, чѣмъ съ Турками!

Τοῦ Καλιακούδα.

Νὰ ἤμουν πουλὶ νὰ πέταγα, νὰ πήγαινα τοῦ ψήλου,
Ν' ἀγνάντευα πρὸς τὴν Φραγκιὰν, τὴν ἔρημην Ἰθάκην,
Νὰ ἄκουα τὴν Λούκαιναν, τοῦ Λούκα τὴν γυναῖκα,
Πῶς κλαίει, πῶς μυριολογᾷ, πῶς μαῦρα δάκρυα χύνει.
Σὰν περδικούλα θλίβεται, ὡσὰν παπὶ μαδιέται,
Σὰν τῶν κοράκων τὰ φτερὰ ἔχει τὴν φορεσιάν της.
Ἐς τὰ παραθύρια κάθεται, τὰ πέλαγ' ἀγναντεύει,
Κ' ὅσα καράβια κ' ἂν περνοῦν, ὅλα τὰ ἐρωτάει·
Βαρκοῦλες, καραβάκια μου, χρυσᾶ μου περγαντίνια,
Αὐτοῦ ποῦ πᾶτε κ' ἔρχεσθε 'σ τὸν ἔρημον τὸν Βάλτον,
Μὴν εἴδεταν τὸν ἄνδρα μου, τὸν Λούκαν Καλιακούδαν; —
Ἡμεῖς ψὲς τὸν ἀφήσαμεν πέρα 'σ τὸ Γαυρολίμι.
Εἶχαν ἀρνιὰ καὶ ἔψαιναν, κριάρια σουβλισμένα·
Εἶχαν καί πέντε μπέηδαις, ταῖς σούβλαις νὰ γυρίζουν.

Ὁ Βέβρος καὶ ὁ μαῦρός του.

'Σ τὸ Βαρδάρι, 'σ τὸ Βαρδάρι,
Καὶ 'σ τοῦ Βαρδαριοῦ τὸν κάμπον,
Βέβρος ἦτον ξαπλωμένος·
Καὶ ὁ μαῦρός του τὸν λέγει·
Σήκ', ἀφέντη μου, νὰ πᾶμε,
Ὅτι πάγ' ἡ συντροφιά μας. —

КАЛЬЯКУДЪ.

—

Ахъ за чѣмъ не ласточка я птичка:
Я-бы взвился высокò, высòко ,
Поглядѣлъ на Франкію-бы сверху,
Поглядѣлъ-бы сверху на Итаку,
Я-бы тамъ увидѣлъ и услышалъ
Кальякудиху, жену Кальякуда, (11)
Какъ она, сердечная, тамъ плачетъ,
Горько плачетъ, слезы проливаетъ,
Куропаточкою малой бьется,
Въ черное съ печали нарядилась,
Изъ окошка нà море все смотритъ,
Разговоръ заводитъ съ кораблями:
Корабли, кораблики вы, барки,
Легкія вы лодки, бригантины!
Какъ ходили вы въ печальный Вàлтосъ,
Не видали-ль моего тамъ мужа,
Паликара Луку Кальякуда? —
По ту сторону за Гавролимп
Твоего Луку мы повстрѣчали:
На рожнахъ пекли они барановъ,
А рожны ворочать заставляли
Пятерыхъ Турецкихъ плѣнныхъ беевъ.

ВЕВРОСЪ И ЕГО КОНЬ.

—

Подъ Вардари, подъ Вардари,
На равнинѣ Вардарійской,
Весь лежитъ израненъ Вèвросъ.
Подымись, удàлый Вèвросъ!
Воронъ конь къ нему взмолился: (12)
Видишь, клефты идутъ далѣ! —
Ахъ ты конь мой, конь мой воронъ!

Δὲν 'μπορῶ, μαῦρε, νὰ πάγω,
Ὅτι θέλω ν' ἀπαιθάνω.
Σύρε, σκάψε μὲ τὰ νύχια,
Μὲ τ' ἀργυροπέταλά σου,
Κ' ἔπαρέ με μὲ τὰ δόντια,
Ῥίξε με μέσα 'σ τὸ χῶμα.
Ἔπαρε καὶ τ' ἅρματά μου,
Νὰ τὰ πάγῃς τῶν δικῶν μου·
Ἔπαρε καὶ τὸ μαντύλι,
Νὰ τὸ πάγῃς τῆς καλῆς μου,
Νὰ μὲ κλαί', ὅταν τὸ βλέπῃ.

Ὁ Κίτσος καὶ ἡ μητέρα του.

Τοῦ Κίτσ' ἡ μάννα κάθονταν 'σ τὴν ἄκρην 'σ τὸ ποτάμι·
Μὲ τὸ ποτάμι μάλονε, καὶ τὸ πετροβολοῦσε·
Ποτάμι, ὀλιγόστεψε, ποτάμι στρέψ' ὀπίσω,
Νὰ ἀπεράσ' ἀντίπερα, πέρα 'σ τὰ κλεφτοχώρια,
Ὁπ' ἔχουν κλέφτες σύνοδον, ὅπ' ἔχουν τὰ λιμέρια. —
Τὸν Κίτσον τὸν ἐπιάσανε, πάνε νὰ τὸν κρεμάσουν·
Χίλιοι τὸν πάγουν ἔμπροστὰ, καὶ δυὸ χιλιάδες 'πίσω,
Κ' ὀλοξοπίσω πήγαινεν, ἡ μαύρη του μαννούλα·
Μυριολογοῦσε κ' ἔλεγε, μυριολογᾷ καὶ λέγει·
Κίτσο, ποῦ εἶναι τ' ἅρματα, τὰ ἔρημα τσαπράζια; —
Μάννα λωλὴ, μάννα τρελὴ, μάννα ξεμυαλισμένη,
Δὲν κλαῖς τὰ μαῦρα νεάτα μου, καὶ τὴν παλληκαριάν μου,
Μὸν κλαῖς, τά 'ρημα τ' ἅρματα, τὰ ἔρημα τσαπράζια!...
. . . .

Видно мнѣ ужъ не подняться!
Рой копытомъ мнѣ могилу,
Рой серебряной подковой!
Ухвати меня зубами,
Положи въ сырую землю!
Ты сними съ меня оружье
И отдай удалымъ клефтамъ,
Ты возьми платокъ мой бѣлый
И отдай моей подругѣ, —
Пусть отретъ имъ горьки слезы!

КИЦО И ЕГО МАТЬ. (13)

Плачетъ мать о паликарѣ Кицо;
Надъ рѣкою мечется и рвется,
И въ нее каменьями бросаетъ:
Ты рѣка досадная и злая,
Покати назадъ свои ты волны,
А не то ручьемъ оборотися,
Чтобъ на тотъ мнѣ берегъ перебраться,
Гдѣ совѣтъ свой держатъ паликары,
Гдѣ стоятъ они военнымъ станомъ! —
Захватили злые Турки Кицо
И ведутъ его на площадь вѣшать.
Тысяча идетъ ихъ передъ Кицо,
А другая тысяча позади;
А за ними ужъ и мать родная.
Плакала она и говорила,
Говоритъ она: мой Кицо милый!
Гдѣ твое оружье и чапразы? —
Ахъ, глупа ты, мати, неразумна!
Объ оружьѣ плачешь и чапразахъ,
А объ молодости ты моей не плачешь,
Объ моемъ не плачешь паликарствѣ!....

Τῆς Ἑβραιοπούλας καὶ τῆς περδίκας.

—

Μιὰ Ἑβραιοποῦλα θέριζε, καὶ ἦτον βαρεμένη·
Ὥραῖς ὥραῖς ἐθέριζε, κ' ὥραῖς ἐκοιλοπόνα.
Καὶ 'σ τὸ δεμάτ' ἀκούμπησε, χρυσὸν υἱὸν τὸν κάμνει,
Καὶ 'σ τὴν ποδιὰν τὸν ἔβαλε, νὰ πᾷ τὸν ῥεματήσῃ.
Μιὰ πέρδικα τὴν ἀπαντᾷ, μιὰ πέρδικα τῆς λέγει·
Μωρὴ σκύλλα, μωρ' ἄνομη, Ἑβραιὰ μαγαρισμένη,
Ἐγὼ 'χω δεκοχτὼ πουλιά, καὶ πάσχω νὰ τὰ θρέψω·
Κ' ἐσ' ἔχεις τὸν χρυσὸν υἱόν, καὶ πᾷς τὸν ῥεματήσῃς!

Τ ρ α γ ο υ δ ά κ ι.

—

Ξενιτευμένον μου πουλὶ καὶ παραπονεμένον,
Ἡ ξενιτειὰ σὲ χαίρεται, κ' ἐγὼ 'χω τὸν καϋμόν σου.
Νὰ στείλω μῆλον, σέπεται, κυδῶνι, μαραγγιάζει·
Νὰ στείλω καὶ τὸ δάκρυ μου 'σ ἕνα χρυσὸν μαντύλι.

Μ υ ρ ι ο λ ό γ ι ο ν.

—

Ἄλικόν μου καρυοφύλλι, καὶ γαλάζιον μου ζιμπίλι,
Σκύψε νὰ σὲ χαιρετήσω, καὶ νὰ σὲ γλυκοφιλήσω.
Κάπου θέλω νὰ κινήσω, κ' ὁ κυρῆς μου δὲν μ' ἀφίνει.
Ἄλικόν μου καρυοφύλλι, καὶ γαλάζιον μου ζιμπίλι,
Σκύψε νὰ σὲ χαιρετήσω, καὶ νὰ σὲ γλυκοφιλήσω.
Κάπου θέλω νὰ κινήσω, κ' ἡ μαννά μου δὲν μ' ἀφίνει.
Ἦρθεν ὁ καιρὸς κ' ἡ ὥρα, ὅπου θὲ νὰ χωρισθοῦμε.
Καὶ νὰ μὴν ἀνταμωθοῦμε, κ' ἡ καρδίτσα μου μὲ σφάζει·

ЖИДОВКА И КУРОПАТКА.

—

Жидовка въ полѣ жала рожь, сама была на-сносѣ:
Сожнетъ, сожнетъ снопокъ-другой и мучится родами;
И вдругъ припала на копну и мальчика родила,
Въ передникъ бросила его, идетъ закинуть въ море;
Навстрѣчу куропатка ей, ей молвитъ куропатка:
Жидовка ты нечистая, проклятая ты нехристь!
Восьмнадцать далъ мнѣ Богъ птенятъ, и всѣхъ я ихъ питаю,
А у тебя всего одинъ, да и того ты губишь!

ПѢСНЯ РАЗЛУКИ.

—

Далекая ты пташечка, ты пташечка печальная,
Въ утѣху тамъ чужбинѣ ты, а я одинъ здѣсь плачу;
Послалъ-бы яблоко — сгніетъ; айву́ — аіва́ увянетъ....
Пошлю я слезы горькія въ моемъ платкѣ серебряномъ!

МПРОЛОГЪ.

—

О гіацинтъ мой голубой и алая гвоздика,
Нагни головушку свою, нагни — я поцалую!
Уйти, уйти отсюда мнѣ, хоть батюшка не пуститъ.
О гіацинтъ мой голубой и алая гвоздика,
Нагни головушку свою, нагни — я поцалую!
Уйти, уйти отсюда мнѣ, хоть матушка не пуститъ.
Приходитъ часъ разстаться намъ, на-вѣки разлучиться;
Бѣжитъ слеза горючая и стонетъ, поетъ сердце,

῞Οτι πῶς θὰ χωρισθοῦμε, καὶ νὰ μὴν ἀνταμωθοῦμε·
Καὶ τὰ μάτια μου δακρύζουν, καὶ σὰν τοὺς τροχοὺς γυρίζουν,
῞Οτι πῶς θὰ χωρισθοῦμε, καὶ νὰ μὴν ἀνταμωθοῦμε.

Τ ρ α γ ο ῦ δ ι.

Χελιδόνα ἔρχεται
᾿Απ᾿ τὴν ἄσπρην θάλασσαν·
Κάθησε καὶ λάλησε·
Μάρτη, μάρτη μου καλὲ,
Καὶ φλεβάρη φλιβερὲ,
Κ᾿ ἂν χιονίσῃς, κ᾿ ἂν ποντίσῃς,
Πάλε ἄνοιξιν μυρίζεις.

Ν α ν ν α ρ ί σ μ α τ α.

I.

Νὰ μοῦ τὸ πάρῃς, ὕπνε μου· τρεῖς βίγλαις θὰ τοῦ βάλω·
Τρεῖς βίγλαις, τρεῖς βιγλάτοραις κ᾿ οἱ τρεῖς ἀνδρειωμένοι·
Βάλλω τόν ἥλιον ᾿ς τὰ βουνὰ, τὸν ἀετὸν ᾿ς τοὺς κάμπους,
Τὸν κύρ᾿ Βορεᾶ, τὸν δροσερὸν, ἀνάμεσα πελάγου.
῾Ο ἥλιος ἐβασίλεψεν, ἀετὸς ἀπεκοιμήθη,
Κ᾿ ὁ κύρ Βορεᾶς, ὁ δροσερὸς, ᾿ς τῆς μάννας του ὑπάγει.
Υἱέ μου, ποῦ ἤσουν χθὲς, προχθές; ποῦ ἤσουν τὴν ἄλλην νύχτα;
Μήνα μὲ τ᾿ ἄστρη μάλωνες; μήνα μὲ τὸ φεγγάρι;
Μήνα μὲ τὸν αὐγερινὸν, ποῦ εἴμεστ᾿ ἀγαπημένοι; —
Μήτε μὲ τ᾿ ἄστρη μάλωνα, μήτε μὲ τὸ φεγγάρι,
Μήτε μὲ τὸν αὐγερινὸν, ποῦ εἶσθ᾿ ἀγαπημένοι·
Χρυσὸν υἱὸν ἐβίγλιζα ᾿ς τὴν ἀργυρῆ του κούνια.

Что часъ пришелъ разстаться намъ, на-вѣки разлучиться!
Бѣжитъ слеза горючая, огнемъ глаза пылаютъ,
Что часъ пришелъ разстаться намъ, на-вѣки разлучиться!

ПѢСНЯ ЛАСТОЧКИ. (14)

Прилетѣла ласточка,
Изъ-за моря синяго,
Запѣваетъ пѣсенку:
Мартовское солнышко,
Послѣ Февраль-мѣсяца,
Ты сквозь тучи темныя
Свѣтишь по весеннему!

КОЛЫБЕЛЬНЫЯ ПѢСНИ.

I.

Слети къ дитяти сладкій сонъ, я стражу приготовлю, (15)
Тройную стражу-караулъ, три сторожа могучихъ:
Одинъ-отъ солнце на горѣ, другой — орелъ въ дубровѣ,
А третій — на̀ морѣ борей, борей студеный вѣтеръ. —
Скатилось солнце на покой, орелъ заснулъ въ дубровѣ,
А третій — на̀ морѣ борей — онъ къ матери спустился.
Гдѣ былъ вчера, третьёводни, мой сынъ, двѣ ночи сряду?
Ходилъ со звѣздами-ли въ бой? Иль съ мѣсяцемъ ты бился?
Иль съ ранней утренней звѣздой, моей подругой милой?—
Не трогалъ на̀ небѣ я звѣздъ, и съ мѣсяцемъ не бился,
И съ ранней утренней звѣздой, твоей подругой милой:
Стерегъ я золото-дитя въ серебряной кровати!

II.

Ναννὰ, ναννὰ τὸ υἱοῦδί μου,
Καὶ τὸ παλληκαροῦδί μου.
Κοιμήσου, υἱοῦδί μ' ἀκριβὸ,
Κ' ἔχω νὰ σοῦ χαρίσω·
Τὴν Ἀλεξάνδρεια ζάχαρι,
Καὶ τὸ Μισίρι ῥύζι,
Καὶ τὴν Κωνσταντινούπολιν,
Τρεῖς χρόνους νὰ ὁρίζῃς·
Κ' ἀκόμη ἄλλα τριὰ χωριὰ,
Τρία μοναστηράκια·
'Σ ταῖς χώραις σου κ' εἰς τὰ χωριὰ
Νὰ πᾷς νὰ σεργιανίσῃς,
'Σ τὰ τρία μοναστήρια σου
Νὰ πᾷς νὰ προσκυνήσῃς.

II.

—

Баю, баюшки, баю!
Пѣсню дитяткѣ спою:
Баю, дитятко ты мой,
Паликарчикъ удалòй! (16)
Только глазоньки сведешь, —
Побѣдителемъ войдешь
Въ Алексáндрію, въ Мисúръ, (17)
Покоришь себѣ Кайръ;
Баю, баюшки.... заснулъ! —
Завоюешь ты Стамбулъ,
У Турецкаго Царя
Три возьмешь монастыря,
Помолись въ монастыряхъ
Ты о нашихъ о грѣхахъ!

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Одна изъ самыхъ древнихъ клефтическихъ пѣсенъ, извѣстная во всей Греціи. *Киссавъ* — нынѣшнее названіе горы Оссы. *Коньяръ* — Турокъ. Такъ называется самое презрѣнное у Грековъ племя Магометанъ. — Эту пѣсню перевелъ Гете, а также и Ходзько, переведшій довольно много Греческихъ пѣсенъ. Байронъ перевелъ только двѣ, одну кажется народную — *Μπένω μέσ' το 'περιβόλι ὡραιότάτη Χαηδή*, и другую, сочиненную извѣстнымъ Ригою — *Δεῦτε παῖδες τῶν Ἑλλήνων*. — Всѣ эти переводы хороши только въ отношеніи къ языку. Греческаго въ нихъ не много. Лучше всѣхъ понялъ это дѣло нашъ Гнѣдичъ и его переводы безспорно стоятъ на первомъ мѣстѣ.

2) Размѣръ, которымъ переведена эта пѣсня, есть размѣръ подлинника, общій всѣмъ Греческимъ пѣснямъ, съ весьма немногими исключеніями.

3) Не помню гдѣ я читалъ, будто-бы эта пѣсня была любимою пѣснею Байрона. Я перевелъ ее по этому случаю два раза. Вотъ переводъ ближе къ подлиннику и тѣмъ-же размѣромъ:

Скорѣй бросайся съ берега, ты съ берега крутова,
Руками правь что̀ веслами, а грудь кормою сдѣлай,
И выгнувъ тѣло гибкое, — плыви ладьею смѣлой!
Коли Господь поможетъ намъ и Дѣва Пресвятая,
И въ лагерь нашъ достигнешь ты, къ совѣтъ нашъ паликарскій,
Гдѣ двухъ козлятъ мы жарили, ты помнишь, Флору съ Томброй,
Какъ спросятъ тамъ товарищи, что̀ сдѣлалось со мною:
Не сказывай, что умеръ я, что я погибъ, несчастный,
Скажи, что здѣсь женился я, въ чужой землѣ печальной,
Что тещей — камень у меня, женой — земля сырая;
Кремни кремешки мелкіе — мои шурья любезные!

Послѣдній стихъ имѣетъ и въ подлинникѣ такое-же дактилическое протяженіе — *ὅλα γυναικαδέλφια*. Гнѣдичъ говоритъ, что эта пѣсня окончаніемъ своимъ напоминаетъ Русскую:

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море...
. . . .
Ты скажи моей молодой вдовѣ,

Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое,
Насъ сосватала сабля острая,
Уложила спать калена стрѣла. —

Но эта-же самая мысль, такъ или иначе, повторилась у многихъ народовъ, неимѣющихъ между собою почти никакихъ сношеній. — См. въ моемъ собраніи Малороссійскую пѣсню — *Во полѣ снѣжокъ*, Словацкую — *Бѣлградъ*, и Финскую — *Мой женихъ на войнѣ.*

4) Здѣсь упоминается о капитанѣ Андрико, больше извѣстномъ подъ именемъ *Андруцо.* Форіель говоритъ, что едва-ли можно найти въ Греціи хоть одного Грека, который-бы не зналъ объ Андруцо и не питалъ къ нему уваженія, соединеннаго съ удивленіемъ. Андрико прославился въ концѣ прошлаго столѣтія, во время возстанія Мореи. Послѣ многихъ баснословныхъ подвиговъ храбрости, будучи принужденъ уступить силѣ, онъ отправился-было въ Петербургъ, съ намѣреніемъ вступить въ Русскую военную службу, но былъ измѣннически схваченъ на дорогѣ Венеціанами и отосланъ въ Константинополь. Его бросили въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ отъ чумы, около 1800 года. Андрико отличался сколько неустрашимостью и твердостію духа, столько-же высотою роста, необыкновенною силою и дикою красотою лица. Его усы были такой длины, что онъ могъ завязывать ихъ узломъ на затылкѣ. — Подробнѣе объ немъ читатель можетъ узнать въ указанномъ мною изданіи Форіеля, стран. 101—112.

5) Рѣдкій примѣръ спокойной, естественной смерти Клефтскаго капитана, у себя, подъ домашнимъ кровомъ, а не на войнѣ. — Димъ, (сокращенное имя Димитрія) — умирая, передастъ капитанство племяннику Лабракису, вѣроятно не имѣя ближайшихъ наслѣдниковъ. Таковъ былъ обычай у клефтовъ: капитанство переходило отъ отца къ сыну, или ближайшему родственнику, вмѣстѣ съ саблей.

6) Никоцарасъ одинъ изъ самыхъ славныхъ клефтскихъ капитановъ во время войнъ за независимость Онъ началъ свои подвиги на горѣ

Олимпѣ и на сосѣднихъ ей горахъ, въ Өессаліи, откуда выходили самые отважные клефты. Особенно замѣчательна его битва съ Турками подъ Прави, гдѣ окруженный многочисленными врагами, Нико томился безъ пищи и безъ сна трое сутокъ; на четвертыя, разъяренные какъ звѣри, клефты ударили на Турокъ и прогнали ихъ. Около 1806 года, Нико, сдѣлавшись уже пиратомъ, погибъ при одной высадкѣ на берегъ, отъ пули, пущенной изъ засады; но до тѣхъ поръ былъ всегда очень счастливъ во всѣхъ схваткахъ, такъ что Албанцы считали его заколдованнымъ отъ пули. О смерти его разсказываетъ Форіель довольно подробно на стран. 188—189. Никоцарасъ былъ человѣкъ образованный и чрезвычайно красивый собой. Онъ отличался въ особенности быстротою и крѣпостію ногъ: бѣгалъ наровнѣ съ лошадью; перепрыгивалъ черезъ семь лошадей, поставленныхъ рядомъ. (Форіель, стран. 190.)

7) *Восплачетъ, возговоритъ, говоритъ* — все это есть въ подлинникѣ — *μυριολογοῦσε κ᾽ ἔλεγε, τ᾽ Ἀλῆ πασᾶ τοῦ λέγει.* — *Янинскій Волкъ* — прозвище извѣстнаго Янинскаго Али-паши.

8) Замѣчательная по трогательному окончанію пѣсня. Умирающій клефтъ останавливается въ рѣчи, чувствуя послѣднія минуты.... ему хочется жить и онъ восклицаетъ, какъ-бы самъ къ себѣ: ахъ, еслибъ я теперь очутился въ родныхъ горахъ.... по прежнему здоровый! — какъ простъ и естественъ переходъ! — Форіель читаетъ эту пѣсню иначе; за нимъ прочелъ ее точно также и нашъ Гнѣдичъ. Я встрѣтился въ моемъ чтеніи только съ Ходзько.

9) Пліаскасъ, (Греки произносятъ *Пляскасъ*) по замѣчанію Форіеля долженъ быть, судя по имени, Албанецъ, или Волохъ. Имя, извѣстное только въ этой пѣснѣ. Не больше извѣстны Толій и Хрестъ, упоминаемые тутъ-же. Никосъ — это Никоцарасъ, воспѣваемый другою пѣснею. О Лазопулосѣ Форіель приводитъ нѣсколько незначительныхъ подробностей на стран. 30. — Въ подлинникѣ Пліаскасъ говоритъ съ птицами ласточками.

10) По произношенію Грековъ *Штѐрьосъ*.

11) Въ подлинникѣ *τὴν Λούκαιναν* — *Лукиху*, если можно такъ перевести, — жену Луки. Лука Кальякудъ былъ протопаликаромъ (родъ адъютанта) у Андрико. *Въ печальный Валтосъ* — *'ς τὸν ἔρημον τὸν Βάλτον*. Для Грека, говоритъ Форіель въ Discours préliminaire, стран. xxix — xxx, всякая чужая сторона *печальна*. *Ἔρημα* — у него почти неизбѣжный эпитетъ *чужбины*.

12) *Воронъ конь* — въ подлинникѣ просто *вороной* — *ὁ μαῦρος*, какъ у Сербовъ *вранац*.

13) Извѣстная почти во всей Греціи пѣсня, и даже частію въ Константинополѣ. У Форіеля, въ переводѣ этой пѣсни, есть прибавокъ, вѣроятно съ другаго варіянта, — что мать Кицо, послѣ его словъ, бросилась къ нему, обрѣзала веревки, которыми онъ былъ связанъ, и онъ убѣжалъ. *Чапразы* — (*τσαπράζια*) по объясненію Форіеля — металлическія наколѣнники у клефтовъ, но тѣ, кого я спрашивалъ изъ бывавшихъ въ тѣхъ мѣстахъ, говорили мнѣ, что это тесьма, въ видѣ гусарскаго шитья на груди одежды (больше всего на курткѣ), съ застежками, которыя бываютъ иногда серебряныя и золотыя; на другомъ концѣ тесьмы, противоположномъ застежкамъ, нашиваются кисточки, — и *все это* называется *τσαπράζια*. У Болгаръ — *чапразы*.

14) Эту пѣсню поютъ въ Греціи дѣти при началѣ весны, въ Мартѣ мѣсяцѣ, нося въ рукахъ ласточку, сдѣланную изъ дерева. Гнѣдичъ (Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ. С.П.бургъ. 1825. Введеніе. стран. XII.) и Фирменихъ — *Τραγούδια Ρωμαϊκά*. Berlin, 1840. стран. 94. — приводятъ нѣсколько подобную пѣсню на древнемъ Греческомъ языкѣ, сохраненную намъ Аѳенеемъ.

15) Прежде эта пѣсня была переведена мною такъ:

Отрадный ты сонъ, прилети съ небеси,
Дитяти спокой принеси!
Приставлю къ нему я тройной караулъ,
Чтобъ крѣпко онъ, крѣпко заснулъ.

Я съ неба широкаго солнце сниму,
Приставлю къ дитѣ моему;
Въ зеленой дубровѣ орла изловлю —
Дитю караулить велю!
А третій къ нему караульщикъ — борей
Примчится съ холодныхъ морей,
Онъ станетъ ему колыбелку качать —
Дитя перестанетъ кричать!
Одинъ караульщикъ ушелъ за лѣса,
Орелъ улетѣлъ въ небеса,
А вѣтеръ, послѣдній его караулъ,
Къ холодному морю пахнулъ.
Спросила у сына суровая мать:
Куда уходилъ ты гулять?
Пыталъ-ли со звѣздами силу свою?
Иль съ мѣсяцемъ былъ ты въ бою?
Иль бился ты съ утренней свѣтлой звѣздой?
Скажи, богатырь молодой! —
Я съ мѣсяцемъ яснымъ на бой не ходилъ,
И на небѣ звѣздъ не будилъ,
И утренней я не тревожилъ звѣзды,
И въ морѣ не пѣнилъ воды,
Но спящаго тихо младенца стерегъ,
Покой его сладкій берёгъ,
И въ ночь, чтобъ малютка во снѣ не кричалъ,
Его колыбель я качалъ! —

16) *Паликарчикъ* — *τὸ παλληκαροῦδι.*

17) *Мисиръ* — Египетъ. Это слово есть также и въ Сербскомъ языкѣ.

—

N.B. Одинъ Грекъ совѣтовалъ мнѣ указать на тѣ слова, которыя можно было-бы поправить въ текстѣ: въ пѣснѣ *Τοῦ 'Ολύμπου* — въ 6-й строкѣ сверху, вм. *βρυσὴ* надо *βρύση;* въ 11-й, вм. *πήχην* — *πήχυν.* Въ пѣснѣ *Τοῦ Νικοτσάρα* — въ 5-й строкѣ, вм. *τέσσεραις* — *τέσσαραις*; въ пѣснѣ *Τοῦ Πλιάσκα*, въ 8-й строкѣ, вм. *τέσσερα* — *τέσσαρα* и въ *Πόλεμοι τοῦ Σουλιου* — въ 3-й строкѣ, вм. *σαρδιβάνια* — *σαδριβάνια,* что происходитъ отъ Турецкаго *шадърванъ* — شادروان фонтанъ.

АЛБАНСКІЯ.

—

Предлагаемыя Албанскія пѣсни помѣщены въ сочиненіяхъ Байрона, въ приложеніяхъ къ Чайльдъ-Гарольду — (Byron's works; London. John Murray. 1837. Appendix, стран. 763) при слѣдующихъ замѣчаніяхъ самого автора: «какъ образецъ Албанскаго или Арнаутскаго нарѣчія, помѣщаю здѣсь двѣ самыя народныя хоровыя пѣсни, которыя поются при пляскѣ мущинъ съ женщинами. Первыя слова (Во, Во, Во,) есть нѣчто въ родѣ хороваго начала, безъ особеннаго значенія, подобно какъ это бываетъ и въ нашихъ и въ другихъ народныхъ пѣсняхъ. (*Слѣдуетъ пѣсня*). Надобно замѣтить, что Арнауты не имѣютъ письма, и потому слова этой и слѣдующей пѣсни записаны по слуху человѣкомъ, который говоритъ на этомъ языкѣ и разумѣетъ его въ совершенствѣ, и который родомъ изъ Аѳинъ.» — Кажется, Байронъ ошибся; по крайней мѣрѣ теперь слова его будутъ несправедливы: Албанцы имѣютъ письмо, — Греческій шрифтъ съ нѣкоторыми добавочными буквами. — Нѣкто Ксиландеръ, въ своихъ Изслѣдованіяхъ объ Албанскомъ языкѣ, употребляетъ этотъ шрифтъ. — Онъ разбиралъ между прочимъ и эти пѣсни, и то, что разобралъ, напечаталъ по-Албански, измѣнивъ значительно текстъ. См. Die Sprache der Albaneser oder Skipetaren, von Xylander. Frankfurt. 1835. — *Шкипетаръ*, отъ *шкипе* (*σ̆κίπε*) — *скала*, *житель скалъ*, настоящее имя Албанцевъ. Я знаю третье чтеніе: въ одномъ Нѣмецкомъ изданіи Чайльдъ Гарольда (Childe Harold's pilgrimage by Lord Byron. Mannheim. Henry Hoff. 1837) — этотъ Албанскій текстъ напечатанъ съ слѣдующими измѣненіями: вмѣсто *pen derini* — во 2-мъ двустишіи первой пѣсни *pe uderini;* въ послѣднемъ двустишіи — вм. *tirete* — *tireti*; вм. *cai* — *cia*. Во второй пѣснѣ, въ 4-мъ двустишіи вм. *ssidua* — *usidua;* въ 5-мъ вм. *Qurmini* — *Qurmidi*, и въ 6-мъ вм. *simi* — *semi*.

1.

—

Bo, Bo, Bo, Bo, Bo, Bo,
Naciarura, popuso.

Naciarura na civin
Ha pen derini ti hin.

Ha pe uderi escrotini
Ti vin ti mar servetini.

Caliriote me surme
Ea ha pe pse dua tive.

Buo, Bo, Bo, Bo, Bo,
Gi egem spirta esimiro.

Caliriote vu le funde
Ede vete tunde tunde.

Caliriote me surme
Ti mi put e poi mi le.

Se ti puta citi mora
Si mi ri ni veti udo gia.

Va le ni il che cadale
Celo more, more celo.

Plu hari ti tirete
Plu huron cai pra seti.

1.

—

Гой, гой, гой, гой, гой, гой!
Я иду, молчи другой!

Я иду, бѣгу, — скорѣй
Настежь полы у дверей!

Настежь двери отвори
И турбанъ мой убери!

Калирьотки, чорный глазъ, (1)
Отворяйте мнѣ сейчасъ!

Го, го, го, го, го, го!
Слышу, слышу я ее!

Дѣва, гордая красой,
Подъ одеждой дорогой;

Калирьотка, подойди,
И прижмись къ моей груди!

Поцалуешь — у меня
Вся душа полна огня!

Не бѣги-же, не спѣши!...
Тише, тише ты пляши;

Пыли вверхъ не подымай,
Шароваръ не измарай!

2.

—

Ndi sefda tinde ulavossa
Vettimi upri vi lofsa.

Ah vaisisso mi privi lofse
Si mi rini mi la vosse.

Uti tasa roba stua
Sitti eve tulati dua.

Roba stinori ssidua
Qu mi sini vetti dua.

Qurmini dua civileni
Roba ti siarmi tildi eni.

Utara pisa vaisisso me simi rin tí hapti
Eti mi bire a piste si gui dendroi tiltati.

Udi vura udorini udiri cicova cilti mora
Udorini talti hollna u ede caimoni mora.

2.

—

Я раненъ любовью твоею,
Сожженъ будто пламенемъ ею!

Сожгла ты меня, опалила,
Ты въ сердце меня поразила!

Но кромѣ палящаго взгляда,
Еще ничего мнѣ не надо,

Не надо проклятаго злата:
Она и безъ злата богата! —

Глаза ея — ярче денницы,
И ночи темнѣе — рѣсницы!

Я сердцемъ искреннимъ любилъ, любилъ тебя, о дѣва,
Но ты покинула меня, какъ высохшее древо.

Давно я руку снялъ свою съ язвительнаго тѣла,
Но все горитъ еще она, какъ и на немъ горѣла. (2)

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Албанцевъ, особенно женщинъ, называютъ часто калирьотами, но я не могъ добиться причины. (Замѣч. Байрона.)

2) Объ этой пѣснѣ Байронъ замѣчаетъ слѣдующее: мнѣ кажется, что два послѣдніе куплета должны принадлежать совсѣмъ другой пѣснѣ, потому что имѣютъ другой размѣръ. Мысль, нѣсколько сходная съ мыслію послѣднихъ строкъ, выражена была Сократомъ, который, коснувшись рукою руки одного изъ своихъ *ὑποκόλπιοι* — Критовула, или Клеовула, нѣсколько дней послѣ того жаловался на стрѣляющую боль до самаго плеча, и потому весьма основательно рѣшился на будущее время, уча своихъ учениковъ, не касаться до нихъ.

АРАБСКІЯ.

—

Эти двѣ пѣсни взяты мною изъ собранія древнихъ Арабскихъ народныхъ стихотвореній, изданныхъ въ Боннѣ, въ 1828 году, Фрейтагомъ — اشعار الحماسة — Hamasae Carmina, страницы 556 — 557 и 565 — 566. *Хамàса* — الحماسة — значитъ *доблесть.* Такъ назвалъ эти пѣсни собиратель ихъ Абутэмàмъ — ابوتمام, потому что въ нихъ воспѣваются преимущественно доблестные подвиги Бедуиновъ. Абутэмамъ жилъ въ IX вѣкѣ. Онъ былъ самъ поэтъ, но найдя однажды въ библіотекѣ своего знакомаго огромное собраніе Бедуинскихъ народныхъ стиховъ, такъ плѣнился ими, что оставилъ писать и всю остальную жизнь употребилъ на странствованія по Востоку, между Бедуинами, и собираніе ихъ пѣсенъ. — Эти пѣсни преимущественно удивительны по языку, въ высшей степени изящному и правильному. Еще при Гарунъ-аль-Рашидѣ (правильнѣе *Гарунъ-Эррашидъ*) ученые Арабы говорили: теперь никто не умѣетъ такъ сочинять, какъ сочиняли *фильджагилійе* في الجاهلية — *во времена невѣжества*, т. е. до Магомета, когда не было грамоты. — Абутэмамъ, по обычаю Арабовъ, начинаетъ свою книгу обращеніемъ къ Богу, въ риѳмованной прозѣ, пересѣкая ее иногда стихами. Вотъ первыя строки этого обращенія:

(*Проза*) Во имя Бога милостиваго, возвеличеннаго, великодушнаго.

Хвала Богу, которому принадлежитъ бытіе, и у котораго нѣтъ вида и цвѣта, и нѣтъ мѣста и времени, и нѣтъ порока, и нѣтъ перехода, и нѣтъ соединенія, и нѣтъ раздѣленія!

(*Стихъ*) Первыя Его — нѣтъ имъ начала; послѣднія Его — нѣтъ имъ предѣла!

(*Проза*) Онъ есть вѣчнопребывающій, единственный, вожделѣнный, подпирающій, вѣдящій, могущій, слышащій, видящій, творящій, разрушающій, начинающій, возвращающій. Свойства Его — не удѣлъ говорящихъ, хоть-бы они молились Ему девяносто-девятью Его именами: ибо Онъ сокрытъ подъ завѣсой тайнаго міра и дверь твоего глаза въ отношеніи къ Нему закрыта, а ты гордишься. Престолъ Его — выше седьмаго неба, а подножіе ногъ Его подъ морями отдаленными; изъ источника судебъ Его текутъ рѣки дѣйствій въ пучины вѣковъ и временъ; и кàкъ взлетитъ орелъ понятія къ мѣсту стоянія Его, чтобы взглянуть на красоту Его вѣчнаго пребыванія; и кàкъ погрузится водолазъ мысли въ бездну свойствъ Его, чтобы нанизать на нитку воспоминанія среднюю изъ жемчужинъ Его!

وقال عبد الله بن الدّمينة الخثعميّ

ولمّا لحقنا بالحمول ودونها خميص الحشا توهى القميص عواتقه *

قليل قذى العينين يعلم أنّه هو الموت ان لم تصرعنّا بوايقه *

عرضنا فسلّمنا فسلّم كارهاً علينا وتبريح من الغيظ خانقه *

فسايرته مقدار ميل وليتنى بكرهى له ما دام حيّاً أُرافقه *

فلمّا رأت أن لا وصال وأنّه مدى الصّرم مضروب علينا سرادقه *

رمتنى بطرف لو كميّا رمت به لبلّ نجيعا نحره وبنايقه *

ولمح بعينيها كانّ وميضه وميض الحيا تهدى لنجد شقايقه *

وقال بكر بن النطّاح

بيضاء تسحب من قيام فرعها وتغيب فيه وهو وحف اسحم *

فكانّها فيه نهار ساطع وكانّه ليل عليها مظلم *

АБДАЛЛАХЪ БЕНЪ ЭДДУМЕЙНА ИЗЪ ХАТАМА. (1)

—

Мы подъѣхали къ носилкамъ; кто-то подлѣ сухощавый
Шагомъ ѣхалъ; изъ подлобья взоръ выглядывалъ лукавый;

Станъ и плечи сквозь рубашку обрисовывались рѣзко.
Я взглянулъ: знакомы были мнѣ бурнусъ его и феска.

Онъ кивнулъ мнѣ принужденно и какъ смерть суровымъ взглядомъ
Посмотрѣлъ. Потомъ поѣхалъ. Долго ѣхали мы рядомъ.

По дорогой ни полслова не промолвили мы оба.
Было весело мнѣ видѣть, какъ его душила злоба.

И не будь Аллаха воля, — слѣдъ во слѣдъ за Бедуиномъ
Цѣлый вѣкъ я все-бы ѣхалъ по горамъ и по равнинамъ!

Тутъ она рукою нѣжной осторожно оттолкнула
Покрывало у носилокъ и очами въ насъ стрѣльнула.

Взглядъ ея разилъ вѣрнѣе острой сабли и кинжала;
Въ насъ она стрѣльнула взглядомъ и — опять за покрывало....

БЕКРЪ БЕНЪ ЭННАТТАХЪ. (2)

—

Какъ привстанетъ красавица съ мѣста порой,
Точно темную ткань повлечетъ за собой;
Я гляжу на красавицу: право точь-въ-точь
На челѣ ея день, за челомъ ея ночь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Въ подлинникѣ: сказалъ Абдаллахъ-Бенъ-Эддумейна эль Хатами. Такъ по народному произношенію, а по книжному это читается слѣдующимъ образомъ: Абдуллаху-бну-Думѐйнати 'ль-Хатамійю. *Бенъ* بن сынъ. Бенъ Эддумейна — сынъ Думейны, Думейновичъ.

2) Сказалъ Бекръ-Бенъ-Эннаттахъ. По книжному: Бекру-бну-Ннаттàхи.

ПЕРСИДСКІЯ.

—

Сообщены П. Я. Петровымъ, а имъ заимствованы изъ Персидской Грамматики А. Ходзько, вышедшей въ прошломъ году, въ Парижѣ.

1.

—

امیر گونه دشت پازوار خجیره * دشت پازوار در بهار خجیره *

چیت قلمکار بوته‌دار خجیره * میان زنان کبو شلوار خجیره *

2.

—

خودم سبزکه یارم سبزه پوشه * مکان یار من بارفروشه *

اگرخواهی نشانرا بگویم * دکّان بزّازان گل میفروشه *

3.

—

بیا دوختر که باب تو گدایه * دو چشم نرگست کار کجایه *

چه کار داری که باب من گدایه * دوچشم نرگسم داد خدایه *

1.

—

Амиръ говоритъ: Позворскія степи прекрасны цвѣтами,
Позворскія степи цвѣтами своими плѣняютъ;
А ситецъ хорошъ, коли ярко расписанъ кистями;
А женщины тѣ хороши, что̀ въ синихъ шальварахъ гуляютъ.

2.

—

Пусть я смугла и черна и зимою и лѣтомъ,
Въ чорномъ и другъ мой и чорныя носитъ папуши;
Пожалуй узнаешь его по другимъ ты примѣтамъ:
Въ лавкѣ цвѣты продаетъ онъ, живетъ въ Барфурушѣ. (1)

3.

—

Поди сюда, о дѣвушка: вѣдь твой отецъ былъ нищій,
Откуда-жъ взоръ ты свой взяла, съ нарцизомъ чистымъ схожій?—
На что тебѣ, о путникъ, знать, что мой отецъ былъ нищій:
Мой взоръ, съ нарцизомъ схожій, о путникъ, то даръ Божій!

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Барфурушъ — мѣстечко въ Мазандеранѣ. Нарѣчіе пѣсенъ также Мазандеранское, или правильнѣе, Мазандеронское.

ТАТАРСКІЯ.

—

Записаны и переведены Симбирскимъ Татариномъ Фетъ-Куллою Назарычемъ, кромѣ одной послѣдней въ четыре стиха и Башкирской, въ концѣ, которыя сообщены мнѣ П. Я. Петровымъ. — Я не могъ добиться отъ Назарыча, на какомъ нарѣчіи сложены его пѣсни; онъ говорилъ, что это старыя пѣсни, которыя поются вездѣ. — Пѣсня Петрова сложена на Казанскомъ нарѣчіи. — Башкирская напечатана мною вмѣстѣ съ Татарскими потому, что Башкирскій языкъ есть одно изъ Турецко-Татарскихъ нарѣчій, которыхъ довольно много. Главное, образованное, Константинопольское, или Турецкій языкъ; за нимъ слѣдуютъ: Крымское, Казанское, Астраханское, Адербиджанское (правильнѣе Азербайджанское) или Закавказское, Сибирское, Киргизское, Джагатайское (Бухарское) и другія. Между ними есть нѣкоторая разница. Тобольскій Татаринъ съ трудомъ пойметъ Крымскаго. За то Крымскій и Азербайджанскій легко пойметъ Турка.

Правописаніе Татарскихъ пѣсенъ я оставилъ такъ, какъ оно было у Татарина Назарыча, переведя только обыкновенный Татарскій почеркъ, несуществующій въ типографіяхъ, на общій печатный — *пасхи*. Конечно тутъ много ошибокъ, но какъ ихъ поправить? — Надо знать всѣ нарѣчія. — Казанская пѣсня и Башкирская записаны правильно и переведены размѣромъ подлинника, со всѣми измѣненіями. Въ Башкирской я удержалъ даже внутреннія созвучія.

1.

—

اق قویان قارلارنی نیک تابتیدور یاتور اورنلارن تابمیدور *
ایتسی سوزلرون بوی قر ایتەمی یکت حترلارنده صاقلایدور *

2.

—

ایشک کنم تودی یاشل اولام ایرتد تور جناحای آط ییبار *
منی جناحیم سوار بولسک یاشنکنی تامزب خط ییبار *

3.

—

منم اطغنایم بیگراک باتوریکب بولی قزلدا توندکا *
یاراشماغن قزغه قوللار صالسه شول دور یکتلارکادا مرتبه *

4.

—

نیران دور آق ایدل صولارله تیرنده بولسەده بوبلەدوم *
دوشمداکنه می ایکن کونمی ایکن برماطور قز برلان اوینادوم *

5.

—

قارا اورمان قروغن ایلانادور ایحای طورااطمنکت باتری *
اوزی کیالکان یارنی آلالمدی بارایکن یکتنگ فقری *

1.

—

Заяцъ снѣгъ топчетъ, жируетъ, не знаетъ, гдѣ ляжетъ;
Дѣвка стоитъ передъ парнемъ, сказать ему слова не скажетъ.

2.

—

Подлѣ крыльца зеленѣетъ трава, чтобы лошадь пасласяходила;
Если, красавица, любишь, пиши, да чтобъ были зелёны чернила.(1)

3.

—

Лошадь гнѣдая бойка у меня, что никто впрячь въ оглобли не можетъ;
То молодцу похвальба, коли руку на дѣвку наложитъ.

4.

—

Волга рѣка глубока, въ глубокомъ купался я мѣстѣ;
Толи во снѣ, а не то на яву былъ я съ красавицей вмѣстѣ.

5.

—

Бѣгаетъ лошадь гнѣдая вокругъ того темнаго бора.
Я къ молодцу приходила, да взять не умѣлъ, ужъ поймаетъ не скоро.

6

—

اق ایدلکایلردا بردیمه‌له تو به سکنه کموش توملی *
سوزلسی سوزنکنی صونک سو یلرسون سوردغنه دوشب اوبله *

7.

—

مسقولاردین پیتر گورنه‌سی ایکن والقونلارغه منب باقغانده *
بزنی سوکان یارلار صاغنه‌سی ایکن یالغوز اورونلارغه یاتقانده *

8.

—

قارا اورمانلق ارتنده
قاردین قاتی قراو بار *
دنیا ذوقن قویماس ایدم
اخرتده قاتی صراو بار *

9.

—

فرانصوزننگ کوپرلرین پلان بلن تورولاغان *
فرانصوزننگ قزاقلاری اولکان طاوق اورلاغان *
ملانصی اه باشقرتصی ملانصی

6.

—

Волга рѣка, по ней лодка плыветъ, что̀ серебряны веслы; (2)
Крѣпче покуда меня поцалуй, уговоръ ужъ опослѣ.

7.

—

Видно-ли гдѣ изъ Москвы Петербургъ, коль съ балкона кто глянетъ;
Милая ляжетъ въ постелю, дружка помянуть не помянетъ.

8.

—

За рощею иней и снѣгъ,
Сильный за̀ лѣсомъ морозъ;
Я весело прожилъ свой вѣкъ,
Въ той жизни мнѣ будетъ запросъ.

9.

—

Французъ не простъ, наводитъ мостъ, хитритъ-мудритъ онъ черезъ-чуръ,
Каза̀къ у нихъ проворенъ, лихъ — въ деревню шмыгъ, воруетъ куръ.
Молодцы, ахъ Башкирцы молодцы !(3)

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Зеленый цвѣтъ считается самымъ почетнымъ у Мусульманъ.

2) Въ подлинникѣ: — *по бѣлой Волгѣ плыветъ судно, крышка его съ серебряными пуговицами.*

3) Этотъ припѣвъ на Русскомъ языкѣ, только Татарскими буквами; читается такъ: *малатсы, агъ, Башкыртсы малатсы!*

БАСКСКАЯ.

—

Эта пѣсня (собственно отрывокъ) сообщена мнѣ однимъ изъ моихъ знакомыхъ. Я помѣстилъ ее потому, что языкъ Басковъ (escuara) очень любопытенъ; это одинъ изъ самыхъ древнихъ языковъ въ Европѣ, на которомъ говорили аборигены нашего материка и который донынѣ сохранился почти въ первобытныхъ формахъ.

—

Xantoriak berririk,
Alégrentcias émanik,
Orai xantatcentut nik;
Egundaino stut içan
Oi holaco placerican,
Sçortus géros mundu huntan,
Éné baitan;
Kaschik stakit nun niçan.

Ortarilaren hamabian,
Érrétretaren scharcian,
Hiritic citadélan,
Atcera ginen atcetik,
Bi scentinelen artétik;
Jaüci égin çubitik
Gogotik,
Galdatu gabé conjitik.

Berria jakintçutenian
Battéré-etcela barnian, —
Lanactciren orduan, —
Hachiciren çapartaka,
Lurrari éré ostikoka,
Béré illier tiraka,
Schakreka,
Ne hori essin mendeka....

—

За пѣсни я снова —
И пѣсня готова!
Веселья такова
Не зналъ никогда я,
Лишь прибылъ сюда я
Изъ вольнаго края....
Играя
Кипитъ моя кровь молодая!

Однажды въ Апрѣлѣ, (1)
Когда насъ хотѣли
Опять въ цитадели
Вести на работы, —
Мы шмыгъ подъ вороты,
Не зная заботы,
И съ моста
Проворно спустились въ болоты.

Когда-жъ тамъ узнали,
Что мы убѣжали, —
Ну, было печали!
Пошли разговоры,
И брань, и укоры,
И крики, и споры,
Гдѣ воры?....
А мы пробирались ужъ въ горы....

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Въ подлинникѣ: *Апрѣля* (Ortarilaren) *двѣнадцатаго* (hamabian).

АРМЯНСКАЯ.

Доставлена Студентомъ Московскаго Университета М. А. Тимуро-вымъ.

—

Ուստի՞ դու գաս, ղարիբ բլբուլ,
Դու մի՛ լաց՚լի, ես իմ լալու ·
Դու վարթ պըտուէ՛, ես գօղալի՛ն,—
Դու մի՛ լաց՚լի, ես իմ լալու ։

Ո՛րէ՛, բլբուլ, խօսէ՛ բառըն,
Օ՛նրվլէ՛ քու եկած սարըն ·
Քի՛ վարթին երից, ինձ իմ եարըն,—
Դու մի՛ լաց՚լի, ես իմ լալու ։

Մա՛ն իմ գալը դիդարի հետ,
Սունց ղարիբ բլբուլ խարի հետ ·
Դու վարթի հետ, ես եարի հետ,—
Դու մի՛ լաց՚լի, ես իմ լալու ։

Սալբուի նըման կանանչ իմ,
Ե՛կ, խօսէ՛՝ ձայնըդ ճանանչիմ,
Դու վա՛րթ կանչէ՛, ես եա՛ր կանչիմ,—
Դու մի՛ լաց՚լի, ես իմ լալու ։

Ղա՛րիբ բլբուլ՝ ձայնիդ մալում,
Ես ու դու երվինք· մէ հալում ·
Սայաթ-Նօվէն ասաց՝ ղա՛լում,—
Դու մի՛ լաց՚լի, ես իմ լալու ։

—

Откуда, чуждый соловей? (1)
Не плачь, заплачу лучше я!
Грустишь о розѣ ты своей....
Не плачь, заплачу лучше я!

О милой розѣ ты пропѣлъ;
Да будетъ счастливъ тотъ предѣлъ,
Откуда къ намъ ты прилетѣлъ....
Не плачь, заплачу лучше я!

Ты все порхаешь по кустамъ
И льнешь къ возлюбленнымъ цвѣтамъ,
И я хожу съ подругой тамъ....
Не плачь, заплачу лучше я!

Мгновенья сладкія лови,
И розу милую зови
И пой ей пѣсни о любви!....
Не плачь, заплачу лучше я!

О птичка! знаю я одно —
Грустимъ и любимъ мы равно;
Саятъ-Нова сказалъ давно:
Не плачь, заплачу лучше я! (2)

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Размѣръ близкій къ подлиннику.

2) Саятъ-Нова — народный Армянскій поэтъ.

КАЛМЫЦКАЯ.

—

Взята изъ книги: *Подробныя свѣдѣнія о Волжскихъ Калмыкахъ, собранныя на мѣстѣ Н. Нефедьевымъ. С.-П.-бургъ. 1834.* Тамъ эта пѣсня напечатана Русскими буквами, но я счелъ за лучшее напечатать ее по-Калмыцки, то-есть Монгольскимъ шрифтомъ, который Калмыки передѣлали нѣсколько по-своему, примѣняя къ языку. Самый языкъ Калмыцкій есть тотъ-же Монгольскій, только немного мягче. Его можно назвать южнымъ Монгольскимъ діалектомъ.

—

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] ::

—

Среди долины злачной

Цвѣтокъ прекрасный выросъ;

Его увидѣвъ пчелка полетѣла,

Не долетѣвъ отъ горести погибла. (1)

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Нефедьевъ передаетъ эту пѣсню Русскими буквами такъ:

Кёдё сайханъ газарту,
Кёкê цеценъ ургаксанъ,
Керкіюкинъ байдальта зёгё юзедъ,
Ніисчи, кюрчи ядагадъ зобоксонъ.

Слѣдующее чтеніе будетъ ближе къ звукамъ Калмыцкаго языка:

Кӧдӧ сайханъ газарту
Кӧкӧ цэцэкъ ургаксанъ,
Кэркіюкинъ байтальта зӧгӧ ӱзэдъ,
Ніисчи кӱрчи ядагадъ зобоксонъ.

Что̀ до удареній — у бо̀льшей части Восточныхъ вы никакъ не добьетесь до нихъ: это ужѐ въ свойствѣ ихъ произношенія. Та̀къ скажетъ, какъ будто нѣтъ нигдѣ ударенія, или приходится поставить два и три. Когда мнѣ читалъ эту пѣсню Русскій, примѣнявшійся впрочемъ къ Калмыцкому выговору, мнѣ слышались ударенія больше на концѣ словъ.

Предлагаю переводъ пѣсни слово въ слово, съ удержаніемъ грамматическихъ формъ подлинника:

Въ одномъ прекрасномъ мѣстѣ
Голубой цвѣтокъ выросшій,
Величавая, осанистая пчела увидѣвши,
Прилетѣвши, достичь не могши, печалившаяся.

ЭПИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

СЕРБСКІЯ.

—

Предлагаемыя Сербскія пѣсни взяты мною изъ Собранія Караджича: «Серпске народне пjесме, књига I. 1841, и књига II. 1845. У Бечу.»

БАНОВИЋ СТРАХИЊА.

—

Нетко бјеше Страхинићу бане,
Бјеше бане у маленој Бањској,
У маленој Бањској крај Косова,
Да такога не има сокола.
Једно јутро бане подранио,
Зове слуге и к себе призивље:
Слуге моје! хитро похитајте,
Седлајте ми од мегдана ђога,
Окитите, што љепше можете,
Опашите, што тврђе можете;
Јел ја, ђецо, мислим путовати:
Хоћу Бањску оставити града,
Мислим ђога коња уморити
И у гости, ђецо, одлазити,
У тазбину у била Крушевца,
К милу тасту старцу Југ-Богдану,
Ка шурева девет Југовића,
Тазбина ме та жељкује моја. —
Господара слуге послушаше,
Те сокола ђога оседлаше,
Опреми се Страхинићу бане,
Уд'ри на се дибу и кадифу,
Поноситу чоху сајалију,
Што од воде чоха црвенија,
А од сунца чоха руменија;
Окити се једап Српски соко,
Па посједе ђога од мегдана,
Омах пође, у тазбину дође,

БАНОВИЧЬ СТРАХИНЬЯ. (1)

—

Жилъ да былъ Страхинья Бановичь,
Былъ онъ Баномъ маленькаго Банства,
Маленькаго Банства край Косова; (2)
Не бывало сокола такова!
Подымается онъ рано утромъ,
Созываетъ слугъ и домочадцевъ:
Вѣрные вы слуги-домочадцы!
Осѣдлайте мнѣ коня лихова,
Что̀ ни лучшую достаньте сбрую
И подпруги крѣпче подтяните:
Я сбираюсь, дѣти, въ путь-дорогу,
Не надолго покидаю Банство,
Ѣду, дѣти, въ городъ бѣлъ Крушевецъ, (3)
Къ дорогому тестю Югъ-Богдану
И къ его Юговичамъ любезнымъ:
Хочется мнѣ съ ними повидаться! —
Побѣжали слуги-домочадцы,
И коня для Бана осѣдлали.
Онъ выходитъ, надѣваетъ чоху, (4)
Надѣваетъ чоху алой шерсти,
Что̀ свѣтлѣе сѐребра и злата,
Что̀ яснѣе мѣсяца и солнца, (5)
Надѣваетъ диву и кадиву; (6)
Изукрасился нашъ ясный соколъ,
На коня садится на лихова,

У тазбину у била Крушевца,
Ђе од скоро царство постануло,
А виђе га старац Југ-Богдане,
И виђе га девет милих шура,
Соколова девет Југовића,
Мила зета једва дочекаше,
У наруче зета загрлише,
Вјерне слуге коња прифатише,
Зета воде на френђију кулу,
Код готове совре засједоше,
Те господску ријеч бесјеђају;
Навалише слуге и слушкиње,
Неко двори, неко вино служи.
Што бијаше ришћанске господе,
Посједаше, те пијаху вино:
Уврх совре стари Југ-Богдане,
С десне стране уза рамо своје
Сједе зета Страхинића бана,
И ту сједе девет Југовића,
Низа совру остала господа;
Ко л' је млађи, двори господаре.
Но бијаше то девет шурњаја,
Но шурњаје дворе упоредо,
Дворе свекра силна Југ-Богдана,
И двораху своје господаре,
А највише зета поносита;
А слуга им једна вино служи,
Служи вино једном купом златном,
Златна купа девет бере литар';
Ја да видиш друге ђаконије,
Ђаконије, млоге госпоштине!

Какъ махнулъ и прилетѣлъ въ Крушевецъ,
Гдѣ недавно царство основалось;
Югъ-Богданъ встрѣчать его выходитъ,
Съ девятью своими сыновьями,
Съ девятью своими соколами,
Обнимаютъ и цалуютъ Бана;
Конюхи коня его примаютъ;
Самъ идетъ онъ съ Югъ-Богданомъ въ теремъ,
Въ терему они за столъ садятся,
И господскія заводятъ рѣчи.
Прибѣжали слуги и служанки,
Гостя подчуютъ, вино подносятъ.;
Господа усѣлись по порядку:
Выше всѣхъ, въ челѣ, на первомъ мѣстѣ,
Югъ-Богданъ, домовладыка старый,
Страхинь-банъ ему по праву руку,
А потомъ Юговичи и гости;
Кто моложе, подчивалъ старѣйшихъ;
Больше всѣхъ Юговичи служили,
Другъ за дружкой угощая батьку,
Стараго, сѣдаго Югъ-Богдана,
И гостей хлѣбъ-солью обносили,
Особливо зятя Страхинь-бана;
А слуга ходилъ съ виномъ и водкой,
Наливалъ онъ золотую чарку,
Въ чаркѣ было девять полныхъ литровъ; (7)
А потомъ, братъ, подали и сласти, (8)
Угощенья, сахарны варенья,

Како, брате, ђе је царевина.
Позадуго бане гостовао,
Позадуго бане зачамао,
Поноси се бане у тазбини.
Госпоштине што је у Крушевцу,
Досадише јутром и вечером
Молећи се силну Југ-Богдану:
Господару, силан Југ-Богдане!
Љубимо ти свиленога скута
И десницу твоју билу руку,
Ну потруди чудо и госпоство,
И поведи мила зета твога,
Ну доведи Страхинића бана
У дворове и у куће наше,
Да ми неку пошту учинимо. —
Сваком Јуже хатар навршује.
Доке тако изредили били,
Дуго било и вријеме прође,
И задуго бане зачамао;
Но да видиш јада изненада!
Једно јутро, кад огрија сунце,
Мезил стиже и бијела књига
Баш од Бањске од малена града,
Од негове остарјеле мајке,
Бану књига на кољено паде,
Кад разгледа и проучи књигу,
Ал' му књига доста грдно каже,
Књига каже, ђе га куне мајка:
Ђе си, сине, Страхинићу бане?
Зло ти било у Крушевцу вино!
Зло ти вино, несретна тазбина!

Ну, какъ, знаешь, на пирушкѣ царской!
Загостился Банъ у Югъ-Богдана,
Загостился тамъ, запропастился,
И не хочетъ ужъ оттуда ѣхать.
Всѣ, что̀ съ нимъ въ Крушевцѣ пировали,
Надоѣли старому Богдану,
Говоря и вечеромъ и утромъ:
Государь нашъ, Югъ-Богданъ могучій!
Шелкову тебѣ цалуемъ полу
И твою десную бѣлу руку, —
Окажи ты милость намъ и ласку,
Потрудися, приведи къ намъ зятя,
Дорогова Бана Страхинь-бана,
Приведи его подъ наши кровли,
Чтобъ его почествовать намъ пиромъ! —
И Богданъ водилъ къ нимъ Страхинь-бана.
Такъ живутъ они и поживаютъ,
И не малое проходитъ время;
Страхинь-банъ у Юга загостился;
Но стряслась бѣда надъ головою:
Разъ поутру, только встало солнце,
Шасть письмо къ Страхиньичу изъ Банства,
Отъ его отъ матери любезной!
Банъ разгнулъ его и на колѣно
Положивши, про себя читаетъ;
Вотъ оно что̀ Бану говорило,
Вотъ какъ мать кляла его, журила:
Гдѣ ты, сынъ мой, празднуешь, пируешь?

Виђи књигу, нечувених јада!
Из убаха једна паде сила,
Турски, сине, од Једрене царе,
А цар паде у поље Косово,
А цар паде, доведе везире,
А везире, несретне веќиле.
Што је земље те облада царе,
Сву је Турску силу подигао,
У Косово поље искупио,
Притискао све поље Косово,
Уватио воде обадвије:
Покрај Лаба и воде Ситнице
Све Косово сила притиснула.
Кажу, сине, и причају људи:
Од мрамора до сува јавора,
Од јавора, сине, до Сазлије,
До Сазлије на ћемер ћуприје,
Од ћуприје, сине, до Звечана,
Од Звечана кажу до Чечана,
Од Чечана врху до планине
Турска сила притисла Косово.
Под број, сине, на тефтере кажу,
Но у цара сто хиљада војске
Некаквога царева спахије,
Што имају по земљи тимаре
И што једу љеба царевога
И што јашу коње од мегдана,
Што не носе по млого оружа,
До по једну о појасу сабљу;
У Турчина, у Турскога цара,
Кажу, сине, другу војску силну

На бѣду вино ты пьешь въ Крушевцѣ,
На бѣду у тестя загостился!
Прочитай теперь и все узнаешь:
Изъ Едрена Царь пришелъ Турецкой, (9)
Захватилъ онъ все Косово поле,
Визирей навелъ и сераскировъ,
А они съ собой проклятыхъ беевъ,
Всю Турецкую собрàли силу,
Все Косово поле обступили,
Обхватили обѣ наши рѣчки,
Обхватили Лабу и Ситницу,
Заперли кругомъ Косово поле!
Говорятъ, раскаѕываютъ люди:
Вишь отъ Мрамора до Явора-Сухова,
А отъ Явора, сынъ, до Сазлìи,
Отъ Сазлìи къ Желѣзному-Мосту,
А отъ Моста, сынъ, до Звечана,
Отъ Звечана, сынъ, до Чечана,
Отъ Чечана до Планинъ высокихъ (10)
Разлеглось Турецкое войско,
И невѣсть чтò окаянной силы!
Говорятъ, у самого Султана
Двѣсти тысячъ молодцевъ отборныхъ, (11)
Чтò имѣютъ за собой имѣнья,
Чтò на царскомъ проживаютъ коштѣ
И на царскихъ кòняхъ разъѣзжаютъ;
Вишь оружія не носятъ много,
А всего на нихъ вооруженья —

Огњевите јањичаре Турке,
Што Једрене држе кућу билу,
Јањичара кажу сто хиљада;
Кажу, сине, и говоре људи
У Турчина трећу војску силну
Некакога Туку и Манџуку,
А што хуче, а што грдно туче.
У Турчина војске свакојаке,
У Турчина једну кажу силу,
Самовољна Турчин-Влах-Алију,
Те не слуша цара честитога,
За везире никад и не мисли,
За цареву сву осталу војску
А колико мраве по земљици;
Таку силу у Турчина кажу;
Он беза зла, сине, проћи не шће ,
Не шће с царем, сине, на Косово,
Окренуо друмом лијевијем,
Те на нашу Бањску ударио,
Те ти Бањску, сине, ојадио
И живијем огњем попалио,
И најдоњи камен растурио,
Вјерне твоје слуге разагнао,
Стару мајку твоју ојадио ,
Са коњем јој кости изломио,
Вјерну твоју љубу заборио,
Одвео је у поље Косово,
Љуби твоју љубу под чадором ,
А ја, сине, кукам на гаришту,
А ти вино пијеш у Крушевцу!
Зло ти вино напокоње било! —

Ятаганъ у пояса да сабля!
А еще-то, сынъ мой, у Турчина,
У Турецкаго Царя-Султана,
Есть другое войско — Янычары (12),
Что̀ содержатъ при Султанѣ стражу;
Янычаръ тѣхъ также двѣсти тысячъ.
Есть и третья сила у Турчина,
Третья сила — Тука и Манчука, (13)
Въ трубы трубитъ, колетъ всѣхъ и рубитъ!
Всякія, сынъ, силы есть у Турка!
А еще, сынъ, у Турчина сила:
Самовольный Турокъ Влахъ-Алія,
Что̀ не слушаетъ Царя-Султана,
А не только ужъ пашей и беевъ:
Съ ихъ войсками, съ бо̀рзыми конями,
Камары они ему да мухи!
Вотъ какой, сынъ, этотъ Влахъ-Алія!
Не хотѣлъ добромъ итти онъ прямо,
На Косово со своимъ Султаномъ,
А свернулъ доро̀гою на лѣво,
И ударилъ онъ на наше Банство,
Все пожогъ, расхитилъ и разграбилъ
И на камнѣ камня не оставилъ;
Разогналъ твоихъ онъ домочадцевъ,
У меня-жъ переломилъ онъ ногу,
На меня своимъ конемъ наѣхалъ;
Взялъ въ полонъ твою подругу-любу
И увелъ съ собою на Косово,
Подъ шатромъ ее теперь цалуетъ!
Я одна тебѣ, мой сынъ, осталась,
Горько плачу здѣсь на пепелищѣ,

Ја кад бане књигу проучио,
Мука му је и жао је било,
У образ је сјетно невесело,
Мрке брке ниско објесио,
Мрки брци пали на рамена,
У образ се љуто намрдио,
Готове му сузе ударити.
А виђе га старац Југ-Богдане,
Виђе зета јутру на уранку,
Плану Јуже, како огањ живи,
Страхинићу зету проговара:
О мој зете, Бог ми съ тобом био!
Што си, зете, јутрос подранио?
А у образ сјетно невесело?
Од шта си се, зете, раздертио?
На кога си с', зете, ражљутио?
Ал' се шуре тебе насмијаше,
У јеглени ружно говорише?
Ал' шурњаје тебе не дворише?
Ал' махану тој тазбини нађе?
Кажи, зете, шта је и како је? —
Плану бане, па му проговара:
Прођ' се, тасте, стари Југ-Богдане!
Ја самъ с шурам' био у лијепо,
А шурњаје господске госпође
Дивно зборе, а дивно ме дворе,
Тој тазбини мојој мане нема,
Но да видиш, што сам невесео:
Стиже књига од малене Бањске,
Баш од моје остарјеле мајке; —
Каже јаде тасту на уранку,
Како су му двори похарани,

Горько плачу здѣсь, а ты пируешь,
Пьешь вино въ Крушевцѣ съ Югъ-Богданомъ,
Не въ утѣху-бы тебѣ гулянье! —
Взяло Бана горе и досада,
Какъ прочелъ, что̀ мать къ нему писала;
Сталъ лицомъ онъ пасмуренъ, невѐселъ,
Черные усы свои повѣсилъ,
Черные усы на грудь упали;
Ясны оченьки его померкли,
И горючія пробились слезы.
Югъ-Богданъ увидѣлъ Страхинь-бана
И какъ жаркій пламень загорѣлся, —
Говоритъ Бановичу Страхиньѣ:
Что̀ ты это пасмуренъ, печаленъ?
Богъ съ тобою, Страхинь-банъ мой милый,
На кого ты ныньче разсердился?
Не шурья-ли ужъ тебѣ смѣялись,
Прогнѣвили въ разговорѣ словомъ?
Иль заловки мало угощали?
Иль тебѣ чего тутъ не достало? —
Вспыхнулъ Банъ и тестю отвѣчаетъ:
Ну те къ Богу, старый, не пугайся!
Я въ ладу съ любезными шурьями,
Не видалъ обидъ и отъ заловокъ,
Хорошо поятъ меня и кормятъ,
И всего мнѣ вдоволь здѣсь и вдосталь,
Но съ того я горекъ и печаленъ,
Что пришли недобрыя мнѣ вѣсти
Отъ моей отъ матери изъ Банства. —
Тутъ про все Богдану онъ повѣдалъ,
Какъ нагрянули къ нему злодѣи,

Како су му слуге разагнате,
Како ли је мајка прегажена,
Како ли је љуба заробљена:
Но мој тасте, стари Југ-Богдане!
И како је моја данас љуба,
Љуба моја, ал' је шћера твоја:
Срамота је и мене и тебе;
Но мој тасте, старац Југ-Богдане!
Мислиш ли ме мртва пожалити,
Пожали ме док сам у животу.
Молим ти се и љубим ти руку,
Да даш мене ђеце деветоро,
Ђецу твоју, а шуреве моје,
Да ја, тасте, у Косово пођем,
Да потражим душманина мога,
А царева грдна хаинина,
Који ми је робље заробио;
А немој се, тасте, препанути,
Ни за твоју ђецу убринути;
Ја ћу ђеци, мојим шуревима,
Хоћу њима рухо пром'јенити,
А у Турско рухо облачити:
Око главе бијеле кауке,
А на плећи зелене доламе,
А на ноге меневиш чакшире,
О појасу сабље пламените;
Призват' слуге и казаћу јунак,
Нека слуге коње оседлају,
Оседлају, тврдо опасују,
Нек пригрћу мрким међединам':
Учинићу ђецу јањичаре;

Какъ дворы его опустошили,
Какъ прогнали вѣрныхъ домочадцевъ,
Какъ родную мать его зашибли,
Какъ въ полонъ его подругу взяли:
Вотъ она, моя подруга-люба!
Вотъ она, гдѣ дочь твоя родная!
Срамота и стыдъ для насъ обоихъ!
Но послушай, тесть ты мой любезный,
Какъ помру, ты вѣрно пожалѣешь,
Пожалѣй-же ты меня живова!
Кланяюсь, молюсь тебѣ покорно,
Бѣлую твою цалую руку,
Отпусти Юговичей со мною:
Я поѣду съ ними на Косово,
Поищу тамъ моего злодѣя,
Царскаго ослушника лихо́ва,
Что̀ меня такъ тяжко разобидѣлъ.
Ради Бога, тесть мой, не пугайся,
И за нихъ ты ничего не бойся:
Я у нихъ перемѣню одёжу,
Я одѣну ихъ какъ Турки ходятъ:
На голову бѣлые кау̀ки, (14)
На плечи зеленые долма̀ны,
На ноги широкіе чекчиры, (15)
За поясъ отточенную саблю!
Да велѣть слугамъ, чтобъ осѣдлали
Бо̀рзыхъ ко̀ней, какъ сѣдлаютъ Турки:
Чтобъ подпруги крѣпче подтянули,
А замѣсто чапраковъ подъ сѣдла
Медвѣдѐй-бы положили чорныхъ, —
Пусть ужъ будутъ точно Янычары!

Ја ћу ђецу шуре сјетовати,
Каде са мном биду кроз Косово,
А кроз војску цара на Косову,
Пред њима ћу бити делибаша,
Нек се стиде и нек се препану,
Нек се свога боје старјешине;
Когођ стане у царевој војсци,
Когођ стане с нама говорити,
Стане Турски, окрене Мановски,
Ја с Турцима могу проговорит',
Могу Турски, и могу Мановски,
И Арапски језик разумијем,
И на крпат ситно Арнаутски;
Проводићу ђецу кроз Косово,
Сву ћу војску Турску уводити,
Док ја нађем душманина мога,
А Турчина силна Влах-Алију,
Који ми је робље поробио;
Нек шуреви биду у невољи,
Ел сам, тасте, могу погинути,
Код шурева не ћу погинути,
Јали ране ласно допанути. —
Кад то зачу стари Југ-Богдане,
Плану Југе, како огањ живи,
Страхињ-бану зету проговара:
Страхињ-бане, ти мој зете мили!
Виђех јутрос, да памети немаш,
Што ми ђеце иштеш деветоро,
Да ми ђецу водиш у Косово,
У Косово, да их кољу Турци,
Немој, зете, више проговарат',

А когда пойдемъ черезъ Косово,
Сквозь полки Турецкаго Султана,
Тамъ ребяты пусть меня боятся,
Пятятся назадъ какъ отъ старшова!
Я впередъ поѣду делибашемъ;
Коли кто навстрѣчу попадется,
Вздумаетъ поговорить со мною
По-Турецки, или по-Мановски, (16)
Я могу поговорить съ Турчиномъ
По-Турецки, или по-Мановски;
Вздумаетъ со мной по-Арнаутски,
Я и самъ ему по-Арнаутски!
Вздумаетъ со мною по-Арабски,
Я и самъ съ Турчиномъ по-Арабски!
Такъ пройдемъ мы черезъ все Косово,
Такъ обманемъ всѣхъ людей Турецкихъ,
И отыщемъ моего злодѣя,
Сильнаго Турчина Влахъ-Алію,
Что̀ меня такъ тяжко разобидѣлъ!
Мнѣ шурья противъ него помогутъ,
А одинъ я тамъ какъ-разъ погибну,
Одного меня какъ-разъ поранятъ! —
Какъ услышалъ Югъ-Богданъ тѣ рѣчи,
Вспыхнулъ гнѣвомъ, зятю отвѣчаетъ:
Страхинь-банъ мой дорогой и милый!
Не проспался видно ты сегодня,
Что дѣтей моихъ съ собою просишь,
Чтобъ вести ихъ на Косово поле,
Чтобы ихъ перекололи Турки!
Не моги и поминать про это!
Не итти имъ, Страхинь-банъ, съ тобою,

Не дам ђеце водит' у Косово,
Макар шћери нигда не видио.
Мио зете, дели Страхињ-бане!
Ршта си се тако раздертио?
Знаш ли, зете? не знали те људи!
Ал' ако је једну ноћ ноћила,
Једну ноћцу шњиме под чадором,
Не може ти више мила бити,
Бог ј' убио, па је то проклето,
Воли њему, него тебе, сине;
Нека иде, враг је однесао!
Бољом ћу те оженити љубом,
С тобом хоћу ладно пити вино,
Пријатељи бити до вијека;
А не дам ти ђецу у Косово. —
Плану бане, како огањ живи,
У иједу и тој муци љутој
Не шће викнут' ни призвати слугу,
За сеиза ни хабера нема,
Но сам оде к ђогу у ахаре,
Ја како га бане оседлао!
Како ли га тврдо опасао!
Па зауздa ђемом од челика,
Пред дворе га води у авлију
К бињекташу бијелу камену,
Па се ђогу фати на рамена,
Погледује девет својих шура,
А шуреви у земљицу црну.
Бан погледну пашеногa свога,
Некакога млада Немањића,
А Немањић гледа у земљицу.

Хоть-бы дочь мнѣ вовсе не увидѣть!
Что̀ ты, Банъ, съ чего такъ расходился?
Знаешь-ли ты, или ты не знаешь,
Коли ночь она проночевала,
Ночь одну проночевала съ Туркомъ,
Такъ тебѣ ужъ въ любы не годится:
Самъ Господь убилъ ее и проклялъ!
Брось ее, покинь на басурмана!
Отыщу тебѣ невѣсту лучше,
Пьянъ напьюся у тебя на сватьбѣ,
Буду вѣкъ пріятелемъ и другомъ,
Но дѣтей не отпущу съ тобою! —
Закипѣлъ Страхинья, разгорѣлся,
Закипѣлъ онъ съ горя и досады,
Но ни слова не сказалъ Богдану,
Никого не позвалъ и не кликнулъ,
Самъ пошелъ и отворилъ конюшню,
Своего коня оттуда вывелъ,
Ухъ какъ осѣдлалъ его Страхинья!
Ухъ какъ подтянулъ ему подпругу!
Какъ взнуздалъ его стальной уздою!
Тутъ на улицу коня онъ вывелъ,
Къ каменному подошелъ приступку, (17)
И махнулъ въ сѣдло единымъ махомъ!
На Юговичей потомъ онъ глянулъ,
А Юговичи въ сырую землю!
На Неманича потомъ онъ глянулъ,
(Что̀ Страхиньѣ свойкомъ считался,) —
И Неманичь во сырую землю!
А какъ пили съ нимъ вино и водку,
Всѣ какъ путные они хвалились,

Кад пијаху вино и ракију,
Сви се фале за добре јунаке,
Фале с' зету и Богом се куну:
Волимо те, Страхинићу бане!
Но сву земљу нашу царевину;
Ал' да видиш јада на невољи!
Бану јутрос нема пријатеља:
Није ласно у Косово поћи.
Виђе бане, ђе му друга нема,
Сам отиде пољем Крушевачким.
Ја кад био низ широко поље,
Обзире се ка Крушевцу б'јелу,
Не ће ли се шуре присјетити,
Не ће ли се њима ражалити;
А кад виђе јутрос на невољи,
Ђе му нема главна пријатеља,
Паде на ум, па се досјетио
За његова хрта Карамана,
Кога воли него добра ђога,
Те привикну из бијела грла,
Остало је хрче у ахару;
Зачу гласа, хитро потрчало,
Док у пољу пристиже ђогина,
Покрај ђога хрче поскакује,
А златан му литар позвекује,
Мило било, разговори с' бане.
Оде бане на коњу ђогину,
Те пријеђе поља и планине,
Ја кад дође у поље Косово,
Кад сагледа по Косову силу,
Ал' се бане мало препануо,

Всѣ хвалились и божились зятю:
Передъ Богомъ, Банъ ты нашъ Страхинья,
Все возьми, и насъ и нашу землю!
А теперь, какъ со двора поѣхалъ,
Нѣтъ ему товарища и друга,
На Косовское итти съ нимъ поле!
Горькой Банъ одинъ-однимъ остался,
И одинъ пускается въ дорогу!
Ѣдетъ прямо Крушевацкимъ полемъ,
И когда полъ-поля переѣхалъ,
На̀ городъ еще онъ оглянулся:
Что̀ не ѣдутъ-ли шурья позади?
Что̀ не жалко-ли его имъ стало?
Но никто позадь его не ѣхалъ!
Тутъ увидѣлъ Банъ, что ни откуда
Помощи въ бѣдѣ ему не будетъ,
И взбрело Страхиньичу на мысли,
Что съ собой въ дорогу пса онъ не взялъ,
Своего лихова Карамана,
Пса, что̀ былъ ему коня дороже, —
Крикнулъ онъ изъ бѣлаго изъ горла:
Караманъ его лежалъ въ конюшнѣ,
Какъ заслышалъ онъ господскій голосъ,
Выскочилъ и по̀ полю понесся,
И догналъ онъ духомъ Страхинь-бана,
Вкругъ него и бѣгаетъ, и скачетъ,
Брякаетъ ошейникомъ желѣзнымъ
И въ глаза заглядываетъ Бану,
Будто слово выговорить хочетъ.
Отлегло на сердцѣ у Страхиньи,
Веселѣй Страхиньѣ стало ѣхать.

Па помену Бога истинога,
У ордију Турску угазио.
Иде бане по пољу Косову,
Иде бане на четири стране,
Тражи бане силна Влах-Алију,
Ал' не може бане да га нађе;
Спушти с' бане ка води Ситници,
На једно је чудо нагазио:
На обали до воде Ситнице
Један зелен ту бијаше чадор,
Широк чадор поље притиснуо,
На чадору од злата јабука,
Она сија, како јарко сунце,
Пред чадором побијено копље,
А за копље вранац коњиц свезан;
На глави му маха Стамболија,
Бије ногом десном и лијевом.
Кад то виђе Страхинићу бане,
Прохесапи и умом премисли,
Баш је чадор силна Влах-Алије,
Те ђогина коња пригоњаше,
Копље јунак скиде са рамена,
Те чадору врата отворио,
А да види, ко је под чадором;
Не бијаше силан Влах-Алија,
Но бијаше један стари дервиш,
Бијела му прошла појас брада,
Њњиме нема нитко под чадором,
Бекрија је тај несрећан дервиш,
Није Турчин вино кондијером,
Но сам лије, но сам чашу пије,

Ѣдетъ онъ чрезъ горы, черезъ долы,
Наконецъ доѣхалъ до Косова,
Какъ взглянулъ да какъ увидѣлъ Турокъ,
Оборвалось сердце у Страхиньи,
Но призвалъ онъ истиннаго Бога, —
И поѣхалъ смѣло черезъ поле.
Ѣдетъ Банъ черезъ Косово поле,
На четыре стороны онъ ѣдетъ,
Ищетъ Банъ Турчина Влахъ-Алію,
Но нигдѣ найти его не можетъ.
Банъ спустился на рѣку Ситницу
И увидѣлъ у рѣки у самой,
На пескѣ стоитъ шатеръ зеленый,
Широко̀ раскинулся надъ полемъ;
На шатрѣ позолочо̀ный яблокъ,
Что̀ сіяетъ и горитъ какъ солнце;
Предъ шатромъ копье воткнуто въ землю,
Воронъ конь къ тому копью привязанъ,
У коня мѣшокъ съ овсомъ подъ мордой,
Конь стоитъ и въ землю бьетъ копытомъ.
Какъ увидѣлъ тотъ шатеръ Бановичь,
Онъ умомъ и разумомъ раскинулъ:
Ужъ не это-ли шатеръ Аліи?
Подскакалъ, копьемъ въ него ударилъ
И откинулъ полу, чтобы глянуть,
Что̀ такое подъ шатромъ творится.
Не было тамъ сильнаго Аліи,
А сидѣлъ какой-то пьяный дервишъ,
Борода сѣдая по колѣни;
Непотребствуетъ проклятый дервишъ
И вина не въ мѣру напиваетъ, —

Крвав дервиш бјеше до очију;
Кад га виђе Страхинићу бане,
Те му селам Турски називаше,
Пијан дервиш оком разгледаше,
Па му мучну ријеч проговара:
Да си здраво! дели Страхин-бане
Од малене Бањске крај Косова! —
Плану бане, препаде се љуто,
Те дервишу Турски одговара:
Бре! дервишу, несретна ти мајка!
Рашта пијеш? рашта се опијаш?
Те у пићу грдно проговараш
И Турчина зовеш каурином.
Шта помињеш некакога бана?
Ово није Страхинићу бане,
Но ја јесам цареви делија,
Једеци се царски покидаше,
У ордију Турску побјегоше,
Све делије хитро потрчаше,
Да једеке цару пофатамо;
Ако кажем цару, ја везиру,
Коју си ми ријеч бесједио,
Хоћеш, стари, јада допанути. —
Грохотом се дервиш осмјенуо:
Ти делијо, Страхинићу бане!
Знаш ли, бане, не знали те јади!
Да сам саде на Голеч-планини,
Да те видим у царевој војсци,
Познао бих тебе и ђогина,
И твојега хрта Карамана,
Кога волиш, него добра ђога.

Въ чашу льетъ онъ, а вино-то на полъ!
Ажно очи набѣжали кровью!
Какъ увидѣлъ дервиша Страхиньичь,
Проворчалъ ему селямъ Турецкій;
Пьяный дервишъ глянулъ изподлобья:
А, здорово, делибашъ Страхинья! —
Стало Бану горько и досадно,
По-Турецки дервишу онъ молвилъ:
Брешишь, дервишъ, съ пьяну обознался,
Съ пьяну лаешь глупыя ты рѣчи,
И гяуромъ Турка называешь!
Про какова говоришь тамъ Бана?
Я не Банъ, а конюхъ я Султанскій,
Я пришелъ съ Султанскими конями,
Да бѣда мнѣ: кони разбѣжались
По несмѣтной по Турецкой рати,
Мы теперь гоняемся за ними,
Чтобъ они совсѣмъ не распропали.
А ужъ ты старикъ молчалъ-бы лучше,
Разскажу не то Царю-Султану,
Такъ ужо тебѣ за это будетъ! —
Засмѣялся громко старый дервишъ:
Делибашъ ты, делибашъ Страхинья:
Знаешь-ли, Страхинья, Богъ съ тобою,
Я стоялъ на Голечѣ-планинѣ
И узналъ тебя, когда ты ѣхалъ
Сквозь полки несмѣтные Султана,
И коня я распознал далёко,
Да и пса я твоего примѣтилъ,
Вѣрнаго, лихова Карамана.
Эхъ, Страхиньичь, знаешь-ли, Страхиньичь,

Знаш ли, бане од малене Бањске!
Познајем ти чело како ти је,
И под челом очи обадвије,
И познајем оба мрка брка.
Знаш ли, бане? не знало те чудо!
Кад западох ропства у вијеку,
Пандури ме твоји ухитише
У Сухари врху на планини,
У руке ме твоје додадоше,
Ти ме баци на дно од тамнице,
Те робовах и тамницу трпљех
И зачамах за девет година,
Девет прође, а стиже десета,
А тебе се, бане, ражалило,
Те ти зовну Рада тамничара,
Твој тамничар на тамничка врата,
Изведе ме к тебе у авлију.
Знаш ли, бане? знаш ли, Страхинићу?
Кад запита и' мене упита:
Ропче моје, змијо од Турака!
Ђе пропаде у тамници мојој!
Мож' ли с', робе, јунак откупити?
Ти ме питаш, ја право казујем:
Могао бих живот откупити!
Тек да ми се двора доватити,
Очевине и пак постојбине;
Имао сам нешто мало блага,
Млоге лаве и млоге тимаре,
Могао бих откуп саставити;
Ал' ми, бане, вјеровати не ћеш,
Да ме пустиш двору бјеломе:

Я узналъ тебя, Страхиньичь, сразу
По лицу и по глазамъ сердитымъ,
Да и усъ, какъ погляжу, такой-же!
Помнишь-ли ты, Богъ съ тобой, Страхиньичь,
Какъ попался я къ твоимъ пандурамъ, (18)
На горѣ высокой на Сухарѣ:
Ты велѣлъ меня въ темницу бросить;
Девять лѣтъ я пролежалъ въ темницѣ
И десятое ужъ наступало, —
Сжалился ты что-ли надо мною,
Своего темничника ты кликнулъ
И на свѣтъ велѣлъ меня ты вывесть.
Твой темничникъ, сторожъ твой темничный,
Вывелъ онъ меня къ тебѣ предъ очи,
Знаешь-ли ты, помнишь-ли, Страхиньичь,
Какъ меня распрашивать ты началъ:
Лютый змѣй, поганый аспидъ Турка!
Околѣешь ты въ моей темницѣ!
Хочешь-ли ты, Турка, откупиться?
Ты спросилъ и я тебѣ отвѣтилъ:
Откуплюсь, коли на волю пустишь,
Коли дашь мнѣ отчину увидѣть;
У меня въ дому добра найдется:
Есть и земли, есть тебѣ и левы, (19)
Заплачу́, лишь отпусти на волю!
А не вѣришь, — Богъ тебѣ порука,
Божья вѣра, — вотъ тебѣ порука,
Что получишь ты богатый выкупъ!
Ты повѣрилъ, далъ ты мнѣ свободу,
Отпустилъ меня въ родимый городъ,
Ко дворамъ моимъ высокимъ, бѣлымъ,

Тврда ћу ти јамца оставити,
Тврда јамца, Бога истинога,
Другог јамца Божу вјеру тврду,
Како ћу ти откуп донијети.
И ти, бане, повјерова мене,
И пушти ме двору бијеломе,
Очевини и тој постојбини;
А кад дођох грдној постојбини,
Тамо су ме јади забушили:
У дворове, постојбину моју,
У дворове куга ударила,
Поморила и мушко и женско,
На оџаку нико не остао,
Но ти моји двори пропанули,
Пропанули, па су опанули,
Из дувара зовке проникнуле;
Што су били лави и тимари,
Појагмили Турци на миразе;
Кад ја виђех дворе затворене:
Неста блага, неста пријатеља;
Нешто мислих, па на једно смислих:
Мезилских се ја дофатих коња,
Те отидох граду Једренету,
Одох к цару и одох к везиру,
Виђе везир, па доказа цару,
Ја какав сам јунак за мегдана;
Ођеде ме цареви везире,
Ођеде ме и чадор ми даде;
Цар ми даде од мегдана вранца,
И даде ми свијетло оруже;
Потписа ме цареви везире,

Но какъ я на родину вернулся,
Горькое одно увидѣлъ горе:
Безъ меня прошла у насъ зараза,
Поморила и мущинъ и женщинъ,
Не осталось ни души въ деревнѣ,
Всѣ дворы попадали и сгнили,
Даже стѣны поросли травою,
А что было серебро и левы,
Все съ собою захватили Турки.
Какъ увидѣлъ я дворы пустые,
Гдѣ не стало ни души единой,
Думалъ, думалъ и одно придумалъ:
У гонца отбилъ коня лихова
И пустился къ городу Едрену,
Къ самому великому Султану,
Доложилъ визирь Царю-Султану,
Что каковъ я молодецъ удалый,
И они въ кафтанъ меня одѣли,
Дали саблю и шатеръ богатый,
И коня мнѣ дали воронова,
Дали мнѣ коня и наказали,
Чтобъ служилъ по вѣкъ Царю-Султану.
Ты пришелъ за выкупомъ, Страхиньичь?
Нѣтъ со мной, Страхиньичь, ни динара!
На бѣду одну ты притащился:
Попадешься на Косовѣ Туркамъ,
Ни за что вѣдь голову погубишь! —
Смотритъ Банъ, оглядываетъ Турка,
Узнаётъ онъ дервиша сѣдова,
Слѣзъ съ коня и къ дервишу подходитъ
И его рукою обнимаетъ:

Да сам војник цару до вијека.
А ти, бане, данас к мене дође,
Да ти узмеш твоје дуговање,
А ја, бане, ни динара немам.
Страхинићу, јада допануо!
Ђе ти дође, да погинеш лудо
У Косову у војсци царевој! —
Виђе бане, познаде дервиша,
Од ђогата коња одсједаше,
Пак загрли старита дервиша:
Богом брате! старишу дервишу!
На поклон ти моје дуговање!
Ја не тражим, брате, ни динара,
Ни ја тражим твоје дуговање,
Но ја тражим силна Влах-Алију,
Који ми је дворе растурио,
Који ми је љубу заробио;
Кажи мене, старишу дервишу,
Кажи мене мога душманина!
Братимим те и јоште један пут,
Немој мене војсци проказати,
Да ме војска Турска не опколи. —
Но се дервиш Богом проклињаше:
Ти соколе, Страхинићу бане!
Тврђа ми је вјера од камена,
Да ћеш саде сабљу повадити,
Да ћеш пола војске погубити,
Невјере ти учинити не ћу,
Ни твојега љеба погазити:
И ако сам био у тамници,
Доста си ме вином напојио,

Богомъ братъ мой, старина ты дервишъ,
Мы про долгъ съ тобою позабудемъ!
Кланяюсь тебѣ я этимъ долгомъ!
Не за долгомъ я сюда пріѣхалъ,
А ищу я сильнаго Алію,
Что̀ дворы всѣ у меня разгра́билъ,
Что̀ уве́зъ мою подругу-любу!
Ты скажи мнѣ лучше, старый дервишъ,
Какъ найти мнѣ моего злодѣя,
Но молю тебя опять, какъ брата:
Ты смотри меня не выдай Туркамъ,
Чтобы въ плѣнъ меня не захватили! —
Старый дервишъ Бану отвѣчаетъ:
Соколъ ты изъ соколовъ, Страхиньичь!
Вотъ тебѣ, Страхиньичь, Богъ порука,
Хоть сейчасъ возьми свою ты саблю
И полъ-войска у Султана вырѣжь, —
Не скажу я никому ни слова!
Не забуду вѣкъ твоей хлѣбъ-соли:
Какъ сидѣлъ я у тебя въ темницѣ,
Ты поилъ, кормилъ меня, Страхиньичь,
Выводилъ на свѣтъ обогрѣваться,
И пустилъ меня на честномъ словѣ;
Я тебя не предалъ и не выдалъ,
И тебѣ измѣнникомъ я не былъ,
И во-вѣкъ измѣнникомъ не буду,
Такъ чего-жъ тебѣ меня бояться!
А что спрашиваешь ты, Страхиньичь,
Про Турчина сильнаго Алію:
Онъ раскинулъ свой шатеръ широкой
На горѣ на Го̀лечѣ-планинѣ;

Бијелијем љебом наранио,
А често се сунца огријао,
Пуштио си мене вересијом;
Не издадох ни додадох тебе,
Не свјеровах, ели немах откуд;
Од мене се немој побојати.
А што питаш и разбираш, бане,
За Турчина силна Влах-Алију,
Он је бијел чадор разапео
На Голечу високој планини;
Тек ти хоћу, бане, проговорит':
Јаши ђога, бјежи из Косова,
Ел ћеш, бане, погинути лудо:
У себе се поуздати немој,
Ни у руку, ни у британку сабљу,
Ни у твоје копље отровано,
Турчину ћеш на планину доћи,
Хоћеш доћи, ал' ћеш грдно проћи:
Код оружа и код коња твога
Жива ће те у руке фатити,
Хоће твоје саломити руке,
Живу ће ти очи извадити. —
Насмија се Страхинићу бане:
Богом брате, старишу дервишу!
Не жали ме, брате, од једнога,
Тек ме војсци Турској не прокажи. —
А Турчин му ријеч проговара:
Чујеш ли ме, дели Страхин-бане!
Тврђа ми је вјера од камена,
Да ћеш саде ђога наљутити,
Да ћеш саде сабљу повадити,

Но послушай моего совѣту:
На коня садися ты скорѣе
И скачи отсюда безъ-оглядки,
А не то безъ пользы ты погибнешь!
Не поможетъ молодая сила,
Ни рука, ни сабля боевая,
Ни копье, отравленное ядомъ:
Ты до Влаха сильнаго доѣдешь,
Да назадъ-то Влахъ тебя не пуститъ,
И съ конемъ тебя захватитъ вмѣстѣ
И со всѣмъ твоимъ вооруженьемъ;
Руки онъ тебѣ переломаетъ,
Выколетъ глаза тебѣ живому! —
Но смѣется дервишу Страхиньичь:
Полно, дервишъ, плакать спозаранку!
Объ одномъ молю тебя какъ брата —
Только Туркамъ ты меня не выдай! —
Старый дервишъ Бану отвѣчаетъ:
Слышишь-ли ты, делибашъ Страхинья,
Вотъ тебѣ всевышній Богъ порука,
Хоть сейчасъ ты на коня садися,
Выхвати свою лихую саблю
И полъ-войска изруби у Турокъ,
Не скажу я никому ни слова! —
Банъ садится на коня и ѣдетъ,
Обернулся и съ коня онъ кличетъ:
Эй, братъ дервишъ, сослужи мнѣ службу:
Ты поишь и вечеромъ и утромъ
Своего коня въ рѣкѣ Ситницѣ,
Покажи, гдѣ бродятъ черезъ рѣку,
Чтобы мнѣ съ конемъ не утопиться! —

Да ћеш сатрт' пола цару војске,
Невјере ти учинити не ћу,
Ни Турцима проказати тебе. —
Збори бане, па подрани отлен,
Обраћа се са коња ђогина:
О мој брате, старишу дервишу!
Појиш коња јутром и вечером,
Појиш коња на води Ситници,
Ну увјеџбај, и право ми кажи,
Ђе су броди на тој води ладној,
Да ја мога коња не углибим? —
А дервиш му право проговара:
Страхин-бане, ти соколе Српски!
Твоме ђогу и твоме јунаштву
Свуд су броди, ђегођ дођеш води. —
Бан удари, воду пребродио,
И прими се на коњу ђогину,
Прими с' бане уз Голеч планину,
Он је оздо, а сунашце озго,
Те огрија све поље Косово,
И обасја сву цареву војску.
Ал' да видиш силна Влах-Алије!
Сву ноћ љуби Страхинову љубу
На планини Турчин под чадором;
У Турчина грдан хадет бјеше:
Каил сваки заспат' на уранку,
На уранку, кад огр'јева сунце;
Очи склопи, те борави санак;
Колико је њему мила била
Та робиња љуба Страхинова,
Пануо јој главом на крпоце,

Старый дервишъ такъ отвѣтилъ Бану:
Страхинь-банъ ты, ясный соколъ Сербскій,
Для тебя и для коня такова
Всюду броды, всюду переходы! —
Банъ махнулъ и перебрелъ Ситницу,
И помчался по Косову полю
Къ той горѣ, гдѣ былъ шатеръ широкой
Сильнаго Турчина Влахъ-Аліи.
Банъ далёко, солнышко высо̀ко, (20)
Освѣтило все Косово поле
И полки несмѣтные Султана.
Вотъ тебѣ и сильный Влахъ-Алія!
Про̀спалъ ночь съ Бановичевой любой,
Подъ шатромъ, на Го̀лечѣ-планинѣ;
Ужъ такой обычай у Турчина —
Поутру́ дремать, какъ встанетъ солнце,
Легъ-себѣ, закрылъ глаза и дремлетъ!
И мила ему Страхиньи люба:
Головой въ колѣни къ ней склонился,
И она его руками держитъ,
А шатеръ широкой растворила
И глядитъ оттуда на Косово
И разсматриваетъ силы-рати,
И какіе тамъ шатры у Турокъ
И какіе витязи и кони.
На бѣду вдругъ опустила очи,
Видитъ, скачетъ молодецъ удалый,
По Косовскому несется полю,

Она држи силна Влах-Алију,
Па чадору отворила врата,
Она гледа у поље Косово,
Те ти Турску силу разгледује,
Прегледује каки су чадори,
Прегледује коње и јунаке;
За јад јој се очи откинуше,
Те погледну низ Голеч планину,
Виђе оком коња и јунака,
Како виђе и оком разгледа,
Турчина је дланом ошинула,
Ошину га по десном образу,
Ошину га, па му проговара:
Господаре, силан Влах-Алија!
Ну се дигни, главу не дигао!
Ну опасуј мукадем-појаса,
И припасуј свијетло оруже,
Ето к нама Страхинића бана,
Сад ће твоју главу укинути,
Сад ће мене очи извадити. —
Плану Турчин, како огањ живи,
Плану Турчин и оком погледну,
Па се Турчин гротом насмијао:
Душо моја, Страхинова љубо!
Чудно ли те влашче препануло!
Од њега си џаса задобила,
Кад т' одведем граду Једренету,
Бан ће ти се и онђе призират';
Оно није Страхинићу бане,
Већ је оно царев делибаша,
К мене га је царе оправио,

И рукой она толкнула Турка,
По щекѣ его рукою треплетъ:
Государь мой, сильный Влахъ-Алія!
Пробудись и подымись скорѣе:
Неподвига, ноги те не двигать!
Подпоясывай свой литый поясъ, (21)
Уберись своимъ оружьемъ свѣтлымъ:
Видишь, ѣдетъ къ намъ сюда Страхиньичь,
Страхинь-банъ изъ маленькаго Банства,
Голову тебѣ отрубитъ саблей,
А меня онъ увезетъ съ собою,
Выколетъ живой мнѣ оба ока! —
Вспыхнулъ Турокъ, что̀ огонь, что̀ пламень,
Вспыхнулъ Турокъ, соннымъ окомъ глянулъ
И въ глаза захохоталъ ей громко:
Ахъ душа, Страхиньина ты люба!
Экъ тебѣ онъ страшенъ, твой Страхиньичь,
Днемъ и ночью только имъ и бредишь!
Знать, душа, какъ и въ Едренъ уѣдемъ,
Онъ пугать тебя не перестанетъ!
Это видишь, люба, не Страхинья,
Это, люба, делибашъ Султанскій,
Чай ко мнѣ самимъ Султаномъ посланъ,
Либо Царскимъ Визиремъ Мехмедомъ,
Чтобы Турокъ я у нихъ не трогалъ,
Всполошились Визири царевы,
Испугались видно ятагана!
Ты не бойся, коли я отсюда

Јал' је царе, јал' Мемед везире,
Да ме царе зове на предају,
Да ја војску цару не растурам:
Препали се цареви везири,
Да им почем сабљу не ударим;
Но да можеш оком погледати,
Ти се, душо, немој препанути,
Кад потегнем моју бритку сабљу,
Те ошинем цар'ва делибашу,
Нека другог већ не шиље к мене. —
Страхинова проговара љуба:
Господаре, силан Влах-Алија!
Та л' не видиш? испале ти очи!
Оно није цареви делија,
Мој господар Страхинићу бане,
Ја познајем чело како му је
И под челом очи обадвије,
И његова оба мрка брка,
И под њиме пуљата ђогата,
И жутога хрта Карамана;
Не шали се главом, господару! —
Ја кад зачу Туре Влах-Алија,
Како ли се Туре придрнуло,
Те поскочи на лагане ноге,
Опасује мукадем-појаса,
А пињале остре за појаса,
И ту бритку сабљу припасује,
А све врана коња погледује.
У то доба бане пристасао,
Мудар бане, пак је иштетно:
На јутру му не зва добро јутро,

Покажу дорогу делибашу —
Саблею его перепояшу,
Чтобъ еще ко мнѣ не посылали! —
Но ему подруга-люба молвитъ:
Государь могучій Влахъ-Алія!
Погляди ты, аль ослѣпъ не видишь,
Это вовсе не гонецъ Султанскій,
Это мужъ мой, Страхинь-банъ удалый,
Я въ лицо его отсюда вижу,
По глазамъ его узнала съ разу,
Да и усъ, какъ погляжу, такой же;
Вонъ и конь его, и песъ косматый,
Караманъ его лихой и вѣрный;
Не блажи, а подымайся лучше! —
Какъ услышалъ Турокъ эти рѣчи,
Онъ трухнулъ, вскочилъ на легки ноги,
Подпоясалъ златолитый поясъ,
За поясъ заткнулъ кинжалъ булатный,
У бедра повѣсилъ саблю востру,
На коня на воронова глянулъ,
На коня онъ глянулъ — Банъ нагрянулъ!
Не кивнулъ онъ Туркѣ головою:
Не назвалъ селяма по-Турецки,
А сказалъ ему собакѣ прямо:
Вотъ ты гдѣ, проклятый басурманинъ,
Вотъ ты гдѣ, лихой царевъ ослушникъ!
Ты скажи мнѣ, чьи дворы разграбилъ?
Чьихъ прогналъ ты вѣрныхъ домочадцевъ?

Нити Турски селам називаше,
Но му грдну ријеч проговара:
А ту ли си? један копилане!
Копилане, царев хаинине!
Чије ли си дворе похарао?
Чије ли си робље поробио?
Чију л' љубиш под чадором љубу?
Излази ми на мегдан јуначки! —
Скочи Турчин ка' да се придрну,
Једном крочи, до коња докрочи',
Другом крочи, коња појахао,
Притегну му обадва дизђена.
Ал' не чека Страхинићу бане,
Но на њега ђога нагоњаше,
Па на њега бојно копље пушти;
Удари се јунак на јунака,
Пружи руке силан Влах-Алија,
У руку му копље уфатио,
Па ти бану ријеч проговара:
Копилане, Страхинићу бане!
А шта ли си, влашче, премислило?
Није с' ово бабе Шумадијнске,
Да разгониш и да набрекујеш,
Но је ово силан Влах-Алија,
Што с' не боји цара ни везира,
Што ј' у цара војске државине,
Чини ми се сва царева војска,
Као мрави по зеленој трави;
А ти, море! мегдан да дијелиш! —
То му рече, бојно копље пушти,
Од прве га обранити шћаше,

Чью, скажи, теперь ты любу любишь?
Выходи со мной на поединокъ! —
Изготовился Турчинъ на битву,
Прѣгнулъ разъ и до коня допрѣгнулъ,
Прыгъ еще и на коня онъ вспрѣгнулъ,
Подобралъ ременные поводья;
Банъ не ждетъ, помчался на Турчина
И пустилъ въ него копьемъ булатнымъ.
Тутъ бойцы удалые слетѣлись,
Но руками размахнулъ Алія
И поймалъ Бановичеву пику,
И кричитъ онъ громко Страхинь-бану:
У, ты гяуръ, Страхинь-банъ проклятый!
Вотъ ты что̀ придумалъ и затѣялъ:
Да не съ бабой это Шумадійской, (22)
Что̀ наскачишь, крикомъ озадачишь,
А могучій это Влахъ-Алія,
Что̀ не любитъ и Султана слушать,
Помыкаетъ онъ и визирями,
Словно мухами да комарями:
Вотъ ты съ кѣмъ затѣялъ поединокъ! —
Такъ сказалъ и самъ пускаетъ пику,
Просадить хотѣлъ Страхиню сразу,
Но Господь помогъ тутъ Страхинь-бану,
Да и конь былъ у него смышленый:
Онъ припалъ, какъ загудѣла пика,
И она надъ Баномъ просвистѣла,
И ударилась въ холодный камень,

Бог поможе Страхинићу бану,
Има њога коња од мегдана,
Како копље на планини звизну,
Соко њого паде на кољена,
Изнад њега копље прелетило,
Ударило о камен студени,
На троје се копље саломило:
До јабуке и до десне руке.
Док сатрше она копља бојна,
Потегоше перне буздохане:
Кад удара силан Влах-Алија,
Кад удара Страхинића бана,
Из седла га коњу изгоњаше,
А на уши њогу нагоњаше,
Бог поможе Страхинићу бану,
Има њога коња од мегдана,
Што га данас у Србина нема,
У Србина, нити у Турчина,
Узмахује и главом и спагом,
Те у седло баца господара;
Кад удара Страхинићу бане
Мучну алу силна Влах-Алију,
Из седла га маћи не могаше,
Тону врапцу коњу до кољена
У земљицу ноге све четири.
Буздохане перне поломише,
Поломише, и пера просуше,
Па су бритке сабље повадили,
Да јуначки мегдан подијеле.
Но да видиш Страхинића бана!
Кажу има сабљу о појасу:

На три иверня разбившись разомъ,
У руки и гдѣ насоженъ яблокъ.
Какъ не стало копьевъ, ухватили
Палицы они и шестоперы;
Размахнулся Турокъ Влахъ-Алія
И ударилъ Страхинь-бана въ темя,
Страхинь-банъ погнулся, покачнулся,
Вѣрному коню упалъ на шею,
Но Господь опять помогъ Страхиньѣ,
Да и конь былъ у него смышленый,
Конь такой, какова не видали
Съ той поры ни Сербы и ни Турки:
Онъ взмахнулъ и передомъ, и задомъ,
И въ сѣдлѣ Страхиньича поправилъ.
Тутъ ужъ Банъ ударилъ Влахъ-Алію,
Изъ сѣдла не могъ Турчина выбить,
Но коня всадилъ онъ по колѣни
Въ землю всѣми четырьмя ногами.
Шестоперы также изломали
И повыбили изъ нихъ всѣ перья;
Тутъ за сабли вострыя схватились,
И давай опять рубиться-биться!
А была у Страхинь-бана сабля:
Трое саблю вострую ковали,
А другіе трое помогали,
Съ Воскресенья вплоть до Воскресенья,
Выковали саблю изъ булата,
Рукоять изъ сѣребра и злата,

Ковала су сабљу два ковача,
Два ковача и три помагача,
Од нећеље опет до нећеље,
Од челика сабљу претопили,
У острицу сабљу угодили;
Турчин שמану, а дочека бане,
На сабљу му сабљу дочекао,
По поли му сабљу пресјекао;
Виђе бане, па се разрадова,
Љуто сави и отуд и отуд,
Еда би му главу осјекао,
Јал' Турчину руке обранио;
Удари се јунак на јунака,
Не да Турчин главу укинути,
Не да своје руке иштетити,
Но се брани с оном половином:
Половину на врат натураше,
И својега врата заклоњаше,
И банову сабљу оштрпкује,
Све откида по комат и комат.
Обадвије сабље исјекоше,
До балчака сабље догонише,
Побацише њине одломчине,
Од хитријех коња одскочише,
За била се грла доватише,
Те се двије але понијеше
На Голечу на равној планини;
Носише се љетни дан до подне,
Док Турчина пјене попануше,
Бијеле су како горски снијег,
Страхин-бана б'јеле, па крваве,

На великомъ брусѣ, на точилѣ,
Страхинь-бану саблю наточили.
Замахнулся Турокъ, но Страхинья
Подскочилъ, на саблю саблю принялъ,
На полы разсѣкъ у Турка саблю,
И взыгралъ, возрадовался духомъ,
Кинулся смѣлѣй на Влахъ-Алію,
Налеталъ оттуда и отсюда,
Чтобы съ плечъ башку снести у Турка,
Или руки у него поранить.
Лихъ боецъ съ лихимъ бойцомъ сошелся:
Наступаетъ сильный Банъ на Турка,
Только Турокъ Бану не дается,
Половинкой сабли Турокъ бьется,
Онъ обертываетъ саблей шею,
Заслоняетъ грудь и руки ею,
И Страхиньи саблю отбиваетъ,
Только иверни летятъ да брызги!
Другъ у друга сабли изрубили,
Изрубили вплоть по рукояти,
Всторону отбросили обломки,
Соскочили съ кòней и схватились
Другъ за друга сильными руками,
И какъ два великіе дракона
По горѣ по Гòлечу носились,
Цѣлый день носились до полудня,
Ажно пѣна-потъ прошибъ Турчина,
Бѣлая какъ снѣгъ бѣжала пѣна,

Искрвави низ прси хаљине,
Искрвави чизме обадвије.
А кад бану мука досадила,
Тада бане ријеч проговара:
Љубо моја, тебе Бог убио!
Које јаде гледаш на планини?
Но ти подби један комат сабље,
Удри, љубо, мене, ја Турчина:
Мисли, љубо, кога тебе драго. —
Али Турчин љуто проговара:
Душо моја, Страхинова љубо!
Немој мене, но удри Страхина,
Нигда њему мила бити не ћеш,
Пријекорна бити до вијека:
Кориће те јутром и вечером,
Ђе си била са мном под чадором;
Мене бити мила до вијека,
Одвешћу те Једренету граду,
Наредићу тридест слушкињица,
Нек ти држе скуте и рукаве,
Раниђу те медом и шећером,
Окитити тебе дукатима
Саврх главе до зелене траве;
Удри саде Страхинића бана! —
Женску страну ласно преварити:
Лако скочи, ка' да се помами,
Она нађе један комат сабље,
Зави комат у везени јаглук,
Да јој билу руку не обрани,
Па облеће и отуд и отуд,
Чува главу Турчин-Влах-Алије,

А у Бана бѣлая да съ кровью;
Окровавилъ онъ свою рубашку —
Окровавилъ золотыя чизмы;
Тяжко-тяжко стало Страхинь-бану,
Онъ взглянулъ на любу и воскликнулъ:
Богъ убей тебя, змѣя не люба!
И какова тамъ рожна ты смотришь!
Подняла-бы ты обломокъ сабли
И ударила-бъ меня, иль Турка,
И ударила-бъ кого не жалко! —
Но Турчинъ Алія къ ней взмолился:
Ахъ душа, Страхиньина ты люба:
Не моги смотри меня ударить,
Не моги меня, ударь Страхинью!
Ужъ не быть тебѣ его женою,
И тебя онъ больше не полюбитъ,
А корить и днемъ и ночью станетъ,
Что спала ты подъ шатромъ со мною,
Мнѣ-же будешь ты мила во-вѣки,
Мы уѣдемъ въ Едренетъ съ тобою,
Дамъ тебѣ я пятьдесятъ невольницъ,
Чтобъ тебя за рукава держали
И кормили сахаромъ да медомъ;
Золотомъ тебя всее осыплю
Съ головы до муравы зеленой,
Ну, ударь, душа, Страхинью Бана! —
Женщину легко подбить на злое:
Подбѣжала люба Страхинь-бана,

А ошину господара свога,
Господара Страхинића бана,
Поврх главе по чекрк-челенци
И по њег'ву бијелу кауку,
Пресјече му златали челенку,
И пресјече бијела каука,
Мало рани главу на јунаку,
Поли крвца низ јуначко лице,
Шћаше залит' очи обадвије.
Препаде се Страхинићу бане,
Ђе погибе лудо и безумно,
А нешто се бане домислио,
Викну бане из бијела грла
Некакога хрта Карамана,
Што је хрче на лов научио,
Викну бане и опет привикну,
Скочи хрче и одмах дотрча,
Те банову љубу доватило;
Ал' је женска страна страшивица,
Страшивица свака од пашчади,
Баци комат у зелену траву,
Љуто врисну, далеко се чује,
Жута хрта за уши подбила,
Те се шњиме коље низ планину,
А Турчину очи испадоше,
Колико му нешто жао бјеше,
Те он гледа, што се чини шњоме;
Али бану друга снага дође,
Друга снага и срце јуначко,
Те оману тамо и овамо,
Док Турчина с ногу укинуо.

Сабельный обломокъ ухватила ,
Обернула шолковымъ убрусомъ ,
Чтобы руку бѣлу не поранить,
Не хотѣла Турка Влахъ-Алiю,
А накинулась, змѣя, на мужа ,
Господина своего Страхинью,
И ударила его осколкомъ
Прямо въ лобъ, по золотой челенкѣ, (23)
И по бѣлому его кау́ку,
И челенку свѣтлую разсѣкла,
И кау́къ ему разсѣкла бѣлый,
Кровь пробилась алою струею,
Стала очи заливать Страхиньѣ;
Видитъ Банъ погибель неминучу,
Но подумалъ онъ и догадался,
Вспомнилъ онъ лихова Карамана,
Что̀ привыченъ былъ ко всякой травлѣ,
Да какъ крикнетъ богатырскимъ горломъ:
Вѣрный песъ на крикъ его примчался,
Ухватилъ измѣнницу за горло,
А вѣдь женщины куда пугливы:
Бросила она обломокъ сабли,
Взвизгнула и за уши схватила,
За уши схватила Карамана ,
И скатилась кубаремъ въ долину;
А Турчину стало жалко любы:
Онъ глядитъ во слѣдъ, что будетъ съ нею;
Тутъ Страхинья въ пору догадался,
Молодецкое взыграло сердце,
Изловчился, наскочилъ на Турка,
И ударилъ басурмана объ земь.

Колико се бане уострио,
Он не тражи ништа од оружа,
Но му грлом бане запињаше,
А под грло зубом доваташе ,
Закла њега како вуче јагње;
Скочи бане, па из грла викну,
Те набрекну оног хрта жута ,
Доке своју курталиса љубу.
Запе љуба бјежат' низ планину ,
Она шћаше бјежат' у Турака,
Не даде јој Страхинићу бане,
За десну је руку ухитио ,
Приведе је к пуљату ђогату,
Па се ђогу фати на рамена,
Тури љубу за се на ђогина,
Па побјеже бане упријеко,
Упријеко, али попријеко,
Отклони се од те силе Турске,
Те долази у равна Крушевца,
У Крушевац, у тазбину своју.
Виђе њега старац Југ-Богдане,
А срете га девет милих шура,
Руке шире, у лица се љубе,
За лако се упиташе здравље.
А кад виђе стари Југ-Богдане
Обрањена зета и челенку,
Просу сузе низ господско лице:
Весела ти наша царевина!
Мeђер има у цара Турака,
Међер има силнијех јунака,
Који зета обранише мога,

Страхинь-банъ оружія не ищетъ:
Онъ насѣлъ на Турка Влахъ-Алію,
И заѣлъ его до смерти зубомъ!
А потомъ вскочилъ на легки ноги,
Началъ звать и кликать Карамана,
Чтобы любу не загрызъ до смерти.
Но она долиною пустилась,
Убѣжать, змѣя, хотѣла къ Туркамъ;
Только не далъ сильный Банъ Страхинья:
Ухватилъ ее за праву руку,
Привязалъ ее къ коню лихому,
Сѣлъ, а любу за собою бросилъ,
И помчался по Косову полю,
Такъ и эдакъ, бокомъ-стороною,
Чтобы Туркамъ лютымъ не попасться;
И пріѣхалъ въ бѣлый градъ Крушевецъ,
Къ старому, сѣдому Югъ-Богдану,
Увидалъ опять шурьевъ любезныхъ,
Обнялся, расцаловался съ ними,
И спросилъ, здорово-ль имъ живется?
Какъ увидѣлъ Югъ-Богданъ могучій,
Что у зятя лобъ разсѣченъ саблей,
По лицу онъ пролилъ горьки слезы,
Горьки слезы пролилъ и промолвилъ:
Славно-же мы гостя угостили!
Весела тебѣ пирушка наша!
Видно есть юнаки и у Турокъ,
Что такова сокола подбили,
Сокола такова Страхинь-бана! —
И шурья, взглянувши, всполошились.
Но Страхинья такъ имъ отвѣчаетъ:

Кога данас у далеко нема. —
Шуреви се њему препадоше.
Проговара Страхинићу бане:
Немој ми се, тасте, раскарити,
Ни ви, моје шуре, препапути;
У цара се не нађе јунака,
Да дохака мене и обрани;
Да ви кажем, ко ме обранио,
Од кога сам ране допануо:
Кад дијелих мегдан са Турчином,
О мој тасте, стари Југ-Богдане!
Онда мене љуба обранила,
Љуба моја, мила шћера твоја,
Не шће мене, поможе Турчину. —
Плану Јуже, како огањ живи,
Викну Јуже ђеце деветоро:
Повадите ноже деветоре,
На комате кују искидајте! —
Силна ђеца баба послушаше,
Те на своју сестру кидисаше,
Ал' је не да Страхинићу бане,
Шуревима ријеч говораше:
Шуре моје, девет Југовића!
Што се, браћо, данас обрукасте?
На кога сте ноже потргнули?
Кад сте, браћо, ви таки јунаци,
Камо ножи, камо ваше сабље,
Те не бисте са мном на Косову,
Да чините с Турцима јунаштво,
Десите се мене у невољи?
Не дам вашу сестру похарчити,

Не кори себя и не пугайся,
Милый тесть мой, Югъ-Богданъ могучій!
Не тревожьтесь, братья, понапрасну:
Не случилось молодца у Турокъ,
Чтобы могъ со мною потягаться,
Чтобъ подшибъ меня, или поранилъ;
А сказать-ли, кто меня поранилъ:
Какъ сражался я съ лихимъ Турчиномъ,
Ранила меня подруга-люба,
Дочь твоя родная! не хотѣла
Тронуть Турка, а пошла на мужа,
Противъ своего вооружилась! —
Вспыхнулъ Югъ и загорѣлся гнѣвомъ,
Кликнулъ онъ своихъ дѣтей могучихъ:
Подавайте сабли, ятаганы!
На куски ее изрѣжьте суку! —
На сестру накинулися братья,
Только не далъ имъ ее Страхинья,
И сказалъ шурьямъ такое слово:
Что̀ вы, братья, на кого вы, братья?
На кого вы, братья, зашумѣли?
На кого кинжалы потянули?
Коли вы ужъ молодцы такіе,
Гдѣ-же были, братья, ваши сабли,
Ваши сабли, вострые кинжалы,
Какъ я ѣздилъ на Косово поле,
Погибалъ у окаянныхъ Турокъ?
Кто изъ васъ меня въ ту пору вспомнилъ?

Без вас бих је могао стопити,
Ал' ћу стопит' сву тазбину моју,
Немам с киме ладно пити вино;
Но сам љуби мојој поклонио. —
Помало је такијех јунака,
Ка' што бјеше Страхинићу бане.

ПЈЕСМА ИЗ РАТА СРПСКО-МАЂАРСКОГА.

—

Књигу пише Перцел ђенерале
У гаравом селу Сент-Ивану,
Те је шаље Книћанин-Стевану:
Чујеш мене, ђенерал Стеване,
Порано ћу на те ударити
И баш на дан Светог Спасенија,
Кад се код вас чини литурђија;
Село ћу ти на очи отети,
Даље по њим не ћеш ми шетати;
Војску ћу ти у прах учинити,
Марошинску цркву разорити,
Подруме ћу од ње начинити
И мог ђога у њима ранити;
Бачване ћу по брегу вјешати,
Капетане њине похватати,
Чудном муком хоћу ји морити,
Кроз Мађарску землю проводити,
Нек ји пљује мало и велико,
Нека пљује кољено орјатско,

Не могите-жъ мнѣ жену обидѣть!
Я безъ васъ расправился-бы съ нею,
Да пришлось со всѣми-бъ расправляться:
Не съ кѣмъ было-бъ мнѣ и чарки выпить!
Такъ ужъ любѣ я вину прощаю! —
Вотъ каковъ, братъ, былъ у насъ Страхиньичь,
И другова не было такова!

ПѢСНЯ ИЗЪ ВОЙНЫ СЕРБСКО-МАДЯРСКОЙ.

—

Письмо пишетъ Генералъ Перцель
Во селѣ проклятомъ Сентъ-Иванѣ,
Шлетъ письмо Кничанинъ-Степану:
Слышишь, Кничанинъ, поутру завтра
На тебя съ полками я ударю,
Я ударю въ день Святаго Спаса,
Въ часъ, когда идетъ у васъ обѣдня;
На глазахъ твоихъ село расхищу,
Чтобъ по немъ тебѣ ужъ не шататься,
Въ прахъ развѣю твою силу-войско,
Разорю церковь на Марошѣ,
Изъ нея сдѣлаю конюшню,
Своего коня туда поставлю,
По полю Бачвановъ стану вѣшать, (24)
Капитановъ ихнихъ похватаю,
Въ страшныхъ мукахъ я ихъ стану мучить,
Поведу ихъ по землѣ Мадярской,
Пусть надъ ними старъ и малъ смѣется,
Пусть смѣется и въ глаза имъ плюетъ;

За живота ћу ји покрстити,
Па ји онда на колац набити. —
Стиже књига Книћанин-Стевану,
Па када је Стеван проучио,
Он дохвати перо и артију,
Те Перцелу књигу повратио:
Чујеш мене, Перцел ђенерале,
Што ћеш на ме рано ударити,
Што ми рече цркву разорити,
А што на дан Светог Спасенија,
Кад се код нас чини литурђија:
Вјера и Бог, дочекат' те хоћу!
Код шатора стајат' и гледати,
Како ћеш ми јадан измицати,
Преко поља квадрате мјерити,
Са твојијем врлим хонвидцима
И са Бочкай-Раго-хусарцима.
Вијаћу те до шатора бјела,
До гаравог села Сент-Ивана;
А Бачвани једва те чекају,
Србијанци ханџаре заоштрују,
Па пјевају тио-гласовито,
Коло воде с дјевама широко;
Капетани коње утркују
И к боју се весело спремају:
Они ће ти развијати војску,
Они ће ти пречинити муку,
Радо с тобом побити се хоће,
Дан празника и осветит' мисле. (?) —
Кад Перцелу ситна књига дође
И он види шта му књига каже,

Окрещу потомъ ихъ въ нашу вѣру,
Окрещу и посажу на колъ. —
Какъ прочелъ Степанъ, что Перцель пишетъ,
Онъ схватилъ чернила и бумагу
И въ отвѣтъ Перцелю отвѣтилъ:
Слышишь-ли ты, генералъ Перцель!
Что ты хочешь на меня ударить,
Нашу церковь разорить грозишься,
Хочешь биться въ день Святаго Спаса,
Въ часъ, когда идетъ у насъ обѣдня:
Такъ послушай: будь мнѣ Богъ свидѣтель
И святая истинная вѣра!
Я всякъ часъ готовъ съ тобой сразиться,
Изъ шатра я погляжу отсюда,
Какъ изъ рукъ моихъ ты увернешься,
Какъ-то поле наше будешь мѣрить,
И твои проклятые гонведы (25)
И Бочкай-Рагонскіе гусары; (26)
Буду гнать я ихъ до ихъ палатокъ,
До проклятаго села Ивана.
Ждутъ тебя Бачваны не дождутся,
Вострые свои ханджары точатъ,
Громко пѣсни ходятъ-распѣваютъ,
Съ дѣвками играютъ въ хороводахъ;
Капитаны ихъ сряжаютъ коней
И готовятся къ кровавой битвѣ;
Разобьютъ они твое все войско,
Причинятъ тебѣ печаль-досаду,
Хочется съ тобою имъ побиться,
Славнымъ боемъ освятить праздникъ. —
Какъ письмо получилъ Перцель

Ону гледи, другу ситну пише,
Те је шаље граду Варадину,
На кољено Киша ђенерала:
Богом брате, Кишу ђенерале,
Развидер' ми свилена барјака,
Окрвави на копљу јабуку,
Пак ти купи под барјак ајдуке,
Ком је кућа — диван-кабаница,
Мач и пушка — и отац и мајка,
Два пиштоља — два брата рођена:
Па похити селу Сент-Ивану,
Сент-Ивану те Маџарском стану! —
Када Кишу ситна књига дође
И он види шта му књига каже,
Све учини, шта му Перцел рече,
И у помоћ таки му притече.
Обоица тад се опремише,
И Вилову селу похитише,
Похитише, дуго не бијаше,
И Вилову на друм изиђоше;
Почеше се орјати спремати
И топове своје намјешћати:
Ал је стража од Бачки делија,
Све од сами млади ђувегија,
Осјетише звеку и оружје,
Осјетише коњско топотање,
Један цикну, сто пушака рикну,
Један пуче, а хиљада чуше!
Тресе с' земља к'о струња на гусле,
Јечи воздух од лубардни зрна,
Један вели: јао, моја мајко!
Други струже низ поље Иванско.

И прочелъ, что̀ писано въ немъ было,
Написалъ тотча̀съ письмо другое
И послалъ въ Варадинъ городъ, (27)
На колѣно генералу Кишу:
Слушай Кишъ, ты побратимъ мой вѣрный!
Разверни ты шелковое знамя,
Насади яблоко на древко,
Собери подъ знамя силу-войско,
И кому солдатскій плащъ, что̀ кровля,
Пистолеты, что̀ друзья и братья,
А винтовка — матушка родная:
Тотъ идетъ пускай къ селу Ивану,
Гдѣ стоятъ лагеремъ Мадяры. —
Перцелевъ наказъ дошелъ до Киша,
Кишъ прочелъ, что̀ писано въ немъ было,
Все какъ надо по наказу сдѣлалъ,
И пришелъ къ Перцелю на помощь;
Оба вмѣстѣ тронулись къ Вилову,
И когда попали на дорогу,
Стали пушки наводить на нашихъ,
Но лихіе молодцы Бачваны
Услыхали звонъ и громъ оружья,
Услыхали топотъ по дорогѣ,
Выстрѣлилъ одинъ — и сто винтовокъ
Отвѣчали вдругъ ему на выстрѣлъ,
Тысяча тотъ выстрѣлъ услыхала;
Тутъ все поле дрогнуло подъ нами,
Затряслось какъ-бы струна на гуслѣ,
Загудѣлъ отъ пуль и ядеръ воздухъ.
Тотъ кричитъ: пропа̀сть мнѣ и погибнуть!
А другой бѣгомъ уходитъ съ поля,

То бијаше у по бјела дана,
Бише Србљи на вјек без престанка.
Види Перцел да ино не може,
А што дуже, све бијаше горе,
Па се пусти пољем бјегајући,
Србљи за њими гласно викајући:
Ој Перцелу, што с Виловаману?
Тако брзо зашто бјегат' стаде?
Јошт топове нисмо заријали,
Ни јуначки срца разиграли,
Ситна праха и оловни зрна
Јошт ни полак потрошили нисмо!
Већ се врати, бојак да бијемо,
Па данашњи светац да славимо! —
Али Перцел на то и не хаје,
Веће сузе низ образе лије:
Бог убио малено Вилово!
Ја изгуби војника довољно,
Вјерни синка отца Кошутовца,
А и моји Перцела Морица!
Но тако ми вјера и закона,
Тога мога Бога Маџарскога, —
Ил', Вилово, хоћу те добити,
Ил' на мене главе бити не ће! —
Сузе брише а брже узмиче,
Јербо за њим чудно кугле пиште.
Србљи славе дан Спасова блага
И у здравље пију ђенерала,
Ђенерала Книћанин-Стевана.
Од мен' њему баш до гроба хвала!

Это было около полудня,
Сербы знали только что стрѣляли,
Видитъ Перцель, что не можетъ биться,
Что чѣмъ дольше бьется онъ, тѣмъ хуже,
И бѣгомъ онъ по полю пустился,
Сербы кинулись за нимъ въ погоню,
И кричали: гой еси ты Перцель!
Что̀ Вилово рано ты оставилъ?
Что̀ бѣжать ты по полю пустился?
Еще пушекъ мы не разогрѣли,
Еще сердце въ насъ не разъигралось,
Маку́-пороху еще довольно,
И свинцоваго гороху много!
Воротись и бой давай докончимъ,
И сегоднишній прославимъ праздникъ! —
Но не слышитъ Перцель и уходитъ,
Изъ очей онъ горьки слезы ронитъ:
Богъ убей проклятое Вилово!
Погубилъ я много силы-войска,
Вѣрныхъ подданныхъ отца Кошута
И моихъ — Перцеля Морица,
Но клянуся вѣрой и закономъ,
И святымъ Мадярскимъ нашимъ Богомъ:
Ужъ добуду это я Вилово,
Или въ немъ свои оставлю кости! —
Онъ отеръ свои полою слезы,
И еще скорѣй бѣжать пустился:
Видно пули мимо засвистѣли!
Сербы славятъ день святаго Спаса,
Пьютъ вино во здравье генерала,
Генерала Кничанинъ-Степана.
Будь ему отъ насъ во вѣки слава!

ПРИРОДНА СЛОБОДА.

—

Лепо пева славујак
У зеленој шумици,
У зеленој шумици,
На тананој гранчици,
Отуд иду три ловца,
Да стрељају славуја,
Он се њима молио:
Немојте ме стрељати,
Немојте ме стрељати,
Ја ћу вама певати
У зеленој башчици,
На руменој ружици. —
Уватише три ловца
И однеше славуја,
Метнуше га у дворе,
Да им драге весели;
Не ће славуј да пева,
Него оће да јади;
Однеше га три ловца,
И пустише у луге,
Стаде славуј певати:
Тешко другу без друга!
Тешко другу без друга,
И славују без луга!

СОЛОВЕЙ.

—

Распѣвала пташка мала,
Пташка мала соловейка,
Въ темной рощѣ распѣвала,
Что на вѣткѣ на зеленой;
Три охотника проходятъ,
Увидали соловейку;
Говоритъ имъ соловейка:
Не стрѣляйте, не губите!
Я спою за то вамъ пѣсню,
Во дубровѣ, въ темной рощѣ,
На шиповникѣ, на розѣ! —
Но охотнички поймали,
Малу пташку соловейку
И съ собою пташку взяли,
Чтобы въ клѣткѣ распѣвала,
Красныхъ дѣвокъ забавляла.
Да не сталъ имъ соловейка
Пѣть свои лѣсныя пѣсни,
Онъ не пьетъ, не ѣстъ въ неволѣ.
Отпустили соловейку
Въ темну рощу, въ лугъ зеленый,
И запѣлъ онъ на свободѣ:
Тяжко другу жить безъ друга,
Тяжко другу жить безъ друга,
А соловушкѣ безъ луга! (28)

ДИЛБЕР ИЛИЈА.

—

Дунавом плови лађа лагана,
У њојзи седи дилбер Илија,
На руци држи сива сокола;
Он лице грди, сокола рани;
Он сузе рони, сокола поји;
Соколу тици тијо беседи:
Соколе сиви! ја те не раним,
Ја те не раним, чиме се рани;
Ја те не појим, чиме се поји;
Ја лице грдим, тебека раним;
Ја сузе роним, тебека појим;
Ја те не раним, да т' у лов носим,
Веће те раним, да т' у двор пошљем,
Да ми ти видиш љубезну моју:
Јели ми љуба здраво и мирно,
Јели ми мушко чедо родила. —
Књигу му меће под десно крило:
Како долетиш, под пенџер падни,
Под пенџером је ружа румена,
А моја драга на пенџер' седи,
На пенџер' седи, ситан вез везе;
Ти ми поздрави љубезну моју:
Синоћ сам био с дилбер Илијом,
Синоћ сам био, и вино пио. —
Одлети соко двору Илијну,
Љуба му узе ту ситну књигу,
Она је гледа, соколу вели:
Ти ми поздрави дилбер Илију,

МОЛОДЕЦЪ ИЛЬЯ И СОКОЛЪ. (29)

—

Легкая лодка плыветъ по Дунаю,
Въ лодкѣ той ѣдетъ мòлодецъ добрый,
Яснаго сокола мòлодецъ держитъ,
Щеки терзаетъ, птицу питаетъ,
Слезы онъ ронитъ, сокола пòитъ;
Рѣчи такія соколу молвитъ:
Я не даю тебѣ, соколъ мой ясный,
Я не даю тебѣ птичьяго корму,
Птичьяго корму и птичьяго пойла:
Щеки терзаю — птицу питаю,
Слезы роню я — птицу пою я!
Я не кормлю, чтобъ пустить на ловитву,
Я, накормивши, домой посылаю:
Соколъ мой ясный, узнай ты про любу,
Все-ли она весела и здорова?
Чай мнѣ родѝла милаго сына?
Соколу грамотку бѣлу приладилъ,
Грамотку бѣлу подъ крылышко право:
Какъ долетишь, опустись подъ окошко,
Тамъ разцвѣтаетъ румяная роза,
Люба́ сидитъ въ терему подъ окошкомъ,
Частое, мелкое вяжетъ вязанье.
Молви, скажи ты ей доброе утро,
Молви: вечоръ мы съ Ильей пировали,
Мы пировали, вино распивали! —
Соколъ помчался, къ окну подлетаетъ,
Бѣлую грамотку любѣ онъ подалъ,
Люба читаетъ, сама причитаетъ:

Нека не ода, двору нек иде;
У башчи цвати ружа румена,
Немам је млада с киме тргати;
Соко ми пева у белу двору,
Немам га млада с киме слушати.

ШТА ЈЕ КОЊУ НАЈТЕЖЕ.

Коњ јунака оставио
На злу месту у Косову,
Јунак коњу говорио:
Ој коњицу, добро моје!
Зашто мене ти остави
На злу месту у Косову?
Шта је теби додијало?
Или ти је додијало
Бојно седло шимширово?
Или ти је додијала
Тешка узда искићена?
Или су ти додијали
Чести пути на далеко? —
Коњ јунаку говорио:
Ни је мени додијало
Бојно седло шимширово,
Нити ми је додијала
Тешка узда искићена,

Соколъ мой ясный, къ Ильѣ воротися,
Чтобы домой пріѣзжалъ поскорѣе,
Розанъ цвѣтетъ у меня подъ окошкомъ,
Только не знаю, съ кѣмъ его срѣзать!
Соколъ въ бостанѣ пѣсни пѣть станетъ,
Только не знаю, съ кѣмъ сокола слушать!

КОНЬ БРОСИЛЪ ГОСПОДИНА.

Бросилъ, кинулъ конь рети́вый
Господина въ чистомъ полѣ;
Господинъ коню взмолился:
Добрый конь мой, конь рети́вый,
Ты зачто-жъ меня бросаешь?
Въ чистомъ полѣ покидаешь?
Чѣмъ тебѣ я опостылѣлъ?
Аль хребетъ тебѣ и ребры
Боевымъ набилъ сѣдельцемъ?
Аль тебѣ раздергалъ губы
Я стальными удилами?
Аль зато ты разсердился,
Что и день, и ночь мнѣ служишь? —
Отвѣчаетъ конь рети́вый:
Не сѣдломъ меня дошелъ ты
И не кованой уздою;
И не тѣмъ, что днемъ и ночью
Ты на мнѣ далёко ѣздишь,

Нити су ми додијали
Чести пути на далеко;
Веће су ми додијали
Чести пути у меану:
Мене свежеш за меану,
А ти идеш у меану,
У меани три девојке:
Једној име Љубичица,
Другој име Грличица,
Трећој име Гонџелале;
Ти се играш с девојкама:
Љубичице, љуби мене!
Грличице, грли мене!
Гонџелале, лез' код мене! —
А ја коњиц жедан, гладан,
Копам земљу до колена,
Гризем траву до корена,
Пијем воду са камена.

ДВА СЛАВУЈА.

Два славуја сву ноћ препјеваше
На пенџеру прошене ђевојке.
Питала их прошена ђевојка:
Ој Бога вам, два славуја млада!
Ил' сте браћа, или братучеди? —

А дошелъ меня и донялъ
Тѣмъ, что выдумалъ ты ѣздить
По ночамъ со мной въ харчевню;
Тамъ меня къ столбу привяжешь,
Самъ идешь-себѣ въ харчевню,
Въ той харчевнѣ три дѣвицы,
Что одна-то Любичица,
А другая Горличица,
Третья люба Гонджелала.
И пошелъ играть ты съ ними:
Любичица, люби меня!
Горличица, цалуй меня! (31)
А ужъ ты-бы, Гонджелала,
Ты со мной-бы поиграла!
А меня и позабудешь;
Я стою-себѣ и рою
Землю кованой ногою,
Вплоть до зорьки, до восходу,
Я грызу свою колоду
И глотаю съ камня воду!

ДВА СОЛОВУШКА.

Два соловушка всю ночь пропѣли
Подъ окномъ помолвленной дѣвицы;
Говоритъ имъ красная дѣвица:
Гой вы, гой, соловушки лѣсные,
То-ли братья вы, а то-ли сватья? —

Ал' говоре два славуја млада:
Нит' смо браћа, нити братучеди,
Већ два друга из зелена луга:
Имали смо и трећега друга,
Имали смо, пак смо г' изгубили,
И чули смо, да се оженио;
Па идемо, да снаху видимо,
Носимо јој од злата преслицу,
На преслици Мисирско повјесмо.

СМИЈЕШНО ЧУДО.

Виђех чудо, и нагледах га се,
Ђе иђаше патка потковата,
А бијела гуска оседлана,
Још на вуку капа од самура,
На međеду зелена долама,
На пијевцу ковчали чакшире,
На лисици лијепа ђердана,
А на зецу свилене димије.
Не чудим се патки поткованој,
Ни бијелој гуски оседланој,
Нит' вуковој капи од самура,
Ни међеду зеленој долами,

Отвѣчають соловьи лѣсные:
Мы не братья, дѣвица, не сватья,
А два друга съ зеленаго луга!
Былъ у насъ и третій, да не знаемъ,
Гдѣ онъ дѣлся, гдѣ онъ затерялся;
Были вѣсти, что ушелъ къ невѣстѣ,
Такъ летаемъ мы и друга ищемъ,
Хочется взглянуть и на заловку
Подарить ей золотое донце
И серебряное веретенце!

СМѢШНОЕ ЗРѢЛИЩЕ.

Что̀ вчерась я на дорогѣ видѣлъ,
И не могъ я вдосталь наглядѣться:
Видѣлъ я подкованную утку
И сѣдломъ осѣдланнаго гуся;
А за ними шелъ медвѣдь лохматый
Въ бархатномъ зеленомъ доломанѣ;
За медвѣдемъ волкъ въ собольей шапкѣ,
А за волкомъ шелъ пѣтухъ въ чекчирахъ,
А за нимъ лисица въ ожерельѣ,
А за нею заяцъ въ шароварахъ.
Не чудна подкованная утка,
Не чуденъ и гусь, что̀ былъ осѣдланъ,
И медвѣдь въ зеленомъ доломанѣ,

Ни лисици, ни њену ђердану,
Ни пијевцу ковчали чакширам';
Но се чудим зецу димијама:
Куд се вере, како не издере!

ДЈЕВОЈКА НА ГРАДСКИМ ВРАТИМА.

Соко лети високо,
Крила носи широко,
На десно се окрену,
Граду врата угледа,
Ал' на врати дјевојка,
Бјело лице умила,
Обрвама узвија,
Грло јој се бијели,
Као снијег у гори;
Момче стоји према њој,
Пак јој тихо говори:
Ој дјевојко, душице!
Сапни пуце под грлом,
Да се грло не бјели,
Да ме срце не боли.

Не чуденъ и волкъ въ собольей шапкѣ,
И пѣтухъ въ чекчирахъ, и лисица
Въ золотомъ, богатомъ ожерельѣ,
Но чуденъ мнѣ заяцъ въ шароварахъ:
Какъ они на немъ не изорвутся!

ДѢВИЦА НА ГОРОДСКИХЪ ВОРОТАХЪ.

Соколъ взвился высòко,
Вскинулъ крылья ширòко,
Оглянулся направо,
Оглянулся, увидѣлъ
Гòродскія ворота,
На воротахъ дѣвица,
Только-только умылась
И бровями поводитъ,
У нея бѣлы плечи
Будто снѣгъ забѣлѣлись;
Подлѣ мòлодецъ добрый,
Говоритъ ей онъ тихо,
Говоритъ таки рѣчи:
Запахни свои плечи!
Не смотри прямо въ очи:
Мнѣ глядѣть нѣту мочи!

ЖЕНИДБА ВРАПЦА ПОДУНАВЦА.

—

Кад се жени врабац Подунавац,
Запросио сјеницу дјевојку,
Три дни хода преко поља̂ равна,
А четири преко горе чарне,
Запросио и испросио је;
Па он купи господу сватове:
Кума швраку дугачкога репа,
А прикумка тицу шеврљугу,
Старог свата из осоја жуњу,
А дјевера тицу ластавицу.
Здраво свати дошли до дјевојке,
И здраво се натраг повратили;
Кад су били на Косову равном,
Проговара сјеница дјевојка:
Тихо јаш'те, господо сватови,
Тихо јаш'те, тихо бесједите;
Долетиће кобац аваница,
Одвести ће сјеницу дјевојку. —
Још су они у ријечи били,
Залеће се кобац аваница,
И одведе сјеницу дјевојку,
Сви сватови у трн побјегоше,
Ђувегија у просену сламу,
А кум шврака наврх трна чучи.

ЖЕНИТЬВА ВОРОБЬЯ.

—

Какъ задумалъ воробей жениться,
Сталъ онъ сватать дѣвицу синицу,
Три́ раза онъ по полю пропрыгалъ,
И четыре по горѣ высокой,
Сваталъ, сваталъ, наконецъ сосваталъ;
Взялъ въ дружки онъ пѣгую сороку,
Въ деверья хохлатую чекушу,
Въ посажоные отцы витютня,
Въ кумовья болотную чапуру,
А въ прикумки птицу шеверлюгу.
Собирались сваты по невѣсту,
И дошли до ней благополучно,
Но какъ стали возвращаться къ дому,
И пошли черезъ Косово поле,
Говоритъ имъ такъ синица птица:
Не шумите, господа вы сваты,
Вы не спорьте, громко не гуторьте! (32)
А не то ударитъ съ неба кобчикъ
И отыметъ онъ у васъ невѣсту! —
Только что она проговорила,
Какъ откуда ни возьмися кобчикъ,
Ухватилъ дѣвицу онъ синицу,
Кто куда, всѣ сваты разбѣжались,
Самъ женихъ въ овсяную солому,
А дружко-сорока на березу!

МУХА И КОМАРАЦ.

—

Игра коња комар момче младо
Покрај ћошка козје џигерице,
Гледала га муха удовица
Са чардака пања касапскога,
Гледала га, па је говорила:
Боже мили, да чудна јунака!
Да л' ме хоће јунак запросити,
Ја бих млада сутра пошла зањга! —
То зачуо комарац делија,
Па он проси муху удовицу;
Ал' говори муха удовица:
Ид' одатле, комар момче младо!
Још су мене и бољи просили:
Обадови баше и кадије,
Бумбарови аге и аџије,
Стршљенови велики везири.

БАРЈАКТАР-ДЈЕВОЈКА.

—

Кад Али-бег нови бег бијаше,
Ђевојка му барјак носијаше;
Дању носи зелена барјака,
Ноћу спава с бегом у душеку.
Али-бегу момци говораху:
Прођ' се, бего, барјактар-ђевојке.

КОМАРЪ И МУХА.

—

Берегитесь, ѣдетъ храбрый витезь!
Храбрый витязь, самъ комарь изъ лѣсу!
Горячитъ коня онъ воронова,
И гарцуетъ вкругъ печенки козьей. (33)
Увидала муха изъ окошка
Комаря лихова и сказала:
Господи, какой удалый витязь!
Кабы онъ да за меня посваталъ!
Услыхалъ комарь удалый витязь,
Сталъ онъ сватать молодую муху,
Но обидясь муха отвѣчала:
Вишь какой! поди ты что задумалъ!
За меня ужъ сватались и лучше:
Сватался паша усастый оводъ,
Сватался и шмель великій визирь,
Сватались и шершни сераскиры!

ДѢВИЦА-БАРЬЯКТАРЪ. (34)

—

Говорятъ, у Али-Бега
Носитъ знамя предъ полками
Барьяктаръ душа-дѣвица.
Днемъ дѣвица носитъ знамя,
Ночью спитъ въ постелѣ съ Бегомъ.
Взбунтовалось войско Бега:
Брось ты дѣвку-барьяктара,

Јер ћемо те сви одустанути. —
Млад Али-бег момком одговара:
Не прођох се барјактар-ђевојке,
Да би сте ме сви одустанули;
Дуга Босна, мене слугу доста,
Барјактара нема до Мостара.

ИСПУЊЕНА ЖЕЉА.

Бога моли момче нежењено,
Да се створи крај мора бисером,
Гди девојке на воду долазе;
Да га купе себи у недарца,
Да га нижу на зелену свилу,
Да га мећу себи под гръоца,
Да он слуша, што која говори:
Говори ли свака о своjему,
Говори ли драга и о њему.
Што молио, то му Бог и дао:
Створио се крај мора бисером,
Гди девојке на воду долазе,

А не то тебя мы бросимъ! —
Нѣтъ, не брошу барьяктара!
Али-Бегъ имъ отвѣчаетъ:
Хоть-бы всѣ вы разбѣжались!
Не сошлася клиномъ Босна:
Наберу еще я войска,
А такова барьяктара
Не найти и до Мостара! (35)

МОЛОДЕЦЪ ОБЕРНУЛСЯ ЖЕМЧУГОМЪ.

—

Бога молитъ мòлодецъ удалый,
Чтобы далъ ему оборотиться
Жѐмчугомъ зернистымъ, перекатнымъ,
И разсыпаться край синя моря,
Гдѣ красавицы дѣвицы ходятъ:
Пусть онѣ тотъ жѐмчугъ собираютъ
И на шелковую нитку нижутъ
И на бѣлу шею надѣваютъ:
Онъ послушалъ-бы, чтò межъ собою
Говорятъ красавицы дѣвицы,
Говорятъ-ли про милòва друга,
Говоритъ-ли и объ немъ подруга?
Такъ молилъ и умолилъ онъ Бога:
Сталъ онъ мелкимъ жѐмчугомъ зернистымъ
И разсыпался край синя моря,
Гдѣ красавицы дѣвицы ходятъ;
Подобрали дѣвицы тотъ жѐмчугъ,

Купиле га себи у недарца,
Низале га на зелену свилу,
Метале га себи под грьоца,
Слушао је, шта која говори;
Говорила свака о своjему,
Говорила драга и о њему.

На шелковую снизали нитку
И на бѣлую надѣли шею:
И услышалъ онъ, что межъ собою
Говорили красныя дѣвицы:
Говорили про милова друга,
Говорила и объ немъ подруга.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) *Бановичь Страхинья*, — одинъ изъ главныхъ героевъ Косовской битвы, происходившей на Косовомъ полѣ 1389 года, Іюня 15-го, въ Видовъ день, и рѣшившей участь Сербскаго Царства. Страхинья и тесть его Югъ-Богданъ съ сыновьями, всѣ погибли въ Косовской битвѣ. Объ этомъ разсказывается въ другой пѣснѣ — *Цар Лазар и Царица Милица*, књига II. Стран. 294.

Читатель увидитъ, что имя Бановича Страхиньи у меня безпрестанно измѣняется: то онъ называется Бановичь Страхинья, то Банъ Страхинь-банъ, то просто Страхиньичь. Это соотвѣтствуетъ подлиннику. Сербскій языкъ любитъ такую свободу. Конь Марка Кралевича *Шарацъ* извѣстенъ также и подъ именемъ *Шарина* и *коня шареноѓа*.

2) *Косово поле* — (значитъ *Дроздово*, отъ *кос*—дроздъ) находится въ Европейской Турціи, среди земли, носившей у древнихъ имя Дарданіи. Лежитъ между собственно-Сербіей, Босніей, Болгаріей, Македоніей, Албаніей, Чорной горой и Герцеговиной. Имѣетъ въ длину около 80 верстъ, а въ ширину около 30. Главный городъ здѣсь Нови Пазаръ. — Сербамъ стало памятно это поле со времени несчастной битвы. Они часто упоминаютъ объ немъ и въ другихъ пѣсняхъ. Все недоброе обыкновенно случается на Косовѣ. — Конь бросилъ господина *на злу месту у Косову*. Похищеніе невѣсты воробья кобчикомъ случилось также на Косовскомъ полѣ.

3) *Крушевецъ* — до сихъ поръ существующій въ Сербіи городъ. Близь него развалины древняго Крушевца.

4) *Чоха*, Турецкое слово — چوقه — собственно значитъ *сукно*, а потомъ и платье изъ сукна, въ родѣ плаща со шнурами.

5) Въ подлинникѣ:

Што од воде чоха црвенија,
А од сунца чоха руменија.

т. е. что воды чоха краснѣе, а солнца чоха румянѣе. Не понимаю, почему чоха сравнивается съ водою. Эти два стиха встрѣчаются и въ другихъ пѣсняхъ.

6) *Дису и кадису*, иногда *дибу и кадибу*, и *дифу и кадифу* — неопредѣленную одежду изъ бархата. *Катифе* — قطيفه — по Турецки бархатъ. *Дива* кажется приставное слово для созвучія. Сербы

любятъ это, какъ равно и Болгары. Цвѣтокъ б о с и љ е — имѣетъ почти всегда приставку с м и љ е, а что значитъ с м и љ е — неизвѣстно. *Самодива* (имя вилы, горной нимфы) имѣетъ приставку *дива.* У Болгаръ есть *Вида-Селвида.*

7) *Литръ* — фунтъ и мѣра жидкости.

8) *Братъ* — обращеніе пѣвца къ кому-нибудь изъ слушающихъ пѣсню. Въ подлинникѣ *брате,* но чаще *побро* и *побратиме.*

9) *Едренъ*, иногда *Едренетъ* — Адріанополь, бывшій прежде столицею Турціи.

10) *Планина* — большая гора, горный хребетъ, напримѣръ Балканы, которые называются *Стара Планина.* Иные, переставляя буквы и дѣлая изъ *планина* — *алпнина*, находятъ въ этомъ словѣ сходство съ Альпами и Апенинами. Слово-же *гора*, означающее *гору* у всѣхъ Славянскихъ народовъ, у Сербовъ и Болгаръ потеряло это значеніе и чаще употребляется въ смыслѣ *большаго темнаго лѣса.* Причиной этому мѣстность: бо̀льшая часть тамошнихъ горъ покрыты густыми лѣсами и Сербъ или Болгаръ иначе не можетъ представить себѣ горы, какъ вмѣстѣ съ лѣсомъ.

11) Въ подлинникѣ *100 тысячъ* — сто хиљада — случайное, неизмѣнное выраженіе о большомъ войскѣ. Еслибъ было нужно для размѣра, Сербъ сказалъ-бы 200 и 300. Они сыплютъ тысячами, когда дѣло идетъ о войскѣ, особенно о своемъ. По пѣснѣ выходитъ, что у нихъ въ Косовскую битву было 320 тысячъ войска, тогда-какъ едвали было столько и у Турокъ.

12) *Яньічары* — страшное войско Турокъ, основанное Султаномъ Муратомъ I и состоявшее на особыхъ правахъ до Султана Махмуда II, который уничтожилъ Яньічаръ. Слово *Яньічаръ* произошло изъ двухъ Турецкихъ словъ: *ені* — يكى — новый, и *чері* — چرى — войско.

13) *Тука* и *Манчука* — никто не могъ объяснить мнѣ въ точности этихъ словъ; одинъ Сербъ сказывалъ мнѣ, будто *Манчуками* (Манџук) называются особенные Турецкіе кавалерійскіе полки въ Азіи, войско, которое требовалось только въ крайнихъ случаяхъ. Онъ-же говорилъ, что въ дѣтствѣ его пугали *Манчукой*: Манчука придетъ! По-Турецки *Маньджукъ* — منجوق — значитъ знамя на башнѣ; также украшеніе знамени, верхняя часть знамени. — *Тука* вѣроятно отъ *тукати* — бить.

14) *Каукъ* — Турецкое слово — قاوق — шапка, преимущественно бархатная, калпакомъ, кверху шире, изнутри подбитая ватой. На *каукъ* наматывалась *чалма*, что̀ значитъ слово въ слово *навивка*, отъ *чалма̀къ* — چالمق — навивать.

15) *Чекчи̂ры* — чакшире — нижнее платье, родъ узкихъ брюкъ. Въ такомъ значеніи это слово извѣстно и въ нашей арміи; происходитъ отъ Турецкаго *чакши̂ръ* — چاقشر брюки. — *Меневиш чакшире* — какъ въ подлинникѣ — значитъ *пурпуровыя чекчиры*, отъ Турецкаго *меневишъ* — منوش — пурпуръ. — За чекчирами слѣдовали *чи̂змы*, цвѣтные сапоги, — отъ Турецкаго *чизмѐ* — چزمه — сапогъ.

16) *По-Мановски* — нѣкоторые Сербы и Болгары увѣряли меня, что это значитъ — *по-Азіятско-Турецки*, и что это самое грубое нарѣчіе Турецкаго языка. Но знающіе Турецкій языкъ говорили, что это слово звучитъ совсѣмъ не по-Турецки. — Вѣроятно Мановскій языкъ былъ несомнѣнный признакъ Турки, и имъ испытывали встрѣчныхъ Сербовъ и Болгаръ, которые большею частію говорятъ по Европейско-Турецки какъ Турки. Въ подлинникѣ — *окрене Мановски*, то есть *повернетъ*, *поворотитъ* по-Мановски.

17) Въ подлинникѣ *к бињекташу бијелу камену* — т. е. къ бѣлому камню бинекташу. Къ такимъ камнямъ (и донынѣ существующимъ въ тѣхъ странахъ) подводили лошадь, когда хотѣли сѣсть въ сѣдло. *Бинѐкташъ* — значитъ *лошадиный камень*, отъ Турецкихъ словъ: *би̂некь* — بنك — конь и *ташъ* — طاش — камень.

18) *Пандуръ* — пограничный стражъ, объѣзчикъ. Нынче Пандурами называютъ полицейскихъ служителей по городамъ.

19) Въ подлинникѣ — *лаве* и *тимаре* — левы и участки. Первые суть серебряная монета, цѣною въ нашъ гривенникъ. *Лав* по Сербски значитъ *левъ*, во множеств. числѣ *лаве*. *Тима̀ре* — отъ Турецкаго *тима̀ръ* — تيمار — давались Султанами въ награду нѣкоторымъ изъ приближенныхъ, или отличившихся.

20) Въ подлинникѣ — *Он је оздо*, *а сунашце озго*, т. е. Онъ внизу (въ *долѣ*, оз — *до*), а солнышко вверху (*горѣ*, навозгорьѣ, оз—*го*). Этотъ стихъ попадается и въ другихъ пѣсняхъ. Мнѣ хотѣлось сохранить созвучіе, и потому я отступилъ отъ подлинника.

21) По Сербски — *мукадем-пояс* — это переводъ Турецкаго *мокаддэмъ - кушакъ* — قوشاق — مقدم — что значитъ поясъ изъ извѣстной шелковой матеріи. *Мокаддэмъ* — слово Арабское, значитъ *впередъ идущій*, *выступающій*. Въ Турецкомъ употребляется также въ этомъ значеніи, но кромѣ того означаетъ шелковую матерію, которая идетъ на пояса и чалмы.

22) *Съ бабой Шумадійской* — т. е. съ Сербіянкой изъ Шумадіи. Такъ называется средняя, лѣсистая часть Сербіи, отъ *шума*—лѣсъ.

23) *Челенка* — золотой или серебряный салтанъ на чалмѣ.

24) *Бачвановъ* — Сербовъ изъ области Бачки, гдѣ происходили военныя дѣйствія. Село *Сентъ Иванъ* — мѣстопребываніе Перцеля, и *Вилово* — квартира Кничанина, находятся въ этой области. Между ними четверть часа ходьбы.

25) *Гонведъ* — слово составленное Мадярами въ послѣднюю компанію, для выраженія Нѣмецкаго Landwehr; значитъ *защита дома*, *отечества*, отъ *hon* — *домъ, отечество* и *véd* — *защита*.

26) *Бочкай* и *Раго* — извѣстныя Магнатскія фамиліи въ Венгріи. Надо думать, что гусары, названные здѣсь ихъ соединеннымъ именемъ, были ими сформированы, или находились подъ ихъ предводительствомъ.

27) Петервардейнъ.

28) Я хотѣлъ удержать риѳму и потому перевелъ *луг* — *лугомъ*, но собственно *луг* у Сербовъ, какъ и у Малороссіянъ, значитъ *роща*, *лѣсокъ*. Въ пѣснѣ *Два славуја* я также удержалъ слово *лугъ* для риѳмы.

29) Въ подлинникѣ *дилбер Илија* — красивый, прекрасный Илья, слово въ слово *сердцеуносящій*, отъ Персидскихъ словъ *диль* — دل — сердце, и *беръ* — بر — уносящій. У Сербовъ приставляется къ именамъ мужескимъ и женскимъ, и употребляется отдѣльно въ значеніи *милый*, *любезный*.

30) Въ подлинникѣ *у башчи*; но я взялъ чаще употребляемое *бостанъ* — *огородъ*, а также и *садъ*, отъ Персидскаго *бустанъ* — بستان — садъ. Это слово вошло и въ Малороссійскій языкъ, измѣнясь въ *боштанъ*.

31) Въ подлинникѣ игра словъ:

Љубичице љуби мене,
Грличице грли мене!

32) *Не гуторьте* — не говорите, простонародное провинціальное слово.

33) Дѣйствіе происходитъ на живодернѣ. Муха, въ подлинникѣ, смотритъ — *са чардака паћа касапскога* — съ башни живодернаго столба; со столба, къ которому привязываютъ скотину, когда бьютъ. Не найдя въ Русскомъ соотвѣтственнаго *народнаго* выраженія, я перевелъ этотъ стихъ нѣсколько иначе. Слово *касапски, касапин* — отъ Арабскаго *кассàбъ* — قصّاب — мясникъ, перешедшее въ Персидскій и Турецкій, напоминаетъ Русское *кацàпъ*, которое мнѣ случалось слышать на Югѣ Россіи, куда зашло оно вѣроятно отъ Малороссіянъ. — Малороссіяне зовутъ *кацàпами* Русскихъ мужиковъ, будто-бы за то, что они носятъ бороды и похожи на *цаповъ* — козловъ. Но откуда частица *ка*? Русскіе-же употребляютъ это слово безъ особеннаго смысла, больше, какъ я замѣтилъ, о нескладныхъ и неповоротливыхъ. — Въ Московской губерніи есть слово *котоцàпъ*. Такъ называютъ людей, разъѣзжающихъ по деревнямъ и подбирающимъ шкуры. Это то, что на Югѣ *тархàны*. Говорятъ, что они также крадутъ кошекъ, *цапаютъ котовъ*. Не осмысленное-ли это *кацапъ?*

34) *Барьяктаръ* — знаменоносецъ, отъ Турецкаго *барьякъ* — بریاق — знамя. По нынѣшнимъ извѣстіямъ изъ арміи, *барьякъ*, или какъ тамъ называютъ *байрàкъ* — есть только сотенный значекъ у Турокъ, а не знамя. Сербы употребляютъ иногда вмѣсто *барјак* свое слово *крсташ*, что происходитъ отъ *крст* — крестъ, крестное знамя. А иногда соединяютъ оба слова вмѣстѣ — *крсташ-барјак*.

35) *Мостаръ* — главный городъ Герцеговины. Паша Герцеговины называется *Паша Мостарскій*.

БОЛГАРСКІЯ.

—

Болгарскія пѣсни о *Маркѣ Кралевичѣ* я получилъ отъ С. Н. Палаузова, а одну *молятъ ма, мамо, молятъ* — взялъ изъ маленькаго Сборника И. Богоева: Бѫлгарски народни пѣсни и пословици. Пеща. 1842 г. Къ сожалѣнію, въ первыхъ замѣтны исправленія, сдѣланныя прежнимъ ихъ владѣльцемъ Априловымъ.

I.

—

Сѣднѫлъ Марко да вечеря
Да вечеря съсъ майкѫ си
И подъ мустакъ ся подсмихва;
Майка му ся отговаря:
Ой ти тебѣ, сынко Марко!
Що ся смѣешь и подсмихвашь,
И подсмихвашь моѭ старость?
Иль усмихвашь мое ястье,
Или мой-то вино ройно? —
Мълчи, мале, не ся смѣѭ,
Не ся смѣѭ на твой ястье,
Смѣхъ ми е съ Филиппъ Маджаринъ,
Че ми писалъ ситно, дребно,
Дребно писмо, та ма вика,
Та ма вика да отыда,
Да отыда въ своѭ землѭ,
Вино ройно да попіемъ,
И борбѫ да ся поборимъ! —
Майка дума: недѣй ходи,
Недѣй ходи въ тѣхнѫ землѭ,
Че Маджаринъ е погубилъ
Четыредесетъ юнацы
И имъ жены-тѣ поробилъ. —
Марко Майки не послуша,
Не послуша старѫ майкѫ,
Та станѫ, та си отыде
Отыде въ Маджарскѫ землѭ.
Край Маджарскы-тѣ домове

I.

—

Сѣлъ Краль-Марко, сѣлъ за ужинъ, (1)
Вмѣстѣ съ матерью своею,
И подъ усъ себѣ смѣется.
Мать сказала Кралю-Марку:
Что ты, Марко, все смѣешься?
На смѣхъ старость подымаешь?
Иль смѣшонъ тебѣ мой ужинъ?
Иль вино мое не сладко? —
Отвѣчаетъ ей Краль-Марко:
Я смѣюся не на ужинъ,
А смѣюся на Мадяра,
На Мадярина Филипа:
Часто, мелко мнѣ онъ пишетъ,
Мелко пишетъ, въ гости проситъ,
Погулять, повеселиться
И борьбою побороться! —
Отвѣчаетъ мать Краль-Марку:
Охъ не ѣзди, сынъ мой милый,
Охъ не ѣзди къ злымъ Мадярамъ!
Погубилъ Филипъ Мадяринъ
Сорокъ молодцевъ Болгарскихъ
И увелъ ихъ женъ съ собою! —
Только Марко не послушалъ,
Не послушалъ этой рѣчи,
Всталъ, собрался, и поѣхалъ.
Какъ пріѣхалъ онъ къ Мадярамъ,
Видитъ: рѣчка протекаетъ
Передъ хатами Мадяровъ,

Рѣка тече, на рѣкѫ-тѫ
Четыредесетъ робини
Бѣло платно си перяхѫ.
Главы-тѣ на тѣхны мѫжы
Покрай Маджарскы палаты
На копье-тѣ побучены.
Та си попыта Краль Марко:
Дѣ сѣди Филиппъ Маджаринъ?
А тѣ му отговорихѫ:
Що ти е Филиппъ Маджаринъ?
Ако си пѫтникъ, замини:
Филиппъ Маджаринъ загубилъ,
Загубилъ много юнацы.
Видишь ли тука главы-тѣ?
Тѣ сѫ отъ таквизъ юнацы,
Отъ драгы нашы ступаны.
Видишь ли този бѣлъ камакъ?
Филиппъ Маджаринъ го вдига. —
Марко конь-атъ си подкара
Та си камакъ-атъ улови
И го презъ рамо превърли,
И при вратье-тѣ отыде,
Врата бѣхѫ затворены,
Марко гы съсъ ногѫ ритна
И врата-та си паднахѫ.
Марко въ дворъ-атъ си влазяше,
Повикна, ал' не излезе
Филиппъ Маджаринъ, излезе
Жена гиздава Маджарска,
Марко пыта: дѣ е Филиппъ?
Маджарска жена му рече:

Подлѣ рѣчки сорокъ плѣнницъ
Полотно стираютъ бѣло,
А съ высокаго забора
Смотрятъ, воткнуты на копья,
Удалы́ башки Болгаровъ,
Что мужей тѣхъ горькихъ плѣнницъ.
Опросилъ тѣхъ плѣнницъ Марко:
Гдѣ у васъ Филипъ Мадяринъ?
А онѣ ему сказали:
Что тебѣ Филипъ Мадяринъ?
Проѣзжай ты лучше мимо!
Погубилъ Филипъ Мадяринъ
Сорокъ мо̀лодцевъ Болгарскихъ,
Видишь головы на копьяхъ:
Это головы Болгаровъ,
Что мужей-ли нашихъ милыхъ!
Видишь этотъ бѣлый камень:
Онъ его одной рукою
Поднимаетъ и бросаетъ! —
Марко тронулъ тихо лошадь ,
Поднялъ съ земи бѣлый камень
И его далеко бросилъ.
Ѣдетъ Марко, ѣдетъ Марко
Прямо къ терему Филипа,
Видитъ: заперты ворота,
Марко толкъ ногой въ ворота —
И ворота отворились.
Онъ во дворъ широкій ѣдетъ,
И Мадярина онъ кличетъ,
Но выходитъ не Мадяринъ,
А пригожая Мадярка.

Филиппъ Маджаринъ си піе,
Піе си вино червено,
Въ студены сухы зимпицы. —
Марко си отъ коня слезе
Та й отъ ржцѣ гривны-тѣ,
Гривны-тѣ златы откачи
И гы въ пазвж си притури.
Марко си конь-атъ въсѣдна
Та си отыде, отыде
Да найде Филиппъ Маджаринъ.
Като го Филиппъ увиде,
Налѣ му чашж съсъ вино
И го на Марка подаде;
Марко сржбна и за друго,
За друго вино му смигна,
И своіж-тж чашж налѣ,
Деветъ мѣры си земаше,
И іж подаде на Филиппъ
Да іж сичкж-тж испіе.
Не може и половинж
Филиппъ Маджаринъ да піе.
Да пакъ си налѣ Краль Марко
Налѣ си своіж чашицж
Съ червено вино, извади
На Маджаркж-тж гривны-тѣ
Та гы за вино заложи.
Филиппъ Маджаринъ гы виде,
И Марко Кральо му рече,
Рече му да гы откупи.
Филиппъ Маджаринъ извади
Съ топузъ Марка си да біе,

Гдѣ Филипъ? спросилъ Краль-Марко,
А Мадярка отвѣчаетъ:
Пьетъ вино въ сухихъ подвалахъ!
Марко слѣзъ съ коня лихова
И съ руки у той Мадярки
Снялъ запястья золотыя
И за пазуху засунулъ.
На коня садится Марко
И поѣхалъ, и поѣхалъ
Онъ къ Мадярину Филипу.
Какъ Филипъ увидѣлъ Марка,
Налилъ чарку, подалъ Марку, —
Марко выпилъ чарку разомъ,
И мигнулъ, чтобы онъ налилъ,
Да не въ ту-бы налилъ чарку,
А ужъ въ Маркову ендовку:
Девятъ мѣръ брала ендовка,
Налилъ тотъ ендовку Марку,
Марко взялъ ее и подалъ
Самому тому Филипу,
Но не могъ Филипъ Мадяринъ
Одолѣть и половины.
Наливаетъ Марко снова
И Мадяркины запястья
Изъ-за пазухи вынаетъ
И кладетъ передъ Филипомъ.
Какъ увидѣлъ ихъ Мадяринъ,
Какъ сказалъ ему Краль-Марко,
Чтобы выкупилъ запястья, —
Булаву Мадяринъ вынулъ
И на бой зоветъ Краль-Марка;

Марко му отговаряше:
Ой ти тебѣ Маджарине!
Чакаї вино да испіѭ!
Не ми е мила чаша-та,
Ами е мило вино-то. —
И дигна Марко чашѫ-тѫ
Удари съ нéѭ Филиппа,
Заби го долу въ земѭ-тѫ.
Та пакъ си Марко отыде,
Пороби жены Маджарскы,
Четыредесетъ робини,
Въ Българіѭ гы заведе.
Марко ся приближаваше,
Въ пѫть-атъ прахъ ся дигаше.
Майка му по дворъ ходяше,
Дребны си сьлзы ронеше
И на снахѫ си думаше:
Филиппъ Маджаринъ сына ми,
Сына ми Марка пороби,
Иди и нази да плѣни. —
А той не былъ Маджаринъ-атъ,
Ами былъ е Кральо Марко,
Доведе жены Маджарскы
Съ четыредесетъ робини.

II.

Пахвали ся Филиппъ Соколъ
Снощи вечеръ предъ трапезѫ,
Предъ неговѫ ступаницѫ,

А Краль-Марко отвѣчаетъ:
Погоди, Филипъ Мадяринъ!
Дай допить! Не жаль ендовки,
Жаль вина недопитова! —
Какъ махнетъ ендовкой Марко,
Да какъ хлопнетъ онъ Филипа,
Ажно вбилъ въ сырую землю!
Самъ давай хватать Мадярокъ,
Нахваталъ ихъ цѣлыхъ сорокъ,
И въ Болгарію поѣхалъ.
Подъѣзжаетъ Марко къ дому,
Пыль клубится по дорогѣ:
Мать его дворомъ проходитъ,
Мать проходитъ, слезы ронитъ,
Говоритъ своей невѣсткѣ:
Полонилъ Филипъ Мадяринъ,
Полонилъ онъ Краля-Марка,
Посмотри, сюда онъ ѣдетъ,
Полонитъ и насъ съ тобою! —
Не былъ то Филипъ Мадяринъ,
А удалый былъ Краль-Марко,
Велъ Мадярокъ полоненныхъ,
Велъ Мадярокъ цѣлыхъ сорокъ.

II.

—

Похвалялся Филипъ Соколъ,
Какъ вечоръ за столъ садился,
Похвалялся предъ женою,

Ступаницѫ Соколицѫ,
Какъ ще Марка да убіе,
Не ще Марка да убіе,
Ще го хване за ратай,
Да му мете равны дворы,
Да му баве мѫжкѫ рожбѫ.
Дѣ го зачу Самодива,
Самодива, горска дива,
Та си фрѫкнѫ, та подфрѫкнѫ,
Та отыде на Марковы,
На Марковы равны дворы,
Та си кацнѫ на палаты,
Че си писнѫ Самодива,
Самодива, горска дива:
Ой ти тебѣ, Кральо Марко,
Кральо Марко побратиме!
Отговаря Самодива:
Кральо Марко побратиме!
Похвалися Филиппъ Соколъ
Снощи вечеръ предъ трапезѫ,
Предъ неговѫ ступаницѫ,
Какъ ще тебе да убіе,
Не ще тебе да убіе,
Ще та хване за ратай,
Да му метешь равны дворы,
Да му бавишь мѫжкѫ рожбѫ. —
Расьрдися Кральо Марко,
Посьрдися Кральо Марко,
Че си станѫ, та излези,
Та излези, та изведи
Едно конче неучено,

Предъ своею Соколихой,
Что убьетъ онъ Краля-Марка,
Не убьетъ онъ Краля-Марка,
А возьметъ къ себѣ въ холопы,
Дворъ мести ему широкій
И ребятъ мальчишекъ няньчить.
Услыхала эти рѣчи,
Услыхала Самодива,
Самодива горна дива,
И взвилась, и полетѣла
Ко дворамъ широкимъ Марка,
На его хоромы сѣла,
Да какъ взвизгнетъ Самодива,
Самодива горна дива:
Гой ты, гой еси, Краль-Марко!
Побратимъ ты мой любезный! —
Говорила Самодива:
Побратимъ ты мой любезный!
Похвалялся Филипъ Соколъ,
Какъ вечоръ за столъ садился,
Похвалялся предъ женою,
Предъ своею Соколихой,
Что убьетъ онъ Краля-Марка,
Не убьетъ, возьметъ въ холопы,
Дворъ мести ему широкій,
И ребятъ мальчишекъ няньчить! —
Разсердился крѣпко Марко,
Разсердился, прогнѣвился,
Взялъ пошелъ онъ лошаденку
Неученую, плохую,
Чтò узды совсѣмъ не знала,
Въ чистомъ полѣ не бывала.

Дѣто не знай пѫть да вѫрви.
Васѣднѫ го Кральо Марко
Та го пуснѫ по поле-то,
Конче вѫрви по поле-то,
Прахъ ся дига до небе-то,
Че отыде Кральо Марко,
Та наблизи Кральо Марко
До Филиппъ Соколъ палаты:
Да излезишь, Филиппъ Соколъ,
Да ся боримъ, да ся біемъ! —
Че си почу Филиппъ Соколъ
Марковы ясны гласове,
Че излези Филиппъ Соколъ
Та изведе врана коня,
Излезохѫ на поле-то,
Да ся біѭтъ, да ся ранѭтъ,
Да ся ранѭтъ, да ся борѭтъ.
Че ся бихѫ и ранихѫ,
Че го надви Кральо Марко;
Отговаря Кральо Марко:
Ой ти тебѣ Филиппъ Соколъ!
Да та хванѫ за ратай,
Соколицѫ за ратайкѫ,
Мѫжкѫ рожбѫ за ратайче. —
Отговаря Филиппъ Соколъ:
Ой ти тебѣ Кральо Марко!
Не ма хващай за ратай,
Отрѣжи ми русѫ главѫ,
Погуби ми ступаницѫ,
Съсъ моѭ-тѫ мѫжкѫ рожбѫ. —
Отговаря Кральо Марко:
Ой ти тебѣ Филиппъ Соколъ,

Марко сѣлъ на лошаденку,
Въ поле чистое пустился;
Какъ заскачетъ, какъ запляшетъ
Лошаденка та подъ Маркомъ,
Ажно пыль взвилась клубами!
Тутъ поѣхалъ въ путь Краль-Марко,
Въ путь-дорогу чистымъ полемъ,
Въ путь поѣхалъ и пріѣхалъ
Къ дому Сокола Филипа.
Выходи, Филипъ ты Соколъ,
Выходи со мной бороться! —
Какъ услышалъ Филипъ Соколъ
Зычный голосъ Краля-Марка,
Вышелъ къ Марку Филипъ Соколъ,
Воронà коня выводитъ,
Выѣзжаетъ съ Маркомъ въ поле,
Чтобъ побиться, побороться,
И въ борьбѣ другъ друга ранить.
Долго бились и боролись,
Одолѣлъ Филипа Марко,
Говоритъ Филипу Марко:
Гой еси ты, Филипъ Соколъ,
Я возьму тебя въ холопы,
А жену твою въ холопки,
А ребятъ твоихъ въ холопство! —
Отвѣчаетъ Филипъ Соколъ:
Гой ты, гой еси Краль-Марко,
Не бери меня въ холопы,
Лучше голову ссѣки мнѣ,
Погуби мнѣ Соколиху
И дѣтей моихъ парнишекъ! —

Не ся хвали, не ся кани,
Краля Марка да убіешь;
Дарувамъ ти ступаницѫ,
Ступаницѫ съ мѫжкѫ рожбѫ,
Ами тебе салтъ оставямъ,
Да ми служишь деветъ годинъ,
Да ми метешь равны дворы. —
Улови го Кральо Марко,
Заведи го Кральо Марко
Въ свои си равны палаты.
Ой ти тебѣ Филиппъ Соколъ
Филиппъ Соколъ Маджарине!

III.

Собралъ си е Кральо Марко
Сички бана, да гы гости,
Да си ѣдѫтъ, да си піѭтъ.
Сѣкой си ся похваляше
Съ добра брата, съ добрѫ сестрѫ,
А Краль Марко съ добра коня.
Отговарятъ вси-тѣ бана:
Мы ся хвалимъ, кой съсъ брата,
Кой съсъ брата, кой съсъ сестрѫ,
А Краль Марко съ конско мясо.
Марко Кральо расьрдися,

Говоритъ Филипу Марко:
Гой еси ты, Филипъ Соколъ!
Не хвалился-бы ты лучше,
Не хвалился-бъ, не грозился,
Что убьешь ты Краля-Марка!
Мнѣ не надо Соколихи
И дѣтей твоихъ парнишекъ,
Только ты одинъ мнѣ нуженъ:
Девять лѣтъ служи мнѣ вѣрно,
И мети мнѣ дворъ широкій! —
Ухватилъ его Краль-Марко
И отвелъ его Краль-Марко
Ко дворамъ своимъ широкимъ.
Гой еси ты, Филипъ Соколъ,
Филипъ Соколъ, злой Мадяринъ!

III.

Какъ собра̀лъ къ себѣ Краль-Марко,
Какъ собра̀лъ къ себѣ всѣхъ Бановъ,
Ѣсть и пить и веселиться.
Всякой началъ похваляться
Добрымъ братомъ, иль сестрою,
А Краль-Марко похвалялся
Все конемъ своимъ уда̀лымъ.
Осердились гости Марка:
Похвалялись мы, кто братомъ,
Кто сестрою, а Краль-Марко,
А Краль-Марко конскимъ мясомъ! —

Отговаря Кральо Марко:
Ой ти, мале, не си роди
И другиго като мене? —
Отговаря Краля майка:
Азъ си имахъ и другиго
Като тебе, младъ Андрея,
Заминжхж клеты Турцы,
Клеты Турцы, Анадолцы,
Поробихж младъ Андрея,
Поробихж, отыдохж. —
Отговаря Кральо Марко:
Ой ти тебѣ стара майко!
Напълни ми дисагы-тѣ
Съсъ желтицы новы желты,
Да си идж, да найдж,
Да найдж младъ Андрея! —
Та станж та си отыде
Татакъ долу въ Сулинъ града;
Направися черенъ, грозенъ,
Черенъ, грозенъ младъ Манафинъ.
Сичкы Турцы на джамія,
На джамія си ходяхж,
Той съ нихъ наедно ходяше;
Сичкы Турцы ся кланяхж
И той съсъ нихъ ся кланяше,
А Българскы ся моляше.
Сичкы Турцы отъ джамія,
Отъ джамія излезохж,
И той наедно излезе,
Та отыде на кърчмаркж
Та поиска: дай ми вино,

Осерчалъ на то Краль-Марко,
Опросилъ онъ мать родную:
Родила̀-ль еще ты на̀ свѣтъ
Добра молодца такова,
Какъ меня-ли Краля-Марка?
Мать Кралёва отвѣчаетъ:
Былъ другой такой, какъ Марко,
Назывался онъ Андреемъ,
Да прошли тутъ злые Турки,
Злые Турки, Анатольцы,
Взяли силою Андрея
И ушли съ нимъ во-свояси! —
Отвѣчаетъ ей Краль-Марко:
Гой еси ты, мать родная,
Ты наполни, ты наполни
Вьюки золотомъ червоннымъ,
Чтобы стало мнѣ въ дорогу:
Я пойду искать Андрея! —
Всталъ Краль-Марко и поѣхалъ
Прямо внизъ къ Сулину граду.
Сталъ онъ сумраченъ и грозенъ,
Грозенъ-сумраченъ какъ Турка.
Шелъ народъ градской въ мечети
И Краль-Марко за народомъ.
Турки кланялись въ мечетяхъ,
Съ ними кланялся и Марко,
А молился по-Болгарски.
Вышли Турки изъ мечети
И Краль-Марко съ ними вышелъ,
И пошелъ въ корчму къ корчмаркѣ
И сказалъ ей: дай вина мнѣ,

Дай ми вино за желтицѫ!
Тя му рече: нема вино,
Нема вино за желтицѫ.
Ами има за облогѫ.
Отговаря Кральо Марко:
За кого ще ся обложишь? —
Тя заведе до мѫжа си,
До мѫжа си младъ Андрея,
Та заложили за Марка,
За Марка Кральова коня
И за Андреевѫ булкѫ,
Кой ся упій да загуби.
Три дни ся ѣли и пили,
Та ся упи младъ Андрея:
Отговаря Кральо Марко:
Ой ти тебѣ, Кърчмаріійко!
Съберися да та ведѫ,
Да та ведѫ въ Българіѭ.
Отговаря Кърчмаріійка:
Ой ти тебѣ Манафине!
Имамъ въ Българіѭ деверъ,
Деверъ млади Кральо Марко,
Да та чуе ще та убій. —
Отговаря Кральо Марко:
Ой ти тебѣ Кърчмаріійко!
Ты познавашь Краля Марка? —
Отговаря Кърчмаріійка:
Да го видѭ познавамъ го. —
Отговаря Кральо Марко:
Какъ и отъ дѣ го познавашь? —
Отговаря Кърчмаріійка:

Дай вина мнѣ на червонецъ! —
А корчмарка отвѣчаетъ:
Есть вино да не на деньги,
А на споръ, кто больше выпьетъ. —
Говоритъ опять Краль-Марко:
Съ кѣмъ-же будетъ мнѣ поспорить?
Повела его корчмарка
Къ мужу, именемъ Андрею;
Заложили тутъ за Марка
Шарца Кралева лихова, (2)
За Андрея заложили
Молоду его корчмарку:
Кто напьется пьянымъ прежде,
Тотъ закладъ свой проиграетъ.
Три дни ѣли, три дни пили,
Марко перепилъ Андрея;
Говоритъ корчмаркѣ Марко:
Гой ты, гой еси корчмарка!
Собирайся въ путь-дорогу
И въ Болгарію поѣдемъ! —
А корчмарка отвѣчаетъ:
Манафинъ ты некрещеный! (3)
У меня въ землѣ Болгарской
Есть Краль-Марко, милый деверь,
Онъ убьетъ тебя гяура! —
Говоритъ корчмаркѣ Марко:
Гой ты, гой еси корчмарка!
Вотъ онъ деверь твой Краль-Марко! —
А корчмарка отвѣчаетъ:
Лжешь ты, гяуръ некрещеный!
Я узнала-бъ Краля Марка! —

Чула сьмъ го отъ мой мѫжа,
Че си има на главѫ-тѫ,
На главѫ-тѫ златы космы. —
И той си главѫ-тѫ откры,
Та лѫснахѫ на главѫ му,
На главѫ му златы космы.
Та отыде та разбуди,
Та разбуди младъ Андрея.
Та ся побѣли, нареди,
Наредися Марко Кральо;
Познахѫся двама брата
И ся займно поздравихѫ,
Та сѣднѫхѫ да ся гостѭтъ.
Ѣли ся що ся поѣли,
Пили ся що ся попили,
Пакъ станѫли да си идѫтъ,
Да си идѫтъ въ Българіѭ.
Вѫрвѣли, що ся вѫрвѣли,
Отговаря братъ Андрея:
Ой ти тебѣ мили брате!
Ужаднѣлъ сьмъ си за водѫ! —
Отговаря Кральо Марко:
Нема, брайно, тука водѫ,
Ами има тука кърчма,
Тука кърчма кеседжійска;
Иди та поискай вино,
Вино ройно за желтицѫ,
А отъ коня да не слезешь. —
Той отыде та поиска:
Ой ти тебѣ кърчмарійко!
Дай ми вино за желтицѫ!

Говоритъ опять Краль-Марко:
А почемъ-бы ты узнала?
А корчмарка отвѣчаетъ:
Я слыхала отъ Андрея,
Что Краль-Марко уродился
Съ золотыми волосами! —
Тутъ Краль-Марко шапку скинулъ
И какъ солнце заблистали
Кудри Марка золотыя.
Побѣжала прочь корчмарка
И давай будить Андрея.
А тѣмъ временемъ Краль-Марко
Приумылся, нарядился.
Узнавались оба брата
И за трапезу садились.
Ѣли, ѣли, сколько съѣли,
Пили, пили, что есть силы.
А напившись встали оба
И въ Болгарію собрались.
Ѣдутъ, ѣдутъ, много-ль, долго-ль,
Говоритъ Андрей дорогой:
Гой еси ты, братъ мой милый,
Гдѣ-бы мнѣ воды напиться? —
Говоритъ Краль-Марко брату:
Здѣсь воды тебѣ не держатъ,
Есть корчма покрай дороги,
У лихова Кеседжіи: (4)
Попытай, шумни корчмаркѣ —
Пусть отпуститъ на червонецъ!
Но съ коня, смотри, не слазій! —
Тотъ подъѣхалъ, громко крикнулъ:

Отговаря Кърчмарійка:
Слезь отъ коня да ти дадемъ,
Дадемъ вино безъ желтицѫ. —
Той ся почуди и слезе,
Тя му подаде вино-то.
Андрея пое да піе,
А Кеседжі-атъ му отзадъ,
Отзадъ му главѫ отсѣче.
Кральо Марко много чакалъ,
Та си на пѫть-атъ задрямалъ;
Събудися, отговаря,
Отговаря Кральо Марко:
Ой ти тебѣ булка млада,
Булка млада Андрейвица!
Погубися младъ Андрея:
Видѣхъ на сънъ, че ми паднѫ
Отъ главѫ-тѫ единъ косъмъ. —
Та отыде на Кърчмѫ-тѫ,
Та поиска Кърчмаркѫ-тѫ:
Дай ми вино за желтицѫ! —
Тя му рече: слезь отъ коня,
Да пійшь вино безъ желтицѫ.
Та слезе отъ конь-атъ си,
Та измѫкнѫ острѫ сабѭ,
Та изсѣче Кеседжій-тѣ
И улови Кърчмарійкѫ,
Та ѭ на огънь изгори,
Че ся върнѫ та заведе
Младѫ булкѫ Андрейвицѫ
На нейнѫ-тѫ старѫ майкѫ.

Гой ты, гой еси корчмарка!
Дай вина мнѣ на червонецъ! —
Говоритъ ему корчмарка:
Слѣзь съ коня, напейся даромъ! —
Какъ ту рѣчь Андрей услышалъ,
Дался диву, слѣзъ и началъ
Пить вино, а Кеседжія
Подскочилъ къ Андрею сзади
И подсѣкъ его булатомъ.
Долго ждалъ Андрея Марко,
Ждалъ, пождалъ, вздремнулось Марку;
Какъ очнулся, молвитъ тихо,
Молвитъ онъ своей золовкѣ:
Гой ты, гой еси золовка,
Ты золовка дорогая!
Сгибъ Андрей нашъ, не вернется!
Сонъ дурной сейчасъ я видѣлъ,
Что свалился на-земь волосъ
Съ головы моей удалой! —
Тутъ къ корчмѣ подъѣхалъ Марко
И кричитъ корчмаркѣ Марко:
Дай вина мнѣ на червонецъ! —
Говоритъ ему корчмарка:
Слѣзь съ коня, напейся даромъ!
Марко слѣзъ и вынулъ саблю,
Изрубилъ все Кеседжійство,
А корчмарку сжегъ живую,
И вернулся, и отвелъ онъ,
И отвелъ вдову Андрея,
Андреиху молодую
Къ старой матушкѣ родимой.

IV.

—

Молятъ ма, мамо, молятъ,
Съ три момы, мале, хубавы,
И три-тѣ попскы дъщери.
Пьрва-та, мале, Влахынка;
Втора-та руса Грькинка,
Третя-та бѣла Българка.
Влахынка каже, малеле:
Я земи мене, Стояне,
Прикіѭ да ти донесѫ:
До триста чавгаръ биволы,
Петстотенъ кравы яловы,
Шесть стотенъ и още съ телцы,
Хилядо овны Карѫмскы;
На Стамбулъ новѫ салханѫ,
Младо джилепче да станешь,
Хора-та да ти захвалятъ.
Грькинка каже, малеле,
Я земи мене, Стояне,
Прикіѭ да ти донесѫ
Деветъ кантаря копринѫ,
Петстотенъ карагрошове,
Хилядо желты желтицы,
Младо тьрговче да станешь,
Та на хаджилѫкъ да идешь;
Що ти прилича, Стояне,
Съ млады хаджіи да ходешь
И ази съ млады хаджійкы.
Българка каже, малеле,

IV.

—

Все молятъ, все, матушка, молятъ,
Все молятъ меня три дѣвицы,
Поповскія дочери молятъ:
Одна-то младая Волошка,
Другая-то руса Гречанка,
А третья-то бѣла Болгарка.
Волошка-то молитъ и молвитъ:
Посватай меня у родимой!
За мною приданаго будетъ
Три сотни воловъ круторогихъ,
Пять сотенъ все яловицъ чистыхъ,
Шесть сотенъ опричь того стельныхъ,
Двѣ тысячи Крымскихъ барановъ
И новая бойня въ Стамбулѣ.
Ты прасоломъ будешь богатымъ,
Тебя на базарѣ въ Стамбулѣ
Всѣ люди обступятъ, захвалятъ! —
Гречанка мнѣ, матушка, молвитъ:
Посватай меня у родимой!
За мною приданаго будетъ
Кантарь Шамаханскаго шолку, (5)
Пятьсотъ карагрошей Турецкихъ, (6)
И тысяча желтыхъ червонцевъ;
Ты будешь торговцемъ богатымъ,
И сходишь ко гробу Господню,
Возьмешь и хаджей и хаджинокъ. — (7)
Болгарка мнѣ, матушка, молвитъ:
Посватай меня у родимой!

Я земи мене, Стояне,
Макаръ сѫмь гола и боса,
Ала сѫмь баримъ хубава;
Бѣло ми лице прикія,
Тънкы ми вѣжды сермія,
Презъ горѫ да мя приведешь,
Сухо ще дрьво листъ пустнѫ,
А сурово ще повѣнѫ;
Въ церковѫ да мя заведешь,
Попове щѫтъ ми онѣмѣ,
....
Майка Стояну думаше:
Сынко Стояне, Стояне!
Земи си бѣлѫ Българкѫ,
Хора-та не щѫтъ да рекѫтъ,
Че е прикіѭ донесла,
Ами щѫтъ хора да рекѫтъ,
Че ви е хубава булка-та.
Въ церковѫ да ѭ заведѫ,
При неѭ щѫтъ ся съберѫтъ,
Та щѫтъ булкѫ-тѫ да гледѫтъ;
На свадбѫ да ѭ поведѫ,
Кой отъ дѣ ще ся обѫрне,
Та ще булкѫ-тѫ да гледа
И ще рече, Стояне:
Каква е хубава булка!

Пускай и гола и боса я,
За то хороша и пригожа!
Приданаго нѣту за мною,
А вмѣсто приданаго будетъ:
Лицо мое бѣло, румяно,
Да черныя брови густыя!
Когда мы пойдемъ черезъ горы —
Распустится древо сухое,
А то, что̀ цвѣло, призавянетъ!
Какъ вступимъ мы въ Божію церковь —
Попы и дьячки онѣмѣютъ,
....
Стоянъ мой, Стоянъ ты мой милый!
Родная Стояну сказала:
Присватайся къ бѣлой Болгаркѣ!
Не станутъ распрашивать люди:
Приданаго много-ль за нею?
А скажутъ: пригожая дѣвка!
Войдете вы въ Божію церковь,
Всѣ люди обступятъ невѣсту,
Хвалить и разглядывать станутъ;
А будешь ты съ нею вѣнчаться,
Иной обернется и молвитъ:
Пригожую взялъ онъ невѣсту! —

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Краль Марко, у Сербовъ Марко Кралевичь, любимый герой южныхъ Славянъ, ихъ Илья Муромецъ, собственно-же герой Болгаръ, родомъ изъ города Прилипа, неподалеку отъ котораго находится и понынѣ Кула (башня, теремъ) Марка Кралевича, называемая въ народѣ *Маркова Кула*. Профессоръ Славянскихъ нарѣчій въ Казанскомъ Университетѣ В. И. Григоровичь сказывалъ мнѣ, что видѣлъ эту башню, а также и Прилипъ, издали, во время своего путешествія по Болгаріи, въ сороковыхъ годахъ, но близко подъѣхать не могъ, потому что тамъ стояли Турки, — *клеты Турцы* (злые Турки) какъ называлъ ихъ проводникъ его, Болгаринъ. — Впрочемъ говорятъ, *Марковыхъ Кулъ* въ томъ краю много. — Краль Марко былъ сынъ одного изъ трехъ братьевъ Марлявчевичей, или Марнявчевичей, Короля Вукашина, погибшаго съ братьями въ Косовской битвѣ. Его жизнь есть рядъ богатырскихъ подвиговъ и побоищъ въ Болгаріи, Сербіи, Турціи, и у Мадяръ. Молодецъ былъ Краль Марко. Съ нимъ нельзя было шутить: онъ сейчасъ за саблю и сниметъ голову. Пріѣхавъ однажды свататься на одной дѣвушкѣ, Марко сѣлъ за столъ и положилъ на колѣни обнаженную саблю, съ тѣмъ, что если невѣста чуть нетакъ, — *обе би јој одсекао руке*! (отсѣкъ бы ей обѣ руки). (Караџић, Т. II. Стр. 245). Однажды онъ напугалъ самого Султана, запретившаго ему пить въ рамазанъ вино. Султанъ не зналъ, какъ его спровадить —

Цар се маша руком у џепове,
Он извади стотину дуката,
Па и даје Краљевићу Марку:
Иди, Марко, те се напиј вина! —

Царь полѣзъ руками въ карманы, вынулъ сотню червонцевъ, и далъ ихъ Кралевичу Марку: поди, Марко, напейся вина! — (Т. II. стран. 432—433.) Для всѣхъ былъ Марко страшенъ и много пролилъ крови, но не надо считать его жестокимъ человѣкомъ. Онъ былъ добросердеченъ и правдолюбивъ. Онъ смиренно покорялся власти родительской. Однажды мать велѣла ему въ Воскресенье итти изъ дому безъ оружія, чтобы не пролить въ праздникъ Господень крови и Марко не смѣлъ ослушаться, хотя ему было *мучно ићи без оружја* — тяжко итти безъ оружія — (Т. II. стран. 411.) Другой разъ мать послала его пахать землю, и онъ поѣхалъ пахать, — хотя дѣло кон-

чилось тѣмъ, что онъ сталъ пахать вмѣсто поля дороги, и когда шедшіе мимо Янычары замѣтили ему, чтобы онъ не трогалъ дорогъ царскихъ, онъ разсердился, схватилъ рало и давай бить Янычаръ и побилъ ихъ всѣхъ до одного. Воротясь къ матери онъ подалъ ей добычу, отнятую у Янычаръ и сказалъ: вотъ на! я тебѣ выпахалъ!— *то сам тебе данас изорао*! (Т. II. стран. 439). — За правду онъ возсталъ противъ отца и когда тотъ хотѣлъ убить его, онъ не поднялъ на него руки, не защитился, а побѣжалъ и скрылся въ церкви. (Т. II. стран. 196.) Трогательна смерть этого героя. Онъ умеръ, какъ умираютъ всѣ сильные люди: почувствовалъ смерть, написалъ завѣщанье, легъ и не вставалъ болѣе. Но все это поется по-Сербски. На Болгарскомъ-же языкѣ я не знаю ничего о Маркѣ Кралевичѣ, кромѣ переведеннаго мною здѣсь.

2) *Шарацъ* — извѣстный конь Марка Кралевича. Въ подлинникѣ однако въ этомъ мѣстѣ говорится просто *конь*, и вообще мнѣ не случалось ни въ одной Болгарской пѣснѣ о Маркѣ Кралевичѣ встрѣчать имени Шарца, тогда какъ у Сербовъ оно попадается безпрестанно.

3) *Манафинъ* — Азіятскій Турокъ. Слово *по-Мановски* (въ Сербской пѣснѣ Бановичь Страхинья) конечно одного корня съ Манафинъ.

4) *Кеседжія* — рубака, рѣзака, по-Турецки *кеседжи* — كسهجى — отъ глагола *кесмѐкь* — كسمك — рѣзать. Кажется здѣсь говорится о томъ самомъ Кеседжіи, который въ одной Сербской пѣснѣ называется *Муса Арбанаса Кеседжія.* — Этотъ Муса разбойничалъ по большимъ дорогамъ и до того надоѣлъ Султану, что онъ послалъ Марка Кралевича унять его; но тамъ Марко не такъ легко справился съ Кеседжіей, какъ въ Болгарской пѣснѣ. Кеседжія поборолъ Марка и хотѣлъ убить, но тотъ спасся особеннымъ случаемъ, признавшись послѣ, что Кеседжія сильнѣе его:

Јаох мене до Бога милога,
Ђе погубих од себе бољега!

Боже милостивый, одолѣлъ я сильнѣе себя! — Бой Марка Кралевича съ Мусой напоминаетъ Русскую пѣсню *объ Ильѣ Муромцѣ и Жидовскомъ Богатырѣ* (Московскій Сборникъ 1852 года, стран. 349.) Порядокъ побоища тотъ-же самый (впрочемъ общеупотребительный въ пѣсняхъ этого рода) — бились копьями, саблями, палицами и наконецъ схватились бороться. Илья Муромецъ, лежа подъ Жидовскимъ богатыремъ, говоритъ, что

Не ладно у Святыхъ отцовъ написано,
Не ладно у Апостоловъ удумано,
Написано было у Святыхъ отцевъ,
Удумано было у Апостоловъ:
Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому!

А Марко Кралевичь, лежа подъ Мусой, взываетъ къ вилѣ:

Ђеси данас, посестримо вило?
Ђеси данас? ниђе те не било!

Гдѣ ты теперь, посестрима вила? Гдѣ ты теперь? Чтобъ нигдѣ тебя не было! (т. е. провалиться-бы тебѣ!) — и проситъ у ней помощи. Вила откликается въ горѣ; Муса сталъ прислушиваться — и тутъ Марко вспоролъ его ножемъ —

Од учкура до бијела грла.

Отъ пояса до бѣлаго горла. *Учкуръ* Турецкое слово — اوچقر — поясъ. У насъ также говорятъ *очкуръ*, поясъ у нижняго платья. Замѣчательно, что всякой народный богатырь, незнающій предѣла своей силѣ, наѣзжаетъ непремѣнно на такого богатыря, который побѣждаетъ и его. Одинъ герой нашихъ сказокъ, не помню кто именно, наѣзжаетъ на старика у дороги, который дунулъ на него — и богатырь свалился. Не есть-ли это невольное, безсознательное выраженіе необоримой силы судебъ?

5) *Кантарь* — Турецкое слово, قنطار — мѣра вѣса, равняется 47 окамъ; ока — три фунта. У Словаковъ *kantár* означаетъ узду. См. Словацкую пѣсню: *Sobieski a Turek.*

6) *Грошъ* — 40 паръ, или 20 копѣекъ ассигнаціями. Кара́—черный, Турецкое слово. — Отсюда Карагеоргій.

7) Спутниковъ и спутницъ ко гробу Господню. Хаджи حاجی вообще тотъ, кто отправляется на поклоненіе гробу Господню; у Магометанъ гробу Магомета. — У Турокъ есть еще слово *аджи* — اجی — что значитъ *горькій*. Они иногда играютъ словами, называя своихъ *хаджи*, а Христіанъ — *аджи*.

ИСПАНСКІЯ.

Испанскій народный романсъ *о Сидѣ* взятъ мною изъ книги: Romancero e historia del Cid, por Juan de Escobar. En Francoforto. 1828. — Романсъ *о взятіи Алямы* — изъ сочиненій Байрона — London, John Murray. 1837. Стран. 566. — Мелкія пѣсни — *изъ писемъ объ Испаніи* В. П. Боткина — Современникъ, Мартъ 1847 и Ноябрь 1849 г.

I.

Muerto yaze esse buen Cid,
Que de Vibar se llamava,
Gil Diaz su buen criado
Cumpliera lo que mandara.
Embalsamara su cuerpo
Y muy yerto se parava,
Cara tiene de hormosura,
Muy hermosa, y colorada,
Los ojos igual abiertos,
Muy apuesta la su barba;
Non parece que está muerto,
Antes vivo semejava;
Y para que esté derecho,
Este ardid Gil Diaz usava:
Puso el cuerpo en una silla,
Una tabla en las espaldas,
Y otra delante del pecho,
Y á los lados se juntavan,
Llegavan baxo los braços,
Y el colodrillo tapavan.
Esta era la de atras,
Y otra llegava á la barba,
Teniendo el cuerpo derecho,
Á ningun cabo inclinava.
Doze dias son passados
Despues que el Cid acabara,
Adereçanse las gentes
Para salir á batalla
Con Bucar, esse Rey Moro,

I.

—

Умеръ добрый Сидъ Родриго, (1)
Что̀ Вибаромъ назывался;
И слуга его Гиль-Дiазъ
Все, что̀ надобно, исполнилъ,
По приказу господина:
Умастилъ мастями тѣло,
И къ стѣнѣ поставилъ прямо.
Ликъ покойнаго былъ свѣтелъ
И румянецъ алый ярко
Въ немъ игралъ какъ у живаго,
И глаза его глядѣли.
Чтобъ держалось тѣло прямо,
Хитрость выдумалъ Гиль-Дiазъ:
Посадилъ въ сѣдло Родрига,
Доску за̀-спину, другую
Передъ грудью, такъ-что обѣ
На бокахъ онѣ сходились
И подъ мышки подпирали,
Та, что̀ сзади, подлиннѣе,
Чтобы голову держала,
А другая покороче,
Къ бородѣ, и тѣло прямо
Отъ того у Сида стало.
Такъ прошло двѣнадцать сутокъ
Съ той поры, какъ Сидъ скончался.
Стали ратники сбираться
На войну противъ Букара
И его орды нечистой.

Y contra la su canalla.
Quando fuera media noche,
El cuerpo assi como estava
Le ponen sobre Babieca,
Y al cavallo lo atavan.
Derecho está, y muy igual,
Estar vivo semejava,
Calças tiene en las sus piernas,
De blanco, y negro labradas,
Parecian brasonetas
De las que en vida calçava.
Vistieronle vestidura,
Que el pespunte se mostrava,
Y su escudo puesto al cuello
Con su divisa ondeada,
Capellina en su cabeça
De pergamino pintada,
Parece que era de fierro,
Segun está bien labrada;
En la su mano derecha
La Tizona le fué atada,
Sutilmente á maravilla
Iba en la su mano alçada.
De un cabo iba el Obispo
Don Gerónimo de fama,
Del otro iba Gil Diaz,
El que á Babieca guiava.
Salió Don Pedro Bermudez
Con seña del Cid alçada,
Con quatrocientos Fidalgos,
Que con él van en su guarda.
Saliera luego el recuage,

Только полночь наступила:
Тѣло Сида на Бабьеку (2)
Посадили и ремнями
Привязали, чтобъ не падалъ.
Какъ живой въ сѣдлѣ сидѣлъ онъ!
Были поножи изъ ткани
Черной съ бѣлымъ, чтобъ казалось,
Что въ желѣзо онъ обулся.
Платье праздничное было.
Въ руки дали щитъ огромный,
Изукрашенный гербами;
А шеломъ былъ сшитъ изъ кожи,
И расписанъ такъ искусно,
Что казалось былъ желѣзный.
Въ руку правую вложили
Мечъ-Тизонъ, какъ-бы рукою
Онъ держалъ его. Епископъ,
Славный Донъ Іеронимо
Ѣхалъ справа, а Гиль-Діазъ
Ѣхалъ слѣва и Бабьеку
Подъ-уздцы держалъ рукою.
Впереди Бермудезъ Педро
Несъ распущенное знамя;
За Бермудезомъ въ порядкѣ
Шло четыреста Фидальговъ, (3)
И обозъ большой и вьюки,
Окруженные войсками.
За войсками тѣло Сида;
Сто хранителей могучихъ
Шло во слѣдъ за честнымъ тѣломъ,
А за ними и Химена (4)

Otros tantos lo guardavan;
Saliera el cuerpo del Cid
Con gente muy esforçada,
Ciento son los guardadores,
Que el cuerpo honrado llevavan,
Tras él va Doña Ximena
Con toda la su compaña
Con seiscientos Cavalleros,
Que para guarda le davan;
Callando van, y tan passo,
Que veinte no semejavan. —
Ya estan fuera de Valencia,
Claro el dia se mostrava,
Alvar Fañez fué el primero
Que arremetió con gran saña
Contra el gran poder de Moros,
Que Bucar trae en su compaña.
Halló delante de sí
Una Mora muy gallarda,
Gran maestra en el tirar
Con saetas del aljava
De los arcos de Turquia,
Estrella era nombrada,
Por la destreza que avia
En el herir de la xara. —
Ella fuera la primera
Que á cavallo cavalgara,
Con otras cien compañeras
Muy valientes, y esforçadas.
Los del Cid las fieren recio,
Muertas en tierra quedaran;
Visto lo avia el Rey Bucar,

Шла со всей своею свитой,
Съ шестьюстами Кабальеро,
Что̀ приставлены къ ней были
Охранять ея особу.
Йдутъ молча, въ тихомъ строѣ,
Что казалось только двадцать
Изъ Валенціи ихъ вышло.
Заблистало въ небѣ утро
И Альваръ-Фаньéзъ ударилъ
Первый противъ сильныхъ Мавровъ,
И увидѣлъ предъ собою
Молодую Мавританку,
Что̀ была искусна въ битвѣ
И въ стрѣляніи изъ лука
И хитро̀ копьемъ владѣла;
Имя было ей Эстрелья;
Какъ начальникъ предъ своими
На конѣ она скакала,
И за нею сто наѣздницъ,
И могучихъ и отважныхъ.
Сидовы на нихъ помчались (5)
И на землю всѣхъ повергли.
Видѣлъ то король Букаръ
И съ другими королями
Удивлялся онъ, откуда
Столько воинства явилось,
Что казалось подходило
Тысячъ семьдесятъ. Всѣ были
Въ бѣлоснѣжныхъ свѣтлыхъ платьяхъ,
И одинъ, который ужасъ
Наводилъ на всѣхъ въ бою, —

Con los Reyes de su vanda,
Y quedan maravillados
En ver la gente Christiana;
Setenta mil Cavalleros
Les pareció que llegavan,
Todos blancos como nieve,
Y uno, que los assombrava,
Mas crecido que ninguno,
En blanco cavallo andava,
Cruz colorado en el pecho,
En su mano señal blanca,
La espada semeja á fuego,
Con que á los Moros llagava;
Gran mortandad faze en ellos,
Fuyendo van, que no aguardan.
El Rey Bucar, y sus Reyes
El campo desamparavan,
Camino van de la Mar,
Do los Navios estavan.
Los del Cid los van firiendo,
Ninguno avia de escapa,
En la Mar se ahogan todos,
Mas de diez mil se anegavan,
Que con la prisa que traen,
Todos juntos no se embarcan.
De los Reyes mueren veinte,
Bucar huyendo se escapa,
Los del Cid ganan las tiendas,
Con mucho oro, y mucha plata;
El mas pobre queda rico
De lo que ende ganara.
Caminan para Castilla,

На конѣ красивомъ ѣхалъ,
Рослый и широкоплечій;
Красный крестъ блисталъ на персяхъ,
А въ рукѣ держалъ онъ знамя
И огромный мечъ, которымъ
Какъ огнемъ разилъ враговъ.
Побѣжало войско Мавровъ,
Сида страшнаго увидѣвъ,
И Букаръ, не дожидаясь
Нападенья, бросилъ поле
И пустился прямо къ морю,
Гдѣ ладьи у нихъ стояли.
Люди Сидовы за ними
И разили ихъ мечами.
Ни одинъ живой изъ Мавровъ
Не остался: всѣ погибли
Отъ меча, или потопли,
Десять тысячъ ихъ потопло:
Такъ они спѣшили къ морю!
Королей погибло двадцать,
Лишь одинъ король Букаръ
Спасся бѣгствомъ. Люди Сида
Захватили лагерь Мавровъ
И нашли тамъ много злата,
Неимущій сталъ имущимъ;
А потомъ пошли въ Кастилью,
Какъ велѣлъ имъ добрый Сидъ,
Въ храмъ Апостола Святаго,

Como el buen Cid ordenava;
Llegados son á San Pedro
De Cardeña se nombrava,
Do quedó el cuerpo del Cid,
El que á España tanto honrava.

ROMANCE MUY DOLOROSO DEL SITIO Y TOMA DE ALHAMA, EL QUAL DEZIA EN ARAVIGO ASSI.

—

Passeavase el Rey Moro
Por la ciudad de Granada,
Desde las puertas de Elvira
Hasta las de Bivarambla.
¡ Ay de mi, Alhama!

Cartas le fueron venidas
Que Alhama era ganada.
Las cartas echò en el fuego,
Y al mensagero matava.
¡ Ay de mi, Alhama!

Descavalga de una mula,
Y en un cavallo cavalga.
Por el Zacatin arriba
Subido se avia al Alhambra.
¡ Ay de mi, Alhama!

Como en el Alhambra estuvo,
Al mismo punto mandava
Que se toquen las trompetas
Con añafiles de plata.
¡ Ay de mi, Alhama!

Чтò Карденскимъ назывался,
И оставили тамъ тѣло
Сида Діазъ де Вибара,
Чтò Испанію прославилъ.

РОМАНСЪ ВЕСЬМА ПЕЧАЛЬНЫЙ ОБЪ ОСАДѢ И ВЗЯТІИ АЛЯМЫ, КОТОРЫЙ НА АРАБСКОМЪ ЯЗЫКѢ ГОВОРИТЪ О СЛѢДУЮЩЕМЪ. (6)

—

Проѣзжалъ владыка Мавровъ
Смутный сердцемъ по Гранадѣ,
Отъ высокихъ вратъ Эльвиры
Вплоть до самой Биварамблы. (7)
Ахъ, моя Аляма!

Вдругъ письмо къ нему приходитъ,
Чтò взята его Аляма.
Онъ письмо въ огонь бросаетъ,
А гонца казнитъ на плахѣ.
Ахъ, моя Аляма!

И потомъ, оставивъ мула,
На коня король садится,
Черезъ градъ Сакатинъ ѣдетъ,
Поднимаяся къ Алямбрѣ.
Ахъ, моя Аляма!

И когда въ Алямбру прибылъ,
Далъ немедля приказанье,
Чтобы въ трубы затрубили
И въ златые аньяфилы. (8)
Ахъ, моя Аляма!

Y que atambores de guerra
Apriessa toquen alarma;
Por que lo oygan sus Moros,
Los de la Vega y Granada.
¡Ay de mi, Alhama!

Los Moros que el son oyeron,
Que al sangriento Marte llama,
Uno a uno, y dos a dos,
Un gran esquadron formavan.
¡Ay de mi, Alhama!

Alli hablò un Moro viejo;
Desta manera hablava: —
¿Para que nos llamas, Rey?
¿Para que es este llamada?
¡Ay de mi, Alhama!

Aveys de saber, amigos,
Una nueva desdichada:
Que Christianos, con braveza,
Ya nos han tomado Alhama.
¡Ay de mi, Alhama!

Alli hablò un viejo Alfaqui,
De barba crecida y cana:
Bien se te emplea, buen Rey,
Buen Rey; bien se te empleava.
¡Ay de mi, Alhama!

Mataste los Bencerrages,
Que era la flor de Granada:
Cogiste los tornadizos
De Cordova la nombrada.
¡Ay de mi, Alhama!

Por esso mereces, Rey,
Una pene bien doblada;

Чтобъ ударили тревогу
Въ полковые барабаны,
Чтобъ сбирались отовсюду
Мавры Веги и Гранады.
Ахъ, моя Алями!

Мавры, слыша звукъ воинскій,
Что̀ сзывалъ ихъ въ поле Марса,
Другъ за дружкой побѣжали
И составили двѣ рати.
Ахъ, моя Алями!

И когда они собрались,
Изъ народа вышелъ старецъ
И спросилъ: зачѣмъ сзыва̀етъ
Нашъ король такое войско?
Ахъ, моя Алями!

Знайте, горе насъ постигло:
Нынче прибыло извѣстье,
Что злодѣи Христіяне
Взяли приступомъ Аляму.
Ахъ, моя Алями!

И сказалъ старикъ Альфаки,
Съ бородой сѣдой и длинной:
Подѣломъ тебѣ несчастье,
Добрый Мавровъ повелитель!
Ахъ, моя Алями!

Ты избилъ рукой жестокой
Бенсерраховъ, цвѣтъ Гранады,
Взявъ постыдно подъ защиту
Перебѣщиковъ Кордовы. (9)
Ахъ, моя Алями!

И за это, повелитель,
Заслужилъ ты наказанье,

Que te pierdas tu y el reyno,
Y que se pierda Granada.
¡Ay de mi, Alhama!

Si no se respetan leyes,
Es ley que todo se pierda;
Y que se pierda Granada,
Y que te pierdas en ella.
¡Ay de mi, Alhama!

Fuego por los ojos vierte,
El Rey que esto oyera.
Y como el otro de leyes
De leyes tambien hablava.
¡Ay de mi, Alhama!

Sabe un Rey que no ay leyes
De darle a Reyes disgusto —
Esso dize el Rey Moro
Relinchando de colera.
¡Ay de mi, Alhama!

Moro Alfaqui, Moro Alfaqui,
El de la vellida barba,
El Rey te manda prender,
Por la perdida de Alhama.
¡Ay de mi, Alhama!

Y cortarte la cabeza,
Y ponerla en el Alhambra,
Por que a ti castigo sea,
Y otros tiemblen en miralla.
¡Ay de mi, Alhama!

Cavalleros, hombres buenos,
Dezid de mi parte al Rey,
Al Rey Moro de Granada,
Como no le devo nada.
¡Ay de mi, Alhama!

Ты себя и королевство
И свою Гранаду губишь!
Ахъ, моя Алява!

Если ты не чтишь закона,
Все погибнетъ безвозвратно,
И великая Гранада,
И король, ея властитель! —
Ахъ, моя Алява!

Засверкалъ король глазами,
Какъ услышалъ эти рѣчи
Отъ мятежнаго Альфаки,
И какъ тотъ, съ законовъ началъ:
Ахъ, моя Алява!

Въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ закона,
Чтобъ король терпѣлъ обиду! —
Такъ сказалъ владыка Мавровъ,
Точно конь заржавъ отъ гнѣва.
Ахъ, моя Алява!

Мавръ Альфаки, Мавръ Альфаки,
Съ бородой густой и длинной!
Осужденъ ты ныньче на̀ смерть
За несчастіе Алямы!
Ахъ, моя Алява!

Мавру голову отрубятъ
И положатъ на Алямбру,
Чтобы всѣ, ее увидя,
Убоялись и смирились.
Ахъ, моя Алява!

Кабальеро, доложите
Королю, владыкѣ Мавровъ,
Повелителю Гранады,
Что ни въ чемъ я не повиненъ.
Ахъ, моя Алява!

De averse Alhama perdido,
A mi me pesa en el alma.
Que si el Rey perdiò su tierra,
Otro mucho mas perdiera.
¡Ay de mi, Alhama!

Perdieran hijos padres,
Y casados las casadas:
Las cosas que mas amara
Perdiò l' un y el otro fama.
¡Ay de mi, Alhama!

Perdi una hija donzella
Que era la flor d' esta tierra,
Cien doblas dava por ella,
No me las estimo en nada.
¡Ay de mi, Alhama!

Diziendo assi al hacen Alfaqui,
Le cortaron la cabeça,
Y la elevan al Alhambra,
Assi come el Rey lo manda.
¡Ay de mi, Alhama!

Hombres, niños y mugeres,
Lloran tan grande perdida.
Lloravan todas las damas
Quantas en Granada avia.
¡Ay de mi, Alhama!

Por las calles y ventanas,
Mucho luto parecia;
Llora el Rey como fembra,
Qu' es mucho lo que perdia.
¡Ay de mi, Alhama!

Что потеряна Аляма,
Я и самъ о томъ горюю;
Потерялъ онъ только землю,
А иной теряетъ больше!
Ахъ, моя Аляма!

Сыновей отцы теряютъ
И мужей любезныхъ жоны;
Кто теряетъ то, что̀ любитъ
Больше славы и богатства.
Ахъ, моя Аляма!

Я-же дочери лишился,
Что̀ была цвѣткомъ Гранады;
Обѣщалъ я сто червонныхъ
За нее, но онъ не отдалъ! — (10)
Ахъ, моя Аляма!

Такъ сказавшему Альфаки
Тутъ-же голову срубили,
И воткнули на Алямбру,
Какъ велѣлъ владыка Мавровъ.
Ахъ, моя Аляма!

Жоны, дѣти и мущины
Стали плакать объ Альфаки,
И заплакали всѣ дамы,
Сколько было ихъ въ Гранадѣ.
Ахъ, моя Аляма!

И на улицахъ, и въ окнахъ
Все одѣлося печалью;
И король рыдалъ и плакалъ
О потеряхъ столь великихъ.
Ахъ, моя Аляма!

ZANDUNGA.

—

Tu Zandunga y un cigarro
Y una caña de Xeres,
Mi jamelgo y mi trabuco,
¿ Que mas gloria puede haber?
¡ Ay manola, qué jaleo!
No ya tanto zarandeo,
Que me turbo, me mareo
Solo à ver tu guardapies.

Con tu pierna y tu talle
Vas derramondo la sal
Y à los hombres dejas muertos
Con tu modo de mirar.
¡ Quien me disputa el derecho
De gozar tu blanco pecho,
Quando me encuentro deshecho
Al mirar tu guardapies!

Eres tan zaragatera
Cuando empiezas à bailar,
Que con esse cuerpecito
Me jaces desesperar. (11)
Otro salto que me obligas,
Vuelme à enseñar las ligas
Que estoy pasando fatigas
Por mirar tu guardapies.

MANOLA.

—

Ancha franja de velludo
En la terciada mantilla,

ЗАНДУНГА. (12)

—

Пистолетовъ заряженныхъ пара,
Да винтовка намѣсто ружья,
Да кинжалъ, да херѐсъ, да сигара,
Да лихая Зандунга моя, —
Вотъ такъ жизнь, смѣло въ бой!...
Да не прыгай, постой!
Я и такъ самъ не свой
Отъ одной ужъ твоей оторочки!

Ты вертлявою ножкой своею
Возмущаешь всю душу мою,
Я смотрю, замираю и млѣю,
И дрожу, и дыханье таю!
О, весь свѣтъ у меня
Не отниметъ тебя,
Если я внѣ себя
Отъ одной ужъ твоей оторочки!

И такая ты легкая право,
Какъ пойдешь, какъ начнешь танцовать!
Это тѣльцо — мнѣ ядъ и отрава, (13)
Какъ начну я его цаловать!
О, припрыгни чуть-чуть!
Дай на ножки взглянуть,
Дай забыть какъ нибудь
Мнѣ на платьѣ твоемъ оторочку!

МАНОЛА. (14)

—

Знаетъ вся ее Кастилья:
Смѣлый взглядъ, живыя рѣчи,
Сильный станъ, крестомъ мантилья
Лихо кинута на плѐчи.

Aire recio, gesto crudo,
Soberana pantorilla,
Alma atroz, sal Española,
¡ Alza, hola!
¡ Vale un mundo mi manola!

Que calià, y como cruje,
Si baila jota ó fandango,
¡ Y que brio en cada empuje!
¡ Y que gloria de remango
A la mas leve cabriola!
¡ Alza, hola!
¡ Vale un mundo mi manola!

Con primor se calza el pié,
Digno de regio tapiz;
Y que dulce no sé que
En aquella cicatriz,
Que tiene junto à la gola —
¡ Alza, hola!
¡ Vale un mundo mi manola!

Альза, ола,
Альза, ола!
Какъ мила моя Манола!

Изъ-подъ гребня въ безпорядкѣ
Вьются косы, точно змѣи....
Что за прелесть въ этой складкѣ,
Что̀ у ней на смуглой шеѣ!....
Альза, ола,
Альза, ола!
Какъ мила моя Манола!

Бросивъ горе и заботу,
Я бѣгу за ней въ догонку,
Какъ она танцуетъ хоту,
Иль живую аррагонку.
Альза, ола,
Альза, ола!
Какъ мила моя Манола!

Какъ хруститъ , горитъ и блещетъ,
Вся въ истомѣ сладострастной!
Грудь высокая трепещетъ
Подъ мантильею атласной....
Альза, ола,
Альза, ола!
Какъ мила моя Манола!

Ножка съ дивною икрою....
Цѣлый міръ готовъ отдать я,
Какъ встряхнетъ она порою
Складки бархатнаго платья....
Альза, ола,
Альза, ола!
Какъ мила моя Манола!

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Сидъ въ Испанскихъ романсахъ постоянно называется buen — собственно *добрый*, но вѣроятно здѣсь это слово значитъ что-нибудь другое, какъ у насъ *добрый* при словѣ *молодецъ*. Гердеръ переводитъ однако — der gute Cid. — Шпага Сида *тизонъ* (головня), также называется иногда *доброй шпагой* — la buena espada Tizona (надобно-бы Tizon, но здѣсь поставлено Tizona, какъ-бы согласуя это слово съ espada, которое женскаго рода). Въ романсѣ *о взятіи Алямы*, старикъ Альфаки называетъ короля *добрымъ повелителемъ Мавровъ*, хотя въ это-же самое время негодуетъ противъ него, и укоряетъ въ несоблюденіи законовъ. Кларусъ въ своей: »Spanische Literatur im Mittelalter. Mainz. 1846.» переводя этотъ романсъ, употребляетъ выраженіе wacker König. Байронъ переводитъ good King.

2) Такъ называлась лошадь Сида.

3) *Фидальго* тоже, что Гидальго, только древнѣе. Точно такимъ образомъ и во многихъ другихъ словахъ измѣнился f на h: fazaña (подвигъ), теперь hazaña; fazer (дѣлать) — hazer; faz (лицо) — haz; fijo (сынъ) — hijo; fembra (женщина) — hembra и т. п.

4) *Химена* — жена Сида.

5) *Сидовы* — los del Cid.

6) Романсъ *о взятіи Алямы* очень извѣстенъ въ Испаніи и принадлежитъ къ такъ называемымъ *Мавританскимъ*. — Это романсы, сочиненные въ духѣ существовавшихъ будто-бы *Мавританскихъ романсовъ — на Испанскомъ языкѣ*. Въ одно время была мода на эти романсы и они появлялись во множествѣ. Были-ли точно когда-нибудь подобные романсы, сложенные Маврами, — это рѣшить трудно. Въ нѣкоторыхъ есть *что-то такое*.... но ихъ наберешь два-три. Къ такимъ принадлежитъ и этотъ романсъ, если взять его въ лучшемъ варіантѣ. Не мудрено, что Мавры сложили пѣсню на взятіе Алямы. Это было для нихъ событіе ужасное и неожиданное. Аляма — крѣпость, почти недоступная, построенная на высокой скалѣ, между горами. Ее взялъ одинъ удалецъ, перелѣзшій въ бурную ночь черезъ стѣну, съ небольшою шайкою товарищей. — Списокъ Байрона имѣетъ много добавленій и поправокъ позднѣйшихъ. Но я оставилъ его безъ измѣненія; пусть всякій очищаетъ его по своему. Въ Барцелонскомъ изданіи Испанскихъ романсовъ 1840 года, это составляетъ

два романса, гдѣ, во второмъ, ***Альфаки*** замѣненъ словомъ ***алькаидъ*** (alcaide) — градоначальникъ. — В. П. Боткинъ въ Письмахъ своихъ объ Испаніи (Современникъ. 1851. Январь.) помѣщаетъ особенный варіянтъ, въ четыре строфы, взявъ его изъ новаго изданія романсовъ.— Точно такой-же варіянтъ я нашелъ въ Запискахъ Доктора Трипплина — *Мавры въ Испаніи и въ Африкѣ*. (Пантеонъ. 1852. Апрѣль. Т. II.) — Вотъ эти четыре строфы:

Passeabase el rey Moro
Por la ciudad de Granada
Desde las puertas de Elvira
Hasta las de Vivarambla.
¡ Ay de mi Alhama!

Cartas le fueron venidas
Que Alhama era ganada;
Las cartas echo en el fuego,
Y al mesangero matava.
¡ Ay de mi Alhama!

Hombres, niños y mageres
Lloran tan grande perdida!
Lloraban todas las damas
Cuantas en Granada havia.
¡ Ay de mi Alhama!

Por las calles y ventaras
Mucho luto parecia,
Llora el rey como fembra,
Que es mucho lo que perdia.
¡ Ay de mi Alhama!

Трипплину спѣла этотъ романсъ одна молодая женщина, близъ городка Альмонте, лежащаго при впаденіи Гвадіаны въ Атлантическій океанъ. — Но на Арабскомъ эти романсы кажется не существовали никогда. По крайней мѣрѣ до насъ не дошло ни одного. Заглавіе Байроновскаго варіянта вѣроятно сдѣлано издателемъ книги, откуда заимствовалъ его Байронъ. Въ замѣчаніяхъ своихъ Байронъ говоритъ, что романсъ о взятіи Алямы производилъ необыкновенное дѣйствіе на Мавровъ и возбуждалъ ихъ къ возстанію, такъ-что было запрещено подъ смертною казнію его пѣть.

7) Ворота Эльвиры и Биварамблы существуютъ въ Гранадѣ до сихъ поръ. Между ними небольшое пространство. *Passeabase* по тексту Боткина и Трипплина можно принять за *прохаживался*, а у Байрона значитъ *прогуливался верхомъ*, потому что дальше онъ слѣзаетъ съ лошади и садится на мула.

8) *Аньяфилъ* — прямая Мавританская труба. Въ подлинникѣ *серебряные* аньяфилы.

9) *Перебѣщиками Кордовы* здѣсь названы Зегріи, враги Бенсерраховъ. О враждѣ этихъ двухъ партій говорится подробно въ сочиненіи Переса-де-Хиты — Guerras civiles de Granada, por Gines Perez de Hita, напечатанномъ въ Библіотекѣ Испанскихъ авторовъ, (Bibliotheca de Autores españoles. Madrid. 1846. Т. III. Стран. 513).

10) Пересъ-де-Хита приводитъ въ указанномъ мною сочиненіи (стран. 576) другой варіянтъ этого романса, гдѣ говорится, кому именно давалъ Альфаки сто червонныхъ. Вотъ эти два куплета:

Perdi una hija doncella,
Que era la flor de Granada;
El que la tiene cautiva,
Marqués de Cádiz se llama.

Cien doblas le doy por ella,
No me las estima en nada;
La respuesta que me han dado
Es, que mi hija es Cristiana.

Т. е. Я потерялъ дочь дѣвушку, которая была цвѣтомъ Гранады; тотъ, кто ее держитъ плѣнницею, Маркизомъ Кадисскимъ называется. Сто дублоновъ ему даю за нее, но (No) мнѣ ихъ считаетъ ни во что; отвѣтъ, который мнѣ дали, таковъ, что моя дочь Христіянка.

11) *Jaces* вмѣсто — *haces*, по мѣстному произношенію.

12) *Zandunga* — на Андалузскомъ нарѣчіи Испанскаго языка значитъ *дѣвушка*.

13) *Тѣльцо* — cuerpecito.

14) *Манола* — родъ Испанской гризетки.

ШВЕДСКІЯ.

—

Взяты изъ собранія Берггреена, — Folke-Sange og Melodier, Fœdrelandske og fremmede. Ved A. P. Berggreen. Kjöbenhavn. 1844 и 1845. Кромѣ четырехъ: *Двѣ сестры, Жестокій братъ, Исповѣдь* и *Отплытіе Геръ-Педера*, которыя сообщены мнѣ Я. К. Гротомъ и выписаны имъ изъ сборника Гейера и Афзеліуса, — Svenska Folk-visor. Gejer och Afzelius. Stockholm. 1814 и 1816.

DE TVÅ SYSTRARNE.

Det bodde en Konung allt uti Engeland,
Hörde jag en liten Fogel sjunga —
Och två unga döttrar och mö'r hade han.
För nu så står skogen i blomma.

Och Systeren talte till Systeren så:
Hörde jag en liten Fogel sjunga —
Kom, skola vi ned till sjöastrand gå.
För nu så står skogen i blomma.

Den yngsta var fager, hon blänkte som en Sol;
Hörde jag en liten Fogel sjunga —
Den äldsta var svart som Guds heliga jord.
För nu så står skogen i blomma.

Den yngsta gick före med utslagit hår,
Hörde jag en liten Fogel sjunga —
Den äldsta gick efter med sjufalska råd.
För nu så står skogen i blomma.

Och när som de kommo till sjöastrand så grön,
Hörde jag en liten Fogel sjunga —
Så sköt hon sin syster i stridaste ström.
För nu så står skogen i blomma.

Och Jungfrun hon räckte upp sin snöhvita hand:
Hörde jag en liten Fogel sjunga —
Och kära min Syster, du hjelp mig uppå land.
För nu så står skogen i blomma.

Och kära min Syster, du hjelp mig uppå land!
Hörde jag en liten Fogel sjunga —

ДВѢ СЕСТРЫ. [1]

—

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка —
Жилъ да былъ Король среди морей,
Онъ имѣлъ двухъ юныхъ дочерей. (2)

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка —
Вотъ однажды утромъ на зарѣ
Говорила такъ сестра сестрѣ:

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка —
Гей, сестра, послушай-ка, пойдемъ
Мы съ тобой по берегу вдвоемъ!

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка —
И была одна изъ нихъ какъ день,
А другая какъ ночная тѣнь.

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка —
Та пошла съ распущенной косой,
А другая съ думой роковой.

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка —
Какъ пришли, гдѣ берегъ въ море свисъ,
Тамъ она сестру столкнула внизъ.

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка —
И взмолилась та, борясь съ волной:
Помоги мнѣ, сжалься надо мной!

Och dig vill jag gifva mitt röda gullband.
  För nu så står skogen i blomma.

Ditt röda gullband det får jag väl ändå,
  Hörde jag en liten Fogel sjunga —
Men aldrig skall du på Guds gröna jord gå.
  För nu så står skogen i blomma.

Och kära min Syster, du hjelp mig upp ur sjö!
  Hörde jag en liten Fogel sjunga —
Och dig vill jag gifva min gullkrona röd.
  För nu så står skogen i blomma.

Din röda gullkrona får jag väl ändå;
  Hörde jag en liten Fogel sjunga —
Men aldrig skall du på gröna jorden gå.
  För nu så står skogen i blomma.

Och kära min Syster, du hjelp mig uppå land!
  Hörde jag en liten Fogel sjunga —
Och dig vill jag gifva min unga fästeman.
  För nu så står skogen i blomma.

Och inte jag hjelper dig nånsin mer på land;
  Hörde jag en liten Fogel sjunga —
Väl får jag ändå din unga fästeman.
  För nu så står skogen i blomma.

De fiskare de rodde i mörka natten blå,
  Hörde jag en liten Fogel sjunga —
Så funno de Jungfrun i böljan der hon låg.
  För nu så står skogen i blomma.

Så funno de Jungfruens snöhvita kropp,
  Hörde jag en liten Fogel sjunga —

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка —
Ожерелье у меня есть тамъ,
Какъ поможешь, я тебѣ отдамъ!

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка —
Я и такъ носить его могу,
Но тебѣ, сестра, не помогу!

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка —
Помоги мнѣ, помоги скорѣй,
И златымъ вѣнцомъ моимъ владѣй!

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка —
Я и такъ носить его могу,
Но тебѣ, сестра, не помогу!

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка —
Помоги! того, кого люблю,
Я тебѣ, сестрица, уступлю!

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка —
Я и такъ любить его могу,
Но тебѣ, сестра, не помогу!

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка —
Рыбаки въ ночь по морю гребли
И въ волнахъ красавицу нашли.

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка —
Положили на берегъ морской
И покрыли мягкою травой.

Och drogo den sakta på sjöastranden opp.
För nu så står skogen i blomma.

Så reste den vägen en Speleman fram,
Hörde jag en liten Fogel sjunga —
Han gjorde af Jungfrun en Harpa så grann.
För nu så står skogen i blomma.

Och han tog Jungfruens snöhvita bröst;
Hörde jag en liten Fogel sjunga —
Den Harpan han gaf så ljuflig en röst.
För nu så står skogen i blomma.

Och han tog hennes fingrar så små,
Hörde jag en liten Fogel sjunga —
Och gjorde sin Harpa skrufvar derå.
För nu så står skogen i blomma.

Och han tog hennes fagergula hår,
Hörde jag en liten Fogel sjunga —
Och gjorde sin Harpa strängar derå.
För nu så står skogen i blomma.

Så tager han Harpan allt uppå sin arm,
Hörde jag en liten Fogel sjunga —
Så gångar han sig till bröllopsgården fram.
För nu så står skogen i blomma.

Den Harpan hon spelte på Konungens gård,
Hörde jag en liten Fogel sjunga —
Och hör, min unga Brud! hvad Harpan tala må.
För nu så står skogen i blomma.

Och första slaget på Harpan det rann:
Hörde jag en liten Fogel sjunga —

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка —
Шелъ гуслярь и дѣву увидалъ,
Снѣжнобѣлый трупъ ея онъ взялъ.

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка —
И въ ея остынувшую грудь
Жизнь и голосъ захотѣлъ вдохнуть.

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка —
Онъ рукой искусною своей
Сдѣлалъ арфу чудную изъ ней.

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка —
Взялъ онъ обѣ нѣжныя руки
И изъ пальцевъ сдѣлалъ онъ колки́.

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка —
Онъ отрѣзалъ пряди русыхъ косъ,
Сдѣлалъ струны изъ густыхъ волосъ.

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка —
Взялъ онъ арфу чудную свою
И пошелъ въ палаты къ Королю.

Наша роща снова зеленѣстъ
И запѣла маленькая птичка —
Видитъ онъ: увѣнчана вѣнцомъ,
Тамъ сидитъ невѣста съ женихомъ.

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка —
Ты послушай пѣсню весь народъ,
Что̀ намъ арфа скажетъ, пропоетъ!

Bruden hon bär mitt rödä gullband.
  För nu så står skogen i blomma.

Och andra slaget på Harpan det rann:
  Hörde jag en liten Fogel sjunga —
Brudgummen var min kära Fästeman.
  För nu så står skogen i blomma.

Och tredje slaget den Harpan hon slog;
  Hörde jag en liten Fogel sjunga —
Min Syster hon stötte mig i stridaste flod.
  För nu så står skogen i blomma.

Om Sönda'n satt Bruden med gullkronan röd;
  Hörde jag en liten Fogel sjunga —
Om Månda'n så bars hon på bål och på glöd.
  För nu så står skogen i blomma.

DEN GRYMMA BRODERN.

Höresdu syster Anna!
  Hej sade man —
Har du ej lust att gifta dig än?
  Så stolt under tiden.

Inte jag vill mig gifta ännu,
  Hej sade man —
Utan lefva en stolts Jungfru.
  Så stolt under tiden.

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка —
Въ первый разъ по струнамъ бьетъ пѣвецъ:
На невѣстѣ моей надѣтъ вѣнецъ!

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка —
И въ другой разъ онъ ударилъ въ нихъ:
Мой сидитъ съ невѣстою женихъ!

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка —
Грянулъ въ третій: старшая сестра
Столконула съ берегу меня!

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка —
Въ воскресенье брачный былъ сговоръ,
Въ понедѣльникъ ставили костеръ;

Наша роща снова зеленѣетъ
И запѣла маленькая птичка —
И ее, когда костеръ зажгли,
На горячи кинули углй.

ЖЕСТОКІЙ БРАТЪ. (3)

Послушай, сестра
Послушай ты, Анна!
Чай замужъ пора!
Тебѣ я твержу непрестанно.

Не выйду я замужъ,
О злой человѣкъ,
Но гордою дѣвой
Останусь на вѣкъ!

Höresdu syster Anna!
Hej sade man —
Hvad var det för en gångare grå,
Som stod utmed din bur i går?
Så stolt under tiden.

Inte var det någon gångare grå;
Hej sade man —
Det var väl af mina Engelska får.
Så stolt under tiden.

Höresdu syster Anna!
Hej sade man —
Hvad var det för ett förgyllande spjut,
Som blänkte genom ditt fenster ut?
Så stolt under tiden.

Inte var det ett förgyllande spjut;
Hej sade man —
Men solen hon sken både in och ut.
Så stolt under tiden.

Höresdu syster Anna!
Hej sade man —
Hvad var det då för barn så små,
Som gret' uti din bur i går?
Så stolt under tiden.

Inte var det några barn så små;
Hej sade man —
Utan jag lät mina orgor gå.
Så stolt under tiden.

Höresdu syster Anna!
Hej sade man —
Käns du vid denna mannens hand,
Som hänger vid mitt sadelband?
Så stolt under tiden.

Послушай, сестра,
Послушай ты, Анна:
Чей конь до утра
Стоялъ у порога буланой?

Не конь это рано
Стоялъ у крыльца,
А вѣрно отбилась
Отъ стада овца!

Послушай, сестра,
Послушай ты, Анна:
Чье было вчера
Въ свѣтлицѣ копье троегранно?

Въ свѣтлицѣ сверкало
Вчера не копье,
А солнце играло
Въ окошко мое!

Послушай, сестра,
Послушай ты, Анна:
Кто плакалъ вчера
Въ свѣтлицѣ на зорькѣ румяной?

Не плакали это,
А я подъ окномъ
Вчера на органѣ
Играла моемъ!

Послушай, сестра,
Послушай ты, Анна:
Чья это рука?
Тебѣ мой подарокъ нежданной!

Gud nåda dig broder Olof!
Hej sade man. —
Har gjort mina små barn qvida,
Och tagit deras far från min sida.
Så stolt under tiden.

DEN ÖFVERGIFNE.

Jag ser uppå dina ögon, du har en annan kär;
Ack! skönsta lilla vännen, säg hvem det då är.
Då ville jag så gerna vara redelig mot dig,
Så länge som mitt hjerta det röres i mig.

Dina svartbruna sköna ögon, din rosenröda mun,
Hafva lagt uppå mitt hjerta en börda så tung.
Halsbandet uppå halsen det glimmar som rödan guld,
Derföre vill jag vara lilla vännen så huld.

En vän utan kärlek den liknar jak vid
Det trädet utan näring, som ingen frukt bär.
Den är icke värd att kallas för min vän,
Som tager sig en annan och lemnar mig allen.

Men när jag blifver döder och lagder uppå bår,
Ack, skönsta vännen lilla om kärleken står,
Gack först till min säng, gack sedan till min graf,
Den hvilar lilla vännen, som dig älskat har.

HERTIG SILFVERDAL.

Och kära mina Hofmän! I stillen edert lag,
Tills jag får gå till kyrkan och väcka upp min Far.
Min sorg faller vida.

Суди тебя Боже
Правдивымъ судомъ,
Сгубилъ ты сиротъ
Неповинныхъ ни въ чемъ!

ПОКИНУТЫЙ.

О, вижу по глазамъ я, что милъ тебѣ другой!
Прекрасная подруга, скажи, кто онъ такой?
Тебѣ, моя подруга, хотѣлъ я вѣренъ быть,
Покуда сердце бьется, хотѣлъ тебя любить!

Твои живыя очи и алыя уста
И вся ты — что̀ за прелесть и что̀ за красота!
На шеѣ цѣпь златая играетъ и горитъ,
Ту цѣпь моей подружкѣ хотѣлъ я подарить.

По мнѣ, кто не извѣдалъ любови никогда,
Тотъ дерево сухое и нѣтъ на немъ плода!
По мнѣ, любви не сто̀итъ, кто друга своего
Всегда готовъ покинуть, оставить одного.

Когда-же въ гробъ я лягу и буду въ немъ лежать,
Сначала навѣсти ты холодную кровать,
А послѣ на кладбище ступай между могилъ,
Гдѣ спитъ дружокъ твой милый, что̀ такъ тебя любилъ!

ГЕРЦОГЪ СИЛЬВЕРДАЛЬ.

Постойте немного, я въ церковь схожу,
Постойте, я старца-отца разбужу!
О горе мнѣ, горе!

Och Silfverdal han klappar uppå den mörka graf;
Och derur så fick han utaf sin Fader svar:
Min sorg faller vida.

Hvem är, som mig väcker, allt under tungan jord?
Att jag ej får hvila med fred och med ro.
Min sorg faller vida.

Jag vill Er ej väcka — ej Er oroa må;
Blott att jag får veta, hvar Brud jag skall få?
Min sorg faller vida.

En Konungadotter, henne skall du få;
Men henne skall du söka i tvenne år.
Min sorg faller vida.

Med dig skall du föra det röda gullband,
Och det skall du gifva Prinsessan i hand.
Min sorg faller vida.

Och Silfverdal sadlade sin gångare grå;
Så rider han sig strax bort af sin gård.
Min sorg faller vida.

Och när som de åren framlidit båda tu,
Så mötte han en gång de Vallgossar sju.
Min sorg faller vida.

Och hören, I Vallgossar! hvad jag Er spörja må:
Hvad är det för ett land jag kommen är uppå?
Min sorg faller vida.

Det är väl intet land, det är en stor ö,
Der unga Hertig Silfverdal skall få sin Fästemö.
Min sorg faller vida.

Herr Silfverdal tar gullringar utaf sin hand,
Och dem vill han gifva de Vallgossar i hand.
Min sorg faller vida.

Пошелъ онъ и въ темный онъ гробъ постучалъ,
Отецъ Сильвердаля на стукъ отвѣчалъ:
О горе мнѣ, горе!

Кто будитъ меня подъ тяжелой землей?
Кто здѣсь потревожилъ мой тихій покой?
О горе мнѣ, горе!

Въ могилѣ тревожить я васъ не хочу,
Но гдѣ я невѣсту мою отыщу?
О горе мнѣ, горе!

Не скоро невѣсту тебѣ приласкать:
Ты будешь невѣсту два года искать!
О горе мнѣ, горе!

Увидишь принцессу свѣтлѣе, чѣмъ день,
Ей на руку цѣпь золотую надѣнь!
О горе мнѣ, горе!

И герцогъ съ высокаго сходитъ крыльца,
Сѣдлаетъ лихова себѣ жеребца.
О горе мнѣ, горе!

Онъ два̀-года ѣздитъ въ предѣлахъ чужихъ;
Встрѣчаетъ онъ разъ пастуховъ семерыхъ.
О горе мнѣ, горе!

Скажите, какая и чья та земля?
Скажите, какого она Короля?
О горе мнѣ, горе!

То островъ великій у васъ на пути:
На немъ Сильвердалю невѣсту найти!
О горе мнѣ, горе!

Онъ кольца златыя снимаетъ съ руки:
Возьмите, возьмите, друзья пастухи!
О горе мнѣ, горе!

Behållen de gullringar, de pryda eder hand;
Väl visa vi Er vägan utan gull i hand.
Min sorg faller vida.

När jag blir Kung och Herre allt uppå denna ö;
Så skolen I blifva mina riddare skön.
Min sorg faller vida.

Vi äro ej Vallgossar, fast Eder tyckes så;
Vi äro små Guds Englar under himmelen blå.
Min sorg faller vida.

Herr Silfverdal han rider uppå Konungens gård,
Och Konungens dotter för honom ute står.
Min sorg faller vida.

Och hören, min Jungfru! hvad jag Er säga må:
Och viljen I blifva min äkta Gemål?
Min sorg faller vida.

Och inte jag det vill, och inte jag det får;
Min Fader mig bortlofvat, när jag var tu år.
Min sorg faller vida.

Herr Silfverdal tog fram det röda gullband,
Så gifver han det Prinsessan i hand.
Min sorg faller vida.

Prinsessan tog bandet af Silfverdals hand:
Härefter vi knyta ett båttre kärleksband.
Min sorg faller vida.

Не надо, не надо колѐцъ пастухамъ!
Безъ злата покажемъ дорогу мы вамъ!
О горе мнѣ, горе!

Какъ буду владѣть я на томъ острову,
Я васъ ко двору моему призову!
О горе мнѣ, горе!

Не надо намъ, герцогъ, отъ васъ ничего:
Мы ангелы Бога подъ небомъ Его!
О горе мнѣ, горе!

Онъ ѣдетъ во дворъ къ Королю самому;
Принцесса выходитъ навстрѣчу ему.
О горе мнѣ, горе!

Послушайте, молвилъ открыто онъ ей:
Хотите-ли быть вы супругой моей?
О горе мнѣ, горе!

О нѣтъ, не хочу я за васъ и нельзя:
Давно за другаго помолвлена я!
О горе мнѣ, горе!

Онъ смѣло ей въ очи тогда поглядѣлъ
И на руку цѣпь ей златую надѣлъ.
О горе мнѣ, горе!

И цѣпь золотую она приняла
И герцога крѣпко рукой обняла.
О горе мнѣ, горе!

HERTIG FRÖJDENBORG OCH FRÖKEN ADELIN.

Fröken Adelin hon gångar sig i rosende gård,
För allt hvad som kärt är i verlden —
Att hämta de rosor, både hvita och blå.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Hon plockade rosor, både hvita och blå,
För allt hvad som kärt är i verlden —
At binda Hertig Fröjdenborg en krans derutaf.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Hertig Fröjdenborg sig ut genom fönstret såg,
För allt hvad som kärt är i verlden —
Der fick han se hvar Fröken Adelin hon går.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Hertig Fröjdenborg han tager sin hatt under arm,
För allt hvad som kärt är i verlden —
Så gångar han sig för Fröken Adelin fram.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Han klappar Fröken Adelin på rosende kind:
För allt hvad som kärt är i verlden —
Ack! gifve du vore allrakärasten min!
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Och kära Hertig Fröjdenborg! Ni talen inte så;
För allt hvad som kärt är i verlden —
Jag fruktar min fader detta höra må.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Och höra det hvem som höra det vill;
För allt hvad som kärt är i verlden —
Jag bjuder inte annat än med äran dertill.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

ГЕРЦОГЪ ФРЕЙДЕНБОРГЪ И АДЕЛЬ.

—

Въ садъ идетъ Адель къ своимъ цвѣтамъ,
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Чтобы розъ нарвать прекрасныхъ тамъ.
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

Бѣлыхъ розъ и синихъ нарвала,
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
И вѣнокъ любезному свила.
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

Фрейденборгъ, взглянувши изъ окна,
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Увидалъ, что въ садъ пошла она.
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

Онъ пошелъ со шляпою въ рукѣ,
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Аделину треплетъ по щекѣ.
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

О, когда-бы, говоритъ онъ ей,
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Ты была невѣстою моей!
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

И, любезный герцогъ Фрейденборгъ!
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Замолчите, герцогъ Фрейденборгъ!
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

Неравно услышитъ мой отецъ:
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Онъ меня не пуститъ во дворецъ!
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

De falska Tärnor gingo för Konungen in:
För allt hvad som kärt är i verlden —
Hertig Fröjdenborg lockar unga dotteren din.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Och lockar Hertig Fröjdenborg unga dotteren min;
För allt hvad som kärt är i verlden —
Så skall jag sätta honom i mörka tornet in.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Och Konungen han talte till småsvenner två:
För allt hvad som kärt är i verlden —
I läggen Hertig Fröjdenborg bojorna uppå?
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Och Konungen han talte till tjenaren sin:
För allt hvad som kärt är i verlden —
Ni sätten Hertig Fröjdenborg i mörka tornet in!
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Fröken Adelin hon gångar sig åt rosende gård,
För allt hvad som kärt är i verlden —
Att hämta de rosor både hvita och blå.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Hon hämta de rosor både hvita och blå,
För allt hvad som kärt är i verlden —
Att göra Hertig Fröjdenborg en krans derutaf.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Konungen sig ut genom fönstret såg,
För allt hvad som kärt är i verlden —
Der fick han se hvar Fröken Adelin hon går.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Konungen han talte till tjenaren sin:
För allt hvad som kärt är i verlden —

Что-жъ, пускай услышитъ онъ меня,
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Не безчестно я люблю тебя!
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

И сказали дамы Королю:
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Фрейденборгъ прельщаетъ дочь твою!
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

Фрейденборга скоро я уйму:
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Посажу въ глубокую тюрьму!
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

И сказалъ онъ двумъ своимъ пажамъ:
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Приведите Фрейденборга къ намъ!
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

И сказалъ слугѣ онъ своему:
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Отведите герцога въ тюрьму!
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

Аделина въ садъ къ себѣ пошла,
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Бѣлыхъ розъ и синихъ нарвала,
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

Бѣлыхъ розъ и синихъ розъ пучокъ,
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Чтобы свить для герцога вѣнокъ.
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

И Король увидѣлъ изъ окна,
Для того, что̀ намъ всего милѣе —

Ni bedjen Fröken Adelin komma till mig in!
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Tjenaren han talte till Fröken Adelin så:
För allt hvad som kärt är i verlden —
Behagar Fröken Adelin för Konungen ingå?
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Och huru skall jag för min fader ingå?
För allt hvad som kärt är i verlden —
Han har ej velat se mig på femton år.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Fröken Adelin sig in genom dörren steg,
För allt hvad som kärt är i verlden —
Hennes fader henne med vreda ögon neg.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Och Konungen han talte till Adelin så:
För allt hvad som kärt är i verlden —
Hvad gjorde du i Rosendelund uti går?
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Jag hämtade rosor både hvita och blå,
För allt hvad som kärt är i verlden —
Att göra Hertig Fröjdenborg en krans derutaf.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Och Konungen talte till Adelin så:
För allt hvad som kärt är i verlden —
Har du inte glömt Hertig Fröjdenborg ändå?
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Om jag än lefde uti hundrade år;
För allt hvad som kärt är i verlden —
Hertig Fröjdenborg aldrig utur mitt sinne går.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Какъ ходила по саду она.
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

И сказалъ онъ своему слугѣ:
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Позовите дочь мою ко мнѣ!
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

И слуга Адели такъ сказалъ:
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Мнѣ Король позвать васъ приказалъ.
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

Какъ итти мнѣ? дѣвушка въ отвѣтъ:
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Не видалъ меня онъ двадцать лѣтъ!
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

Аделина входитъ во дворецъ;
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Говоритъ сурово ей отецъ:
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

Ты зачѣмъ вчера въ саду была?
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Я ходила розаны рвала.
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

Бѣлыхъ розъ и синихъ розъ пучокъ,
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Чтобы свить для герцога вѣнокъ.
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

И сказалъ онъ дочери на то:
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Не забыла ты еще его!
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

Har du inte glömt bort Hertig Fröjdenborg ännu,
För allt hvad som kärt är i verlden —
Så skall jak på Er kärlek väl göra ett slut.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Och Konungen han talte till småsvenner två:
För allt hvad som kärt är i verlden —
I tagen Hertig Fröjdenborg ur tornet det blå.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

De togo Hertig Fröjdenborg ur tornet det blå;
För allt hvad som kärt är i verlden —
Hans hår det var grått och hans skägg likaså.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Här hafver jag sutit uti femton år,
För allt hvad som kärt är i verlden —
Mig tyckes det har varit uti dagarne få.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Om jag än i dag skulle mista mitt lif,
För allt hvad som kärt är i verlden —
Jag vet jag det mister för ädelt ett vif.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

De bundo Hertig Fröjdenborg under ett träd,
För allt hvad som kärt är i verlden —
De slagtade honom som bönder slagta fä.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

De falska tärnor de stego dernäst,
För allt hvad som kärt är i verlden —
De togo Hertig Fröjdenborgs hjerta så färskt.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

De togo Hertig Fröjdenborgs hjerta så färskt,
För allt hvad som kärt är i verlden —

Аделина Королю въ отвѣтъ:
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Не забуду я и во сто лѣтъ!
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

И сказалъ онъ двумъ своимъ пажамъ:
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Приведите Фрейденборга къ намъ!
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

Вышелъ онъ изъ башни голубой, (4)
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Старикомъ съ сѣдою бородой.
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

Сталъ въ тюрьмѣ и волосомъ онъ сѣдъ.
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Просидѣлъ въ тюрьмѣ я двадцать лѣтъ!
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

Двадцать лѣтъ, какъ будто двадцать дней,
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Просидѣлъ я незамѣтно въ ней!
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

Дай еще на Божій міръ взгляну,
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
И умру за честную жену!
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

Привязали къ плахѣ старика,
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
И потомъ убили какъ быка.
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

Взяли дамы сердце изъ него,
Для того, что̀ намъ всего милѣе —

Och lagade åt Fröken en så kostelig rätt.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

När rätten var lagad och färdiger gjord,
För allt hvad som kärt är i verlden —
De buro honom in på Fröken Adelins bord.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Hvad är dette för en kostelig rätt?
För allt hvad som kärt är i verlden —
Mig tyckes mitt hjerta det blir så förskräckt.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Det är Hertig Fröjdenborgs hjerta så färskt,
För allt hvad som kärt är i verlden —
Tillagad åt Fröken en så kostelig rätt.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Är det Hertig Fröjdenborgs hjerta så färskt;
För allt hvad som kärt är i verlden —
Så skall det nu blifva min sista rätt.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Fröken Adelin hon satt med ett högt bedröfvadt mod,
För allt hvad som kärt är i verlden —
Hon tänkte hvad plåga Hertig Fröjdenborg utstod.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

I gifven mig in de vinglasen två,
För allt hvad som kärt är i verlden —
Deruti vill jag dricka Hertig Fröjdenborgs skål.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

I gifven mig in ett glas med mjöd,
För allt hvad som kärt är i verlden —
Deri skall jag dricka mig sjelfvan till död.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

На огнѣ изжарили его.
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

Какъ совсѣмъ изжарилось оно,
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Аделинѣ было подано̀.
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

Что̀ это за кушанье, друзья?
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Оборвалось сердце у меня!
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

Или ты не знаешь ничего:
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Это сердце друга твоего!
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

Если это сердце изъ него,
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Мнѣ не ѣсть ужъ больше ничего!
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

И сидѣла грустная она,
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Нѣжною душою смущена.
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

И сидѣла, думая о немъ,
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Какъ онъ въ мукахъ умеръ подъ ножемъ.
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

И сказала фрейлинамъ она:
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Дайте чашу свѣтлаго вина!
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

Den förste drick hon af mjödglaset drack,
För allt hvad som kärt är i verlden —
Hennes ögon de runno, hennes hjerta det sprack.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Brått kom bud för Konungen in:
För allt hvad som kärt är i verlden —
Fröken Adelin sitter död i kammaren sin.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Konungen sig ut genom dörren sprang,
För allt hvad som kärt är i verlden —
Han slog igen dörren, så låsen han sang.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Ack! Herre Gud nåda mig arma man!
För allt hvad som kärt är i verlden —
Som hafver förrådt mitt endaste barn.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Hade jag trott deras kärlek så stark;
För allt hvad som kärt är i verlden —
Han skulle inte dödt för hundratusen mark.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Hade jag vest deras trohet så huld,
För allt hvad som kärt är i verlden —
Han skulle inte dödt för hundra tunnor guld.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

De lade de två liken allt uppå en bår,
För allt hvad som kärt är i verlden —
Och Fruar och Jungfrur de krusa' deras hår.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

De lade de två liken allt uti en graf,
För allt hvad som kärt är i verlden —

Чтобъ могла я выпить за него,
За того, кто мнѣ всего милѣе —
За него, за друга моего!
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

А въ другую меду я налью,
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Изъ нея мнѣ выпить смерть мою!
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

И глотокъ лишь выпила она,
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Будто уголь сдѣлалась черна.
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

Ясны очи выскочили вонъ,
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
И Король — бѣжитъ къ Адели онъ.
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

Въ дверь ударилъ и замо̀къ отбилъ:
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Я дитя единое сгубилъ!
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

Неповинная проли́та кровь!
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Если-бъ зналъ я, какъ сильна любовь,
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

Если-бъ зналъ я, не погибъ-бы онъ,
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
За сто тысячъ маркъ и за сто тонъ!
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

Въ гробъ единый положили ихъ.
Для того, что̀ намъ всего милѣе —

Der solva de sött till domedag.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Der växte en Lind uppå begge deras graf,
För allt hvad som kärt är i verlden —
Hon stånder der grön till domedag.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

Den linden hon växte öfver kyrkokam,
För allt hvad som kärt är i verlden —
Det ena bladet tager det andra uti famn.
Mig tyckes det är tungt till att lefva.

HERR PEDERS SJÖRESA.

—

Det var den unga Herr Peder,
   Han kammar och krusar sitt hår,
Så gångar han sig för sin Fostermor,
   Frågte henne, hvad död han skull' få?

Och inte så dör du på sotesäng,
   Och inte blir du slagen i krig;
Men akta dig väl för de böljorna blå,
   Att de ej förråda ditt lif!

Och dör jag inte på sotesäng, —
   Ej heller blir slagen i krig;
Nog aktar jag mig för de böljorna blå,
   Att de ej förråda mitt lif.

Det var den unga Herr Peder,
   Han gångar till sjöastrand;
Där låter han bygga sig ett skepp
   Allt uppå den hvita sand.

Тамъ лежитъ съ невѣстою женихъ.
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

И поднялся надъ могилой вязъ,
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
Высоко̀ надъ храмомъ распустясь,
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

И стоитъ онъ зеленѣя тамъ,
Для того, что̀ намъ всего милѣе —
И листы ласкаются къ листамъ.
Ахъ, какъ тяжко мнѣ на этомъ свѣтѣ!

ОТПЛЫТІЕ ГЕРЪ-ПЕДЕРА.

Онъ рано расчесывалъ кольца кудрей,
Онъ рано вставалъ поутру̀;
Скажи мнѣ, онъ матери молвилъ своей, (5)
Какою я смертью умру?

Я вижу, я знаю судьбину твою,
Мой милый, возлюбленный сынъ:
Не бойся ты биться на сушѣ въ бою,
Но бойся ты синихъ пучинъ!

Попомню про это, попомню я, мать:
Не стану бояться войны,
Но буду съ опаской я въ морѣ гулять
И синей бояться волны!

И былъ то Геръ-Педеръ, боецъ по морямъ;
Онъ на̀ берегъ молча потомъ
Пошелъ и построить корабль мастерамъ
Велѣлъ на пескѣ золотомъ.

Och Skeppet, det var utaf hvalfiskben,
Och Masterna va' lika så;
Och Flaggorna voro af det rödaste gull,
Som suto derofvan uppå.

I dag så låtom oss dricka,
Me'n ölet vi kunna få;
I morgon skola vi segla,
Der vinsten vi kunna få.

Det var båd' Skeppare och Styresmän,
De sköto det skepp ifrån land;
Så glömde de bort Gud Fader,
Guds Son och Helige And'.

De segla' i dagar, de segla' i år
Allt uppå det villande haf;
Och när som de kommo på djupaste grund,
Så började masterna gå af.

Herr Peder tog upp sin tärningebock,
Han kastade tärning på bord:
Vi skola nu alla kasta den lott,
Hvem som är den syndaren stor.

Och första tärning på tafvelbord rann
Emellan de sjöfarand' män,
Lotten den föll på Herr Peder,
Den unga Konunga son.

Den andra tärning på tafvelbord rann
Emellan de sjöfarand' män,
Lotten föll på Herr Peder,
Den unga Konungen sjelf.

Den tredje tärningen på tafvelbord rann
Emellan de sjöfarand' män,

И сшили корабль мастера изъ кита,
А киль былъ желѣзный литой;
А мачты изъ золота всѣ до-чиста,
И руль тоже былъ золотой.

Сегодни мы, други, попьемъ, поѣдимъ,
Покуда еще не ушли,
А завтра по синимъ волнамъ полетимъ,
Далёко отъ черной земли!

Поутру корабль столконули они
И въ море помчались гулять,
И плавали ночи, и плавали дни,
Вдругъ начали мачты трещать.

Корабль закачало и киль задрожалъ.
Геръ-Педеръ въ каюту пошелъ,
Гадальную книгу и кости досталъ, (6)
И высыпалъ ихъ онъ на столъ.

Послѣдній, друзья-корабельщики, часъ,
Послѣдній намъ часъ наступилъ!
Узнаемъ, кто болѣе грѣшенъ изъ насъ,
Кто болѣе всѣхъ согрѣшилъ!

И первыя кости упали межъ нихъ,
И жребій на Педера палъ:
Знать былъ онъ предъ Богомъ грѣшнѣе другихъ,
Знать больше онъ всѣхъ согрѣшалъ!

И кости вдругорядь упали межъ нихъ,
И жребій на Педера палъ:
Знать былъ онъ предъ Богомъ грѣшнѣе другихъ,
Знать больше онъ всѣхъ согрѣшалъ!

И третьи просыпались кости межъ нихъ,
И жребій на Педера палъ:

Lotten föll på Herr Peder,
Den unga Konungen sjelf.

Och efter vi äro så långt ifrån land,
Att vi ingen prest kunna få;
Så låtom oss falla för masterna ner
Och göra vårt skriftermål.

Det var den unga Herr Peder
Vid masten där han låg,
Han skulle nu göra sitt skriftermål,
Och det blef honom så svårt.

I Kyrkor hafver jag röfvat
Och Kloster hafver jag bränt;
Och mången adelig Stolts Jungfru,
Båd' heder och ära förkränkt.

I skogen hafver jag vandrat,
Bedrifvit både rån och mord,
Och mången redlig bondeson
Låtit sätta qvicker i jord.

Om Gud Han ville mig hjelpa,
Att jag kunde komma till land,
Så skulle jag bygga en Kyrka
Allt uppå snöhvitan sand.

Om Gud Han ville mig hjelpa,
Att jag kunde komma till by,
Så skulle jag bygga en Kyrka
Och täcka den all med bly.

Om någon af Er skulle komma i land,
Min Fostermor frågar efter mig;
Så säg, att jag tjenar i Konungens gård
Och står mig så ridderlig.

Знать былъ онъ предъ Богомъ грѣшнѣе другихъ,
Знать больше онъ всѣхъ согрѣшалъ!

Пастора мы, братцы, теперь не найдемъ,
Но слышитъ насъ Богъ въ небесахъ:
Давайте предъ мачтами всѣ упадемъ
И каяться будемъ въ грѣхахъ!

И былъ то Геръ-Педеръ, удалый боецъ;
Предъ мачтой онъ легъ на корму, (7)
И блѣденъ въ ту пору онъ былъ какъ мертвецъ,
И тяжко тутъ стало ему.

И началъ товарищамъ каяться онъ
Въ своихъ превеликихъ грѣхахъ:
Невѣстъ я позорилъ, обманывалъ жонъ,
Кощунствовалъ въ Божьихъ церквяхъ!

Не зналъ, не боялся я грозныхъ судей,
Ходилъ по дорогамъ съ ножемъ,
И грабилъ, и рѣзалъ прохожихъ людей,
Закапывалъ въ землю живьемъ.

Ахъ, еслибъ Господь взмилосердился къ намъ,
Привелъ воротиться-бы въ домъ:
Я церкву-бы выстроилъ, каменный храмъ,
Обнесъ-бы оградой кругомъ!

Ахъ, еслибъ Господь взмилосердился къ намъ,
Привелъ воротиться-бы въ домъ:
Я церкву-бы выстроилъ, каменный храмъ,
И всю обложилъ-бы свинцомъ!

Кто къ берегу, братцы, пристанетъ изъ васъ
И мать повстрѣчаетъ мою:
Скажите, что Богъ насъ отъ гибели спасъ,
Что скоро домой я приду!

Om någon af Er skulle komma i land,
Min Fästemö frågar efter mig;
Så säg, att jag ligger i böljorna blå!
Bed henne, hon glömmer ej mig!

Och när han had' utfört de ord,
Rätt i den samma stund,
Det stormväder vexte upp så stort,
Slog skeppet neder i grund.

HERR PÄDERS SKRIFTERMÅL.

Herr Päder går under borgalind,
Krusat hafver han sitt hår;
Gångar han för sin fostermor in:
Lär j mig godt råd!
Medan sjön tager så mången.

Inte skall du på landet dö,
Ej heller blifva slagen i krig;
Men vakta dig väl för böljan blå,
Hon dränker dit unga lif!
Medan sjön tager så mången.

Snäckan ligger på sjöastrand,
Gräset under henne gror;
Den der icke drager af land,
Tjenar icke sin herre i tro!
Medan sjön tager så mången.

När som de kommo sig midt på sund,
Böljan började att slå;
Han skriftade sig för sin styrman,
Han kunde icke presten nå.
Medan sjön tager så mången.

Кто на берегъ, братцы, вернется домой,
И спроситъ невѣста моя:
Скажите, что сплю я подъ синей волной,
Пускай не забудетъ меня!

И только онъ эти слова провѣщалъ,
Вдругъ стало какъ ночью темно̀,
Попадали мачты, корабль затрещалъ,
И канулъ на темное дно.

ИСПОВѢДЬ ГЕРЪ-ПЕДЕРА. (8)

—

Геръ-Педеръ подъ липами за̀мка идетъ,
Онъ кудри свои расчесалъ,
И къ названной матери прямо идетъ:
Послушай! ей Педеръ сказалъ.
А море гудетъ, и шумитъ, и бушуетъ.

Какая судьба ожидаетъ меня? —
О, сынъ мой, не бойся войны!
Не бойся на сушѣ меча и огня,
Но бойся ты синей волны!
А море гудетъ, и шумитъ, и бушуетъ.

Улитка лежитъ на морскомъ берегу,
И плѣсень подъ нею ростетъ:
Улиткой я, други, лежать не могу, —
Кто мой, тотъ со мною идетъ!
А море гудетъ, и шумитъ, и бушуетъ.

Онъ въ море помчался на всѣхъ парусахъ,
Вдругъ буря ему на пути!
Онъ каяться штурману сталъ во грѣхахъ,
Не могши пасто̀ра найти.
А море гудетъ, и шумитъ, и бушуетъ.

Det var då unga Herr Päder sjelf,
Han faller på sina knä:
Och så gjorde han sitt skriftermål,
Allt framför ett segelträ.
Medan sjön tager så mången.

Röfvat hafver jag kyrkobord,
Kloster hafver jag bränt!
Så mången är den stolts jungfru god,
Hvars ära jag hafver kränkt.
Medan sjön tager så mången.

Lockat hafver jag enka och brud,
Svikit hafver jag mö,
Det kom aldrig i min hug,
Att jag uppå sjön skulle dö.
Medan sjön tager så mången.

Kommer här någon till lands igen,
Min moder spörjer efter mig;
Säg, att jag tjenar i främmande land,
Så sörjer hon inte mig.
Medan sjön tager så mången.

Kommer någon här till lands igen,
Min Fästmö spörjer efter mig;
Säg, jag ligger på hafsens grund,
Om hon vill gifta sig!
Medan sjön tager så mången.

И былъ то Геръ-Педеръ, владыка морей,
Удалый Геръ-Педеръ то былъ!
Онъ сталъ на колѣни близь мачты своей
И штурману такъ говорилъ.
А море гудетъ, и шумитъ и бушуетъ.

Пора мнѣ покаяться: много грѣховъ,
Товарищъ, я на душу взялъ:
Я грабилъ святыню, обманывалъ вдовъ,
И женъ, и дѣвицъ соблазнялъ!
А море гудетъ, и шумитъ, и бушуетъ.

Безчестно позорилъ я малыхъ сиротъ,
Я Господа Бога забылъ,
Не думалъ, что скоро конецъ мой придетъ,
А вотъ онъ, какъ тутъ ужъ и былъ!
А море гудетъ, и шумитъ, и бушуетъ.

Кто живъ будетъ, братцы, пускай обо мнѣ
Онъ матери скажетъ моей,
Что нынче служу я чужой сторонѣ,
И нечего плакаться ей!
А море гудетъ, и шумитъ, и бушуетъ.

А если невѣсту мою неравно
Увидишь: скажи безъ хлопотъ,
Что въ море на дно я улегся давно, —
Пускай ее замужъ идетъ!
А море гудетъ, и шумитъ, и бушуетъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) По замѣчанію Издателей, это самая извѣстная изъ Сѣверныхъ пѣсенъ. Она поется, съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями, и въ Шотландіи, и въ Ирландіи. W. Scott, Minstrelsy of the Scottish Border.

2) Въ подлинникѣ другой порядокъ стиховъ. Въ остальныхъ пѣсняхъ я держался въ точности Шведскаго текста.

3) По сжатости и краткости этой пѣсни необходимо ея объясненіе: Анна безвѣдома брата вышла замужъ. Тайкомъ посѣщалъ ее мужъ. Братъ, узнавъ о томъ, убилъ его. Когда, послѣ убійства, онъ воротился домой, между нимъ и сестрой произошелъ разговоръ, переданный пѣснею. — Опущенный мною въ переводѣ двойной припѣвъ заключается въ слѣдующемъ: Hej sade man — *Гей сказали*, — Så stolt under tiden — *Столь гордая между тѣмъ*.

4) Башня, въ которую заключаютъ, почему-то въ Скандинавской пѣснѣ постоянно называется *голубою*. Не красили-ли такія башни голубой краской? Говорятъ-же у насъ *желтый домъ*, вмѣсто «домъ сумасшедшихъ.»

5) Въ подлинникѣ: — названной матери.

6) Въ подлинникѣ *зернёвую* — Tärningebok. Tärning — зернь, кости. У насъ въ народѣ подобныя книги большею частью называются *оракуломъ*. Продаются вмѣстѣ съ лубочными картинками. Тоненькія книжки въ большую четверку. На первой страницѣ кругъ, въ центрѣ котораго маленькій кругъ, съ изображеніемъ человѣческаго лица. Отъ этого круга идутъ къ большому радіусы съ цыфрами. На эти-то цыфры и мечутъ кости. — Отвѣты находятся позади, въ концѣ книги.

(7) *Легъ* — по-Шведски также lâg. Я замѣтилъ еще слово mjöd — *медъ*.

(8) Эту пѣсню можно считать варіантомъ предыдущей; но та мнѣ кажется болѣе народна и старше этой.

НОРВЕЖСКІЯ.

Взяты изъ того-же сборника Берггреена. Всѣ эти пѣсни очень стары; сложены на древне-Датскомъ языкѣ. Переведены размѣрами подлинника.

SJUGUR AA TROL-BRURA.

Kongen han stod paa Höienloft-Sval,
Han saa sig ud saa kvide;
Tet ude paa den grönne Val,
Der fik han se han Sjugur mon ride.
Sjugur voge Live for Jomfrua.

Je seja ful maa, at Kongen vart vild
For sin Dotter, han mista ti Bergo,
Kor Juttul aa Tussan holdt Bröllopsspil;
Men Sjugur had Nævan ti Værgio.
Sjugur voge Live for Jomfrua.

Aa hör meg, min Sjugur! mi Dotter æ din,
— Du æ no saa stærk en Herre —
Om du tör gange i Bergo in,
Aa hente din Hjertenskjære.
Sjugur voge Live for Jomfrua.

Ja fullan saa gjær eg, i Bergo indfær,
Aa pussar di Uglene mange;
Men intje saa vil eg dem völe mæ Svær,
Men Klubba ho kjem te aa dangle.
Sjugur voge Live for Jomfrua.

Sjugur han tok seg te atten Pund Jön,
Aa sæt seg i Brand te aa kara.
Dæ æ no sa godt aa lagi eit Hön,
Mod Juttul aa Tussen kan vara.
Sjugur voge Live for Jomfrua.

Sjugur han lod te Bröllops be
Saa mange han kunde udvælja;
Derette saa ba 'en saa mange Hontus,

СЮГУРЪ И ВѢДЬМА.

—

Король во дворцѣ у окошка стоитъ,
Онъ задумался крѣпко, глубòко,
И въ поле зеленое сверху глядитъ,
И завидѣлъ Сюгура далёко.
Для красавицы витязь всѣмъ жертвуетъ.

И кажется, будто король разсерженъ,
Что изъ горъ его дочь не приходитъ;
Но вынулъ Сюгуръ свой булатъ изъ ноженъ,
Къ Королю онъ съ булатомъ подходитъ.
Для красавицы витязь всѣмъ жертвуетъ.

Пожалуй, Сюгуръ мой, пожалуй скорѣй!
Ты мнѣ зятемъ возлюбленнымъ будешь,
Коль въ горы поѣдешь ты смѣло за ней
И невѣсту оттуда добудешь!
Для красавицы витязь всѣмъ жертвуетъ.

Изволь, я поѣду туда на конѣ,
Горныхъ совъ расцѣлую всю стаю,
Но въ горы булата не надобно мнѣ,
Я и молотомъ совъ распугаю!
Для красавицы витязь всѣмъ жертвуетъ.

И взялъ онъ желѣза шестнадцать пудовъ,
И присѣлъ за работу у горна.
Вотъ будетъ подарокъ для вѣдьмъ и бѣсовъ!
И сковалъ молотокъ онъ проворно.
Для красавицы витязь всѣмъ жертвуетъ.

И молотъ сковавши поѣхалъ къ чертямъ,
И велѣлъ, чтобъ на свадьбу ихъ звали,
И столько, и столько собрàлось ихъ тамъ,

Saa tjukt, som Sju kunne tælja.
Sjugur voge Live for Jomfrua.

Som Brura-Skjenken var gaan forbi,
Aa Folkje begyndte aa tvista,
Han Sjul dangla ette mæ Klubba si,
Han slo ei Slagje mista.
Sjugur voge Live for Jomfrua.

Du mine vel Brura va lækker i Taus,
Mæ Jeiter aa Haar, som Sofia?
Nei! Nasa ho hadde som Nautefjaus,
Aa Aua som Kjön uti Lia.
Sjugur voge Live for Jomfrua.

Trol-Brura ho rendte paa breie Berg,
Tok Stönninga opimot Væggia,
Men Siul dangla ette mæ Klubba i Slag,
Saa Skrea sto ende op mæ Væggja.
Sjugur voge Live for Jomfrua.

Heim kom han Sjugur mæ Kongsdottra fin,
Höva bætter fær Tausa, end Trolla;
Men Kongen tok Ore te Sjugur sin:
Du har tjent a, ta mæ a, beholl a!
Sjugur voge Live for Jomfrua.

STEV FRA ÖVRE-TELLEMARKEN.

Aa vi du hava meg te aa kvea,
De skaa eg jera mæ störste Glæa,
Aa eg skaa kvea saa vent fe deg,
At du skaa glöime deg sjav aa meg.

Что и семеро три́ дни считали.
Для красавицы витязь всѣмъ жертвуетъ.

Какъ стали на сватьбѣ кричать и шутить,
И Сюгуръ потихоньку развѣдалъ,
Пришелъ и давай молоткомъ молотить
И ниразу онъ промаху не далъ.
Для красавицы витязь всѣмъ жертвуетъ. (1)

Ты думаешь, съищешь невѣсту красу,
Точно Софья — ничуть не бывало:
У нашей невѣсты конюшня въ носу,
А глаза — что̀ змѣиное жало.
Для красавицы витязь всѣмъ жертвуетъ.

И вѣдьма пустилася въ горы бѣго̀мъ,
Подбирая костлявыя ноги,
Но витязь въ нее угодилъ молоткомъ,
Раскидалъ башмаки по дорогѣ.
Для красавицы витязь всѣмъ жертвуетъ.

Сюгуръ воротился домой къ Королю,
И съ невѣстой прекрасной своею.
Ты выручилъ дочь дорогую мою, —
И теперь да владѣешь ты ею!
Для красавицы витязь всѣмъ жертвуетъ.

ГОЛОСЪ ИЗЪ ВЕРХНЯГО ТЕЛЛЕМАРКА.

—

Когда-бы я была твоей женою,
Согласно-бы мы зажили съ тобою,
Заботиться-бъ я стала о тебѣ,
Забылъ-бы обо мнѣ и о себѣ!

Den snaale Guten eg kan 'kje glöime,
Han vi eg onde mit Hjarte jöime;
Du tænkjer væl, at eg hæv ein glömt,
Men eg hæv'n saart i mit Hjarte jömt.

Saa hæv de vaare, saa skaa de væra,
Di snaale Gutan skaa Prisan bæra,
Saa hæv de vaare, saa skaa de bli
Snaalare Greie te læng de li.

Ja Daniel Björge, den fine Karen,
Han æ den venast i Siljorsdalen;
I Bondeklær er ein rar aa sjaa,
Men fær ei Bonde fe Far sin gaa.

Gubære meg fe min Guten vene,
Han æ bli skriven te Kongjen tene.
Gubære meg fe min Guten grei,
Eg seer ein inkje paa Jora mei.

Aa Mor aa Far di vi meg mænke,
Eg maa 'kje taka den, som eg tænkte;
Aa maa 'kje taka den, eg vi ha,
Saa bli dæ sjellar, di seer meg gla.

LAGE AA JO.

Han Lage tjente i Kongens Gaar,
Som dæ va no von —
I tretten Maana aa derte et Aar.
Tjen trut no, sa'n Jo.
Aa om dæ ska koste meg röden Guld,
Jeg fölger, sa'n Jo.

А ныньче я объ ловкомъ парнѣ плачу,
И ловкаго къ себѣ подъ сердце спрячу.
Ты думаешь, объ немъ забыла я, —
Подъ сердцемъ онъ, подъ сердцемъ у меня!

Такъ было, такъ во-вѣки это будетъ,
Что ловкій про меня не позабудетъ,
Такъ было, такъ тому во-вѣки быть,
Что ловкому меня не позабыть!

Данила всѣхъ красивѣй въ Сильорсдалѣ,
Красивѣй въ нашемъ платьѣ не видали;
Но платья не носить ему того:
Отнимутъ наше платье у него.

Вербовщики его облюбовали,
И въ службу къ Королю завербовали;
Вербовщики служить его берутъ
И на него взглянуть мнѣ не дадутъ.

Мнѣ матушка родная говорила,
Чтобы его я больше не любила;
Когда-жъ его не стану я любить,
Во-вѣки мнѣ веселою не быть!

ЛАГЕ И ЙО.

—

Геръ-Лаге служилъ во дворцѣ Короля,
Мы знаемъ свое —
Четырнадцать мѣсяцевъ, годъ и два дня.
Два дня! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое,
Пойду! сказалъ Йо.

Han Lage brygga aa blanna mæ Viin,
Som dæ va no von —
Aa ba saa alle Grannanne sin
Förutan han Jo.
Aa om dæ ska koste meg röden Guld,
Jeg fölger, sa'n Jo.

Saa leidde de Brura paa Kirkegaar,
Som dæ va no von —
Med sölvstukne Klæa aa udsliet Haar.
Du æ lækker, sa'n Jo.
Aa om dæ ska koste meg röden Guld,
Jeg fölger, sa'n Jo.

Saa leidde de Brura for Altre fram,
Som dæ va no von —
Hendes Skjönhed beundra baae Kvinde aa Mann.
Tykk' I om ho? sa'n Jo.
Aa om dæ ska koste meg röden Guld,
Jeg fölger, sa'n Jo.

Han Lage kaste si Kappe i Bænk,
Som dæ va no von —
Aa bar saa fram aat dem kvar sin Skjenk.
Skjenk meg me, sa'n Jo.
Aa om dæ ska koste meg röden Guld,
Jeg fölger, sa'n Jo.

De dansa i Daga, de dansa i to,
Som dæ va no von —
Aa inte vil Brura aat sængja seg ho.
Sit oppe, sa'n Jo.
Aa om dæ ska koste meg röden Guld,
Jeg fölger, sa'n Jo.

И Лаге для сватьбы вина наварилъ,
Мы знаемъ свое —
На сватьбу сосѣдей онъ всѣхъ пригласилъ,
Лишь не было Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое,
Пойду! сказалъ Йо.

И въ церковь невѣсту вѣнчать повели;
Мы знаемъ свое —
Богатое платье; коса до земли.
Пришли! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое,
Пойду! сказалъ Йо.

Невѣсту поставили къ царскимъ дверямъ;
Мы знаемъ свое —
Дивятся невѣстѣ, дивится весь храмъ.
И впрямъ! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое,
Пойду! сказалъ Йо.

И Лаге повѣсилъ свой плащъ на стѣнѣ;
Мы знаемъ свое —
Даритъ по подарку онъ всѣмъ наравнѣ.
А мнѣ! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое,
Пойду! сказалъ Йо.

И день они пляшутъ, и пляшутъ другой.
Мы знаемъ свое —
Невѣста — къ кровати она ни ногой!
Постой! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое,
Пойду! сказалъ Йо.

De dansa i Daga, de dansa i tre,
Som dæ va no von —
Aa saa ville Brura aat sængja seg te.
Du bli tröt no, sa'n Jo.
Aa om dæ ska koste meg röden Guld,
Jeg fölger, sa'n Jo.

Saa leidde de Brura i Brurehuus,
Som dæ va no von —
Me tretten Sölvstaker og tændte Voxljus.
Go Kvællom, sa'n Jo.
Aa om dæ ska koste meg röden Guld,
Jeg fölger, sa'n Jo.

Saa satte de Brura paa Sængestok,
Som dæ va no von —
Aa klædde saa taa a baa Sko aa Sok.
Klæd taa meg me! sa'n Jo.
Aa om dæ ska koste meg röden Guld,
Jeg fölger, sa'n Jo.

Saa la de Brura i Sænge ne;
Som dæ va no von —
Han Jo han la' seg saa vakkert breid ve,
Nu ligg eg, sa'n Jo.
Aa om dæ ska koste meg röden Guld,
Jeg fölger, sa'n Jo.

Dæ fyste Bu ind til Lage kom:
Som dæ va no von —
Der ligg en Anden hos Brura di.
De æ meg, sa'n Jo.
Aa om dæ ska koste meg röden Guld,
Jeg fölger, sa'n Jo.

Три днѝ проплясали и полно плясать.
Мы знаемъ свое —
Прекрасной невѣстѣ пора на кровать!
Пора! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое,
Пойду! сказалъ Йо.

Невѣсту-красавицу въ спальню ведутъ;
Мы знаемъ свое —
Трипадцать свѣчей за невѣстой несутъ. (2)
Я тутъ! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое,
Пойду! сказалъ Йо.

Сажаютъ невѣсту на край на кровать,
Мы знаемъ свое —
И стали невѣсту они разувать.
Разуйте и Йо!
И пусть пропадаетъ все злато мое,
Пойду! сказалъ Йо.

Разули и спать уложили ее;
Мы знаемъ свое —
А съ нею тихонько ложится и Йо.
Я легъ! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое,
Пойду! сказалъ Йо.

И къ Лаге приходитъ ужасная вѣсть:
Мы знаемъ свое —
Ты слышишь, другой у невѣсты ужъ есть!
Да есть! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое,
Пойду! сказалъ Йо.

Da annar Bu til Lage kom,
Som dæ va no von —
Saa monne han roune aa bleigne i Kinn.
Fe du ondt no? sa'n Jo.
Aa om dæ ska koste meg röden Guld,
Jeg fölger, sa'n Jo.

Han Lage banke paa blaamaala Dör:
Som dæ va no von —
Stad op, mi Brur, ta Laase ifor.
Hu söv no, sa'n Jo.
Aa om dæ ska koste meg röden Guld,
Jeg fölger, sa'n Jo.

Han Lage pikka Taalkniv ti Bor:
Som dæ va no von —
Aa Herre Gu gi meg eit godt Taalmo!
Ja meg mæ! sa'n Jo.
Aa om dæ ska koste meg röden Guld,
Jeg fölger, sa'n Jo.

Aa Lage fram over Bore sprang,
Som dæ va no von —
Saa Öl-Mjö ud over Bænken rann.
Far makje! sa'n Jo.
Aa om dæ ska koste meg röden Guld,
Jeg fölger, sa'n Jo.

Han Jo to han Lage aa kasta mæ Væg,
Som dæ va no von —
Saa Flugu aa Dyra færjylte hans Skjæg.
Lig der du! sa'n Jo.
Aa om dæ ska koste meg röden Guld,
Jeg fölger, sa'n Jo.

И къ Лаге доносщикъ приходитъ другой,
Мы знаемъ свое —
И Лаге блѣднѣетъ и топнулъ ногой.
Ой, ой! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое,
Пойду! сказалъ Йо.

И онъ постучался два раза и три:
Мы знаемъ свое —
Невѣста, невѣста, вставай, отвори!
Не ври! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое,
Пойду! сказалъ Йо.

И Лаге ударилъ мечомъ по стѣнѣ:
Мы знаемъ свое —
О Господи, даруй терпѣніе мнѣ!
И мнѣ! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое,
Пойду! сказалъ Йо.

Вновь Лаге ударилъ и смѣло идетъ,
Мы знаемъ свое —
И по полу медъ расплескавшись течетъ.
Жаль медъ! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое,
Пойду! сказалъ Йо.

И Ио приподнялся и Лаге онъ хвать,
Мы знаемъ свое —
И сильной рукою швырнулъ подъ кровать.
Лежать! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое,
Пойду! сказалъ Йо.

Ska eg nöias aa bie te Dagen bli ljus,
Som dæ va no von —
Saa lyt eg ret gaa op te Konningens Huus.
Eg bli mæ! sa'n Jo.
Aa om dæ ska koste meg röden Guld,
Jeg fölger, sa'n Jo.

Allernaadigste Konning! udmjukast eg beer,
Som dæ va no von —
Alt om aa legge en Klage her ner!
Sei sandt no! sa'n Jo.
Aa om dæ ska koste meg röden Guld,
Jeg fölger, sa'n Jo.

Dæ smerter meg meire, end Dödspileskud,
Som dæ va no von —
At Jo har lagt hos mi unge Brur.
Ja gjor eg saa, sa'n Jo.
Aa om dæ ska koste meg röden Guld,
Jeg fölger, sa'n Jo.

Aa ette I Begge ha hende saa kjær,
Som dæ va no von —
Saa faar I takes mæ tvekjæfta Svær.
Ha Tak no! sa'n Jo.
Aa om dæ ska koste meg röden Guld,
Jeg fölger, sa'n Jo.

Den fyste Gaang de tilsammen re,
Som dæ va no von —
Saa rei han Lage sin Hest i Kne.
Stad op at, sa'n Jo.
Aa om dæ ska koste meg röden Guld,
Jeg fölger, sa'n Jo.

Зачто я такую обиду терплю?
Мы знаемъ свое —
Пойду и пожалуюсь я Королю!
Люблю! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое,
Пойду! сказалъ Йо.

Король, предъ очами твоими стою:
Мы знаемъ свое —
Покорную выслушай просьбу мою!
Мою! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое,
Пойду! сказалъ Йо.

И всякой мнѣ муки и смерти больнѣй,
Мы знаемъ свое —
Что спалъ онъ сегодни съ невѣстой моей!
Ей, ей! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое,
Пойду! сказалъ Йо.

Вы любите оба, Король говоритъ:
Мы знаемъ свое —
Кто больше, пускай поединокъ рѣшитъ!
И квитъ! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое,
Пойду! сказалъ Йо.

Конѣй осѣдлали, помчалися въ бой,
Мы знаемъ свое —
Конь Лаге споткнулся объ камень ногой.
Постой! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое,
Пойду! сказалъ Йо.

Den annar Gaang de tilhobes foer,
    Som dæ va no von —
Ga Lage Jo eit drabeligt Saar.
    Du læs sau! sa'n Jo.
Aa om dæ ska koste meg röden Guld,
    Jeg fölger, sa'n Jo.

Den tredje Gaang de tilhobes rei,
    Som dæ va no von —
Saa slo Jo Lage, saa Bloe ran.
    Tork taa deg! sa'n Jo.
Aa om dæ ska koste meg röden Guld,
    Jeg fölger, sa'n Jo.

Den fjerde Gaang de tilhobes rei,
    Som dæ va no von —
Saa slo Jo Lage dau ne paa Stein.
    Du ligg no! sa'n Jo.
Aa om dæ ska koste meg röden Guld,
    Jeg fölger, sa'n Jo.

Fru Inger sto oppaa höien Sal,
    Aa skratla aa lo:
Nu ha eg int sjet större Gomma i Dag;
    Han vandt han Herr Jo.
Aa om dæ ska koste meg röden Guld,
    Jeg fölger, sa'n Jo.

Но справился Лаге и свѣсилъ копье,
Мы знаемъ свое —
Помчались и сильно ударилъ онъ Йо.
Ну счастье твое!
И пусть пропадаетъ все злато мое,
Пойду! сказалъ Йо.

Но справился Йо — и опять понеслись,
Мы знаемъ свое —
И пòтомъ, и кровью они облились.
Утрись! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое,
Пойду! сказалъ Йо.

Въ четвертый помчались они наконецъ,
Мы знаемъ свое —
И Йо побѣдитель, удàлый боецъ!
Конецъ! сказалъ Йо.
И пусть пропадаетъ все злато мое,
Пойду! сказалъ Йо.

Красавица Ингеръ смотрѣла-ждала
Въ окошко свое —
Ахъ Лаге, онъ выбитъ копьемъ изъ сѣдла!
Иди ко мнѣ Йо!
И пусть пропадаетъ все злато мое,
Пойду! сказалъ Йо.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Здѣсь кажется пропущено нѣсколько строфъ.

2) Въ подлинникѣ: Тринадцать восковыхъ свѣчей въ серебряныхъ подсвѣчникахъ. *Воскъ* по-Шведски и по-Датски — vax.

ДАТСКІЯ.

—

Взяты изъ того-же сборника Берггреена. — Всѣ переведены размѣрами подлинника.

ÓLAFUR OG ÁLFAMÆR. (1)

—

Ólafur reið með björgum fram,
Villir hann, stillir hann —
Hitti fyrir sjer álfa rann.
Þar rauður loginn brann;
Blíðan lagði byrinn undan björgunum fram.

Þar kom út ein álfamær,
Villir hann, stillir hann —
Hún var ekki guði kær.
Þar rauður loginn brann;
Blíðan lagði byrinn undan björgunum fram.

Þar kom út ein önnur,
Villir hann, stillir hann —
Hjelt á silfurkönnu.
Þar rauður loginn brann;
Blíðan lagði byrinn undan björgunum fram.

Þar kom út hin þriðja
Villir hann, stillir hann —
Með gullbelt um sig miðja.
Þar rauður loginn brann;
Blíðan lagði byrinn undan björgunum fram.

Þar kom út hin fjórða,
Villir hann, stillir hann —
Hún tók svo til orða:
Þar rauður loginn brann;
Blíðan lagði byrinn undan björgunum fram.

Velkomminn, Ólafur liljurós!
Villir hann, stillir hann —
Gáttu í björg og bú með oss.

ОЛУФЪ И ЭЛЬВА.

—

Олуфъ проѣзжалъ по высокой горѣ,
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
И къ Эльвамъ пріѣхалъ чѣмъ-свѣтъ на зарѣ.
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

Тутъ первая Эльва къ нему подошла,
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
Изъ нехристей родомъ та Эльва была.
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

За нею другая къ Олуфу идетъ,
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
Серебряный кубокъ ему подаетъ.
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

И третья выходитъ, блестя красотой,
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
И поясъ играетъ на ней золотой.
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

Четвертая вышла, любовью горитъ,
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
И рѣчь начинаетъ, и такъ говоритъ:
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

Пожалуй къ намъ въ гости, Олуфъ Лильерозъ,
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
О, если-бы жить намъ съ тобой довелось!

Þar rauður loginn brann;
Blíðan lagði byrinn undan björgunum fram.

Ekki vil eg með álfum búa,
Villir hann, stillir hann —
Heldur vil eg á herrann trúa.
Þar rauður loginn brann;
Blíðan lagði byrinn undan björgunum fram.

Þó þú gjörir með álfum búa,
Villir hann, stillir hann —
Samt máttu á herrann trúa.
Þar rauður loginn brann;
Blíðan lagði byrinn undan björgunum fram.

Hún gekk sjer til kistu,
Villir hann, stillir hann —
Kastaði yfir sig skikkju.
Þar rauður loginn brann;
Blíðan lagði byrinn undan björgunum fram.

Hún gekk sjer til arkar,
Villir hann, stillir hann —
Greip upp sverðið bjarta.
Þar rauður loginn brann;
Blíðan lagði byrinn undan björgunum fram.

Ekki muntu svo hjeðan fara,
Villir hann, stillir hann —
Að þú gjörir mjer kossin spara.
Þar rauður loginn brann;
Blíðan lagði byrinn undan björgunum fram.

Ólafur laut um söðulboga,
Villir hann, stillir hann —
Kysti frú með hálfum huga.

Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

Спасибо, но какъ мнѣ у нехристей жить?
Захочетъ онъ, станетъ онъ
Какъ Господу Богу мнѣ съ вами служить?
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

Ты съ Эльвами утромъ играй, веселись,
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
А вечеромъ Господу Богу молись!
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

И Эльва украдкой къ ларю подошла,
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
И плащъ длиннополый оттуда взяла.
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

И Эльва тихонько подъ чорнымъ плащомъ
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
Себя опоясала острымъ мечомъ.
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

Ты хочешь, о витязь, уѣхать отъ насъ,
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
Меня поцалуй на прощанье хоть разъ!
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

И нехотя витязь нагнулся съ сѣдла,
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
И къ витязю Эльва съ мечомъ подошла.

Þar rauður loginn brann;
Blíðan lagði byrinn undan björgunum fram.

Saxinu' hún stakk í síðu,
Villir hann, stillir hann —
Ólafi nokkuð svíður.
Þar rauður loginn brann;
Blíðan lagði byrinn undan björgunum fram.

Ólafur keirir hestinn sporum,
Villir hann, stillir hann —
Þar til hann kom til móður dyra.
Þar rauður loginn brann;
Blíðan lagði byrinn undan björgunum fram.

Klappar á dyr með lóva sín:
Villir hann, stillir hann —
Ljúktu upp, kæra móðir mín!
Þar rauður loginn brann;
Blíðan lagði byrinn undan björgunum fram.

Því ertu bleikur? því ertu blár?
Villir hann, stillir hann —
Sem þú hafir af álfum sár.
Þar rauður loginn brann;
Blíðan lagði byrinn undan björgunum fram.

Módir! ljáðu mjer mjúka sæng;
Villir hann, stillir hann —
Systir! gefðu mjer síduband.
Þar ráuður loginn brann;
Blíðan lagði byrinn undan björgunum fram.

Ei leið nema stundir þrjár,
Villir hann, stillir hann —
Ólafur var sem bleikur nár.
Þar rauður loginn brann;
Blíðan lagði byrinn undan björgunum fram.

Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

Когда онъ нагнулся съ сѣдла своего,
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
Тутъ Эльва мечомъ угодила въ него.
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

Пронзила Олуфу широкую грудь;
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
Коня онъ пришпорилъ, пускается въ путь.
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

И къ матери въ двери стучится рукой,
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
Что блѣденъ ты, сынъ мой? что синій такой?
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

Совсѣмъ ты, мой сынъ, не похожъ на себя!
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
Какъ будто-бы Эльва пронзила тебя!
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

О матушка, спать ты меня уложи!
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
Сестрица, ты лентой меня обвяжи!
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

Не часъ и не два миновало, а три;
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
Онъ блѣденъ какъ мертвый лежалъ у двери.
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

Ei leið nema lítil stund,
Villir hann, stillir hann —
Ólafur úngi gaf upp önd.
Þar rauður loginn brann;
Blíðan lagði byrinn undan björgunum fram.

. . . .

JEG GIK MIG OP PAA HÖIE BJERG.

Jeg gik mig op paa höie Bjerg,
Ned i den dybe Dal;
Der saae jeg et Skib kom seilendes,
Hvori tre Grever var.

Den alleryngste Greve,
Som udi Skibet var,
Han vilde mig trolove,
Saa ung som han end var.

Hvad tog han af sin Finger?
En Ring af röde Guld:
See der, see der, min Pige,
Den vil jeg give dig!

Og hvad skal jeg med denne Ring,
Ifald min Moder spör'r?
Saa siig, du haver fundet den
Alt paa den grönne Vold.

Du lær mig godt at lyve,
Det staaer mig ikke an;
Langt heller vil jeg sige,
En Ungkarl elsker mig.

И мигъ роковой для Олуфа пробилъ,
Захочетъ онъ, станетъ онъ —
Еще поблѣднѣлъ онъ и духъ испустилъ.
Тамъ пышетъ огонь,
Нѣжною весною повѣваетъ съ горъ.

. . . .

Я НА ГОРУ ПОДНЯЛАСЬ.

Я на гору поднялась,
И къ низу въ даль гляжу:
Три графа подплываютъ
Къ горѣ, гдѣ я сижу.

Одинъ, что̀ былъ моложе
Изъ всѣхъ на кораблѣ,
Присвататься задумалъ,
Присвататься ко мнѣ.

Что̀ снялъ онъ это съ пальца?
Снялъ перстень золотой:
Коль хочешь ты, дѣвица,
Онъ будетъ, будетъ твой!

Ахъ что̀ мнѣ съ перстнемъ дѣлать?
Что̀ матушкѣ скажу?
Скажи, что этотъ перстень
Нашла ты на лугу!

Зачѣмъ меня ты учишь
Предъ матушкою лгать?
По-моему такъ лучше
Про все ей разсказать!

Og hör min kjære Moder,
Hvad jeg vil sige dig:
Han med de sorte Lokker,
Han være skal min Ven.

Og hör min kjære Datter,
Hvad jeg vil sige dig:
Lad du den Sömand fare,
Og hjemme bliv hos mig.

Og hör min kjære Moder:
Faaer jeg min Arvepart?
Den har din Fa'er forödet
I Tærning, Kortenspil.

Og har min Fa'er forödet den
I Tærning, Kortenspil,
Saa pakker jeg nu sammen
Og reiser med Kjær'sten min.

NATTERGALEN.

Jeg veed vel, hvor der stander et Slot,
    Det er saa vel beprydet.
Med Sölv og med det röde Guld,
    Med udhugne Stene opmuret.

Forinden det Slot der stander en Lind
    Med Blade, deilig' og skjönne,
Derudi boer en Nattergal fiin,
    Som liflig mon röre sin Tunge.

Der kom en Ridder ridendes did;
    Han hörte den Naltergal sjunge;
Derover han höilig forundrede sig,
    Thi det var ved Midnatsstunde.

Эй, матушка родная,
Чтò я скажу тебѣ:
Молодчикъ кудреватый
Присватался ко мнѣ!

И, дочка дорогая!
Пусть ѣдетъ онъ домой,
А ты останься дома
По-прежнему со мной!

Эй, матушка родная,
Отдай мой капиталъ!
Его отецъ твой въ кости
И въ карты проигралъ!

Прощай, моя родная!
Чѣмъ жить съ такимъ отцомъ,
Я лучше обвѣнчаюсь
Съ кудрявымъ молодцомъ!

СОЛОВЕЙ.

Есть зàмокъ высокій и много на немъ
Построено каменныхъ башенъ;
И золотомъ краснымъ и бѣлымъ сребромъ (2)
Тотъ зàмокъ богато украшенъ.

И липа кудрявая въ зàмкѣ растетъ,
Вершиной до неба доходитъ;
Подъ липой соловушка малый живетъ
И громкія пѣсни заводитъ.

И рыцарь однажды заѣхалъ туда,
Ночлега спокойнаго ищетъ,
Соловушку слышетъ — и диву дался̀,
Что въ полночь соловушка свищетъ.

Og hör du, liden Nattergal!
En Vise jeg beder dig quæde.
Dine Fjædre lader jeg med Guld beslaae,
Din Hals med Perler beklæde.

Jeg passer ei paa dine Fjædre af Guld,
Som jeg for dig skulde bære;
I Verden er jeg en fremmed vild Fugl,
Og ingen Mand monne mig kjende.

Est du i Verden en fremmed vild Fugl,
Og ingen Mand mon dig kjende,
Dig tvinger Hunger, Kulde og Snee,
Som falder paa Veien hin brede.

Mig tvinger ei Hunger, mig tvinger ei Snee,
Som falder paa Veien hin brede;
Mig tvinger fast mere en lönlig Sorg,
Der gjör mig Angst og Möde.

Mellem Bjerg og dyben Dal
Bortrinde de stride Strömme;
Men Den, som haver en fuldtro Ven,
Han ganger saa seent udi Glemme.

Jeg havde mig en Kjærest saa bold,
En Ridder saa mægtig og vældig;
Min Stifmoder kasted det hastig omkuld,
For hun det ei have vilde.

Hun skabte mig til en Nattergal,
Böd jeg skulde Verden omflyve:
Min Broder til en Ulv saa graa,
Böd hannem paa Skoven at löbe.

Strax foer han her i Skoven ind,
Hun böd, han aldrig skulde faae Bod,
För han uddrak hendes Hjerteblod.
Syv Aar derefter saa skedte.

Пропой мнѣ, соловушка, пѣсню свою!
    За пѣсенку эту въ-замѣну
Я золотомъ крылья твои обовью
    И перлами шейку одѣну.

Не грѣхъ-ли смѣяться тебѣ надо мной!
    На-что̀ мнѣ твоя позолота!
Я птица лѣсная, о птицѣ лѣсной
    Какая вамъ людямъ забота!

Когда не поможетъ тебѣ человѣкъ,
    Что̀ пѣсни за золото проситъ, —
Убьетъ тебя голодъ и холодъ, и снѣгъ,
    Что̀ въ зиму доро̀ги заноситъ.

Не страшенъ и холодъ, и снѣгъ для меня,
    Что̀ въ зиму заноситъ доро̀ги,
И голодъ не страшенъ, а есть у меня
    Другія печали-тревоги.

Въ долинѣ согласно и дружно бѣгутъ
    Горами закрытыя рѣки;
Въ долинѣ два сердца согласно живутъ
    И вѣрны другъ другу во-вѣки.

Я милаго друга по сердцу нашла
    И нѣжно его полюбила,
Но мачиха злая со мною жила,
    И съ другомъ меня разлучила.

Она извела человѣчью красу:
    Мнѣ зелья дала тихомолкомъ,
И стала я малою птичкой въ лѣсу,
    А братъ мой въ дубровушкѣ волкомъ.

И крѣпкій зарокъ положила ему,
    Что рыскать дотолѣ онъ станетъ,
Доколь человѣка не встрѣтитъ въ лѣсу
    И въ сердце его не поранитъ.

En Dag gik hun saa lystelig
  I Rosenslund at spadsere;
Min Broder det saae, og snildelig
  Gav nöie Agt oppaa hende.

Han greb hende ved hendes venstre Fod
  Med Ulveklo hin lede;
Rev ud hendes Hjerte og drak hendes Blod;
  Igjen fik han sin Helbrede.

Endnu er jeg saa liden en Fugl,
  Som flyver i vilden Hede;
Saa kummerfuld monne jeg leve mit Liv,
  Og helst om Vintertide.

Dog takker jeg Gud, mig haver opvakt,
  At jeg min Tunge kan röre,
Der udi femten Aar ei haver talet,
  Som jeg med Eder mon gjöre.

Men jeg haver stedse sjunget paa Qvist,
  Med sörgelig Nattergals Stemme;
Men aldrig fandt jeg bedre Sted,
  End i de grönneste Lunde.

Og hör du, liden Nattergal!
  Hvad jeg dig monne tilbyde:
I Vinter at sidde i mit Buur,
  Til Sommer igjen at udflyve.

Hav Tak, skjön Ridder! for Tilbud dit,
  Det maa dog ikke saa være;
Thi det forböd Stifmoder min,
  Saalænge jeg Fjædre mon bære.

Den Nattergal stod og tænkte sig om,
  Agted ikke paa Ridderens Snilde;
Thi greb han hende ved Foden fat,
  For Gud det saa have vilde.

И долго заклятье лежало на немъ;
Семь лѣтъ съ той поры миновало;
Разъ мачиха злая, забывъ обо всемъ,
Въ зеленой дубровѣ гуляла.

И мачиху злую зачуявши, онъ
Вдругъ и́зъ лѣсу вышелъ густова,
И сердце онъ вырвалъ изъ мачихи вонъ,
И сдѣлался мо̀лодцемъ снова.

А я все летаю соловушкой здѣсь,
Годъ цѣлый не знаю покою,
А пуще, какъ лѣсъ обезлиствѣетъ весь,
И холодно станетъ зимою.

Но Богъ милосердый могучъ и великъ:
Пятнадцать я весенъ молчала,
Мнѣ ныньче опять развязалъ онъ языкъ,
Чтобъ вамъ я про все разсказала.

Я въ за̀мкѣ не зналась ни съ кѣмъ изъ людей,
И съ пѣсней моей соловьиной
Жила одиноко во мракѣ вѣтвей,
Подъ липовой темной вершиной.

Послушай ты, малый соловушка мой,
Тебѣ я гнѣздо приготовлю:
Ко мнѣ прилетай ты въ погоду зимой,
Подъ теплую, вѣрную кровлю!

Спасибо вамъ, рыцарь, на словѣ такомъ,
Но мачиха мнѣ наказала,
Покуда я въ за̀мкѣ живу соловьемъ,
Чтобъ я никуда не летала.

Задумалась птичка, сидитъ и глядитъ;
Вдругъ рыцарь проворной рукою
Хвать за ногу птичку, изъ за̀мка летитъ
И птичку увозитъ съ собою.

Han gik med hende ind i sit Buur,
  Tillukte Vinduer og Döre;
Saa blev hun til saa mangt underligt Dyr,
  Som man kunde höre og spörge.

Först skabte hun sig til Löve og Björn
  Og saa til mange smaa Orme;
Omsider til en Lindorm led,
  Lod, som hun Ridderen vilde myrde.

Han skar hende med en liden Kniv,
  Saa Blod deraf monne komme;
Paa Gulvet strax for hannem stod
  En Jomfru, saa klar som en Blomme.

Nu haver jeg frelst dig af din Nöd,
  Og af din lönlige Qvide;
Thi siig mig nu din Herkomst god
  Paa fædren' og mödrene Side.

Ægypti Lands Konge min Fader var,
  Min Moder hans Dronning saa bold;
Min Broder var för en Ulv saa graa,
  Som gik paa den grönne Vold.

Er Ægypti Lands Konge kjær Fader din,
  Hans Dronning din Moder med Ære,
Forvist er du da Sösterdatter min,
  Som för Nattergal monne være.

Der blev stor Glæde over al den Gaard,
  Ja over alle de Lande;
Den Ridder har fanget den Nattergal,
  Som i Linden har bygget saa længe.

Домой прiѣзжаетъ, и окна, и дверь
Захлопнулъ — и птичку пускаетъ:
Предъ нимъ очутился невиданный звѣрь,
Какого нигдѣ не бываетъ.

Потомъ обернулось чудовище львомъ,
Потомъ ядовитой змѣею,
И къ рыцарю прямо съ разинутымъ ртомъ
Прыгнуло, гремя чешуею. (3)

Но рыцарь ударилъ кинжаломъ своимъ,
И кровь побѣжала изъ змѣя, —
Красавица-дѣва стоитъ передъ нимъ,
Какъ алая роза алѣя.

Заклятью и чарамъ волшебнымъ конецъ!
Свершилось великое чудо:
Скажи мнѣ, кто мать у тебя и отецъ,
И родомъ своимъ ты откуда?

Отецъ мой Король Эѳiопской земли,
И мать Королева по крови,
А брата злодѣи-враги извели,
И волкомъ онъ рыскалъ въ дубровѣ.

Отецъ твой Король въ Эѳiопской землѣ,
И мать у тебя Королева:
Ты будешь племянница милая мнѣ,
Моя свѣтлоокая дѣва!

И въ замкѣ веселье тогда началось,
И пиръ затѣвали великой:
Соловушку рыцарь съ собою привезъ,
Что̀ жилъ подъ зеленою липой.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Эта пѣсня съ острова Исландіи.

2) *Золото* въ пѣсняхъ Шведовъ, Норвежцевъ и Датчанъ носитъ эпитетъ *краснаго.* У насъ *чистое*, у Сербовъ также *чистое* и еще *сухое* (суво).

3) Въ подлинникѣ: *Сперва обернулась она львомъ и медвѣдемъ, потомъ нѣкоею малою змѣею, и наконецъ отвратительнымъ дракономъ.*

БРЕТОНСКІЯ.

—

Бретонскія пѣсни взяты мною изъ изданія Вилльмаркѐ: Barzaz-Breiz, Chants populaires de la Bretagne, recueillis et publiés par Th. Hersart de la Villemarqué. Paris. 1846.

FLOC'H ROUE LOEIZ XI.

I.

—

Floc'hig ar roue zo bac'het,
Abalamour d'eunn tol neuz gret,

Abalamour d'eunn tol hardiz,
E ma er vac'h gri e Paris.

Eno na wel na noz na de:
Eunn dornad blouz evid gwele;

Ha bara segal evid boed,
Ha dour puns evid he sec'hed.

Eno na zeu den d'he welet,
Med al logod hag ar raed,

Al logod hag ar raed du,
Deuz ar re-ze en deuz didu.

II.

—

Hen lare, dre doull ann alc'hue,
Da Benfentenio, er c'houls-ze.

Iannik, te va brasa mignon,
Chilaou eunn tammig ac'hanon:

Ke d'ar maner bete va c'hoar,
Ha lavar d'ei em onn war var,

War wir var da goll ma buhe,
Dre gemenn ann otrou roue:

ПАЖЪ КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА XI.

I.

—

Въ темницѣ пажикъ молодой
Сидитъ, за свой ударъ лихой;

Въ темницѣ пажикъ Короля;
Постель ему сыра земля;

Лежитъ онъ, скованный въ цѣпяхъ,
Вязанка сѣна въ головахъ;

Ржаная корка да вода,
Одна въ тюрьмѣ ему ѣда.

Что̀ день, что̀ ночь — одно ему:
Не свѣтитъ свѣтъ въ его тюрьму,

И не придетъ къ нему никто:
Кругомъ все крѣпко заперто̀!

Лишь только мыши на зарѣ
Порой скребутъ въ своей норѣ.

II.

—

Онъ отыскалъ въ двери замо̀къ
И въ щель онъ другу молвить могъ:

О Пенфентеніо ты мой, (1)
Бѣги, бѣги въ Бретань домой!

О Янникъ мой, скажи сестрѣ,
Что я сижу теперь въ тюрьмѣ,

И что казнить хотятъ меня
По приказанью Короля!

Ma zeufe ma c'hoar· bet' enn on
Konfort a refe d'am c'halon.

Penfentenio dal 'm' he glevaz,
E-trezek Kemper e redaz;

Kant leo ha tregont zo, war dro,
Etre Paris ha Bodinio;

C'hoaz neuz ho gret, ar potr Kerne,
E diou noz-hanter hag eunn de.

Pa eaz tre er zall Bodinio,
Oa goulou enn hi tro-war-dro;

Ann intron a oa o koanio
Gand tudchentil vraz euz ar vro.

Hag enn he dorn eunn hanaf mar
Leun a win-ru a wella barr.

Floc'hik koant demeuz a Gerne,
Pe seurt kelou zo gen-oud-de,

Pa'm oud ker glaz 'vel ann askol,
Ken diflak 'vel eunn iourc'h war goll?

Ar c'helou zo gen-in, itron,
Lakai strafill enn ho kalon,

Ho lakai da huanada,
Hag ho taou-lagad da wela:

Ho preurik paour a zo war var,
Mar zo bet biskoaz war zouar;

War wir var da goll he vuhe,
Dre gemenn ann otrou roue.

Тѣ рѣчи Янникъ услыхавъ,
Въ Кимпе́ пускается стремглавъ;

Сто тридцать льё ему бѣжать,
Сто тридцать льё, — гдѣ силы взять?

Хоть тяжело, хоть далекò,
Но пробѣжалъ онъ ихъ легко,

Въ двѣ ночи сò днемъ пробѣжалъ
Между лѣсовъ и острыхъ скалъ,

И въ домъ къ Бодиніо идетъ, (2)
И видитъ: въ комнатахъ народъ,

И свѣчи яркія горятъ
Кругомъ, поставленныя въ рядъ;

И чаша краснаго вина
Гостямъ на столъ принесена,

И брызжетъ пѣной въ потолокъ
Янтарныхъ гроздій свѣжій сокъ.

Хозяйка чашу ту взяла
И гостя подчивать пошла.

Откуда гость ты новый нашъ,
Корнвалльскій благородный пажъ?

Чтò утомленъ и блѣденъ такъ?
Какъ будто серна отъ собакъ,

Ты межъ лѣсовъ и острыхъ скалъ
Сюда запыхавшись бѣжалъ!

Я вѣсти горькія принесъ:
Пролить вамъ ныньче много слезъ!

Посàженъ братецъ вашъ въ тюрьму
И нѣтъ спасенія ему;

Ma iefec'h bet' enn han, itron,
C'hui refe konfort d'he galon.

Kement e oe bet strafillet
Ann itron gez oc'h he glevet,

Kement e oe bet strafillet,
Ken e loskaz ann hanafed;

Hag e streaz ar gwin war ann doal:
(Trou-Doue! houman arouez fall!)

Buhan! potred ar varchosi!
Buhan! daouzek marc'h! ha deomp d'ei!

Pa grefenn unan e bep poz,
Me ielo da Pariz fenoz;

Pa grefenn unan e-bep heur,
Fenoz ez inn bete va breur.

III.

—

Floc'hig ar roue a lare,
War ar c'henta daez pa bigne:

Ne rann forz da be gouls mervel,
Pan'd divroet pan'd diskoazel!

Pan'd divroet pan'd diskoazel,
Pan'd eur c'hoar meuz e Breiz izel.

Hi vo bep noz o c'hervel breur,
O c'hervel breurig e peb heur.

Floc'hig ar roue a lare,
War ann eilved daez pa bigne:

Погибъ, погибъ вашъ бѣдный братъ:
Его на казнь вести хотятъ!

И слыша то, она пошла
Къ столу и чашу разлила,

И словно кровь янтарный сокъ
По бѣлой скатерти потекъ.

Ахъ, Боже мой! Ахъ, Боже мой!
Какъ быть! Вѣдь это знакъ дурной!...

Скорѣе, конюхи, скорѣй
Двѣнадцать мнѣ лихихъ коней!

Хотя на каждомъ загоню
Я на привалѣ по коню,

Но въ эту ночь доскачемъ мы
Въ Парижъ, до братниной тюрьмы!

III.

—

На-завтра пажика ведетъ
Палачъ на казнь, на эшафотъ.

Когда онъ первый шагъ ступилъ,
Онъ самъ съ собой проговорилъ:

Ужъ лучше умереть-бы мнѣ
Въ моей родимой сторонѣ!

Въ родной странѣ, гдѣ у меня
Моя сестра и вся родня!

Гдѣ всякой мигъ онѣ твердятъ:
Что, гдѣ-то онъ, нашъ милый братъ?

Me garfe kent hag ar maro,
Klevet kelou demeuz va bro;

Klevet kelou demeuz va c'hoar,
Va c'hoarik kez; daoust hag hi oar?

Floc'hig ar roue a lare
War leinig ar groug pa bigne:

Me glev ar ruiou o krena,
Gand heul va c'hoar o tont ama!

Va c'hoar zo erru d'am gwelet,
Enn hano Doue! gortoet!

Ar penn-arser, neuz respontet
D'ar floc'hik, pan'deuz hen klevet:

Kent ha ma vezo erruet,
C'hui a vezo bet dibennet.

Itron Bodinio a-neuze
Gand ar Bariziz c'houlenne:

Petra foul zo 'touez ar wazed;
Kement ma zo 'touez ar merc'hed?

. . . .

Hag hi da douch, enn eur hopa:
Va breur! va breur! losket-han'ta!

Losket-han gan-in, arserien,
Me rei d'hoc'h kant skoet aour melen;

Ступень другую онъ ступилъ
И самъ съ собой проговорилъ:

Кабы объ нихъ мнѣ услыхать,
Когда я стану умирать!

И знаетъ-ли сестра моя,
Что ныньче умираю я?

Ужъ на помостѣ онъ стоитъ
И палачу онъ говоритъ:

Я слышу стукъ по мостовой:
Палачъ, палачъ, постой, постой!

Я слышу стукъ, я слышу крикъ:
Палачъ, палачъ, единый мигъ!

Палачъ на то: отвѣтъ мой весь:
Покуда будетъ дама здѣсь,

На помощь къ вамъ, Корнвалльскій пажъ,
Ужѐ рѣшится жребій вашъ! —

Она спѣшитъ, она летитъ,
Дорòгой встрѣчнымъ говоритъ:

Зачѣмъ собрàлся тамъ народъ?
Кому поставленъ эшафотъ?

. . . .

Она коня пускаетъ вскачъ:
Постойте мигъ одинъ, палачъ!

Сто золотыхъ экю отдамъ
Я какъ одинъ динарій вамъ,

Me rei d'hoc'h, evel eunn diner,

Daou c'hant mark argant Landreger.

Gand ar groug dal' ma tigoueaz,

Penn he breur troc'het a goueaz,

Ken a strinkaz goad war he lenn,

Hag hen ruiaz a-benn-da-benn.

IV.

—

Iec'hed, roue ha rouanez,
Pa m'oc'h ho taou enn ho palez.

Pe seurt torfed en deuz hen gret,
Pe ma bet gen-hoc'h dibennet?

C'hoari klenv heb grad ar roue;
Laza kaeran floc'h en devoue.

Ar c'hleze na ziwenner ked
Me chans, heb kaout abeg e-bed.

Abeg en deuz bet, a dra skler,
Evel m'en deveuz al lazer.

Lazerien, otrou, n'em omp ket,
Na denchentil Breiz kenneubet,

Na denchentil gwirion e-bed....
. . . .

И двѣсти марокъ серебра
Изъ Ландрегерскаго двора!

Но лишь сказала тѣ слова, —
Съ крыльца скатилась голова,

И льется крови алый токъ
По эшафоту и съ досокъ

Бѣжитъ струею на крыльцо —
И брызнулъ прямо ей въ лицо!

IV.

Король со всѣмъ дворомъ своимъ
И Королева вмѣстѣ съ нимъ,

Сидятъ въ Парижѣ, во дворцѣ,
Сидятъ — веселье на лицѣ.

День добрый вамъ на много лѣтъ,
Король, но дайте мнѣ отвѣтъ,

За-что̀ казненъ мой бѣдный братъ?
Въ чемъ былъ предъ вами виноватъ?

Онъ закололъ у насъ пажа,
Когда заснули сторожа,

И какъ убійца осужденъ
И смертной казнію казненъ! —

Твои слова мнѣ не отвѣтъ:
Убійцъ, Король, межъ нами нѣтъ!

Онъ мстилъ за честь, какъ дворянинъ. . .
. . . .

V.

—

Eunn diou pe deir zun goude-ze,
Eur c'hannadour a zigoueze,

'Zigoueze deuz bro Normaned,
Gant-han lizeriou siellet,

Lizeriou siellet e ru,
Da roi d'ar roue Loeiz doc'htu;

Ar roue pan' deuz ho lennet
Sellet ken du en deveuz gret,

Sellet ken du evel eur c'haz
'Vel eur c'haz-gwe tihet el las.

Malloz-ru! m'am bije gouiet,
Ar wiz na vije ket kuitet!

Ouspenn dek mil skoed a gollann,
Ha dek mil den war benn unan!

MELLEZOUROU ARC'HANT.

—

Chileuet holl, ho! chileuet!
Ur zonik neue zou sauet.

Ar Varc'hait doc'h Gerglujar,
Probikan plac'h a oa enn doar.

Hag he mamm a lare d'ehi:
Mac'haid geh, koantik hoc'h-hui!

Ha petra vern d'eing bout ken brao,
Pa n'em zimeiet ked atao?

V.

—

Недѣли три прошло съ тѣхъ поръ,
Летитъ гонецъ во весь опоръ,

Со стороны Нормандскихъ горъ,
Съ письмомъ, къ Людовику на дворъ.

Король печать письма взломалъ
И страшнымъ гнѣвомъ запылалъ,

И вдругъ глазами какъ сверкнетъ,
Чтò въ клѣткѣ одичалый котъ.

Когда-бы зналъ про это я,
Въ Бретань-бы не ушла свинья!

Сберечь-бы тысячи я могъ,
Когда-бы только не щенокъ!

СЕРЕБРЯНЫЯ ЗЕРКАЛА. (3)

—

Послушайте, пѣсню я вамъ пропою,
Послушайте новую пѣсню мою!

У матери дочь въ Керглуарѣ была,
Красавицей дѣвица всюду слыла.

И мать ей сказала: Маргета душа,
Ужъ какъ ты, Маргета, у насъ хороша!

Э, чтò мнѣ, на-чтò мнѣ вся эта краса!
Чтò яблокъ на яблони, весь налился:

Ha pa ve ann aval e ru,
Red eu he gutuil, ha doc'htu!

Koei ra doc'h ar ween ann aval;
Ma na gutuler, ia da fall.

Me merc'hik, en emgonfortet,
Abenn ur bloe e vec'h dimet.

Ha mar varvann arog ur ble?. . . .
Hui po glac'har vraz goude-ze!

Ma varvann-me arog ur ble,
Me laket enn ur be neue.

Laket tri bouked ar me be,
Unan a roz, daou a lore.

Pa zeuio ar gloer d'er vered,
E gemerint bep ur bouked,

Hag e larint 'nn eil d'egile:
Chetu eur plac'h ieuank ame

Pini a zou marue 'nn hi c'hoant,
Da zougenn mirouereu argant. —

. . . .

DIOUGAN GWENC'HLAN.

I.

—

Pa guz ann heol, pa goenv ar mor,
Me oar kana war dreuz ma dor.

Pa oann iaouank me a gane,
Pa'z onn deut koz, me gan ive.

Виситъ и на вѣткѣ качается онъ,
Свали́тся, — изъ саду укатится вонъ!...

Утѣшься, утѣшься: тебя черезъ годъ
Женихъ къ алтарю подъ вѣнецъ поведетъ!

А что̀, коли мнѣ умереть до того?
Тогда — вы тогда не тревожьте его!

Его не тревожьте, а мнѣ поскорѣй
Изладьте, изладьте вы гробъ поповѣй!

И три мнѣ положьте пучка въ голова:
Изъ лилій одинъ и лавровые два: (4)

Три клерка, три мо̀лодца мимо пройдутъ,
Съ собою они по пучку унесутъ;

И скажетъ одинъ, и промолвитъ другой:
Красавица дѣва здѣсь спитъ подъ землей!

Красавица дѣва съ тоски умерла,
Что брачнаго пояса долго ждала!

....

ПРОРИЦАНІЯ ГВЕНГЛАНА.

I.

—

Когда за рощей солнце спитъ
И море воетъ и шумитъ;

Я у дверей моихъ пою,
Какъ пѣлъ и въ молодость мою;

Me gan enn noz, me gan enn de;
Ha keuziet onn koulskoude.

Mar 'd eo gan-in stouet ma bek,
Mar 'm euz keun ne ket heb abek.

Evid aoun me n'am euz ket,
Meuz ked aoun da vout lazet;

Evid aoun me n'am euz ket;
Amzer awalc'h ez onn-me bet.

Pa vinn ket klasket, vinn kavet;
Ha pa 'z onn klasket ne'z onn ket.

Na vern petra a c'hoarvezo:
Pez a zo dleet, a vezo.

Red eo d'ann holl mervel teir gwes,
Kent evid arzao enn-divez.

II.

—

Pa oann em bez ien, hunet dous,
'Kleviz ann er 'c'hervel, enn nouz.

He erigou hen a c'halve;
Hag ann holl evned euz ann ne;

Hen lavare dre he c'hervel:
Savet prim war ho tiou-askel!

Ne ket kik brein chas pe zenved,
Kik kristen renkomp da gaouet!

Morvran goz, leo; lavar d'i-me:
Petra c'hoari gen-oud aze?

Пою и ночь, пою и днемъ,
Да горько нà сердцѣ моемъ.

Но знаю я, о чемъ печаль,
Чего хочу, чего мнѣ жаль:

Не страхъ врага меня томитъ,
И не боюсь я быть убитъ;

Не страхъ врага: пускай убьютъ!
Погибну я, — живъ будетъ трудъ!

Меня искать, такъ не найти,
Пока не встрѣчусь на пути.

Не зри гадательно впередъ:
Чему случиться, не минётъ.

Умри три раза человѣкъ,
Пока ты не заснулъ навѣкъ!

II.

—

Я спалъ въ могилѣ; ночь была, —
И вдругъ услышалъ клектъ орла:

Онъ звалъ орлятъ, своихъ птенятъ,
Они летятъ, они шумятъ!

И онъ опять взываетъ къ нимъ:
Расправьте крылья, полетимъ!

Я слышу трупы Христiанъ....
Скажи, скажи мнѣ, старый вранъ: (5)

Чтò держишь ты въ когтяхъ своихъ?
Чего не выпустишь изъ нихъ?

Tal ar penn-lu c'hoari gan-in,
He zaoulagad ru a fel d'in;

He zaoulagad a grapann net,
Abek d'az re en deuz tennet.

Na te, louarn, lavar d'i-me
Petra c'hoari gen-oud aze?

He galon a c'hoari gan-i
Oa ken diwir ha ma hani,

E deuz c'hoantaet da lazo,
E deuz da lazet a bell zo.

Na te lavar d'i-me, tousek,
Petra rez aze 'korn he vek?

Me a zo ama 'n em laket,
'C'hortoz he ene da zonet.

Gan-i-me vo tra vinn er bed,
Enn damant glan oc'h he dorfed

E kever ar Barz na jomm ken
Etre Roc'h-allaz ha Porz-gwenn.

LOIZA HAG ABALARD.

Ne oann nemed daouzek vloa pa guitiz ti ma zad,
Pa oann eet gand ma c'hloarek, ma Abalardik mad.

Pa oann-me eet da Naonet gand ma dousik kloarek
Ne ouienn tra, ma Doue, nemed ar brezonek;

Ne ouienn tra, ma Doue, met laret ma fater,
Pa oann-me plac'hik bihan e ti ma zad er ger.

То голова вождя людей, (6)
Два глаза огненные въ ней;

За то, за то я вырву ихъ,
Что̀ онъ лишилъ тебя твоихъ.

А ты что̀ рвешь тамъ въ сторонѣ,
Скажи, скажи, лисица, мнѣ!

То сердце злобное его,
Что̀ было лживѣй моего,

Что̀ было лживѣй и лютѣй
И смерти жаждало твоей.

А ты, а ты что̀, жаба, тамъ?
Чего ты шаришь по угламъ?

Моя добыча хороша:
Вождя свирѣпая душа!

Лишь выйдетъ, вмигъ ее схвачу:
Я съ ней разстаться не хочу,

Затѣмъ, что стоиетъ въ этотъ часъ
О бардѣ Гвеннъ и Рохъ-Аллазъ!

ЭЛОИЗА И АБЕЛАРДЪ. (7)

Двѣнадцать было весенъ мнѣ, когда, покинувъ свѣтъ,
За Абелардикомъ моимъ я побѣжала вслѣдъ.

Когда-же прибыли мы въ Наитъ, о Боже, отъ чего
Я кромѣ клерка моего не знала ничего?

Молиться Богу одному и кромѣ ничему,
Я не училась ничему у батюшки въ дому.

Hogen breman, disket onn, disket onn mad a-grenn;
Me oar Galleg ha Latin, me oar skriva ha lenn;

. . . .

Me oar kaout ann aour melen, ann aour touez al ludu;
Hag ann argant touez ann drez, pa'm euz kavet ann tu:

Me oar mont da giez du, pe da vran, p'am euz c'hoant;
Pe da botrik ar skod-tan, pe da aerouant;

Me oar eur zon hag a lak ann envou da frailla
Hag ar mor braz da zridal, hag ann douar da grena.

Me oar me kement tra zo, er bed-man da c'houiet,
Kement tra zo bet gwechall, kement zo da zonet.

Kentan louzou am euz gret gant ma dousik kloarek,
Oe gand lagad klei eur vran ha kalon eunn tousek;

Ha gand had ar raden glaz, deon ar puns kant goured,
Ha grouiou ann aour-ieoten war ar prad dastumet;

Dastumet, diskabel-kaer, d'ar goulou-de a-grenn,
Nemed ma iviz gan-in, hag ouspenn dierc'henn.

Kenta 'toliz ma louzou da c'hout hag hen oa mad,
A oe e-kreiz park segal ann otrou ann Abad,

Deuz triouec'h bigouad segal doa hadet ann Abad,
N'en deuz bet da zastumi nemed diou guichennad.

Me 'm euz eunn arc'hig argant er ger e ti ma zad,
Ann hini hen digorfe en defe kalonad;

Hag enn han teir aer-wiber o c'houri ui aerouant,
Mar deu ma aerouant da vad, neuze vo nec'hamant.

Mar deu ma aerouant da vad, a vo gwall nec'hamant;
Seiz leo war-dro ac'hannen e teuio da doll tan.

А нынче все узнала я: по-Гальски учена,
И по-Латыни говорю и знаю письмена . . .

. . . .

Я захочу, — и серебро, и мѣдную руду,
И злато въ темныхъ рудникахъ сокрытое найду.

Я захочу, — и обернусь змѣею, псомъ, орломъ,
Иль по болотамъ пролечу болотнымъ огонькомъ.

А если пѣсню пропою, — отъ пѣсни той моей
Падутъ на землю небеса и дрогнетъ хлябь морей!

Я знаю все, что̀ можетъ знать въ семъ мірѣ человѣкъ,
Что̀ есть, что̀ будетъ впереди, что̀ минуло до-вѣкъ.

Я сердце жабы испекла, колдуя въ первый разъ,
Я сердце жабы испекла и съ ней вороній глазъ;

И свѣжей папороти горсть, сокрытой въ лонѣ водъ,
И корень тмина золотой, что̀ на̀ полѣ растетъ.

Въ однихъ рубашкахъ рыли мы тотъ корень золотой,
Въ однихъ рубашкахъ, босикомъ, съ открытой головой;

А совершали въ первый разъ лихое колдовство
На пивѣ съ рожью, на землѣ аббата одного.

Аббатъ посѣялъ двадцать мѣръ, полна была крупа;
Аббатъ посѣялъ двадцать мѣръ, а вышло два снопа.

Есть ларчикъ мѣдный у меня, у батюшки въ дому:
Кто ларчикъ вздумаетъ открыть, бѣда, бѣда ему!

Въ ларцѣ три аспида сидятъ, свернувшись въ три кольца,
Подъ ними три, подъ ними три драконовыхъ яйца.

Когда выводится драконъ, весь пышетъ онъ огнемъ,
Весь пышетъ онъ, пылаетъ онъ, сжигаетъ все кругомъ!

Ne ket gand kik klujiri na kik kevelied,
Gand goad sakr ar re zinam, eo int gan-in maget.

. . . .

Mar jommann war ann douar, ha gan-in ma goulaou,
Mar jommomp war ar bed-man, c'hoaz eur bloavez pe zaou;

C'hoaz eunn daou pe dri bloavez ma dous ha me hon daou,
Ni a lakai ar bed-man da drei war he c'henaou.

Evesait mad, Loizaik, evesait d'hoc'h ene,
Mar 'd eo ar bed-man d'hoc'h-hu, da Zoue egile.

GWIN AR C'HALLAOUED.

—

Gwell eo gwin gwenn bar
Na mouar!
Gwell eo gwin gwenn bar. —
Tan! tan! dir! oh! dir! tan! tan! dir ha tan!
Tann! tann! tir! ha tonn! tonn! tir ha tann!

Gwell eo gwin nevez
Oh! na mez;
Gwell eo gwin nevez. —
Tan! tan! dir! oh! dir! tan! tan! dir ha tan!
Tann! tann! tir! ha tonn! tonn! tir ha tann!.

Gwell eo gwin a lufr
Oh! na kufr;

Для нихъ въ лѣсу тетеревовъ и слукъ я не ловлю,
А кровью маленькихъ дѣтей я аспидовъ кормлю;

. . . .

Коль я останусь на землѣ и силы всѣ со мной,
Коль мы останемся еще годокъ одинъ-другой;

Еще другой и третій годъ мы съ другомъ проживемъ,
Мы землю всю, и цѣлый міръ, и все перевернемъ.

Колдунья! берегитесь вы: придетъ конецъ и вамъ:
Владыки здѣсь вы на землѣ, а Богъ владыка тамъ!

ВИНО, ОТНЯТОЕ У ГАЛЛОВЪ.

Намъ сладко пить враговъ вино,
Давнымъ давно,
Намъ сладко пить враговъ вино. —
Огонь и мечъ!
И жечь, и сѣчь!
Огонь, огонь,
Огонь и мечъ! (8)

Вино, вино, и день, и ночь!
А пиво прочь!
Вино, вино, и день, и ночь! —
Огонь и мечъ!
И жечь, и сѣчь!
Огонь, огонь,
Огонь и мечъ!

Не такъ бѣжитъ, не такъ течетъ
Шипучій медъ;
Не такъ бѣжитъ, не такъ течетъ! —

Gwell eo gwin a lufr. —
Tan! tan! dir! oh! dir! tan! tan! dir ha tan!
Tann! tann! tir! ha tonn! tonn! tir ha tann!

Gwell eo gwin ar Gall
Nag aval;
Gwell eo gwin ar Gall. —
Tan! tan! dir! oh! dir! tan! tan! dir ha tan!
Tann! tann! tir! ha tonn! tonn! tir ha tann!

Gall, d'id, kef ha deil
D'id pez-teil!
Gall, d'id, kef ha deil. —
Tan! tan! dir! oh! dir! tan! tan! dir ha tan!
Tann! tann! tir! ha tonn! tonn! tir ha tann!

Gwin gwenn, d'id, Breton
A galon!
Gwin gwenn, d'id, Breton. —
Tan! tan! dir! oh! dir! tan! tan! dir ha tan!
Tann! tann! tir! ha tonn! tonn! tir ha tann!

Gwin ha goad a red
Enn gefred;
Gwin ha goad a red. —
Tan! tan! dir! oh! dir! tan! tan! dir ha tan!
Tann! tann! tir! ha tonn! tonn! tir ha tann!

Огонь и мечъ!
И жечь, и сѣчь!
Огонь, огонь,
Огонь и мечъ!

Изъ яблокъ сокъ не такъ-бы текъ,
Изъ яблокъ сокъ,
Изъ яблокъ сокъ не такъ-бы текъ! —
Огонь и мечъ!
И жечь, и сѣчь!
Огонь, огонь,
Огонь и мечъ!

Тебѣ враговъ, листовъ и лозъ;
Тебѣ, навозъ!
Тебѣ враговъ, листовъ и лозъ! —
Огонь и мечъ!
И жечь, и сѣчь!
Огонь, огонь,
Огонь и мечъ!

Тебѣ вино, тебѣ, Бретонъ!
Изъ чаши вонъ!
Тебѣ вино, тебѣ, Бретонъ! —
Огонь и мечъ!
И жечь, и сѣчь!
Огонь, огонь,
Огонь и мечъ!

Вино и кровь, уста раскрой!
Вино и кровь!
Вино и кровь, уста раскрой! —
Огонь и мечъ!
И жечь, и сѣчь!
Огонь, огонь,
Огонь и мечъ!

Gwin gwenn ha goad ruz
Ha goad druz;
Gwin gwenn ha goad ruz. —
Tan! tan! dir! oh! dir! tan! tan! dir ha tan!
Tann! tann! tir! ha tonn! tonn! tir ha tann!

Goad ruz ha gwin gwenn
Eunn aouen!
Goad ruz ha gwin gwenn. —
Tan! tan! dir! oh! dir! tan! tan! dir ha tan!
Tann! tann! tir! ha tonn! tonn! tir ha tann!

Goad ar C'hallaoued
Eo a red;
Goad ar C'hallaoued. —
Tan! tan! dir! oh! dir! tan! tan! dir ha tan!
Tann! tann! tir! ha tonn! tonn! tir ha tann!

Goad ha gwin eviz
Er gwall vriz;
Goad ha gwin eviz. —
Tan! tan! dir! oh! dir! tan! tan! dir ha tan!
Tann! tann! tir! ha tonn! tonn! tir ha tann!

Gwin ha goad a vev
Neb a ev;
Gwin ha goad a vev. —
Tan! tan! dir! oh! dir! tan! tan! dir ha tan!
Tann! tann! tir! ha tonn! tonn! tir ha tann!

Вино свѣтло, а кровь красна,
Краснѣй вина;
Вино свѣтло, а кровь красна. —
Огонь и мечъ!
И жечь, и сѣчь!
Огонь, огонь,
Огонь и мечъ!

Вино и кровь течетъ рѣкой,
Передо мной;
Вино и кровь течетъ рѣкой. —
Огонь и мечъ!
И жечь, и сѣчь!
Огонь, огонь,
Огонь и мечъ!

Я настигалъ, ты убѣгалъ,
Трусливый Галъ!
Я настигалъ, ты убѣгалъ! —
Огонь и мечъ!
И жечь, и сѣчь!
Огонь, огонь,
Огонь и мечъ!

Съ тобой въ бою сосу и пью
Я кровь твою;
Съ тобой въ бою сосу и пью. —
Огонь и мечъ!
И жечь и сѣчь!
Огонь, огонь,
Огонь и мечъ!

Въ крови, въ винѣ, тамъ любо мнѣ,
Мнѣ на войнѣ;
Въ крови, въ винѣ, тамъ любо мнѣ. —
Огонь и мечъ!
И жечь, и сѣчь!
Огонь, огонь,
Огонь и мечъ!

SEIZEN EURED.

I.

—

Antronoz ma oann dimet e oann-me kemennet;
Da heulia baron Riek oa red d'in-me monet;
Da heulia 'nn otrou baron ha da dreuzi ar mor,
O klask harpa, mar geller, bar Bretoned-tre-mor.

Deuz gan-i-me, va floc'hik, war ar mez da vale;
Me a renk-me kimiada gand ma mestrez fete;
Me a renk-me kimiada fenoz gand ma mestrez,
Pe ma c'halon a ranno em c'hreiz gand ann enkrez.

Dre ma tostee ouz ker nemet krena na re;
Pa eaz tre barz ann ti he galon a bike.
Tostait, va otrou ker, ha deut etal ann tan;
Me ia da oza d'hoc'h-hu brema souden askoan.

Sal-ho-kraz, va moerep goz, askoan ne c'houlann ket,
Nemet komza ouz ho merc'h, mar bez d'in otreet.
Ann itron dal 'm'he glevaz, a dennaz he boutou,
Hag a lammaz war ar bank war zoliou he lerou;

Lammout eure war ar bank war azel ar gwele:
Dihun, ma merc'h Loida, ha sav deuz alese;
Dihun, ma merc'h, dihun mad, ha sav euz da wele;
Da gomz ouz da zen-iaouank zo erruet ame.

Oa ked ar ger achuet, hi a lammaz buhan,
Diflasket he bleo peur-zu war he di-skoa gwenn-kann:
Siouaz d'in, va c'haredik, siouaz d'in Loida,
Me a renk mont war ar mor, ma a renk kimiada.

Me a renk mont da vro-Zaoz da heul ost ar baron,
N'euz nemed Doue a oar mar zo keun em c'halon.
Han Doue! ma den-iaouank, na eet ket war ann dour!
Ann avel a zo edro hag ar mor zo traitour.

СВАДЕБНЫЙ ПОЯСЪ.

—

Сегодни сговоръ мой, а завтра приказъ
Мнѣ за море ѣхать, невѣста, отъ васъ,
Мнѣ за море ѣхать съ барономъ Ріекъ: (9)
Прощайте, невѣста, быть можетъ, на вѣкъ!

Пойдемъ на деревню, мой пажикъ, скорѣй:
Мнѣ надо проститься съ невѣстой моей,
Мнѣ надо еще на невѣсту взглянуть,
Не то разорвется отъ горести грудь!

Чѣмъ ближе онъ къ дому ея подходилъ,
Тѣмъ больше дрожалъ онъ и сердцемъ грустилъ;
Когда-жъ подошелъ и ступилъ на порогъ,
Онъ вымолвить слова отъ горя не могъ.

Пожалуйте, сударь, мы рады гостямъ!
Къ огню подойдите, я ужинъ подамъ! —
Спасибо, я ныньче, не ѣмъ и не пью,
Но кликните, матушка, дочку свою!

И дама, отбросивши чоботы прочь,
Пошла, гдѣ въ постелѣ покоилась дочь,
И кличетъ, въ чулкахъ подошедши однихъ:
Лоида, Лоида! скорѣе! женихъ!

Лоида вскочила — и косы до пятъ
Упали — темнѣе, чѣмъ темный агатъ;
А бѣлая шея и плечи у ней
Лебяжьяго пуху бѣлѣй и нѣжнѣй.

Пришелъ разставанья печальнаго часъ:
Я за море ѣду, невѣста, отъ васъ;
Единому вѣдомо Богу о томъ,
Какъ горько и тяжко на сѣрдцѣ моемъ!

Ma teufe d'hoc'h da vervel, petra ve ac'hanon?
O kahout kelou ouz-hoc'h rannafe ma c'halon;
O vonet gand ann ojou deuz ann eil lonch d'e-benn:
Klevet hoc'h-euz, merdaidi, klevet roud euz ma den?

Ar plac'h iaouang a wele; hen en deuz he freget:
Tevet, tevet, Loida, ouz in na welet ket,
Eur zeien a zasinn d'hoc'h demeuz glaz-aleuret,
Eur zeien eured e vouk hag hi rumenluiet.

Neb a wele ar marc'hek 'nn he gaonze tal ann tan,
He vuia-karet soublik war benn he c'hlin gant han,
Gant hi e kerc'hen he c'houg he divrec'h, o wela,
Heb laret ger, o c'hortoz ann de da gimiada.

Ha pa baraz ar goulou, ar marc'heg a lare:
Kana a ra ar c'hillok, ma dous, chetu ann de.
Ne c'hall! va muia-karet, ne c'hall! gaou a lavar;
Nemed al loar war ar roz, nemed al loar a bar.

Sal-ho-kraz, me wel ann heol dre volzennou ann nor;
Pred eo d'i-me kimiada, pred eo d'in mont war vor.
Hag hen kuit; ha tre' ma ee gregache ar biked:
Evid ar mor bout traitour, traitouroc'h ar merc'hed.

Останьтесь, женихъ мой: морская волна,
Я знаю, морская волна не вѣрна!
Что̀, если корабль вашъ затопитъ волной
И вы не вернетесь, — что̀ будетъ со мной?

Я стану по взморью всечасно бродить
И людямъ прохожимъ я стану твердить:
Прохожіе люди, скажите вы мнѣ,
Что̀ дѣлаетъ другъ мой въ чужой сторонѣ? —

И плакать невѣста, а онъ утѣшать:
Не плачьте, невѣста, вернусь я опять!
Тамъ поясъ куплю я рубиновый вамъ,
Рубиновый поясъ, жемчугъ по краямъ!

Всю ночь просидѣли они у огня,
Всю ночь просидѣли до бѣлаго дня.
Припавъ головою ко другу на грудь,
Невѣста рыдала, не смѣя дохнуть.

Но только блеснула на небѣ заря,
Съ невѣстой прощаться онъ сталъ, говоря:
Прощайте, невѣста! ужъ день настаетъ!
Но другу невѣста итти не даетъ!

Постойте, мой другъ! отвѣчаетъ она:
Не день это блещетъ, а свѣтитъ луна! —
Какая луна тамъ! Давно ужъ отсель
Я солнышко вижу въ замочную щель! —

Онъ въ путь.... но лишь только ступилъ на порогъ,
Услышалъ онъ щокотъ болтливыхъ сорокъ:
Волна измѣняетъ, но пуще волны
Измѣнчиво сердце лукавой жены!

II.

Da wel-Iann-dibun-ann-est, ar plac'h a lavare:
Pell war ar mor e weliz deuz beg menez Are,
Pell war ar mor e weliz eul lestr hag hen war var;
Hini oa war ann aroz hennez hini am c'har.

Gant han eur glenv enn he zorn, hag hen e gwall stourmad;
Tud varo endro d'ezhan, he roched leun a c'hoad.
Achu e gand ma den paour! achu! a lavare.
Ha d'ann eginat neve oa dimet adarre.

Ken a oe kaset kelou, kelou mad dre ar vro:
Achuet eo ar brezel! deut ar marc'heg endro!
Deut eo endro d'ar maner, hag hen dreo ha divank;
Mont a ra enn noz genta da ved he blac'h iaouank.

Dre ma 'tostee ouz ker 'gleve son ar c'houitou,
Luc'ha wele ar maner gand ar goulouennou:
Eginanerien laouen, ha pa m'hoc'h war vale,
Pez a vad e lec'h hoc'h bet? pe son a glevann-me?

Son ar c'houitourien, otrou, o sini daou ha daou:
Ema ar zouben dre lez o vont war ann treujaou;
Son ar c'houitourien, a-vad, o sini tri a tri:
Ema ar zouben dre lez o vont tre barz ann ti.

III.

Pa oa peorien ann eured ouz ann dol er maner,
Erruaz eunn truant kez o c'houlenn digemer.
Ha me hallfe kaout boed ha bout digemeret,
Chetu ann abarde-noz, n'ouzonn pelec'h monet.

II.

—

Ужѐ наступаетъ осенній Иванъ; (10)
Невѣста сказала, глядя сквозь туманъ:
Съ вершины Арезской я вижу вдали
Бретонскіе наши плывутъ корабли;

Стоитъ на кормѣ одного корабля
Тотъ витязь, который такъ любитъ меня;
И весь онъ изсѣченъ, изрубленъ въ бою,
И кровью забрызгалъ рубашку свою!

Годъ минулъ и новый уже настаетъ,
И руку другому она отдаетъ.
Но кончена битва! — скорѣе, скорѣй,
Женихъ, поспѣшай ты къ невѣстѣ своей!

Онъ входитъ въ деревню и слышитъ онъ вдругъ
Веселыя пѣсни и торбана звукъ. (11)
Друзья-этреннёры, скажите, къ чему (12)
И пѣсни, и музыка въ этомъ дому? —

Въ дому торбанисты играютъ теперь:
Откройте вы супу молочному дверь! (13)
Въ дому торбанисты играютъ потомъ:
Пожаловалъ въ комнаты супъ съ молокомъ!

III.

—

Садились калики за свадебный столъ;
Къ воротамъ прохожій бѣднякъ подошелъ;
Онъ стукнулъ въ вороты: позвольте войти!
Ужъ ночь наступила, я сбился съ пути!

Eleal, paour kez truant, digemer e kefet,
Ha kevret gand ar re all aman e koaniet;
Tostait eta, den mad, ha deut tre barz ann ti,
Va fried kerkent ha me ni ia d'ho servichi.

Benn ar c'henta diaze, hi e deuz goulennet:
Petra c'hoarv gen-hoc'h, paour kez, ha pa na zanset ket?
Netra c'hoarv gen-in, itron, pa na zansann ket-me,
Nemet sabatuet onn gand skuizder o vale.

Benn ann eilved diaze e c'houlennaz gant han:
Skuiz em 'oc'h ato, den mad, pa na zanset breman?
Skuiz em onn ato, a-vad, pa na zansann, itron,
Skuiz em onn, hag ouspenn-ze tenn eo war ma c'halon.

Benn ann deirved diaze, enn eur c'hoarzin e-leal,
Hi ha lavaraz d'ezhan: deut gen-in da zansal.
Houn-nez zo d'in eunn inor ha na zelleann ket,
Hogen na inn d'ho tinac'h, na den seven e-bet.

Ha tra ma oant gand ar bal, war he zu o stoui,
'Grosmolaz e pleg he skouarn, o c'hoarzin-glaz out hi:
Pale'ma ar gwalen aour poa bet digan-i-me,
War dreuzou-nor ar zall-ma, bloa zo, de evid de?

Hag hi kroaza he daouarn o sellet tre ma 'nn ec'h:
Bete vreman, ma Doue, am boa bevet dinec'h!
Me venne oann intanvez ha bez d'in daou bried!
Gwall vennet oc'h-euz, va dous, n'ec'h euz hini e-bet!

Hag hen da denn eur c'hour-glenv deuz didan he jupen,
Ha da skei gand ann itron bete poul he c'herc'hen,
Ken e teuaz da stoui war he daoulin soublik:
Ma Doue, 'me, ma Doue! — hag hi da vervel-mik.

Прохожему гостю отвѣтили такъ:
Войдите, войдите, любезный бѣднякъ!
Садитесь съ другими за свадебный столъ! —
И въ комнату гостемъ прохожій вошелъ.

Какъ стали плясать по отходѣ стола,
Сама молодая къ нему подошла:
Что̀ съ вами? пляшите! но онъ отвѣчалъ:
Я радъ поплясалъ-бы, да очень усталъ!

Какъ стали кружиться и снова плясать,
Къ нему молодая подходитъ опять:
Что̀ съ вами? пляшите! прохожій въ отвѣтъ:
Я радъ поплясалъ-бы, да бодрости нѣтъ!

Какъ начали въ третій, съ улыбкой живой
Ему молодая: танцуйте со мной!
А нищій: я былъ-бы весьма не учтивъ,
Когда не пошелъ-бы на дамскій призывъ! —

Какъ стали кружиться, — ей глядя въ лицо,
Онъ съ хохотомъ молвилъ: гдѣ ваше кольцо,
Что̀ вамъ подарилъ я полгода тому,
На этомъ порогѣ и въ этомъ дому?

О Боже! воскликнула дама, стеня:
О Боже! два мужа теперь у меня! —
Вы лжете предъ Богомъ! прохожій въ отвѣтъ:
Здѣсь мужа у васъ ни единаго нѣтъ!

И страшно взглянулъ онъ и вынулъ кинжалъ,
Который дотолѣ подъ платьемъ скрывалъ,
И въ самое сердце онъ даму пронзилъ,
И дама упала, лишенная силъ.

IV.

—

E Daoulaz zo eur werc'hez e iliz 'nn abatti
Eur zeien glazaleuret rumenluiet gat-hi:
Ma ec'h euz c'hoant da c'houzout piou en deuz hi gwestlet,
Goul gand ar manac'h nec'het zo a-is hi stouet.

IV.

—

Въ Давласѣ есть ста̀туя Дѣвы святой,
Рубиновый поясъ на ста̀туѣ той;
Чей даръ этотъ поясъ, вамъ скажетъ монахъ,
Что̀ молится Дѣвѣ, поверженный въ прахъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Пенфентеніо, или Бенфентеніо — одна изъ древнихъ и знаменитыхъ Бретонскихъ фамилій. Перейдя во Францію, она измѣнилась въ Chef-fontaines.

2) Бодиніо — также извѣстная Бретонская фамилія.

3) Серебряныя зеркала — поясъ изъ серебряныхъ зеркалъ. Поясомъ обыкновенно даритъ женихъ невѣсту. Ждать пояса, значитъ — ждать жениха, замужества. Эта пѣсня одна изъ тѣхъ, которыя мать Вилльмарке́ слышала еще въ дѣтствѣ.

4) Въ подлинникѣ: одинъ изъ розъ и два изъ лавровъ.

5) Въ подлинникѣ — *морской вранъ*, morwran. *Вранъ* по-Бретонски wran.

6) Здѣсь говорится объ одномъ иноземномъ Вождѣ, котораго имя неизвѣстно. Этотъ Вождь преслѣдовалъ Гвенглана, захватилъ его въ плѣнъ, лишилъ глазъ и бросилъ въ тюрьму, гдѣ тотъ и умеръ. Эти пѣсни, приписываемыя Гвенглану, сложены на Трегьерскомъ нарѣчіи и поются только въ Корнваллін.

7) Элоиза и Абелардъ! кому не извѣстны имена этихъ несчастныхъ любовниковъ? Абелардъ былъ родомъ Бретонецъ, извѣстный ученый своего времени (1099) и аббатъ монастыря Свят. Гильдаса Руизскаго (Saint-Gildas de Rhuys). Онъ сталъ учить Элоизу Латинскому языку; они влюбились другъ въ друга и умерли отъ любви. Элоиза была также образованная дѣвушка и потому въ народной пѣснѣ попала въ колдуньи. — Абелардъ, поживши во Франціи, кажется совсѣмъ офранцузился; онъ считалъ своихъ соотечественниковъ варварами (Villemarqué, T. I. Introduction, стран. II.), сожалѣлъ, что принужденъ жить между ними, и хвалился незнаніемъ Бретонскаго языка, о которомъ выражался такъ: lingua mihi ignota et turpis. — Пѣсня объ Элоизѣ и Абелардѣ очень извѣстна въ Бретани и поется на всѣхъ четырехъ нарѣчіяхъ Бретонскаго языка.

8) Въ переводѣ Вилльмарке́ этотъ припѣвъ переданъ такимъ образомъ: огонь! огонь! мечъ! о мечъ! огонь! огонь! мечъ и огонь! дубъ! дубъ! земля! и волна! волна! земля и дубъ! — Едва-ли это такъ; мнѣ кажется, здѣсь повторяются нѣсколько разъ слова: *tan* (огонь) и *dir* (сталь, мечъ) съ небольшимъ измѣненіемъ въ началѣ и въ концѣ, что свойственно Бретонскому языку, по замѣчанію самаго-же Вилль-

марке́ (Preambule, стран. viij). — Любопытны бываютъ иногда эти измѣненія и сокращенія словъ; читатель можетъ замѣтить въ пѣснѣ Mellezourou arc'hant (*Серебряныя зеркала*) имя Varc'hait — Маргета, которое въ 3 двустишіи ужѐ Mac'haid. Я встрѣтилъ одно сокращеніе въ пѣснѣ Lez-Breiz (T. I. стран. 142) Anna Armor — Anna r'vor.

9) Баронъ Жанъ де Ріекъ (Jean de Rieuk, по пѣснѣ Riek, по-Французски — Rieux) начальникъ морской экспедиціи Бретонцевъ противъ Англичанъ, въ 1405 году.

10) Осенній Иванъ — Da wel-Iann-dibun-ann-est — въ переводѣ Вилльмарке́ — Saint-Jean d'automne.

11) Торбана звукъ — son ar c'houitou. у Вилльмарке́: le son des rotes. La rote — круглая гитара.

12) Этреннёры — я не умѣлъ лучше передать этого слова. По-Бретонски eginanerien; въ переводѣ Вилльмарке́: étrenneurs. Онъ замѣчаетъ въ концѣ I тома, на стран. 396: кэтреннёрами называются у насъ, во многихъ горныхъ кантонахъ Бретани, нищіе, которые собираются толпами по ночамъ объ Рождествѣ и переходятъ изъ деревни въ деревню, напѣвая: eghinad d'é! eghinad d'é! — сокращенно: eghina' né! (подари мнѣ! étrennes à moi!) что̀ измѣнилось за предѣлами Бретани въ Aguilaneuf, и долго сводило съ ума этимологовъ.» Кажется и теперь не рѣшили, что̀ такое это слово. Очень недавно я нашелъ два его толкованія въ журналѣ Illustration (7 и 21 Генваря, 1854 г.) — но эти толкованія хитрѣе Вилльмарке́ и потому, я думаю, дальше отъ дѣла. Шатобріанъ приводитъ также восклицаніе aguilaneuf, но безъ особеннаго объясненія, — Oeuvres complètes. Edition illustrée par M-rs Moraine, Staal et Ferdinand. Paris. T. III. page 429.

13) *Молочный супъ, супъ съ молокомъ* — значитъ «молодые, только-что обвѣнчавшіеся.»

—

N.B. Этой пѣсни у меня нѣтъ, по той причинѣ, что ея нельзя перевести вѣрно стихами. Но она весьма любопытна, тѣмъ болѣе, что подобныя пѣсни есть почти у всѣхъ народовъ. По формѣ она близка и къ нашей, и къ другимъ, но по содержанію не имѣетъ съ ними ничего общаго. Это что-то загадочное, странное, далекое. Объясненія Вилльмарке́

помогають не много. — Вотъ одна ея строфа, слово въ слово. На вопросъ дитяти, что̀ есть десять? Друидъ отвѣчаетъ:

Десять вражьихъ кораблей
Плыло изъ Нанта.
Горе вамъ, горе имъ, о люди Ванна!

Девять бѣлыхъ ручекъ на воздушномъ столѣ,
Около башни Лезармерской
И девять матерей, которыя испускаютъ вопли.

Девять корриганъ*
Танцуютъ, съ цвѣтами въ волосахъ, въ платьѣ изъ бѣлаго руна,
На берегу ручья, при сіяньи полнаго мѣсяца.

Восемь вѣтровъ, которые дуютъ.
Восемь огней съ огнемъ отца
Пылаетъ въ мѣсяцѣ Маѣ, на горѣ войны.

Восемь ясныхъ кобылицъ, бѣлыхъ какъ морская пѣна,
Пасется на травѣ глубокаго острова;
Восемь бѣлыхъ кобылицъ у госпожи.

Семь солнцевъ и семь лунъ;
Семь планетъ съ курицей,**
Семь стихій съ воздушной мукòй.

Шесть восковыхъ дѣточекъ,
Которые живятся дѣйствіемъ луны;
Если ты не знаешь, я знаю.

---

* Фей.

** Плеяды. У насъ въ народѣ *утиное гнѣздо, кучка, стожарь*. Послѣдніе два мнѣ случало̀сь слышать самому.

Шесть цѣлебныхъ травъ въ котлѣ;
Карликъ мѣшаетъ питье;
Пальчикъ во рту.

Пять поясовъ около земли.
Пять возрастовъ времени.
Дольменъ*** на нашей сестрѣ.

Четыре камня точильныхъ,
Камней точильныхъ Мерзина,
На которыхъ точатъ клинки.

Три части свѣта.
Три начала и три конца,
Для человѣка и для дуба.

Три царства Мерзина;
Золотыхъ плода, блестящихъ цвѣта;
Трое дѣточекъ, которые смѣются.

Два быка, которые тащутъ скорлупу,
Тащутъ, того и гляди издохнутъ;
Вотъ чудо!

Нужда одна.
Смерть мать печали.
Ничего прежде, ничего послѣ.

Тише, бѣлое дитя Друида! отвѣчай!
Тише! Что ты хочешь,
Чтобы я пропѣлъ тебѣ?

Дитя. Спой мнѣ, что есть одиннадцать, и все, что я узналъ доселѣ! и т. д.

*** Родъ кельи.

Послѣднее число, о которомъ спрашиваетъ дитя, — 12. Вотъ для сравненія Латинскій стихъ подобной формы:

Dic mihi quid decem?
Decem mandata Dei;
Novem angelorum chori;
Octo beatitudines;
Septem sacramenta;
Sex hydriæ,
Positæ
In Cana Galileæ;
Quinque libri Moysis;
Quatuor evangelistæ;
Tres sunt patriarchæ;
Duo testamenta;
Unus est Deus,
Qui regnat in cœlis.

Этотъ стихъ имѣетъ также 12 вопросовъ.

Русскій подобный стихъ находится въ *Русскихъ народныхъ пѣсняхъ П. Кирѣевскаго, часть I. Москва. 1848. Стр. 47.* Онъ также въ 12 вопросовъ.

ФРАНЦУЗСКІЯ.

—

Взяты изъ книги: Chants et Chansons populaires de la France. H. L. Delloye. Paris. 1843.

MORT ET CONVOI DE L'INVINCIBLE MALBROUGH.

Malbrough s'en va-t-en guerre,
Mironton, mironton, mirontaine,
Malbrough s'en va-t-en guerre,
Ne sait quand reviendra.

Il reviendra z-à Pàques,
Mironton, mironton, mirontaine,
Il reviendra z-à Pàques,
Ou à la Trinité.

La Trinité se passe,
Mironton, mironton, mirontaine,
La Trinité se passe,
Malbrough ne revient pas.

Madame à sa tour monte,
Mironton, mironton, mirontaine,
Madame à sa tour monte,
Si haut qu'ell' peut monter.

Elle aperçoit son page,
Mironton, mironton, mirontaine,
Elle aperçoit son page,
Tout de noir habillé.

Beau page, ah! mon beau page,
Mironton, mironton, mirontaine,
Beau page, ah! mon beau page,
Quell' nouvelle apportez?

Aux nouvell's que j'apporte,
Mironton, mironton, mirontaine,
Aux nouvell's que j'apporte,
Vos beaux yeux vont pleurer.

СМЕРТЬ И ПОГРЕБЕНІЕ НЕПОБѢДИМАГО МАЛЬБРУКА. (1)

—

Мальбрукъ въ походъ поѣхалъ,
Миронтонъ, миронтонъ, миронтень,
Мальбрукъ въ походъ поѣхалъ,
Ахъ, будетъ-ли назадъ?

Назадъ онъ будетъ къ Пасхѣ,
Миронтонъ, миронтонъ, миронтень,
Назадъ онъ будетъ къ Пасхѣ,
Иль къ Троицыну дню.

День Троицынъ проходитъ,
Миронтонъ, миронтонъ, миронтень,
День Троицынъ проходитъ,
Мальбрука не видать.

Мальбрукова супруга,
Миронтонъ, миронтонъ, миронтень,
Мальбрукова супруга
На башню всходитъ вверхъ.

Пажа оттуда видитъ,
Миронтонъ, миронтонъ, миронтень,
Пажа оттуда видитъ,
Онъ въ черномъ весь одѣтъ.

Ахъ, пажъ мой, пажъ прекрасный,
Миронтонъ, миронтонъ, миронтень,
Ахъ, пажъ мой, пажъ прекрасный,
Что новаго у васъ?

Принесъ я вѣсть дурную,
Миронтонъ, миронтонъ, миронтень,
Принесъ я вѣсть дурную:
Пролить вамъ много слезъ!

Quittez vos habits roses,
Mironton, mironton, mirontaine,
Quitter vos habits roses,
Et vos satins brochés.

Monsieur d' Malbrough est mort,
Mironton, mironton, mirontaine,
Monsieur d' Malbrough est mort,
Est mort et enterré.

J' l'ai vu porter en terre,
Mironton, mironton, mirontaine,
J' l'ai vu porter en terre,
Par quatre z-officiers.

L'un portait sa cuirasse,
Mironton, mironton, mirontaine,
L'un portait sa cuirasse,
L'autre son bouclier.

L'un portait son grand sabre,
Mironton, mironton, mirontaine,
L'un portait son grand sabre,
L'autre ne portait rien.

A l'entour de sa tombe,
Mironton, mironton, mirontaine,
A l'entour de sa tombe,
Romarins l'on planta.

Sur la plus haute branche,
Mironton, mironton, mirontaine,
Sur la plus haute branche,
Le rossignol chanta.

On vit voler son ame,
Mironton, mironton, mirontaine,
On vit voler son ame,
Au travers des lauriers.

Оставьте алый бархатъ,
Миронтонъ, миронтонъ, миронтень,
Оставьте алый бархатъ,
И свѣтлый свой атласъ!

Мальбрукъ нашъ славный умеръ,
Миронтонъ, миронтонъ, миронтень,
Мальбрукъ нашъ славный умеръ
И въ землю погребенъ.

Четыре офицера,
Миронтонъ, миронтонъ, миронтень,
Четыре офицера
За гробомъ шли его.

Одинъ его кольчугу,
Миронтонъ, миронтонъ, миронтень,
Одинъ его кольчугу,
Другой кирасы несъ.

А третій мечъ булатный,
Миронтонъ, миронтонъ, миронтень,
А третій мечъ булатный,
Четвертый — ничего.

Вокругъ его могилы,
Миронтонъ, миронтонъ, миронтень,
Вокругъ его могилы
Фіалки разцвѣли.

И соловей на вѣткѣ,
Миронтонъ, миронтонъ, миронтень,
И соловей на вѣткѣ,
И соловей запѣлъ.

Надъ гробомъ поднялàся,
Миронтонъ, миронтонъ, миронтень,
Надъ гробомъ поднялàся
Мальбрукова душа.

Chacun mit ventre à terre,
Mironton, mironton, mirontaine,
Chacun mit ventre à terre,
Et puis se releva.

Pour chanter les victoires,
Mironton, mironton, mirontaine,
Pour chanter les victoires,
Que Malbrough remporta.

La cérémonie faite,
Mironton, mironton, mirontaine,
La cérémonie faite,
Chacun s'en fut coucher.

Les uns avec leurs femmes,
Mironton, mironton, mirontaine,
Les uns avec leurs femmes,
Et les autres tous seuls!

Ce n'est pas qu'il en manque,
Mironton, mironton, mirontaine,
Ce n'est pas qu'il en manque,
Car j'en connais beaucoup.

Des blondes et des brunes,
Mironton, mironton, mirontaine,
Des blondes et des brunes,
Et des chataign's aussi.

J' n'en dis pas davantage,
Mironton, mironton, mirontaine,
J' n'en dis pas davantage,
Car en voilà z-assez.

Упалъ на землю всякій,
Миронтонъ, миронтонъ, миронтень,
Упалъ на землю всякій,
Упалъ и послѣ всталъ.

Чтобъ пѣть его побѣды,
Миронтонъ, миронтонъ, миронтень,
Чтобъ пѣть его побѣды
И подвиги его.

Когда-жъ его зарыли,
Миронтонъ, миронтонъ, миронтень,
Когда-жъ его зарыли,
Легли всѣ отдыхать.

Одни самъ-другъ съ женою,
Миронтонъ, миронтонъ, миронтень,
Одни самъ-другъ съ женою,
Другіе — какъ пришлось.

Тамъ было много всякихъ,
Миронтонъ, миронтонъ, миронтень,
Тамъ было много всякихъ,
Я видѣлъ это самъ.

Блондинокъ и брюнетокъ,
Миронтонъ, миронтонъ, миронтень,
Блондинокъ, и брюнетокъ,
И рыжихъ, и сѣдыхъ.

Теперь мы все пропѣли,
Миронтонъ, миронтонъ, миронтень,
Теперь мы все пропѣли,
И пѣснѣ той конецъ!

CADET ROUSSELLE.

—

Cadet Rousselle a trois maisons
Qui n'ont ni poutres ni chevrons,
C'est pour loger les hirondelles;
Que direz vous d'Cadet Rousselle?
Ah! ah! ah! mais vraiment,
Cadet Rousselle est bon enfant.

Cadet Rousselle a trois habits:
Deux jaunes, l'autre en papier gris;
Il met celui là quand il gèle,
Ou quand il pleut et quand il grèle.
Ah! ah! ah! mais vraiment,
Cadet Rousselle est bon enfant.

Cadet Rousselle a trois chapeaux:
Les deux ronds ne sont pas très beaux,
Et le troisième est à deux cornes,
De sa tête il a pris la forme.
Ah! ah! ah! mais vraiment,
Cadet Rousselle est bon enfant.

Cadet Rousselle a trois beaux yeux,
L'un r'garde à Caen, l'autre à Bayeux;
Comme il n'a pas la vue bien nette,
Le troisième, c'est sa lorgnette.
Ah! ah! ah! mais vraiment,
Cadet Rousselle est bon enfant.

Cadet Rousselle a une épée,
Très longue mais toute rouillée,
On dit qu'elle est encor pucelle,
C'est pour fair' peur aux hirondelles.
Ah! ah! ah! mais vraiment,
Cadet Roussellé est bon enfant.

КАДЕ-РУССЕЛЬ. (2)

—

Каде-Руссель завелъ три дома,
Ни стѣнъ, ни балокъ — все солома,
Живали птицы тамъ не разъ.
Каковъ Каде-Руссель у насъ?
Ахъ, ахъ, ахъ, я скажу пожалуй,
Каде-Руссель отмѣнный малый!

Три фрака у него преважныхъ:
Одинъ изъ ситцу, два бумажныхъ,
Онъ въ нихъ гуляетъ въ Декабрѣ,
Какъ дождь и слякоть на дворѣ.
Ахъ, ахъ, ахъ, я скажу пожалуй,
Каде-Руссель отмѣнный малый!

Есть у него три шляпы чудо:
Одна живетъ еще покуда,
А остальныя клиномъ двѣ,
Какъ-разъ ему по головѣ.
Ахъ, ахъ, ахъ, я скажу пожалуй,
Каде-Руссель отмѣнный малый!

Три глаза у него на смѣну:
Одинъ въ Байо, другой въ Каену,
А если имъ ужъ мочи нѣтъ,
Такъ у него глядитъ лорнетъ.
Ахъ, ахъ, ахъ, я скажу пожалуй,
Каде-Руссель отмѣнный малый!

Каде-Руссель привѣсилъ шпагу,
Онъ безъ нея не ступитъ шагу,
Ни-дать-ни-взять на башнѣ шпицъ,
Онъ ей пугаетъ въ полѣ птицъ.
Ахъ, ахъ, ахъ, я скажу пожалуй,
Каде-Руссель отмѣнный малый!

Cadet Rousselle a trois souliers,
Il en met deux dans ses deux pieds,
Le troisième n'a pas de semelle,
Il s'en sert pour chausser sa belle.
Ah! ah! ah! mais vraiment,
Cadet Rousselle est bon enfant.

Cadet Rousselle a trois cheveux:
Deux pour les faces, un pour la queue;
Et quand il va voir sa maîtresse
Il les met tous les trois en tresse.
Ah! ah! ah! mais vraiment,
Cadet Rousselle est bon enfant.

Cadet Rousselle a trois garçons:
L'un est voleur, l'autre est fripon,
Le troisième est un peu ficelle,
Il ressemble à Cadet Rousselle.
Ah! ah! ah! mais vraiment,
Cadet Rousselle est bon enfant.

Cadet Rousselle a trois gros chiens:
L'un court au lièvre, l'autre au lapin,
L' troisièm' s'enfuit quand on l'appelle,
Comm' le chien de Jean de Nivelle.
Ah! ah! ah! mais vraiment,
Cadet Rousselle est bon enfant.

Cadet Rousselle a trois beaux chats
Qui n'attrappent jamais les rats,
Le troisièm' n'a pas de prunelle,
Il monte au grenier sans chandelle.
Ah! ah! ah! mais vraiment,
Cadet Rousselle est bon enfant.

Cadet Rousselle a marié
Ses trois filles dans trois quartiers:

Два башмака въ дырахъ онъ носитъ,
И третій тоже каши проситъ,
Его тогда онъ достаетъ,
Когда къ возлюбленной идетъ.
Ахъ, ахъ, ахъ, я скажу пожалуй,
Каде-Руссель отмѣнный малый!

Свои три волоса-надиво
Онъ чешетъ — каждый особливо:
Два на вискахъ, одинъ въ косѣ,
А иногда и вмѣстѣ всѣ.
Ахъ, ахъ, ахъ, я скажу пожалуй,
Каде-Руссель отмѣнный малый!

Троихъ друзей нашелъ онъ скоро,
Ребяты славные: два вора,
А третій такъ-себѣ, кисель,
Точь-въ-точь какъ самъ Каде-Руссель.
Ахъ, ахъ, ахъ, я скажу пожалуй,
Каде-Руссель отмѣнный малый!

Досталъ себѣ онъ три бульдога:
Двухъ не оттащишь отъ порога,
А третья сука прочь-да-прочь,
Какъ Жанъ-Нивелева точь-въ-точь.
Ахъ, ахъ, ахъ, я скажу пожалуй,
Каде-Руссель отмѣнный малый!

Каде-Руссель завелъ три кошки:
Двѣ хромы, толку съ нихъ ни крошки,
А третій котъ и слѣпъ, и старъ,
Гуляетъ безъ огня въ амбаръ.
Ахъ, ахъ, ахъ, я скажу пожалуй,
Каде-Руссель отмѣнный малый!

Родилось у него три дочки:
Изъ нихъ двѣ толстыя какъ бочки,

Les deux premièr' ne sont pas belles,
La troisième n'a pas de cervelle.
Ah! ah! ah! mais vraiment,
Cadet Rousselle est bon enfant.

Cadet Rousselle a trois deniers,
C'est pour payer ses créanciers;
Quand il a montré ses ressources,
Il les remet dedans sa bourse.
Ah! ah! ah! mais vraiment,
Cadet Rousselle est bon enfant.

Cadet Rousselle s'est fait acteur,
Comme Chénier s'est fait auteur,
Au café quand il joue son role,
Les aveugles le trouvent drôle.
Ah, ah, ah, mais vraiment,
Cadet Rousselle est bon enfant.

Cadet Rousselle ne mourras pas,
Car avant de sauter le pas,
On dit qu'il apprend l'orthographe,
Pour fair' lui mém' son épitaphe.
Ah! ah! ah! mais vraiment,
Cadet Rousselle est bon enfant.

LE COMPÈRE GUILLERI.

Il était un p'tit homme,
Qui s'app'lait Guilleri,
Carabi,
Il s'en fût à la chasse,
A la chasse aux perdrix,
Carabi,

А третья хоть-бы и куда,
Да мозгу нѣтъ — ну не бѣда!
  Ахъ, ахъ, ахъ, я скажу пожалуй,
  Каде-Руссель отмѣнный малый!

Когда три гроша онъ сколотитъ,
Долги кредиторамъ онъ плотитъ:
Покажетъ имъ, какъ онъ богатъ, —
И прячетъ денежки назадъ.
  Ахъ, ахъ, ахъ, я скажу пожалуй,
  Каде-Руссель отмѣнный малый!

Каде-Руссель нашъ сталъ актеромъ,
Должно̀-быть какъ-нибудь за споромъ;
Слѣпымъ, какъ слышно, понутру,
Что̀ смотрятъ на его игру.
  Ахъ, ахъ, ахъ, я скажу пожалуй,
  Каде-Руссель отмѣнный малый!

Ахъ, умирать онъ скоро хочетъ,
Объ эпитафіи хлопочетъ,
Да не окончилъ и досель....
Знать не умретъ Каде-Руссель!
  Ахъ, ахъ, ахъ, я скажу пожалуй,
  Каде-Руссель отмѣнный малый!

ДЯДЯ ГИЛЬЕРИ. (3)

Жилъ-былъ одинъ охотникъ,
Прозваньемъ Гильери,
    Караби,
Пошелъ онъ на охоту,
Поднявшись до зари,
    Караби,

Titi Carabi,
Toto Carabo,
Compère Guilleri,
Te lairras tu mouri'?

Il s'en fût à la chasse,
A la chasse aux perdrix,
Carabi,
Il monta sur un arbre
Pour voir ses chiens couri',
Carabi,
Titi Carabi,
Toto Carabo,
Compère Guilleri,
Te lairras tu mouri'?

Il monta sur un arbre
Pour voir ses chiens couri',
Carabi,
La branche vint à rompre,
Et Guilleri tombi',
Carabi,
Titi Carabi,
Toto Carabo,
Compère Guilleri,
Te lairras tu mouri'?

La branche vint à rompre,
Et Guilleri tombi',
Carabi,
Il se cassa la jambe,
Et le bras se démi',
Carabi,
Titi Carabi,

Тити Караби,
Тото Карабо,
Эй, дядя Гильери,
Не пропади смотри!

Пошелъ онъ на охоту,
Поднявшись до зари,
Караби,
На дерево влѣзаетъ
Нашъ дядя Гильери,
Караби,
Тити Караби,
Тото Карабо,
Эй, дядя Гильери,
Не пропади смотри!

На дерево влѣзаетъ
Нашъ дядя Гильери,
Караби,
Вдругъ сучья обломились,
Ахъ, чортъ ихъ побери!
Караби,
Тити Караби,
Тото Карабо,
Эй, дядя Гильери,
Не пропади смотри!

Вдругъ сучья обломились,
Ахъ, чортъ ихъ побери!
Караби,
На землю онъ свалился,
Какъ-разъ и безъ ноги,
Караби,
Тити Караби,

Toto Carabo,
Compère Guilleri,
Te lairras tu mouri'?

Il se cassa la jambe,
Et le bras se démi',
Carabi,
Les dam' de l'Hopitale,
Sont arrivés au brui',
Carabi,
Titi Carabi,
Toto Carabo,
Compère Guilleri,
Te lairras tu mouri'?

Les dam' de l'Hopitale,
Sont arrivés au brui',
Carabi,
L'une apporte un emplâtre,
L'autre, de la charpi',
Carabi,
Titi Carabi,
Toto Carabo,
Compère Guilleri,
Te lairras tu mouri'?

L'une apporte un emplâtre,
L'autre, de la charpi',
Carabi,
On lui banda la jambe,
Et le bras lui remi',
Carabi,
Titi Carabi,

Тото Карабо,
Эй, дядя Гильери,
Не пропади смотри!

На землю онъ свалился,
Какъ-разъ и безъ ноги,
Караби,
Откуда ни возьмися,
Вдругъ дама къ Гильери,
Караби,
Тити Караби,
Тото Карабо,
Эй, дядя Гильери,
Не пропади смотри!

Откуда ни возьмися,
Вдругъ дама къ Гильери,
Караби,
Подходитъ и за нею
Еще служанки три,
Караби,
Тити Караби,
Тото Карабо,
Эй, дядя Гильери,
Не пропади смотри!

Подходитъ и за нею
Еще служанки три,
Караби,
Возьми ему лекарство
И пластырь смастери,
Караби,
Тити Караби,

Toto Carabo,
Compère Guilleri,
Te lairras tu mouri'?

On lui banda la jambe,
Et le bras lui remi',
Carabi,
Pour remercier ces dames,
Guill'ri les embrassi',
Carabi,
Titi Carabi,
Toto Carabo,
Compère Guilleri,
Te lairras tu mouri'?

Pour remercier ces dames,
Guill'ri les embrassi',
Carabi,
Ça prouv' que par les femmes
L'homme est toujours guéri,
Carabi,
Titi Carabi,
Toto Carabo,
Compère Guilleri,
Te lairras tu mouri'?

NOUS ÉTIONS TROIS FILLES.

Nous étions trois filles,
Bonnes à marier,
Nous nous en allâmes
Dans un pré danser.
Dans le pré, mes compagnes,
Qu'il fait bon danser.

Тото Карабо,
Эй, дядя Гильери,
Не пропади смотри!

Возьми ему лекарство
И пластырь смастери,
Караби,
А онъ ее за это
Возьми и обойми,
Караби,
Тити Караби,
Тото Карабо,
Эй, дядя Гильери,
Не пропади смотри!

А онъ ее за это
Возьми и обойми,
Караби,
Какъ весело лечиться
У дамы, чортъ возьми!
Караби,
Тити Караби,
Тото Карабо,
Эй, дядя Гильери,
Не пропади смотри!

НАСЪ БЫЛО ТРИ ДѢВИЦЫ.

Насъ было три дѣвицы,
Хоть замужъ отдавать,
Мы вышли на̀ лугъ въ поле,
Играть и танцовать,
Какъ весело, сестрицы,
Намъ въ полѣ танцовать!

Nous nous en allâmes
Dans un pré danser;
Nous fimes rencontre
D'un joli berger.
Dans le pré, mes compagnes,
Qu'il fait bon danser.

Nous fimes rencontre
D'un joli berger;
Il prit la plus jeune,
Voulût l'embrasser.
Dans le pré, mes compagnes,
Qu'il fait bon danser.

Il prit la plus jeune,
Voulût l'embrasser;
Nous nous mîmes toutes
A l'en empêcher.
Dans le pré, mes compagnes,
Qu'il fait bon danser.

Nous nous mîmes toutes
A l'en empêcher;
Le berger timide
La laissa aller.
Dans le pré, mes compagnes,
Qu'il fait bon danser.

Le berger timide
La laissa aller;
Nous nous écriâmes
Ah! le sot berger!
Dans le pré, mes compagnes,
Qu'il fait bon danser.

Мы вышли на̀ лугъ въ поле
Играть и танцовать,
Какъ вдругъ пастухъ на-встрѣчу,
Одну изъ насъ и хвать!
Какъ весело, сестрицы,
Намъ въ полѣ танцовать!

Какъ вдругъ пастухъ на-встрѣчу,
Одну изъ насъ и хвать,
Одну изъ насъ, меньшую,
И началъ цаловать.
Какъ весело, сестрицы,
Намъ въ полѣ танцовать!

Одну изъ насъ, меньшую,
И началъ цаловать,
А мы какъ-тутъ всѣ вмѣстѣ
И ну ему мѣшать.
Какъ весело, сестрицы,
Намъ въ полѣ танцовать!

А мы какъ-тутъ всѣ вмѣстѣ
И ну ему мѣшать;
Пастухъ совсѣмъ опѣшилъ,
Пустилъ ее опять.
Какъ весело, сестрицы,
Намъ въ полѣ танцовать!

Пастухъ совсѣмъ опѣшилъ,
Пустилъ ее опять,
А мы давай смѣяться
Надъ нимъ и хохотать.
Какъ весело, сестрицы,
Намъ въ полѣ танцовать!

Nous nous écriâmes
Ah! le sot berger!
Quand on tient l'anguille
Il faut la manger.
Dans le pré, mes compagnes,
Qu'il fait bon danser.

Quand on tient l'anguille
Il faut la manger:
Quand on tient les filles
Faut les embrasser.
Dans le pré, mes compagnes,
Qu'il fait bon danser.

А мы давай смѣяться
Надъ нимъ и хохотать.
Когда угря поймаешь,
Спѣши скорѣй глотать.
Какъ весело, сестрицы,
Намъ въ полѣ танцовать!

Когда угря поймаешь,
Спѣши скорѣй глотать.
Вертлявыя дѣвицы —
И мы на ту-же стать.
Какъ весело, сестрицы,
Намъ въ полѣ танцовать!

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Кто не знаетъ пѣсни *Мальбрукъ въ походъ поѣхалъ!* — Въ концѣ прошлаго столѣтія она пронеслась по всей Европѣ, была переведена на всѣ языки, вездѣ стала народна. Во время войны съ Наполеономъ и въ нашей арміи звучало нерѣдко mironton, mironton, mirontaine. Мальбрука перевели по-Русски, и стихъ *Мальбрукъ въ походъ поѣхалъ*, у насъ также народенъ, какъ Malbrough s'en vat'-en guerre, во Франціи, и потому я не рѣшился замѣнить его своимъ. — Мотивъ Мальбрука звучалъ въ органахъ. Читатель вѣроятно припомнитъ органъ Ноздрева. Еще недавно, въ началѣ Апрѣля этого года, при высадкѣ Французскихъ и Англійскихъ войскъ въ Галлиполи, начальники затруднялись, какую назначить солдатамъ общую пѣсню во время встрѣчи армій, и рѣшили спѣть *Мальбруга:* Французы пѣли слова, а Англичане подхватывали mironton, mironton, mirontaine.

Вотъ происхожденіе этой знаменитой пѣсни, по словамъ Жакоба-Библіофила, написавшаго къ ней небольшое предисловіе въ изданіи Delloye.

«Знаменитая пѣсня о Мальбругѣ вѣроятно сложена вскорѣ послѣ битвы при Мальпляке́, въ 1709 г., а не послѣ смерти герцога, въ 1722 г., какъ думаютъ иные. Въ это время ужѐ забыли о Мальбругѣ въ Англіи и Франціи, и съ какой стати было вспоминать о немъ тогда Французскому солдату и пѣть пѣсню. Притомъ настоящая смерть Мальбруга была совсѣмъ не такая, какъ въ пѣснѣ: Мальбругъ умеръ въ своемъ за̀мкѣ Бленгеймѣ, на рукахъ супруги, 17-го Іюня, 1722 года.... Поводъ къ сочиненію пѣсни въ такомъ видѣ былъ поданъ слухомъ, распространившимся въ войскахъ наканунѣ битвы при Мальпляке́, что Мальбругъ убитъ. Игривое воображеніе Француза сейчасъ составило картину погребенія, прибытіе пажа къ герцогинѣ съ вѣстью о смерти ея супруга.... тутъ-же вѣроятно и пропѣли во Французскомъ лагерѣ эту пѣсню, но на другой день Мальбругъ далъ знать пѣвунамъ, что онъ еще живъ....

Прозвучавъ между Французскими войсками, пѣсня о Мальбругѣ смолкла тотчасъ послѣ того, какъ смолкъ шумъ знаменитыхъ битвъ. Но вдругъ, въ 1781 году, она раздалась снова и промчалась по всей Франціи и потомъ по Европѣ.

Марія Антуанета разрѣшилась отъ бремени дофиномъ, къ которому кормилицею была приставлена одна крестьянка, по имени *Пуатринь* (Poitrine). Качая царственное дитя, она пѣла ему о славномъ Мальбругѣ. Это имя, наивныя слова пѣсни, странный припѣвъ и трогательная простота мелодіи обратили вниманіе королевы и она заучила слова пѣсни; за нею выучилъ ихъ и Король. Потомъ стали повторять придворные, жившіе въ Версали; оттуда пѣсня о Мальбругѣ перенеслась въ Парижъ, ею завладѣла Парижская bourgeoisie; потомъ пошла переходить изъ города въ городъ, изъ края въ край.... скоро объ ней узнали въ Англіи и тамъ она стала народна не меньше, чѣмъ во Франціи.

Само-собою разумѣется, что за имя Мальбруга сейчасъ схватилась мода, и тысячѣ вещей дала названіе *Мальбруговыхъ.*»

2) Одна изъ самыхъ народныхъ пѣсенъ во Франціи. Вотъ что говоритъ о ея происхожденіи нѣкто Du Mersan, въ изданіи Delloye:

«Пѣсня *Каде-Руссель* стала извѣстна около 1792 г. Она пришла къ намъ отъ сосѣдей. Наши солдаты подслушали въ Брабантѣ пѣсню объ *Жанъ-Нивелѣ,* которая конечно имѣетъ связь съ историческимъ лицемъ этого имени. Жанъ-Нивель (Jean de Nivelle) былъ сынъ Жана II, Герцога Монморанси и Жанны Фоссё (Jeanne de Fosseux), изъ дому Нивель. Жанъ Монморанси, женившись въ другой разъ на Маргаритѣ д'Аргемонъ, принялъ сторону Людовика XI, между тѣмъ какъ сынъ его стоялъ за Карла Смѣлаго, во владѣніяхъ котораго родился. Жанъ Монморанси, подстрекаемый женою и Королемъ, призывалъ три раза своего сына подъ знамена Людовика, но тотъ, увѣдомленный тайно, что его хотятъ посадить въ тюрьму, скрылся. Когда отцу объявили объ этомъ, онъ сказалъ: ce chien de Jean de Nivelle s'enfuit quand on l'appelle! — Эти слова стали поговоркою въ народѣ, который передѣлалъ ихъ по своему, воображая, что здѣсь говорится о собакѣ Нивеля: le chien de Jean de Nivelle s'enfuit quand on l'appelle. Явились цѣлыя баллады и пѣсни о Жанъ-Нивелѣ.... такъ-какъ наши солдаты не знали хорошо о героѣ пѣсни, то, можетъ быть, и замѣнили его именемъ какого-нибудь шута въ полку, Русселя, надъ которымъ трунили.

Въ послѣдствіи вышло нѣсколько театральныхъ піесъ съ именемъ *Каде Русселя:* онъ являлся — au Café des Clairvoyants, — aux Champs Elysées, — au Jardin Turc, chez le sultan Achmet etc.

Роль Каде-Русселя занималъ сначала *Больё* (Beaulieu), но послѣ прославился въ этой роли и ею составилъ себѣ имя актеръ *Брюнѐ* (Brunet). Чуть не полъстолѣтія игралъ онъ въ Парижѣ Каде-Русселя. Въ послѣдній разъ выступалъ онъ въ этой роли въ 1842 году.»

3) Пѣсня Compère Guilleri, какъ говоритъ въ замѣчаніяхъ своихъ издатель, существуетъ по крайней мѣрѣ сто лѣтъ. Былъ-ли въ самомъ дѣлѣ на свѣтѣ какой-нибудь охотникъ Гильери, это неизвѣстно. Guilleri означаетъ у Французовъ *веселое щебетанье воробья*; Guilleri называется валетъ трефъ въ *мушкѣ*, который кроетъ все....

Припѣвъ Carabi, Carabo — ничего не значитъ. Не вышелъ-ли онъ изъ народнаго слова Carabas, что̀ означаетъ старую, некрасивую карету (напоминаетъ Русское *коробъ*). Въ варіянтахъ припѣва есть это слово — Carabi, Toto Carabo, Marchand d'Carabas....

4) Также очень старая пѣсня. Мотивъ существуетъ съ 1660 года, и принадлежитъ музыканту Лефевру (Lefèvre).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЛИРИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

ЭПИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка сверху.		Напечатано.	Слѣдуетъ.
12	4	—	गाव	गाव:
96	24	—	*Wóno*	*Wóno*
105	13	—	напоила!	напоила!
119	20	—	могилушку;	могилушку!
148	8	—	*цасецку*	*цасэцку*
174	12	—	pieunä	piennä
—	13	—	kazjan	karjan
185	11	—	капитану.	капитану,
191	29	—	съ волчихими;	съ волчихами;
257	2	—	Серпске	Српске
267	16	—	Камары	Комары
338	12	—	*коня*	*коња*
342	11	—	قصاب	قصّاب
—	19-20	—	подбирающимъ	подбирающихъ
351	17	—	девятъ	девять
374	14	—	اوجقر	اوجقور
522	36	—	самаго-же	самого-же
539	26	—	съ нихъ	въ нихъ
552	8	—	vat'-en	va-t-en

Кромѣ того вмѣсто 112-й страницы напечатано 102-я — и на ней, во 2-й и въ 4-й строкѣ Nitra, milá Nitra, а надо Nitra milá, Nitra,

